Паро Жан-Франсуа

Призрак улицы Руаяль

УВЕДОМЛЕНИЕ

Читателям, впервые взявшим книгу о приключениях Николя Ле Флока, автор напоминает, что в первом томе, именуемом «Загадка улицы Блан-Манто», ее герой, мальчик-подкидыш, воспитанный каноником Ле Флоком из Геранда, по велению своего крестного отца, маркиза де Ранрея, покидает родную Бретань.

В Париже юный Ле Флок сначала живет в монастыре Карм Дешо, где его опекает отец Грегуар, а затем, по рекомендации маркиза, поступает на службу к Сартину, начальнику парижской полиции. Он учится ремеслу и постигает тайную кухню расследований, ведущихся в высших кругах. После года ученичества ему поручают особое задание, и он успешно с ним справляется. С помощью своего помощника и наставника, инспектора Бурдо, Николя, преодолев множество опасностей, распутывает нити сложнейшей интриги и оказывает важную услугу Людовику XV и маркизе де Помпадур.

Король принимает его у себя в Версале и жалует ему должность комиссара полиции Шатле. Николя Ле Флок поступает в непосредственное распоряжение Сартина в качестве следователя по особым поручениям.

Посвящается Моник Констан

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Николя Ле Флок — комиссар полиции Шатле

Сартин — начальник полиции Парижа

Сен-Флорантен — министр Королевского дома

Пьер Бурдо — инспектор полиции

Папаша Мари — привратник в Шатле
Сортирнос — осведомитель
Рабуин — агент
Эме де Ноблекур — прокурор в отставке
Марион — кухарка Ноблекура
Пуатвен — лакей Ноблекура
Катрина Госс — служанка Николя Ле Флока, в прошлом маркитантка
Гийом Семакгюс — корабельный хирург
Ава — кухарка Семакгюса
Шарль Анри Сансон — Парижский палач
Полетта — содержательница борделя
Отец Грегуар — аптекарь в монастыре Карм Дешо
Лаборд — первый служитель королевской опочивальни
Кристоф де Бомон — архиепископ Парижа
Отец Ги Ракар — экзорцист
Жером Биньон — купеческий прево
Ланглюме — майор роты городской стражи
Бонами — историограф и библиотекарь
Шарль Гален — меховщик, негоциант, 43 года
Эмилия Гален — супруга (во втором браке) Шарля Галена, 30 лет
Жан Гален — сын Шарля Галена от первого брака, 22 года
Женевьева Гален — дочь Шарля Галена от второго брака, 7 лет
Шарлотта Гален — старшая сестра Шарля Галена, 45 лет
Камилла Гален — младшая сестра Шарля Галена, 40 лет
Элоди Гален — племянница Шарля Галена, 19 лет
Наганда — индеец из племени микмак, слуга Элоди
Луи Дорсак — приказчик, 24 года
Мари Шафуро — кухарка в доме Шарля Галена, 63 года
Эрмелина Годо по прозвищу Мьетта[1], служанка в доме Шарля Галена, 17 лет

I
ПЛОЩАДЬ ЛЮДОВИКА XV

Он позаботился о том,
Чтоб праздник стал печальным днем,
А где шумело торжество,
Там смерть устроила жилье.

Аноним, 1770

Среда, 30 мая 1770 года

Шторки раздвинулись, и показалась ухмыляющаяся физиономия в красном колпаке, надвинутом по самые брови. Исцарапанные руки с черными от грязи ногтями вцепились в опущенное окно. Несмотря на потасканный вид непрошеного визитера, Николя сообразил, что перед ним всего лишь юный оборванец. И на него тотчас нахлынули воспоминания десятилетней давности, когда Сартин, начальник полиции, доверил ему первое

самостоятельное расследование. Маски, окружившие тогда его фиакр, остались в его памяти лицами мертвецов. Пытаясь прогнать грустные картины, усугубившие мрачное настроение, не покидавшее его с самого утра, он высунул руку и бросил на улицу горсть медных монеток. Обрадовавшись неожиданной поживе, мальчишка исчез; выглянув в окошко, Николя увидел, как он, стоя на ступеньке, оттолкнулся от нее, высоко подпрыгнул и, приземлившись позади кареты, ринулся в толпу на поиски своей добычи.

Словно уставшее животное, Николя вздрогнул всем телом и глубоко вздохнул, желая вместе с воздухом выдохнуть и терзавшую его печаль. Истекшие две недели вконец измучили его. Бессонные ночи без счета, не покидающая ни на минуту тревога, назойливый страх перед непредвиденными событиями, всегда застающими врасплох. После покушения Дамьена полиция удвоила бдительность и усилила меры безопасности по охране короля и его семьи. Сумев разобраться в хитросплетениях интриг, концы которых были надежно похоронены в тайных кабинетах, молодой комиссар Шатле оказался в первых рядах тех, кто имел самое непосредственное отношение к борьбе с врагами Его Величества, и вот уже почти десять лет как он вел эту борьбу, требовавшую от него каждодневного напряжения сил. Сартин поручил ему наблюдать за организацией порядка и охраны королевской семьи во время торжеств по случаю бракосочетания дофина и австрийской эрцгерцогини Марии-Антуанетты. Видимо, полагая, что приказа его непосредственного начальника недостаточно, с этой же просьбой обратился к нему и министр Королевского дома Сен-Флорантен, не упустивший возможности напомнить Николя о его прошлых заслугах и намекнуть, что и теперь требуется сделать все наилучшим образом.

После заставы Вожирар толпа окончательно заполонила дорогу и крайне неохотно расступалась перед редкими экипажами. Кучер Николя то и дело громко призывал людей посторониться, сопровождая слова сухим щелканьем бича. Иногда карета резко останавливалась, кузов бросало вперед, и Николя протягивал руку, чтобы его друг Семакгюс не уперся носом в стенку. Он смотрел на огромную толпу, беспорядочно двигавшуюся к площади Людовика XV, и необъяснимое беспокойство терзало его все больше и больше. По случаю бракосочетания дофина городские власти обещали устроить невиданный доселе фейерверк, и сейчас вся эта охваченная нетерпением людская масса, колышущаяся, словно бока запыхавшегося коня, стремилась поскорее попасть на праздник и вкусить обещанных удовольствий. Слухи о предстоящих увеселениях ходили давно, и Николя внимательно прислушивался к долетавшим до него из толпы разговорам. Устроителем торжеств выступил купеческий прево, посуливший устроить не только фейерверк, но и иллюминировать бульвары. Словно читая мысли Николя, Семакгюс пробудился; громко икнув, он указал рукой на толпу и, качая головой, произнес:

— Видите, они совершенно уверены в щедрости прево! Хотелось бы, чтобы им не пришлось в нем разочароваться!

— А вы в это верите, друг мой?

После многих тревожных дней он искренне радовался выдавшейся возможности заехать к доктору Семакгюсу, проживавшему на окраине Вожирара. Зная, что доктор большой любитель уличных празднеств, он предложил ему поехать вместе на площадь Людовика XV и с удобством посмотреть на торжества с крыши одного из новых зданий на улице Руаяль, интенсивно застраивавшейся по обеим сторонам. Сартин хотел получить исчерпывающий доклад о празднике, к организации которого городские власти, к всеобщему удивлению, не привлекли полицию.

— Жером Биньон не похож на народного радетеля, и боюсь, как бы наши добрые парижане не были горько разочарованы, не получив ожидаемого угощения! Ах, времена меняются! Когда отец нашего нынешнего дофина второй раз сочетался браком, то по приказу тогдашнего прево по городу разъезжали телеги, напоминавшие огромные рога изобилия, и народу раздавали копченые и вареные колбасы с головками маринованного чеснока в придачу,

и это не считая всевозможных напитков… Черт побери, в то время люди умели жить и знали толк в еде!

Погрузившись в гастрономические воспоминания, Семакгюс прищелкнул языком, и лицо его, багровое от природы, приобрело яркий пурпурный цвет. Надо бы предостеречь его от излишеств, подумал Николя. Несмотря на солидный возраст, доктор по-прежнему любил услаждать свою плоть, и с каждым годом становился все толще, а потому его все чаще одолевала дремота. Друзья беспокоились о его здоровье, однако давать ему советы не дерзали. Впрочем, он вряд ли бы согласился вести упорядоченную жизнь, приставшую его возрасту. Николя всегда питал дружеские чувства к Семакгюсу, и здоровье друга не могло его не беспокоить.

— Очень мило с вашей стороны, Николя, заехать за старым медведем в его берлогу: старый медведь все еще любит покуролесить…

Семакгюс окинул взглядом комиссара, и его густые и совершенно седые кустистые брови поползли вверх, выражая вопросительное недоумение.

— Однако… Что-то вы слишком мрачный для праздничного дня, — продолжил он, — похоже, вас одолевают невеселые мысли…

Под внешностью распутника и гурмана скрывалась чувствительная душа: корабельный хирург всегда отличался искренним вниманием по отношению к своим ближним. Вот и сейчас он наклонился к Николя, и, взяв его за локоть, проникновенным тоном произнес:

— Не надо держать в себе грустные помыслы, я же чувствую, что вас что-то гложет…

И вернувшись к своему обычному насмешливому тону, добавил:

— Держу пари, какая-нибудь сифилитичная сильфида наградила вас подарочком!

Николя не смог сдержать усмешку.

— Увы, нет, общение с сильфидами я оставляю своим непоседливым друзьям. Но вы правы, меня действительно снедает тревога. Во-первых, потому, что мне предстоит присутствовать при большом скоплении народа в качестве наблюдателя, не имея ни четкого задания, ни прав, ни…

Семакгюс прервал его.

— Как? Что вы такое говорите? Как можно, чтобы лучшая полиция Европы, которую ставят в пример в Потсдаме и Санкт-Петербурге, оказалась в тупике, со связанными руками, без элементарных возможностей? Неужели господин де Сартин не смог наделить полномочиями своего лучшего следователя? И не просто лучшего, а следователя по особым поручениям? Ни за что не поверю!

— Раз уж вы вынуждаете меня признаться, — ответил Николя, — скажу вам, что Сартин, действительно, обеспокоен, ибо неприятности случились…

Семакгюс удивленно вскинул голову.

— …когда отец нашего дофина сочетался браком с принцессой Саксонской. И, как вы догадываетесь, Ноблекур не преминул рассказать мне об этом; празднества пришлись на 1747 год, и он присутствовал на них. Фейерверк, устроенный на Ратушной площади, прошел успешно, однако из-за огромного стечения народа кареты продвигались с трудом, и несколько человек погибли в давке под колесами и задохнулись в толпе. Сартин, всегда готовый обратиться к архивам, отыскал донесения о тогдашних несчастных случаях, и, как вы понимаете, сделал соответствующие выводы.

— Ах ты, черт! Тогда, собственно, в чем препятствие?

— В том, что никто не хочет принимать энергичные меры.

Внезапно карету занесло в сторону, и она сбила с ног старика с шарманкой, который, отчаянно фальшивя и притопывая, распевал веселые куплеты. Шарманщика окружали слушатели, хором подхватывавшие припев.

Так подарим же Франции подданных,

А вы им подарите королей!

В толпе раздался свист, и самые дерзкие слушатели полезли в драку с кучером. Николя решил вмешаться; увидев его, зачинщики бежали.

— Мой помощник Бурдо часто говорит, что парижане способны как на самые прекрасные, так и на самые гнусные поступки, а в день, когда терпению их придет конец… Короче говоря, Его Величество не пожелал прислушаться к предупреждениям Сартина.

— Король стареет, и мы тоже. Прежде о нем заботилась Помпадур, а насколько ему предана его нынешняя метресса, я не знаю. Но как бы там ни было, он уже далеко не молод. В прошлом году во время смотра королевской гвардии всех поразили изменения, произошедшие в его осанке: всегда отличавшийся отменной выправкой, король сидел в седле, сгорбившись, словно столетний старец. В феврале во время охоты он неудачно упал с лошади. Да, наступает не самое простое время. Однако в чем причина столь странного небрежения?

— Ничто не должно омрачить свадебные торжества. Слишком много мрачных пророчеств сопровождает этот брак. Вам известен гороскоп доктора Гасснера[2], этого колдуна из Тироля?

— О, вы же знаете, я философ и не верю подобным бредням.

— Предсказание, сделанное сразу после рождения дофины, сулит ей печальный конец. Ну, и еще несколько странных недоразумений. Наш общий друг Лаборд, первый служитель королевской опочивальни, рассказал мне, что в Страсбурге павильон, где принцессе предстояло провести ночь, украсили гобеленами, изображавшими кровавую свадьбу Язона и Креузы[3].

— Да, подобные картины вполне можно счесть бестактностью: месть обманутой женщины, сожженная волшебной туникой Креуза и убитые сыновья Язона…

— Вернемся к начальнику полиции. Он пожелал — хотя, в сущности, это его обязанность, а посему он имеет на это право — знать все о празднике, устройство которого полностью взяли на себя городские власти. Но Биньон, вознамерившись сосредоточить контроль над торжествами в своих руках, начал плести интриги. И король не решился отдать распоряжение за спиной магистратов, представляющих власть в городе, который он ненавидит, и который воздает ему тем же.

— И все же, Николя, не стоит пренебрежительно отзываться о городских властях прежде, чем ты не увидишь их в действии.

— Я в восторге от вашей доверчивости. Жером Биньон, купеческий прево, чья анаграмма звучит как «Ibi non rem»[4] слывет тщеславным бездарем и упрямцем. Сартин напомнил мне, что когда его назначили королевским библиотекарем, его дядя, господин д'Аржансон, заметил ему: «Отлично, племянничек, у вас теперь будет прекрасная возможность научиться читать». Не удивлюсь, если его претензии простираются вплоть до того, чтобы стать одним из сорока академиков. Однако все это ничто по сравнению с той непоследовательностью, с которой готовился этот праздник.

— Ладно, согласен. Но разве это повод для столь глубокого уныния?

— Судите сами. Во-первых, городские власти не приняли никаких мер безопасности, а ведь зрелище привлекло в центр столицы едва ли не все ее население. Никто не подумал, как организовать движение карет, в то время как мы перед каждым спектаклем в Опере специально разрабатываем маршруты для подъезда экипажей по разным улицам. Вспомните — ведь мы были там вместе — открытие нового зала Оперы, и неслыханные меры безопасности, предпринятые во избежание пробок и беспорядков. Подняли на ноги почти весь

караульный полк французской гвардии и расставили посты от Королевского моста до Нового моста, так что подъезд к новому зданию ни для кого труда не составил. Мы все продумали, до мельчайших деталей.

Услышав горделивое «мы», объединившее начальника полиции и его верного помощника, Семакгюс улыбнулся.

— А во-вторых?

— Во-вторых, архитектор, которому поручили подготовить место для проведения празднества, избавил себя от труда заровнять землю там, где еще совсем недавно велось строительство, и откуда только что убрали строительные леса. Оставшиеся незакопанными траншеи нас особенно беспокоят, ибо в случае давки они, подобно специально расставленным ловушкам, отверзнутся под ногами у толпы. В-третьих, не предусмотрен специальный проход для именитых гостей, послов, эшевенов и городских советников. Как они будут пробираться через людское море? И, наконец, префект отказался следовать обычаю и выдать вознаграждение в тысячу экю караульному полку королевской гвардии. Поэтому охрану несут только городские стражники, в последнее время заботящиеся исключительно о том, чтобы покрасоваться в выданных им властями новеньких ярко-красных мундирах.

— Полно, не берите в голову. Не надо вечно готовиться к самому худшему. Лучше порадуемся вместе с народом, который сегодня вечером станет пировать, поедая выставленные прево закуски и запивая их вином.

— Увы, и тут не все в порядке! По проверенным сведениям, устроители фейерверка, пожелав превзойти королевский фейерверк в Версале, решили сэкономить на угощении, и в конце концов отменили его вовсе.

— Отменить угощение для народа! Какая глупость!

— Вместо бесплатного угощения на бульварах устроят ярмарку, однако чтобы хоть как-то уменьшить сумму, в которую встал этот фейерверк, лавочников заставили очень дорого заплатить за право поставить там свой лоток. Вы же знаете, воздушные феерии обходятся недешево. Короче говоря, все это не сулит ничего хорошего, и потому, сами видите, я просто не могу быть спокоен. Впрочем, я здесь только для того, чтобы дать подробнейший отчет о торжествах, и не более.

— Тогда скажите мне, зачем нужен этот прево?

— В сущности, ни зачем. После того, как прадед Его Величества создал парижскую полицию во главе с генерал-лейтенантом, ее начальником, прево утратил большую часть своих прежних обязанностей. На его долю остались всякие мелочи, в основном управление городской собственностью и проведение различных займов. Его основное занятие свелось к осуществлению представительства во время различного рода церемоний, сиречь явлению своей персоны «в платье алого шелка, в тоге, половина коей красного цвета, а половина коричневого, и такой же шапочке».

— Понятно! — воскликнул Семакгюс. — В самом деле, некоторые субъекты, попадая на должность, стремятся выступить затычкой в каждой бочке, и все начинают полагать их совершенно незаменимыми, в то время как сами сии субъекты ничего из себя не представляют.

Николя искренне посмеялся над этим замечанием. Затем оба надолго замолчали, и в карете воцарилась тишина, которую, словно прилив в грозу, быстро затопили хлынувшие с улицы звуки: шум колес, крики кучеров и гул множества размеренно шагающих ног.

— Вы ничего не рассказали мне о прошедших двух неделях, Николя. Какое впечатление произвел на вас наш будущий монарх?

— Я сопровождал Его Величество до Компьеньского леса, где на Бернском мосту состоялась его встреча с дофиной.

И, с гордой улыбкой вскинув голову, продолжил:

— Я ехал рядом с дверцей королевской кареты, а когда моя лошадь неожиданно взбрыкнула, и я едва не вылетел из седла, я даже удостоился очаровательной улыбки юной принцессы. А король закричал в окошко, как он имеет обыкновение кричать на охоте: «Держись, Ранрей, держись!»

Семакгюс посмеивался, слушая, с каким юношеским задором рассказывает об этом маленьком происшествии Николя.

— Однако, если король не едет верхом, значит, он и в самом деле нездоров!

— В вечер бракосочетания у короля шла игра, ибо из-за грозы фейерверк пришлось перенести на следующую субботу. Но какой успех! Представьте себе ослепительный каскад огней, на создание которого ушло две тысячи больших ракет и столько же шутих. Парк осветили вплоть до большого канала. На берегу его соорудили Храм Солнца высотой в сто футов, также распавшийся на тысячи сверкающих огоньков. Толкотня вокруг царила ужасная, и придворному, облеченному обязанностью представлять иностранных послов, пришлось улаживать нескончаемые ссоры между именитыми гостями, жаждавшими попасть на балкон дворца, и непременно в первый ряд.

— А как вам дофина?

— Она еще дитя. Бесспорно, красивая, но еще не сформировавшаяся. Грациозная походка. Прелестные белокурые волосы. Слегка удлиненное лицо, безупречная кожа молочно-белого цвета, голубые глаза. Однако пухлая нижняя губа, на мой взгляд, слишком выдается вперед. Лаборд полагает, что супругу дофина вряд ли будут воспринимать всерьез, а в будущем она причинит дофину немало лишних хлопот…

— Однако, сколько сарказма в ваших словах, Николя! — усмехнулся Семакгюс. — Иногда мне кажется, что ваши обязанности вставляют вас забыть, что вы не только полицейский, но еще и благовоспитанный человек. Кстати, что вы скажете о дофине?

— Герцог Беррийский представляет собой крупного молодого человека, нескладного, с резкими движениями. Он раскачивается при ходьбе, отчего может всем кажется, что он ничего вокруг не замечает и не слышит, что, согласитесь, по справедливости кажется всем странным. Вечером после свадьбы король весьма активно побуждал его к… ну, в общем, чтобы он позаботился о наследниках…

— Главный министр Шуазель не щадит нашего будущего короля и без прикрас пишет о его бессилии, — заметил Семакгюс. — Говорят, дофин отказывается разговаривать с Шуазелем, объясняя это тем, что в свое время герцог нанес оскорбление его покойному отцу.

— Подобное оскорбление вполне можно приравнять к преступлению оскорбления величеств: Шуазелю надо бы молить небо, чтобы ему не пришлось подчиняться будущему королю как простому подданному!

Карета резко остановилась, и оба собеседника ударились о переднюю стенку кузова. Справившись с эмоциями, Николя открыл дверцу и спрыгнул на землю. Опять затор из-за скопления карет, подумал он. В самом деле, с улицы Бель-Шас выворачивала огромная берлина, пытаясь встроиться в длинную вереницу экипажей, вытянувшуюся вдоль улицы Бурбон. Прокладывая дорогу среди плотного скопления зевак, он упрекал себя за то, что не послушался мудрого совета Семакгюса, предлагавшего ехать через мост Севр и добираться до площади Людовика XV по правому берегу! А он заупрямился и поехал напрямую, коротким путем, через мост Руаяль и по левому берегу. Наконец Николя удалось прорваться через круг зевак, уставившихся на землю, где их взорам открывалась удручающая сцена.

На земле, в луже крови, с совершенно белым лицом и закатившимися глазами, лежал старик, без сомнения, сбитый неповоротливой каретой. Парик и шляпа отлетели в сторону, явив всем гладкий, цвета слоновой кости череп. Возле него на коленях стояла старушка в порванном плаще и скромном платье, какие обычно носят небогатые горожанки. Она попыталась поднять голову раненого, но у нее не получилось, и она, тихонько плача, принялась ласково гладить его по щеке. Толпа, замерев, взирала на эту горестную картину. Однако молчание было недолгим: вскоре раздались гневные выкрики и угрожающий ропот, и в адрес кучера кареты, уже почти вписавшейся в поток экипажей, двигавшихся по улице Бурбон, полетели угрозы и оскорбления. Из глубины кареты послышался надменный голос, приказавший кучеру разогнать столпившуюся чернь и ехать дальше. Кучер хлестнул лошадей, но тут Николя схватил одного из коней под уздцы, и когда животное замерло, он зашептал ей на ухо. Он иногда пользовался своей способностью мгновенно устанавливать некую загадочную связь между собой и лошадью. Продолжая шептать, он стал пальцем массировать десну коня, и тот, вздрогнув, подался назад. Обернувшись, Николя увидел, как Семакгюс, склонившись над раненым, ощупал ему шейные позвонки и поднес к губам карманное зеркальце. Подняв с колен старушку, он поискал взглядом, кто бы мог ему помочь. Вызвались двое мужчин; они раздобыли доску, осторожно уложили на нее раненого и понесли. Человек в черной одежде выразил желание сопроводить носилки. Семакгюс пошептался с ним и поручил ему старушку.

Николя почувствовал сильный удар в плечо. Чем-то внезапно напуганная лошадь шарахнулась и едва не опрокинула его. Обернувшись, он уперся взором в россыпь сверкающих галунов, украшавших красно-голубой мундир офицера городской стражи. Широкое багровое лицо с маленькими застывшими глазками источало злобу. Пассажир выскочил из кареты и в ярости плашмя ударил Николя своей шпагой.

— Служба короля, сударь, — произнес Николя. — Вы только что ударили королевского советника, комиссара полиции Шатле.

В толпе, все плотнее сжимавшей кольцо вокруг участников ссоры, нарастало и без того заметное возбуждение.

— Служба парижской ратуши, — ответил разряженный офицер. — Убирайтесь отсюда. Я майор Ланглюме, из роты городской стражи Парижа, и еду на площадь Людовика XV обеспечивать порядок во время праздника, который устраивает господин прево. А людям Сартина здесь делать нечего; так решил король.

Формально он был прав, а потому, как бы Николя того ни хотелось, он даже помыслить не мог о том, чтобы немедленно скрестить шпагу с этим наглецом. Неожиданно он заметил, что стоявшие в нескольких шагах зеваки, особенно те, кто физиономиями своими более всего напоминали висельников, усердно собирают валявшиеся на земле камни. Последующие действия разворачивались столь стремительно, что никто и ничто не смогли бы им помешать. На карету обрушился целый град камней и оставшихся после стройки кусков кирпича. Один камень угодил майору в висок, оставив глубокую царапину. Отчаянно ругаясь, офицер вскочил в карету, захлопнул дверцу и приказал кучеру отступить на улицу Бель-Шас. Из разбитого окна кареты он мстительно погрозил кулаком Николя.

— Я в восторге от вашей способности наживать себе друзей, — усмехнулся подошедший Семакгюс. — Нашему пострадавшему вполне хватит кусочка пластыря. Он всего лишь потерял сознание, а порез кожи головы всегда вызывает обильное кровотечение, которое выглядит и впрямь впечатляюще! Я поручил его и его жену заботам аптекаря, тот сделает все необходимое. И откуда только у старичка это желание сновать по улицам словно юнец какой-нибудь, да еще в такой толпе! Здесь столько подозрительных субъектов шныряет! Я едва не попрощался с собственными часами.

— Я бы вам отыскал их! — ответил Николя. — Позавчера, во время большого приема, устроенного послом Его Императорского Величества в Малом Люксембургском дворце, я разоблачил мошенника, обманом проникшего на прием и пытавшегося украсть часы у графа Старенберга, бывшего посла Марии-Терезии в Париже. Потом граф написал весьма любезное письмо Сартину, где поблагодарил его за великолепную организацию полицейской службы, «первой в Европе», как вы сами только что успели отметить. Я тоже заметил какие-то странные передвижения, и они очень меня беспокоят. Тем более, оказывается, что ответственным за безопасность во время торжества является именно этот расфуфыренный тип, который искал со мной ссоры.

— А чего вы хотите? Он же не знает своего ремесла. У них в городской страже все должности продаются.

— И они всегда видят соперников в наших караульных отрядах. Необходимо, наконец, объединить обе службы, бессильные, пока они разобщены, ибо они более заботятся о том, чтобы навредить друг другу, нежели об общественном благе. По я отвлекся от главного! Представляете, этому наглецу поручено организовать огромную массу народа и наблюдать за порядком, а он еще не добрался до места!

Николя вновь погрузился в размышления. Наконец, их экипаж въехал на мост Руаяль, где продвижение пестро одетых пешеходов и разнокалиберных экипажей более всего напоминало отступление разбитой армии. Продвигаться по набережной Тюильри оказалось не менее сложно, нежели проделать остаток пути. Два беспокойных потока — один с левого берега, а другой, такой же многолюдный и беспорядочный, с набережной Галерей Лувра — сомкнувшись и толкая друг друга, пытались объединиться.

— Похоже, на уровне моста Сен-Николя затор.

Семакгюс, словно он только этого и ждал, пустился в воспоминания.

— А прежде туда поднимались корабли, радуя своим видом парижан. Как-то раз, когда я был совсем маленьким, еще при регенте, Филиппе Орлеанском, отец взял меня с собой полюбоваться на голландский восьмипушечный корабль, бросивший якорь неподалеку от этого моста.

От нетерпения Николя барабанил пальцами по стеклу. Стремительно надвигалась темнота, и, усиливая неразбериху и замедляя всеобщее продвижение, возницы останавливались и зажигали фонари. На уровне террасы монастыря фельянов Николя, сделав знак приятелю выйти из кареты, приказал кучеру возвращаться в Шатле. Они с Семакгюсом вернутся самостоятельно, тем более что после окончания праздника оба предполагали отправиться на улицу Фобур-Сент-Оноре, дабы поужинать в «Коронованном дельфине» у их давней знакомой Полетты. Пройти через толпу, становившуюся все плотнее и плотнее, им удалось только чудом. Несколько раз корабельный хирург привлекал внимание комиссара к поведению субъектов с угрожающим выражением лиц; быстро собираясь в кучки, они вскоре снова растворялись в толпе. Николя пожал плечами, всем своим видом показывая полное бессилие. Толпа толкала, сдавливала и теснила приятелей до тех пор, пока, наконец, людской водоворот не вынес их, изрядно помятых, на площадь Людовика XV. Сюда двумя мощными потоками — один с набережной Тюильри, а другой с променада Кур-ла-Рен — двигались люди вперемежку с экипажами. Встав на цыпочки, Николя увидел, что все больше и больше карет останавливается на набережной, однако никто из представителей власти и не думает навести там порядок.

Добираться до Посольского дворца пришлось в неустанном противостоянии хаотичным колебаниям толпы, бросавшим их в разные стороны. Убедившись, что городские стражники на площади отсутствуют, Николя встревожился окончательно. К счастью, подумал он, никто из членов королевской семьи не собирался ехать на торжество в Париж.

Приятели с трудом продвигались вдоль роскошной колоннады храма Гименея, сооруженного подле статуи Людовика XV. На четырех углах окружавшего храм парапета примостились дельфины с разинутыми пастями, откуда предстояло извергаться огненным потокам. С четырех сторон храма высились аллегорические фигуры четырех великих рек, которым также предстояло исторгать из себя струи и каскады огня. Храм венчала пирамида с круглым земным шаром на вершине. Семакгюс раскритиковал пропорции сооружения: он считал его крайне неудачным. Николя отметил, что основной запас ракет сосредоточили неподалеку от возведенных по случаю торжества деревянных построек, в специальном бастионе, откуда в небо предстояло взлететь первому многоцветному букету.

В Посольском дворце их встретил де Лабриш, секретарь господина де Секвиля, в чьи обязанности входило представлять послов. Кипящий от возмущения Лабриш с трудом обрел дыхание.

— Ах, господин Ле Флок, меня совсем заклевали эти гарпии… то есть я хочу сказать министры, аккредитованные при Его Величестве. Несмотря на мои мольбы, город роздал больше приглашений, нежели мы можем вместить людей. Банкетки для послов набиты до отказа. А поверенных в делах мне приходится буквально сажать на колени друг к другу. А ведь господин де Секвиль столкнулся с теми же трудностями в Версале, во время торжеств по случаю бракосочетания…

Заметив, как два лакея в голубых ливреях тащат тяжелую банкетку, царапая ее углами свежеокрашенную стену, он с ходу отругал их, и снова вернулся к приятелям.

— Я вынужден приставлять одну банкетку к другой. Чем могу быть вам полезен, господин Ле Флок? О Боже, где моя голова? Господин маркиз!

— Ле Флок вполне достаточно, — с улыбкой ответил Николя.

— Ах, сударь, госпожа Аделаида[5] всегда называет вас только Ле Флоком, и, насколько мне известно, когда речь заходит о том, кто будет сопровождать ее на охоту, она чаще всего избирает вас. Даже не знаю, где мне разместить вас и господина…?

— Доктор Гийом Семакгюс.

— …доктора Семакгюса. Ваш слуга, сударь. Знаете, стоит только какому-нибудь захудалому министришке или господарю Порты заметить, что ему не оказали положенных по рангу почестей, как вся эта свора тотчас поднимает вой. Они, скорее, дадут изрубить себя на куски, нежели уступят хотя бы ничтожнейшую из своих привилегий. А Биньон швырял приглашения направо и налево, раздавал их эшевенам, офицерам, чиновникам, священникам, школярам, и еще Бог знает кому!

Неожиданно возле них возник толстый субъект в сером с золотом костюме. Втиснувшись между Николя и Лабришем, он принялся громко и сумбурно внушать что-то секретарю. Тот немедленно рассыпался в обещаниях, и субъект, гордо неся голову, удалился.

— Представьте себе, этот полномочный посол, представляющий курфюрста Пфальцского, орет мне в ухо, что он не может сидеть вместе с другими послами, потому что, у него, видите ли, из-за этого будут неприятности, ибо при его дворе сочтут, что он таким образом позволил нанести оскорбление своему государю. Ну, скажите мне, разве я когда-нибудь оскорблял хоть какого-нибудь государя? И все попытки переубедить его успеха не имеют.

Секретарь безнадежно развел руками.

— Мне не хотелось бы вас затруднять, — начал Николя, — но если бы нашелся уголок, откуда бы я мог видеть всю площадь…

— Я все понял. Если я не найду вам подходящего места, господин де Сартин меня не простит.

— Можете рассчитывать на меня: я произнесу речь в вашу защиту.

— Вы, как всегда, великодушны. Не будет ли вам угодно проследовать на террасу? Вечер обещает быть теплым, оттуда вам будет все прекрасно видно, и… вы снимете камень с моей души, ибо я действительно не представляю, куда бы я мог вас втиснуть.

Подозвав лакея, он вручил ему массивный ключ.

— Эти господа — мои друзья, проводи их на террасу по малой лестнице. Дверь не запирай, ключ оставь наверху, на случай, если мне придется отправить туда еще кого-нибудь. О Боже, вон идет граф де Фуэнтес, посол Испании! Меня здесь нет! Я больше не могу видеть его надменную физиономию. Вот уж кто точно найдет себе отдельное место!

И, сделав пируэт вокруг собственной оси, Лабриш умчался вприпрыжку. Николя и Семакгюс проследовали за лакеем через анфиладу гостиных, заполненных обладателями приглашений. Майор Ланглюме, с приклеенным к виску кусочком пластыря из мягкой тафты, что-то бодро излагал окружившим его женщинам; заметив комиссара, он бросил на него убийственный взор. Наконец, поднявшись по многочисленным лесенкам, Николя и Семакгюс добрались до самого верха и вышли на крышу.

На темном небе загорались первые звезды. Они стояли молча, заворожено созерцая раскинувшуюся перед ними картину. Вдалеке, по направлению к Сюрену, словно рисунки на китайском шелке, на пурпурном фоне полос, прочерченных последними отблесками заходящего солнца, чернели контуры окружавших столицу холмов. Темные воды Сены сверкали, отражая городские огни. Количество зрителей, собравшихся на площади Людовика XV, поразило приятелей. Площадка, специально оставленная вокруг статуи, с каждой минутой заполнялась напирающей толпой. Видневшиеся там и тут пустые пространства свидетельствовали о множестве незасыпанных ям и траншей. Николя, всегда подмечавший даже самые ничтожные детали, с беспокойством отметил, что беспорядочное скопление экипажей и лошадей на набережной Тюильри уже распространилось за пределы набережной. Семакгюс опередил его, высказав те же мысли, что обуревали и Николя:

— По окончании представления народ повалит домой, но добираться ему придется не просто и не быстро. Все они пришли в разное время, но уйти захотят в один и тот же час, что в лучшем случае сулит нам толкучку и неразбериху.

— Гильом, я в восторге от вашей проницательности, «твои слова я оценил вполне: на вражьи умыслы глаза раскрыл ты мне»[6]. И да будет угодно Небу подсказать Биньону, что ему следует хорошенько подумать и организовать выезд так, чтобы все могли беспрепятственно покинуть площадь. Полагаю, у нашего приятеля Лабриша возникнет немало сложностей с их превосходительствами, когда те станут торопиться отбыть восвояси.

Николя прошел в правый угол террасы, и, к великому ужасу Семакгюса, перемахнул через балюстраду и распластался на каменном выступе карниза; держась одной рукой, он продвинулся вперед и свесил голову вниз. Под ним бурлила улица Руаяль; из-за огромного скопления народа движение там совсем остановилось.

— Уходите оттуда, — с беспокойством произнес Семакгюс. — Одно неловкое движение — и падение вам обеспечено. Глядя на вас, у меня у самого коленки дрожат.

Он протянул Николя руку; тот схватил ее, и, крепко сжимая, поднялся, а затем с легкостью перепрыгнул через массивные столбики балюстрады.

— В детстве я часто испытывал себя на храбрость на прибрежных утесах Пенестена; только там было гораздо опаснее, потому что дул сильный ветер.

— Ох, уж эти мне бретонцы! Не устаю поражаться их безрассудству.

Собеседники умолкли, захваченные великолепием зрелища, кое являла собой окутанная синей мглой надвигавшейся ночи площадь Людовика XV.

— Вы успели полюбоваться на кареты дофины? Весь Париж только их и обсуждает. Говорят, они делают честь вкусу Шуазеля, который не только заказал их, но неустанно наблюдал за исполнением заказа.

— Я их видел. По-моему, они слишком помпезны. Впрочем, получив такой подарок сегодня, завтра покажется в розовом свете.

— О! О! — защелкал языком Семакгюс. — Непременно воспользуюсь вашим остроумием.

— Это четырехместные берлины. Одна обита плотным пунцовым бархатом с золотыми вышивками на темы четырех времен года; кузов второй обтянут синим бархатом, а золотые вышивки представляют четыре стихии. Навершия и империал украшены цветами, покрытыми тончайшей позолотой различных оттенков; лепестки цветов трепещут при малейшем движении.

— Полагаю, стоили они недешево?

— Знаете, что ответил контролер финансов, когда обеспокоенный король спросил его, во что ему обойдутся эти празднества?

— Нет. А что ответил аббат Террэ?

— «Ни во что, сир».

Они еще продолжали смеяться, когда глухой рокочущий звук возвестил о начале представления; следом до них долетел радостный вопль толпы. Окруженная жирандолями, статуя короля в центре площади расцвела сотнями огней, а новые залпы спугнули голубей, дремавших под крышей Тюильри и Мебельных складов. Однако ожидаемого за прелюдией салюта не последовало, и толпа, восхищенная первыми аккордами фейерверка, но не получившая продолжения, начала недовольно роптать. В небо вновь взлетели несколько ракет, но они не взорвались, а, описав неверную траекторию, упали и рассыпались с сухим треском. В мгновенно наступившей тишине на удивление отчетливо прозвучали команды и резкие окрики фейерверкеров Руджиери; затем визгливое шипение вновь заглушило голоса, и еще одна ракета безрезультатно взвилась в воздух и исчезла из виду. Но как только в небе появился роскошный веер в форме павлиньего хвоста, расцвеченного золотом и серебром, как все забыли о неудачных попытках, и праздник обрел новое дыхание. Толпа бешено зааплодировала. Семакгюс все еще ворчал себе под нос; Николя знал, что, несмотря на добродушный нрав, корабельный хирург, как и многие почтенные парижане, был скор на критику.

— Орудия не пристрелянные, никакой очередности, исполнение ниже среднего. Если бы они сопровождали свои выстрелы музыкой, ни за что бы не попали в такт. Народ недоволен, и он прав. Нельзя обманывать народ, выдавая жалкие потуги за обещанный праздник; когда народ чувствует себя одураченным, это ни к чему хорошему не приводит.

— Однако, в последний понедельник «Газет де Франс» сообщила, что Руджиери заранее все проверил. Проведенные им испытания вызвали восторг знатоков; его огненное зрелище сравнили с фейерверком Торре в Версале, и отнюдь не в пользу последнего.

Залпы продолжались, однако большинство из них успеха не имели; ракеты, взрываясь, рассыпали лишь жалкие горстки огней. Неожиданно одна из взмывших в небо ракет ярко вспыхнула, зашипела, остановилась, и, перевернувшись, стремительно понеслась вниз, прямо на бастион, где хранились резервные фейерверочные запасы. Сначала ничего не произошло, а потом над бастионом показались черные клубы дыма, сопровождаемые потрескиванием и искрами пламени. Люди, окружавшие деревянное строение, шарахнулись назад, и их движение волнообразно распространилось дальше, во все стороны. Взрывы участились; внезапно из бастиона вырвался гигантский сноп пламени.

— Резервные ракеты и букет вспыхнули раньше времени, — подвел итог Семакгюс.

На озарившейся холодным белым светом площади Людовика XV стало светло как днем. Застывшие, словно зеркало, воды Сены отражали потоки света, серебряным дождем падавшие на землю. Изумленную подобной развязкой толпу охватили противоречивые чувства; никто не знал, что и думать. Тем временем огонь пожирал Храм Гименея и превращал построенные декорации в пепелище, откуда время от времени вырывались редкие ракеты. Растерявшиеся люди отчаянно вертели головами, пытаясь понять, что произошло, однако наталкивались лишь на вопросительные взгляды стоявших рядом соседей. Огонь забирал все большую власть, а фейерверк угасал: жалобное шипение и шуршание не сумевших взлететь ракет более всего напоминало агонию. Перегнувшись через балюстраду, Николя неотрывно глядел вниз. Тревожное и сосредоточенное выражение его лица повергло Семакгюса в трепет.

— Похоже, никто не собирается тушить пожар, — произнес Николя.

— Боюсь, как бы народ не решил, что этот неудавшийся сюрприз является частью праздника. На мой взгляд, сие зрелище вполне величественно, и его можно счесть запланированным заранее, — мрачно отозвался Семакгюс.

Внезапно людская масса пришла в движение, словно какой-то порочный гений бросил в толпу горсть семян раздора. К звукам рвущегося на месте фейерверка и треску горящих декораций добавились испуганные крики и призывы о помощи.

— Смотрите, Гийом, — воскликнул Николя, — вон едут пожарные кареты! Но лошади испугались шума и понеслись вскачь!

Со стороны Тюильри и Елисейских полей, из двух улиц — Оранжери и Бон-Морю, пролегавших параллельно улице Руаяль, вылетели несколько повозок, запряженных тяжеловесными першеронами. Мчащиеся в страхе кони опрокидывали все на своем пути.

Последующие события навсегда запечатлелись в памяти Николя; в любую минуту он мог вспомнить мельчайшую подробность разыгравшейся на площади драмы. Зрелище напомнило ему одну старинную картину из королевской коллекции в Версале. На той картине, изображавшей поле битвы, где сражались несколько сотен человек, была прорисована каждая деталь: волосы, одежда, вооружение, поза и даже выражение лица. Рассматривая полотно, он обнаружил, что если разбить его на мелкие квадратики, получится несколько сотен крохотных полотен, кои, несмотря на уменьшенные размеры, все так же совершенны по своему исполнению. Сейчас с террасы Посольского дворца ему четко были видны мельчайшие подробности происходившего внизу действа. Ситуация менялась каждую минуту. Под напором повозок часть зрителей подалась назад. Несколько человек упали в незасыпанные траншеи. Николя вспомнил, что уборка площади и прилегающих к ней участков началась только 13 апреля нынешнего года, и до сих пор не закончена. Тут Семакгюс привлек его внимание к другой части площади. Приглашенные, прибывшие в Посольский дворец полюбоваться фейерверком, начали покидать здание, и возницы, чьи экипажи стояли в беспорядке на набережной Тюильри, двинулись навстречу своим господам, расчищая дорогу ударами кнута. Люди, попавшие в тиски между пожарными телегами и каретами, стали падать в канавы. Друзья также заметили несколько подозрительных типов, которые, обнажив шпаги, набрасывались на перепуганных буржуа и отбирали у них кошельки.

— Вот, что я вам говорил? — воскликнул Семакгюс, так и не дерзнувший приблизиться к парапету. — Мошенники из предместий тут как тут!

— Сейчас это не самое страшное. Гораздо хуже, что на набережную Тюильри уже не пройти, а мост Кор-де-Гар, выходящий в сад Тюильри, перекрыт. Остается единственный выход — улица Руаяль. Все словно специально сделано для того, чтобы устроить давку.

— Смотрите, толпа пытается прорваться на набережные! Люди давят друг друга, стремясь пробраться на берег реки. Господи, упали уже не меньше дюжины! Завтра сеть в Сен-Клу будет полна трупов[7], и мертвецкая заполнится до отказа.

Паника ширилась. Ошалевшая толпа отхлынула назад. Но люди, не успевшие занять места на площади, не оценили возникшей опасности и продолжали неспешно двигаться в сторону улицы Руаяль, намереваясь вкусить вторую порцию обещанных удовольствий: пойти на бульвары и насладиться иллюминацией и соблазнами ярмарки. Туда же устремились и те, кто оказались зажатыми в центре площади, нисколько не предполагая, что там неминуемо образуется еще большая давка. Экипажи преграждали проход. С разных сторон до Николя доносились крики, однако шум, создаваемый десятками тысяч зрителей заглушал отдельные голоса, предвещавшие близящееся несчастье.

Желая разглядеть, что происходит на улице Руаяль, Николя вновь перегнулся через парапет. Увиденное превзошло его худшие опасения, и он крикнул Семакгюсу:

— Если сейчас не остановить движение, пас ожидает катастрофа. Хаос уже начался. Все, кто хотят покинуть площадь, устремились на улицу Руаяль; видите, до самого рынка Дагессо она черна от людей. Туда же рвется толпа, жаждущая попасть на бульвары.

В эту минуту прозвучал разноголосый вопль, послышались крики о помощи. С ужасом Николя смотрел, как два людских потока ширились и со скоростью клинка, свободно выходящего из ножен, стремились навстречу друг другу. Из-за выступов предназначенных под снос домов посреди улицы Руаяль образовалось сужение, напоминавшее воронку, и те, кто попадал в нее, уже не могли двигаться ни вперед, ни назад. Брошенные на земле каменные плиты еще больше осложняли проход. Николя видел, как первые жертвы упали на дно открытых траншей, и тут же за ними последовали все, кто не смог удержаться на краю. Вскоре рвы заполнились телами несчастных; в неверном свете фонарей он отчетливо различал искаженные воплями ужаса рты. Мужчины, женщины и дети, пытаясь вырваться вперед, спотыкались, падали, и, не успев подняться, исчезали под телами таких же несчастных, затоптанных теми, кто шел следом. Тех, кто сумел удержаться на ногах, сдавили так сильно, что у них шла носом кровь. Превратившаяся в западню улица Руаяль, подобно Молоху, пожирала парижан. Высившаяся в центре площади статуя короля, казалось, покачивалась посреди покрытого пеплом озера лавы, где, словно напоминания о неудавшемся празднестве, кое-где догорали угольки.

— Нужно оказать помощь пострадавшим, — произнес Николя.

Вместе с Семакгюсом он поспешил к дверце, ведущей на малую лестницу. Но все их попытки открыть ее успеха не имели. Пришлось признать, что дверь заперта снаружи.

— Что будем делать? — спросил Семакгюс. — Вы-то, понятно, можете лазать по стенам, как кошка, но меня увольте, я за вами не последую.

— Успокойтесь, спуститься по фасаду дворца, не обладая кошачьими когтями, действительно, невозможно. Однако у меня имеется кое-какой инструмент.

Порывшись в кармане, он вытащил складной ножик с несколькими лезвиями. Открыв одно из них, похожее на тонкий стилет, он вставил его в замочную скважину и попытался отодвинуть язычок; но какой-то посторонний предмет помешал ему выполнить эту операцию. В ярости он пнул ногой дверь, и, замерев, задумался.

— Что ж, раз иного пути нет, надо попытаться воспользоваться каминной трубой. Но для этого нужны веревки, так что давайте их поищем.

Впустую осмотрев все углы, Николя по чугунной лесенке поднялся к краю монументальной каменной трубы. Выдрав лист из своей записной книжечки, он высек искру, поджег бумажку и бросил ее в трубу. Маленький факел полетел вертикально вниз и вскоре приземлился: видимо, дальше дымоход менял направление.

— В трубе я разглядел скобы, с их помощью я точно смогу спуститься. Самое худшее, что может случиться, — это я могу застрять. Но в таком случае я вернусь обратно. Гийом, вы остаетесь здесь.

— А что мне еще остается делать? С моей корпулентностью я в эту дыру не протиснусь.

Гул, долетавший с площади, все чаще прерывался жалобными криками и плачем. Николя быстро скинул фрак и снял башмаки.

— Я не хочу портить костюм, лучше вы его покараульте. Это ужасно: знать, что внизу начинается паника, и не иметь возможности предотвратить ее…

Вытащив из кармана огарок свечи и взяв его в зубы, Николя отдал фрак насмешливо взиравшему на его одеяние Семакгюсу: хирург не уставал удивляться количеству полезных предметов, хранившихся в карманах его друга. Благодаря скобам, поставленным для облегчения работы трубочистов, спуск оказался на удивление легким. Но Николя одолевали сомнения: сумеет ли он протиснуться и дальше? Разменяв третий десяток, он утратил хрупкую мальчишескую фигуру, чему немало способствовали обеды Катрины и Марион, а также пирушки в парижских кабачках вместе с верным помощником Бурдо, любителем, как и он, сытной простонародной кухни. Тут он коснулся ногами пола: труба кончилась. Перед ним открывались два дымохода, один из которых брал начало под сводами другого. Он решил выбрать ход с меньшим уклоном, полагая, что так скорее доберется до каминов верхнего этажа. Не имея возможности взять свечу в руку, он зажег ее и втиснул между скобой и стенкой. Придется вслепую ползти в темный проход, где, чем дальше, тем тьма становилась гуще.

Понимая, что вполне может застрять в этой каменной кишке, он усилием воли отогнал от себя дурные предчувствия. Поразмыслив, он решил, что складки рубашки могут помешать его продвижению, и снял рубашку. Наверху Семакгюс не своим от страха голосом давал ему советы, долетавшие до него искаженные эхом. Он перевел дух и, просунув вперед ноги, проскользнул в проход. Почувствовав, что скользит по чему-то жирному, он на мгновение утратил ощущение времени и пространства. Возвращение к действительности было скорым и болезненным: его плечи упорно не хотели протискиваться дальше. В течение долгого времени он выгибался, словно кот, приподнимая то одно плечо, то другое. Ему вспомнился «человек-змея», акробат, увиденный им на последней ярмарке в Сен-Жермене. Наконец, ему удалось обрести необходимую позу, и он провалился в скользкий проход. Почувствовав под ногами пустоту, он изогнулся всем телом, и, оттолкнувшись от стен, выскользнул из дымохода и упал на пирамиду из поленьев, сложенную в очаге огромного камина. Под тяжестью его веса пирамида рухнула, и он стукнулся головой о бронзовую накладку с гербом Франции. Убедившись, что гербовый щит не причинил ему особого вреда, он осторожно поднялся с пола, и, ощупав себя, пришел к заключению, что если не считать нескольких царапин, он цел и невредим. Подойдя к большому зеркалу в гипсовой раме с цветочным узором, он не узнал себя: в рваных штанах до колен и перемазанный сажей, он походил на пугало. Пройдя через комнату с голыми стенами и без мебели, напоминающую, скорее, дортуар в казарме, нежели дворцовый покой, он открыл дверь и очутился на этаже, где находились гостиные с балконами, куда, словно пчелы из разворошенного улья, с гудением слетелась толпа приглашенных. Одни прилипли к окнам, отталкивая друг друга, чтобы лучше рассмотреть, что творилось на площади, другие о чем-то оживленно рассуждали. Николя показалось, что он очутился среди механических кукол, пытавших представить какую-то непонятную пьесу, то ли комедию, то ли балет, но так как в механизмах что-то расстроилось, то куклы, не меняя выражения лица, без устали повторяли одни и те же движения. Никто не обращал на него внимания, хотя его испачканный сажей торс резко выделялся среди разряженной толпы. Отыскав лестницу, ведущую на крышу, он уже собрался подниматься, как сверху до него донесся хрипловатый голос Семакгюса вперемежку с визгливыми интонациями Лабриша. Эти двое так быстро спускались по лестнице, что, не сумев остановиться, рухнули в объятия Николя. События на площади приобретали поистине катастрофический размах. Де Секвиль отправился за Николя, но замочная скважина оказалась забитой какой-то штучкой из позолоченного металла, напоминавшей штырь. Лабриш отдал находку комиссару. Ключ от двери валялся на полу. Очевидно, устроитель этой дурацкой шутки хотел позабавиться за счет зрителей,

устроившихся на террасе. Однако он непременно отыщет виновника, ибо это, без сомнения, какой-нибудь наглец-лакей или один из тех сорванцов в голубых ливреях, которые, несмотря на юный возраст, уверены, что раз они обслуживают самого короля, то им все позволено.

— Господин комиссар, — добавил Лабриш, — пожалуйста, помогите мне навести порядок. Давка ужасная, у нас есть раненые, и мы не знаем, что делать. Раненых становится все больше, их доставляют без перерыва. Городских стражников нигде нет. Как только начались беспорядки, их начальник, майор Ланглюме, заявил, что идет отдавать распоряжения, и исчез. С тех пор его никто не видел. Хуже всего, что, судя по долетающим со всех сторон слухам, в толпу замешались бандиты, нападающие на честных граждан.

И он понизил голос.

— Многие из наших гостей вытащили шпаги, чтобы побыстрее пробраться через скопление народа, и это привело к жуткому побоищу; к его жертвам добавились жертвы, угодившие под колеса карет, возницы которых, прокладывая себе путь, пустили коней в галоп. Граф д'Аржанталь, посланник Пармы, вывихнул плечо, а аббата Разе, министра князя-епископа Базельского, опрокинули на землю и изрядно потоптали.

— Надеюсь, вы известили господина де Сартина о том, что происходит на площади? — спросил Николя.

— Я отправил к нему гонца. Может, начальник полиции уже в курсе, насколько положение серьезно.

Двое мужчин внесли на руках женщину в платье с широкой фалбалой; нога ее изогнулась совершенно противоестественным образом, на месте лица виднелось кровавое месиво. Надеясь, что пострадавшая всего лишь потеряла сознание, Семакгюс бросился к ней, но после короткого осмотра развел руками, отрицательно качая головой. А во дворец несли все новые и новые тела с вывернутыми и безжизненно повисшими конечностями. Довольно долго все трое усиленно помогали размещать раненых и по возможности оказывали им первую помощь теми скудными средствами, что нашлись под рукой. Николя ждал гонца, посланного к Сартину. Видя, что гонца все нет, он надел вернувшийся к нему фрак и решил выбраться наружу, чтобы на месте оценить размеры катастрофы. Следом за ним двинулся и корабельный хирург.

Пробиваясь сквозь снующих во все стороны людей, среди которых они к великому изумлению заметили несколько праздных зевак, Семакгюс и Николя добрались до площади Людовика XV. Мощный гул праздника смолк, теперь со всех сторон доносились стоны и крики. Николя нос к носу столкнулся со своим помощником инспектором Бурдо, руководившим действиями отряда городского караула.

— Наконец-то, Николя! — воскликнул тот. — У нас голова идет кругом! С пожаром справились, водяные насосы качали воду из резервуаров Мадлен и рынка Сент-Оноре, и, слава Богу, воды хватило. Бандиты разбежались, остались мошенники, пытающиеся грабить мертвых. Мы собираем тела жертв, и тех, кого удалось опознать, относим на бульвар.

Бурдо выглядел усталым и удрученным. После ночного побоища огромная эспланада являла собой жуткое зрелище. Клубы плотного едкого дыма вихрем вздымались вверх, но, гонимые порывистым ветром, вновь опускались вниз, окутывая фонари черным похоронным крепом. В центре площади, словно зловещий эшафот, торчал остов триумфального сооружения. Застыв между двумя обгоревшими колоннами, бронзовый монарх, неустрашимый и бесстрастный, свысока взирал на раскинувшее у его ног пепелище. «Всадник Апокалипсиса!» — прошептал Семакгюс, заметив взгляд Николя. Слева, где начиналась улица Руаяль, вдоль здания Мебельных складов выкладывали трупы; спасатели обыскивали их, пытаясь произвести опознание личности, а потом писали на табличке имя, чтобы облегчить поиски родственникам. Бурдо и его люди сумели навести некое подобие порядка. Отгородив по периметру ту часть улицы, где из траншей доносились стоны упавших туда людей, волонтеры начинали осторожно извлекать потерпевших. Установилась живая цепочка. Всех, кого поднимали на поверхность,

внимательно осматривали, и если несчастная жертва еще дышала, ее отправляли дальше, на импровизированные пункты неотложной помощи, организованные прибывшими врачами и аптекарями, пытавшимися сделать поистине, невозможное. В ужасе Николя смотрел, с каким трудом тела вытаскивали из канав; люди падали друг на друга, верхние придавливали своей тяжестью тех, кто оказался внизу, образуя кладку из человеческих тел, и разделить кирпичи этой кладки требовало больших усилий. Очень скоро он точно мог сказать, что большинство несчастных принадлежало к малосостоятельным слоям населения города. У многих были раны, явно нанесенные шпагой или тростью.

— Самые сильные и богатые, как всегда, спасались за счет других! — возмущался Бурдо.

— Мошенники тоже сорвали свой куш, — вздохнул Николя. — Свою лепту в избиение несчастных внесли фиакры и кареты, а скольких погубили те, кто ценой чужой крови проложили себе путь!

До рассвета они помогали извлекать из ям раненых и погибших. А когда взошло солнце, Семакгюс отвел комиссара и Бурдо в тот угол кладбища Мадлен, где складывали мертвые тела. С растерянным видом он указал на тело молоденькой девушки, лежащее в окружении двух трупов стариков. Опустившись на колени, он обнажил шею девушки, и все увидели отпечатавшиеся с двух сторон синеватые следы пальцев. Затем, приподняв голову, он показал обезображенный гримасой открытый рот, и развел руками; голова со стуком упала на песок. Комиссар посмотрел на Семакгюса.

— Странные, однако, повреждения у трупа, который хотят выдать за раздавленную в панике жертву.

— Вот и мне так кажется, — согласился хирург. — Собственно, она погибла отнюдь не в давке: ее попросту задушили.

— Пусть ее тело положат отдельно, а потом доставят в Мертвецкую. Бурдо, надо предупредить нашего друга Сансона.

Николя взглянул на Семакгюса.

— Вы же знаете, во всем, что относится к вскрытию, я доверяю только ему… и, разумеется, вам.

Он тщательно осмотрел одежду жертвы, но ничего особенного не обнаружил — разве только прекрасное качество ее одежды и белья. Ни платка, ни сумочки, ни драгоценностей. Заметив, что одна рука сжата в кулак, он разжал ее и обнаружил черную бусину из гагата или обсидиана. Он взял ее, завернул в платок и сунул в карман. Вернулся Бурдо с двумя носильщиками и носилками.

Разглядывая искаженное лицо жертвы, они внезапно ощутили смертельную усталость. Об ужине у Полетты никто даже не вспомнил. В тяжелом воздухе облаченного в траур утра, явившегося на смену кровавой ночи, пахло грозой; лучи раннего солнца не сумели пробиться сквозь серую туманную мглу, окутавшую Париж и размывшую его границы. Казалось, столица не в силах проснуться после разыгравшейся трагедии, слухи о которой стремительно распространялись по городу и уже докатились до двора; события этой страшной ночи обсуждали во всех кварталах и предместьях, а в Версале известие о них омрачило пробуждение старого короля и юной парочки.

II
САРТИН И САНСОН

Итак, освободившись от суеты, город принимает свой обычный облик, свои законы и своих чиновников с их обязанностями.

Тацит[8]

Четверг, 31 мая 1771 года

Николя шел по притихшему городу, еще не оправившемуся от полученного потрясения. Каждый излагал свою версию событий. Люди собирались в кучки и шепотом делились впечатлениями. Некоторые, особенно шумные субъекты, казалось, продолжали ссору, начатую в незапамятные времена. Словно разделяя всеобщий траур, лавки, обычно в этот час открытые, пребывали на замке. Смерть собрала свою жатву во всех кварталах, а зрелище раненых и умирающих, которых доставляли домой, способствовало распространению слухов о грядущей катастрофе, усугублявшихся множеством ложных сообщений, неминуемо возникающих после столь горьких и затронувших всех событий. Совпадение трагедии с торжествами по случаю королевской свадьбы, произвели на народ неизгладимое впечатление. Николя заметил нескольких священников, торжественно несших святые дары. Прохожие крестились, снимали шляпы и преклоняли перед ними колена.

Улица Монмартр, обычно крайне оживленная, сегодня была пустынна. Даже аромат свежеиспеченного хлеба, исходивший из булочной, занимавшей первый этаж в доме Ноблекура, утратил свои чары, навевавшие мысли о покое и домашнем очаге. Вдохнув горячий запах, Николя неожиданно ощутил вонь, исходившую от мокрого пепелища, и жуткий солоноватый запах крови, повисший над площадью Людовика XV. Кто-то из караульных офицеров отдал ему свою кобылу, норовистую, прядавшую ушами и немедленно попытавшуюся скинуть всадника. Бурдо остался на месте — помогать спешно прибывавшим квартальным комиссарам.

Повинуясь первому побуждению, Николя готов был мчаться к Сартину на улицу Нев-Сент-Огюстен, но вовремя вспомнил, что, несмотря на серьезность момента, генерал-лейтенант вряд ли будет рад, когда он явится к нему в разодранной одежде и с лицом, выпачканным сажей. Всегда в безупречном костюме, Сартин не прощал слабостей себе, чтобы иметь право не принимать во внимание слабости своих подчиненных. Служба королю прежде всего, и даже если вы ранены, промокли и весь в грязи, это не дает вам право рассчитывать на поблажки. Напротив, подобное нарушение приличий не пойдет на пользу тому, кто осмелится прибыть к нему в неподобающем виде. По мнению Сартина, пренебрежение внешним видом свидетельствовало отнюдь не о мужестве и преданности делу, а всего лишь о беспутстве, бесстыдстве и безалаберности, а также о нарушении заведенных порядков, для поддержания и сохранения которых, собственно, и создана вверенная ему служба.

На колокольне церкви Сент-Эсташ пробило семь, когда Николя бросил поводья своей клячи мальчишке булочника, сидевшего у ворот дома Ноблекура и усердно считавшего ворон. Пройдя в кухню, он увидел свою служанку Катрину: сидя на табурете возле плиты, она крепко спала. Похоже, сегодня ночью она не ложилась вовсе. Наверное, она услышала о разыгравшейся трагедии и захотела дождаться его возвращения. Почтенная Марион, кухарка Ноблекура, освобожденная от тяжелых работ в силу преклонного возраста, вставала все позднее и позднее, равно как и Пуатвен. Бесшумно проскользнув во двор, он, следуя летней привычке, вымылся под струей воды из насоса. Потом на цыпочках поднялся к себе в комнату, чтобы переодеться и причесаться. У него мелькнула мысль зайти к бывшему прокурору и рассказать о случившемся, однако он быстро от нее отказался, вспомнив, что ему придется не только рассказать обо всем подробно и обстоятельно, но и ответить на тысячу вопросов. Он пожалел, что Сирюс, маленький серый спаниель с волнистой шерстью, больше не приветствует его. Те времена, когда собачка с радостным лаем выскакивала ему навстречу, остались в прошлом. Теперь при появлении Николя состарившийся и наполовину парализованный пес сообщал о своей радости лишь слабым вилянием хвоста. Большую часть времени он проводил на вышитой подстилке рядом с хозяином, откуда — по-прежнему внимательно и зорко — наблюдал за всем, что происходило вокруг.

Задумываясь о неумолимом беге времени, Николя понимал, что вскоре ему придется попрощаться с этим свидетелем его первых шагов на поприще избранного им ремесла. Неожиданно он обнаружил, что жалость, охватывающая его при мысли о Сирюсе, позволяла ему отвлечься от мыслей о других неминуемых потерях. Осторожно опустив на колени Катрины записку, где он коротко объяснял служанке, что случилось, он бесшумно вышел из дома. Когда Николя забирал у мальчишки свою норовистую конягу, тот с улыбкой протянул ему горячую, только что из печи, булочку. С наслаждением проглотив ее, он вспомнил, что вчера не обедал. Рот наполнился восхитительным вкусом свежего сдобного теста. «Что ж, жизнь не так уж и дурна. Carpe diem!»[9], как не устает повторять его приятель Лаборд, большой любитель танцовщиц, изысканных ужинов и произведений искусства. В свободное время этот сибарит сочинял оперу и писал книгу о Китае.

В особняке на улице Нев-Сент-Огюстен царило небывалое оживление, свидетельствуя, что хозяину его уже доложили о ночных событиях. Перескакивая через две ступеньки, Николя взбежал по лестнице. Его встретил старый камердинер; вид у него был удрученный. Он давно знал Николя; для него молодой человек являлся частью привычной для него обстановки.

— Наконец-то, господин Николя. Полагаю, господин де Сартин ждет вас. Я очень взволнован, ибо впервые за много лет он не потребовал принести ему парики. Неужели дело столь серьезно?

При упоминании о невинной страсти начальника Николя улыбнулся. Нарушая все заведенные в доме привычки, служитель провел его в библиотеку. Николя, всего раз получивший возможность побывать в этой комнате, помнил, как его поразили ее изысканные пропорции, книжные полки из светлого дуба и расписанный Жувене[10] потолок. Впервые он увидел работы этого художника в здании Парламента Ренна, куда он сопровождал своего опекуна, каноника Ле Флока. И теперь, когда дела службы призывали его в Версаль, он всегда старался выкроить время, дабы заглянуть в новую королевскую часовню и полюбоваться расписанной Жувене кафедрой. Тихо постучав в дверь и не получив ответа, он вошел и увидел, что в библиотеке никого нет. Неожиданно откуда-то сверху раздался голос Сартина. В черном костюме, с напудренными волосами, начальник полиции, скрючившись, сидел на верхней ступеньке лестницы и просматривал книгу в красном сафьяновом переплете с гербом Сартина, украшенном тремя сардинками.

— Приветствую вас, господин комиссар.

Николя вздрогнул; упоминание его должности свидетельствовало о крайнем раздражении начальника, вызванном, впрочем, скорее, непреодолимыми обстоятельствами, нежели им лично.

Сартин поднял голову и задумчиво уставился в потолок. Решив, что он достаточно отдал дань уважения молчанию начальника, Николя начал свой отчет. Назвав число погибших, приблизившееся к утру к сотне, он заметил, что, по его мнению, цифру эту следует умножить на десять, ибо многие раненые вряд ли сумеют оправиться от полученных повреждений.

— Я знаю, вам вместе с Бурдо удалось сделать почти невозможное. Поверьте, для меня очень важно, что вы там были и в случае необходимости можете сказать свое веское слово в защиту нашего ведомства.

Заметив, насколько Сартин взволнован, Николя понял, что бедствие имело гораздо больший размах, чем он предполагал. Сартин так редко бывал доволен, что каждое его одобрение почиталось за великое событие. Во всяком случае, ни во время расследования, ни во время повседневной работы генерал-лейтенант никогда никого не хвалил. Видя, как начальник машинально то открывает, то закрывает книгу, Николя догадался, что тот пребывает в нерешительности.

Сартин начал шепотом, словно обращаясь к самому себе:

— «Мне удалось дожить до исполненья всех моих желаний, воображеньем смелым порожденных…»

Усмехнувшись про себя, вслух Николя продолжил:

— «…лучше по-своему служить ему, чем править им так, как хочет чернь».

Захлопнув с сухим стуком книгу, Сартин неспешно спустился с лестницы, подошел к Николя и с иронией в голосе нарочито сурово произнес:

— Полагаю, вы позволили себе пройтись на мой счет!

— Я всего лишь вслед за вами процитировал «Кориолана»[11].

— Лучше скажите мне, господин любитель Шекспира, что вы думаете о сегодняшней ночи? «Говори, Николя, наскучить не боясь…»

— Неподготовленность, импровизация, совпадения и хаос.

И он коротко рассказал о случившихся событиях, не считая необходимым вдаваться в подробности, ибо знал, что Сартину о них уже известно: каким-то таинственным образом начальник полиции всегда был в курсе всего, что происходило во вверенной его заботам столице — как плохого, так и хорошего. Николя поведал о ссоре с майором городской стражи, детально описал место проведения праздника, подчеркнув отсутствие какой-либо организующей силы, первые неудачные залпы и последующую катастрофу, явившуюся естественным следствием дурной подготовки торжества. Он не забыл упомянуть, как некоторые знатные особы, вообразив, видимо, что перед ними поле боя, пустили в ход трости и даже шпаги, как кучерам велели гнать кареты через толпу, и как бандиты и мошенники из предместий не преминули воспользоваться несчастьем.

Сидя в обитом бордовым шелком кресле-бержер, Сартин слушал, прикрыв глаза и поддерживая рукой подбородок. От Николя не ускользнули ни его бледность, ни заострившиеся черты лица, ни темные пятна, медленно расплывавшиеся на скулах. Когда он впервые встретил Сартина, тот показался ему гораздо старше своих лет. И он умело воспользовался этой особенностью своей внешности, утвердив свой авторитет среди убеленных сединами придворных, которых честолюбивый молодой человек тридцати лет вряд ли смог бы в чем-нибудь убедить. Когда Николя начал рассказывать о своем выступлении в роли трубочиста, Сартин, наконец, поднял глаза и окинул острым взором костюм своего помощника снизу доверху; убедившись, что внешний вид комиссара безупречен, он удовлетворенно улыбнулся. Улыбка, на мгновение озарившая лицо начальника, доставила Николя хотя и эфемерное, но весьма существенное удовлетворение.

— Превосходно, — произнес Сартин, — именно этого я и боялся…

Казалось, он испытывал горькую радость, в очередной раз убеждаясь, что все его опасения оправдались. Стукнув кулаком по дорогой столешнице маркетри стоявшего перед ним столика для игры в трик-трак, он произнес:

— А ведь я говорил Его Величеству, что городские власти не в состоянии самостоятельно провести столь многолюдное торжество.

Он помолчал, а потом тихо произнес:

— Одиннадцать лет ни единого происшествия, ни единого неверного шага, и вот, пожалуйста, является какой-то Биньон, этот поганый прево, эта безмозглая марионетка, и узурпирует мои обязанности, вытаптывает мои грядки, выбивает почву у меня из-под ног и разоряет мой ухоженный лужок!

— Однако все быстро узнают, кто действительно повинен в случившейся трагедии, — рискнул заметить Николя.

— Вы что, серьезно так думаете? Никогда не встречались с этими змеями-придворными, не знаете, что в дворцовой войне языков гибнут быстрее, чем на поле боя? Клевета, знаете ли…

Болезненные шрамы, оставшиеся на теле после рискованных стычек и опасных расследований, никогда не позволяли Николя забывать о них; точно также могущественный начальник полиции постоянно помнил об опасностях, поджидавших его в дебрях придворных интриг, где ему приходилось прокладывать свой путь.

— Ваше прошлое, сударь, доверие, которое питает к вам монарх…

— Все это ровным счетом ничего не значит! Милость — субстанция летучая, как говорят наши аптекари и придворные алхимики! Все помнят только плохое, связанное с вашим именем. Неужели вы считаете, что кто-то примет в расчет наши заслуги и труды? Увы, такова жизнь. Но в фаворе мы или в немилости, мы все равно остаемся слугами короля, чего бы нам это ни стоило. Я не могу допустить, чтобы причиной моей немилости стал какой-то тупоголовый прево, везде имеющий родственников и знакомых, и добившийся всего не пошевелив даже пальцем! Не имея никаких заслуг, он переполнен чванством сверх всякой меры, особенно когда нацепит на шляпу роскошный султан, расфуфырится донельзя и взгромоздится на хорошего коня. Какое безумие! Если в этом его превосходство, что ж, тогда давайте возносить хвалы коню, страусу и портному!

И он с новой силой опустил кулак на дорогую столешницу. Ошеломленный столь неожиданной вспышкой, Николя заподозрил, что начальник несколько преувеличивает грозящую ему опасность, и, зная о склонности Сартина к театральным эффектам, стал перебирать в голове авторов, кому бы могли принадлежать последние слова Сартина.

— Однако мы отклонились от темы, — произнес Сартин. — Слушайте меня внимательно. Вы служите мне уже долго, и вам одному я могу открыть изнанку карт. Когда на сцене идет борьба влияний, за кулисами в игру вступают большие интересы, вот почему это дело привлекает мое самое пристальное внимание. Вы знаете о моей дружбе с первым министром герцогом Шуазелем. А он был очень дружен с маркизой де Помпадур, хотя иногда между ними случалось недопонимание и даже проскальзывало недоверие…

Внезапно он изменил курс рассуждений:

— Вы ведь знали ее, и довольно близко?

— В начале моей работы у вас мне выпала честь не раз беседовать с ней и оказывать ей услуги.

— И, если мне не изменяет память, весьма важные услуги[12]. Бедняжка, когда я в последний раз был у нее на приеме, от нее оставалась одна тень… Она вся горела, и тут же жаловалась, что ей холодно; казалось, кто-то выжал ее лицо, стер с него краски, заменив их безобразными пятнами…

Подавленный представшей перед ним картиной, а может, и взволнованный воспоминаниями, слишком тяжкими, чтобы воскрешать их, начальник полиции умолк…

— Я вновь на перепутье. Мои отношения с новой фавориткой далеко не безоблачны. Она не способна налаживать связи, не обладает политическим чутьем, и не умеет исподволь влиять на события, как умела хозяйка Шуази[13], заставившая уважать себя благодаря воспитанию и многочисленным талантам. И хотя она была всего лишь урожденная Пуассон, она обладала прекрасным вкусом, превосходно разбиралась в искусстве и литературе и вдобавок отличалась врожденной способностью привлекать к себе людей. Нынешняя фаворитка, возможно, и неплоха, просто все ее познания получены в злачных местах; ее не обучили светским манерам, она не умеет лавировать в лабиринтах дворцовых интриг и, пользуясь своим положением, идет напролом.

Окинув взором книжные полки, он понизил голос и произнес:

— И, наконец, самое главное: ночью она разрушает то, что создано за день, и, пробуждая чувственность старого короля, получает над ним власть. Шуазель мечтает взять реванш над Англией. Понимая, что в любую минуту он может расстаться со своим портфелем, он торопится

осуществить свой замысел, спешит и совершает ненужные ошибки. Он восстановил против себя новую метрессу, ибо зол на нее за то, что она преуспела там, где не смогла преуспеть его собственная сестра, госпожа де Шуазель-Стенвиль. Впрочем, одному Богу известно, у нее, действительно, не получилось, или она сама не захотела исполнить желание брата. Вы можете спросить: а какое мне до этого дело? Меня против воли вовлекли в эту ссору. Полагаю, сие признание не покинет стен этой комнаты. По приказу короля мне пришлось идти к госпоже дю Барри, заверять ее в своей преданности, а также — едва ли не на коленях — обещать ей воспрепятствовать публикациям скандальных листовок и брошюр, расплодившихся, на мое несчастье, как грибы после дождя, и исходящих непосредственно от писак из типографий, финансируемых самим Шуазелем.

— Я помню, сударь, как-то раз вы поручили мне отыскать пасквиль под названием «Ночные оргии в Фонтенбло». Но причем тут Жером Биньон, купеческий прево?

— Притом, что он вертится вокруг фаворитки и во всем ей потакает. Полагаю, дорогой Николя, вы догадываетесь, в какое досадное положение ставят меня события последней ночи, не говоря уж о том, что мне всегда горько видеть, как городские власти не справляются со своими обязанностями. Виновником будут считать меня, ибо мало кто знает, что на этот раз меня отстранили от дел.

— Однако брак дофина является подлинным успехом Шуазеля, венцом его деятельности, всегда направленной на укрепление союза с Австрией, и это ясно каждому.

— Вы правы, однако от вершины до бездны расстояние невелико. Теперь вам известна изнанка событий. Но вы не знаете, что вчера Его Величество вместе с фавориткой отправились в Бельвю, чтобы с террасы замка любоваться устроенным в городе фейерверком. Они еще ничего не знают о разыгравшейся трагедии. А вот юная дофина вместе с королевскими дочерьми побывала в Париже. Когда они любовались освещением столицы на Кур-ла-Рен, до них донеслись крики ужаса, отчего все женщины пришли в смятение, и кареты с заплаканными принцессами развернулись…

Сартин встал, и, увидев в зеркале, что парик сидит на нем криво, обеими руками вернул его на место.

— Господин комиссар, вот вам инструкции, извольте исполнить их все до единой. Вы сделаете все возможное, задействуете все необходимые средства и в точности установите, какие нарушения произошли на площади Людовика XV, причину этих нарушений, лиц, за них ответственных, их ошибки и возможно даже злоумышления. Вы постараетесь в точности определить количество жертв. Ничто не должно вас остановить, даже если в вашей работе вы столкнетесь с препятствиями, попытками помешать вам или — всегда следует предполагать худшее! — с угрозой для вашей жизни. Вы будете отчитываться мне лично. В случае, если я, неожиданно лишившись королевской милости, буду не в состоянии воспользоваться своей властью или свободой, или даже лишусь жизни, вам придется от моего имени рассказать все королю, с которым вы можете увидеться без труда, ибо обладаете привилегией ездить на охоту в его карете. Я прошу вас об этом как о личной услуге, и буду вам крайне признателен, если вы исполните мое поручение с точностью, которой вы отличались до сих пор. И, разумеется, я требую сохранять полнейшую тайну.

— Сударь, у меня к вам одна просьба.

— Чтобы вам помогал инспектор Бурдо? Согласен. Вся его предыдущая работа говорит в его пользу, он нем как могила.

— Благодарю вас. Но речь идет о другом…

Сартин нетерпеливо тряхнул головой, и Николя почувствовал, что начальник не желает продолжать беседу, во время которой ему пришлось рассказать о том, о чем он предпочитал умалчивать, а также признаться в собственном бессилии.

— Слушаю вас, только говорите быстрее.

— Вы знаете моего друга, доктора Семакгюса, — начал Николя, — он помогал мне на протяжении всей ночи. Когда же мы отправились осматривать трупы жертв, сложенные на кладбище Мадлен, внимание наше привлекло тело девушки, которая, судя по всему, скончалась не в давке или от случайного удара, а была задушена. Мне бы хотелось расследовать это дело.

— Я так и знал! Я был бы удивлен, если бы среди множества мертвецов вы бы не отыскали труп для собственного развлечения! Почему вас так заинтересовала эта жертва?

— Возможно, сударь, потому что одно преступление нередко скрывает другое. Кто знает?..

Сартин задумался. Николя понял, что сумел задеть нужную струну.

— И как вы собираетесь расследовать это дело, господин комиссар?

— Как обычно, начну со вскрытия в морге, которое произведет Сансон. Надо убедиться, что она погибла не в результате ночной паники, а пала жертвой заранее подготовленного преступления. Мне кажется, это расследование пойдет на пользу основному делу, которое вы мне поручили: под его прикрытием я займусь выяснением причин трагедии, разыгравшейся на площади Людовика XV. Дерево скроет за собой лес.

Последний аргумент убедил начальника полиции.

— Вы так умеете представить дело, что я не могу вам отказать. Лишь бы вы не увлеклись хитросплетениями преступных интриг, кои вы с удовольствием и присущим вам умением запутаете еще больше, дабы никто не смог понять, куда они в конце концов нас заведут! Засим, сударь, я с вами прощаюсь; в Версале король и господин де Сен-Флорантен наверняка уже ждут разъяснений от того, кто по-прежнему намерен поддерживать порядок в столице королевства.

Николя усмехнулся про себя. Он давно привык к этому рефрену, ибо слышал его каждый раз, когда убеждал Сартина начать то или иное расследование. Сделав пируэт, Сартин выбежал из библиотеки, оставив Николя размышлять о его неожиданных признаниях и деликатном поручении, исполнить кое он был обязан. Устремив взор в пустоту, он постоял немного, а потом отправился в конюшню, заметив по дороге, как со двора галопом выехала карета, внутри которой, прислонившись к дверце, сидел его начальник, чей резко очерченный профиль вполне мог принадлежать богине уныния. В столь подавленном состоянии он видел Сартина впервые: начальник полиции всегда прекрасно владел собой и перед любым посетителем представал хладнокровным и уверенным в себе. Сейчас он волновался совершенно искренне, и любой внимательный наблюдатель мог бы с полным правом утверждать, что волнение его вызвано отнюдь не беспокойством за собственную карьеру. Николя слишком хорошо знал генерал-лейтенанта и не мог поверить, что им руководят исключительно эгоистические соображения. Он чувствовал, что Сартин смертельно обижен решением короля. Роковые последствия этого решения сделали обиду еще острее, а охватившее его чувство одиночества еще глубже. Усматривая противоречие в стечении сложных обстоятельств и причин, не соответствующих его пониманию долга и его абсолютной личной преданности монарху, которому он беззаветно служил уже столько лет, он испытывал законное чувство возмущения. Сартин удостоился выходящей за рамки обычного привилегии еженедельно встречаться с королем в малых покоях Версаля, чаще всего в тайном рабочем кабинете, о котором не знали даже близкие короля; там монарх работал, разложив вокруг донесения и шифровки своих агентов. За одну ночь этот мир рухнул, словно карточный домик. И образ непогрешимого начальника полиции стерся, уступив место страдающему и несчастному человеку. Николя окончательно утвердился в своем решении довести дело до конца. Если понадобится, он сделает невозможное и найдет ответственного за трагедию, которую городские власти, исполняй они тщательно свои обязанности, вполне могли бы предвидеть и избежать.

Он выбрал себе резвого мерина рыжей масти, молодого и любопытного, сразу потянувшего к нему свою грациозную голову, и приказал слуге оседлать его. Улицы постепенно оживали, однако лица прохожих были серьезны; то тут, то там люди собирались группками. В насыщенном сыростью воздухе одежда прилипала к телу, а конь источал резкий запах загнанного животного. Издалека стремительно приближались темные свинцовые тучи: надвигалась гроза. Когда Николя въехал под своды Большого Шатле, на улице окончательно потемнело. Бросив поводья мальчишке, служившему при полицейской конюшне, он услышал, как кто-то окликнул его:

— Бог мой, это же Николя собственной персоной, и прямо мне навстречу!

Желая знать, кто позволяет себе обращаться к нему столь фамильярно, он обернулся и увидел Жана Бретонца, своего земляка, более известного в столице под прозвищем «Сортирнос». Этот своеобразный субъект исполнял весьма невзрачную, но чрезвычайно нужную для горожан работу: давал им возможность справлять нужду. Отсутствие в городе специально отведенных для этого мест делало занятие его не только необходимым, но и прибыльным. Возложив на плечи коромысло с двумя ведрами и спрятав сие нехитрое приспособление под широкой накидкой из просмоленного холста, он ходил по улицам и приглашал клиентов облегчаться в своем «общественном нужнике». Николя часто прибегал к услугам этого малого по долгу службы, ибо тот всегда был в курсе последних новостей и никогда не отказывался поделиться ими с земляком.

— Что новенького, Жан? О чем говорят сегодня утром?

— Ох, ничего хорошего! Народ залечивает раны и оплакивает погибших родственников. Плохое начало не сулит счастья молодоженам, точно, не сулит. Все винят городскую стражу и…

Он понизил голос:

— …проклинают полицию и де Сартина за то, что тот не выполнил свою работу. Люди возмущены, толпятся на улицах, однако ничего не произойдет, видали мы несчастия и похуже!

— И это все?

Сортирнос поскреб в затылке.

— По долгу службы я находился возле площади Людовика XV…

— Ну, а дальше?

— Дальше я поставил свои бадейки на землю и пошел помогать. Ох, каких только крепких слов я не наслушался!

— Да? И каких же?

— Люди из Ратуши с самого утра поносили Сартина, обвиняя его во всем случившемся; послушать их, так это он все устроил.

— Из Ратуши, говоришь? Эшевены?

— Да нет. Городская стража, расфуфыренная и раззолоченная. Многие выползли прямо из кабаков; от них разило так, что мухи на подлете дохли. Они здорово набрались и с трудом держались на ногах. Еще был там один щеголь, высокий, толстый, и, судя по манерам, офицер; так вот, он поощрял их и подзуживал.

Поблагодарив осведомителя, Николя бросил ему экю, и тот, рискуя уронить лежащее у него на плечах сооружение, на лету подхватил монету.

— Ты меня очень обяжешь, — произнес Николя, — если вернешься в квартал Сент-Оноре и постараешься узнать, где эти люди могли провести ночь. Надеюсь, ты понимаешь, меня это очень интересует.

Утвердительно подмигнув, Сортирнос привел в равновесие свои ведра и двинулся дальше. Вскоре он исчез под сводами, но эхо еще долго повторяло его призывный клич: «У кого нужда — беги сюда, нужник на одного, нужник на двоих!»

Входя в дежурную часть, Николя продолжал размышлять над тем, о чем поведал ему Сортирнос. В комнате он увидел Бурдо: уронив голову на стол и обхватив ее руками, инспектор громко храпел. Николя с сочувствием посмотрел на него. Вот уж кто точно не жалел себя этой ночью! Он позвал привратника папашу Мари, и тот немедленно принес две кружки кофе, щедро сдобренные горячительным пойлом, которое он, таясь, всегда носил с собой и от которого пахло перебродившими яблоками. От резкого кислого аромата инспектор чихнул, пробудился и, увидев кружку с кофе, схватил ее и принялся шумно прихлебывать обжигающий напиток. Воцарилась тишина.

— Мне кажется, — с иронией в голосе назидательно произнес Бурдо, отставляя кружку, — что сей кофе является лишь прелюдией к чему-либо более существенному.

— Мне кажется, — в тон ему ответил Николя, — что я последую по намеченному вами пути, ибо со вчерашнего полудня у меня во рту не было ни крошки, если не считать таковой проглоченную утром булочку; поэтому я готов самым внимательнейшим образом выслушать ваше предложение.

— Наше обычное место, куда мы ходим утолять голод, когда он становится нестерпимым, а время поджимает; поход на улицу Пье-де-Беф кажется мне неплохим выбором.

— Я голоден, значит, я следую за вами, таков мой девиз на сегодняшнее утро.

— Тем более, — подхватил Бурдо, — что я успел зайти к Сансону, и сегодня ровно в полдень он прибудет в Мертвецкую, дабы произвести вскрытие известного вам тела. Не стоит приходить на вскрытие с пустым желудком, а то как бы нас не вывернуло…

Бурдо фыркнул, а Николя поежился: перспектива, увы, весьма вероятная. Он был согласен с Бурдо; процедура вскрытия в чем-то напоминала прогулку по морю: и то, и другое предприятие требовали наполнить желудок до отказа.

Их излюбленная харчевня располагалась в нескольких туазах от Шатле. Близость Большой Скотобойни, откуда во все стороны растекались кровавые ручейки, являлась гарантией, что мясо, подаваемое там, всегда свежее. Войдя в низенький прокуренный зал, Бурдо подозвал трактирщика, с которым они приятельствовали, ибо оба были родом из Турени, из деревни близ Шинона, и спросил, что хорошего может он предложить им в столь ранний час. Лукаво улыбаясь, краснолицый толстяк задумался.

— Что я могу вам предложить? — произнес он, награждая Бурдо увесистым дружеским тумаком, который любого другого, менее крепкого, чем инспектор полиции, наверняка свалил бы с ног. — Гм… Пирог с телячьей грудинкой вам о чем-нибудь говорит? Я делал его для своего приятеля, на крестины его первенца. Сейчас я вам его подогрею. И парочку графинчиков нашего красного вина. Как обычно.

Николя, всегда стремившийся проникнуть в святая святых кулинарного искусства, спросил у трактирщика, как тот готовит столь многообещающее блюдо.

— От вас, господин комиссар, у меня секретов нет. Но только от вас. Задай мне этот вопрос даже сам Парижский господин[14], я рта бы не раскрыл. Итак, слушайте. Берете добрый шмат грудинки, отборной, упитанной, с жировыми прослоечками, нарезаете полосками и сворачиваете рулетиками. Потом замешиваете тесто на нутряном сале, и выстилаете им круглую форму для пирога. Укладываете рулетики в форму, приправляете свиным салом, солью, перцем, гвоздикой, мускатом, душистыми травками, лавровым листиком, грибами и донцами артишоков. И все закрываете тестом. И на два часа без передыху в духовку. А когда вытащите из духовки, то перед подачей на стол острым ножиком проделаете посередке

дырочку и заправите пирог хорошо уваренным белым соусом, добавив к нему немного лимонного сока и желтков.

— Именно такое блюдо сейчас весьма уместно и даже необходимо для наполнения наших совершенно пустых желудков, — сверкая глазами и плотоядно облизываясь, произнес Бурдо.

— А для смены вкусовых ощущений на десерт я вам подам вишни нынешнего урожая, сваренные в вине с корицей.

— О, хотя сейчас всего одиннадцать, нас ожидает, поистине, роскошная трапеза… — с блаженной улыбкой проговорил Николя.

Друзьям немедленно принесли графинчик молодого вина цвета созревшей черной смородины, а чтобы они могли утолить первый голод, подали салат из бобов со шкварками; молодое винцо пришлось к салату очень кстати, и каждый осушил не один стаканчик. Николя рассказал Бурдо о событиях прошлой ночи, увиденных им вместе с Семакгюсом, а также передал ему суть своего разговора с Сартином, подчеркнув, что начальник назначил инспектора его помощником в этом нелегком и чрезвычайно деликатном расследовании.

— Если я правильно понял, — произнес, покраснев от удовольствия, Бурдо, — нам в первую очередь надлежит заняться делом задушенной девушки, дабы никто не догадался об истинных целях наших поисков.

— Совершенно верно. Получается, от результатов вскрытия зависит наше собственное алиби. Может статься, следы удушения, обнаруженные на шее, не являются причиной гибели жертвы, а оставлены для привлечения внимания к телу — чтобы его не свалили в общую кучу.

— Не думаю. Если судить по одежде и внешности убиенной, ничто не указывает, что к трупу хотели привлечь внимание.

Николя точно знал, что хороший сыщик должен прислушиваться к внутреннему голосу. На основании разрозненных сведений, смутных впечатлений, намеков, совпадений и предчувствий здравый смысл выстраивал свою собственную иерархию улик и доказательств. Память помогала проводить аналогии с прошлыми делами и мысленно перебирать накопившуюся коллекцию человеческих типажей, характеров и положений, не оставляя места для пустых рассуждений и постоянно выдавая очередную обоснованную гипотезу. Под добродушной внешностью Бурдо скрывался весь спектр отточенных до совершенства качеств, присущих образцовому сыщику. Сколько раз его несущественные на первый взгляд замечания изменяли направление поисков, и в результате приводили к успеху дела!

Аромат тушеной с пряностями телятины отвлек Николя от служебных размышлений. С великим пиететом трактирщик опустил блюдо с золотившимся корочкой пирогом на выщербленный стол, и, исчезнув не более, чем на секунду, вновь появился, неся в руках небольшой глубокий котелок; помятые закопченные бока, почерневшие от долгих часов томления на плите или в печке, свидетельствовали, что лучшие дни сия посудина знавала очень давно. Сверкнуло тонкое острое лезвие, мгновенно рассекшее хрустящую корочку, и все, кто сидел за столом, почувствовали божественный запах, вырвавшийся из пропеченных недр. Трактирщик медленно влил в отверстие белый соус, постаравшись заполнить бархатистой жидкостью каждый уголочек пирога. Затем, отставив котелок, он поднял блюдо, сделал несколько покачивающих движений, равномерно распределяя влитый под корочку соус, и вновь водрузил блюдо на стол. Николя и Бурдо уже наклонились, дабы приступить к этому шедевру кулинарного искусства, как трактирщик остановил их.

— Спокойно, агнцы мои, дайте соусу пропитать мясо и наделить его своими ароматами. Заметьте, я говорю пирог с телячьей грудинкой, но для вящей мягкости и лучшего упаривания я добавил к начинке завиток говяжьей грудинки. А соус! Да вы просто пальчики оближете! Это вам не комковатая неупарившаяся штукатурка, разболтанная на скорую руку неумелым поваренком. Требуются часы, судари мои, чтобы мука-крупчатка пропиталась маслом, заварилась, не осела на дно, не пригорела, а полностью растворилась в соусе. Я всего лишь

ничтожный кабатчик, но я готовлю с душой, как готовил мой прадед. Во времена Великого кардинала он отвечал за соусы на кухне Гастона Орлеанского!

Вдохновленный славным воспоминанием, он приступил к церемонии разрезания пирога. И сервировка, и вкус были на высоте его речей. Горячая корочка, похрустывающая от карамелизованного по краям мясного сока, нежно обнимала сочное мясо, окутанное соусом, насквозь пропитавшим начинку пирога. Николя и Бурдо провели немало сладостных минут, вкушая с душой приготовленное и поданное блюдо. Вареные вишни оказались кисло-сладкими и необычайно освежающими. Охваченные сытой истомой, они не отказались от капельки водки, поданной из предосторожности в фаянсовых чашечках, и пришли в совершеннейшее благодушное состояние. Полиция безмятежно закрыла глаза на нарушение правил и оставила его без внимания. Трактирщик не имел права продавать крепкие напитки, оно принадлежало другой корпорации; в своем скромном заведении он мог торговать только молодым вином из бочек, но никак не спиртным из запечатанных бутылок. Бурдо, всегда внимательно относящийся к деталям, внезапно обнаружил, что у них нет с собой нюхательного табаку. Отправляясь на вскрытие, они привыкли запасаться табаком. Вдыхая понюшку за понюшкой, они таким образом защищали свое обоняние от смрадного зловония, царившего в затхлом воздухе Мертвецкой. Трактирщик любезно одолжил им две глиняные трубки и необходимое количество табаку.

Добравшись до Большого Шатле, они направились в комнату для допросов, мрачное помещение с готическими сводами, расположенное возле канцелярии уголовного суда. Там стояли массивные дубовые столы, использовавшиеся, в случае надобности, для проведения вскрытий. Процедура эта пока не вошла в разряд обязательных, и лекари, коих служителям Фемиды приходилось привлекать, производили данную операцию исключительно по специальному приказу, и зачастую спустя рукава, не желая считаться ни с какими правилами; такие вскрытия для расследования не давали ничего.

Узкие окна, разделенные пополам выщербленными каменными столбиками, с трудом пропускали свет; когда же их закрывали железными ставнями, дабы крики подследственных не вылетали за пределы крепости, приходилось зажигать факелы. Мужчина одних лет с Николя, во фраке блошиного цвету, в черных панталонах и такого же цвета чулках, раскладывал на табурете хирургические инструменты, поблескивавшие в свете факелов. Шарль Анри Сансон и Николя были старые приятели; они познакомились, когда Николя еще только осваивался в Париже. Оба примерно в одно время вступили на избранное каждым поприще. Оба служили королевскому правосудию. Симпатия к взвешенному и застенчивому юноше, получившему великолепное образование, пробудилась у молодого комиссара совершенно неожиданно — не только для него самого, но и для палача. С тех пор Николя так и не сумел заставить себя смотреть на Сансона как на исполнителя смертных приговоров; он, скорее, видел в нем врача при уголовном суде. Сансон знал, что по традиции он обязан унаследовать фамильную должность; у него не было выбора; оставалось только подчиниться судьбе и следовать по уготованному ему пути. Однако он исполнял свою ужасную работу со всей возможной гуманностью. Обернувшись и увидев Николя и Бурдо, Сансон радостно улыбнулся.

— Господа, я вас приветствую, — произнес он, — и я в нашем распоряжении. Но скажите, не обязан ли я счастью видеть вас трагедии сегодняшней ночи?

По установившейся традиции они пожали друг другу руки; Сансон чрезвычайно дорожил этим рукопожатием, словно оно возвращало его в общество живых людей. Увидев, как оба следователя раскуривают трубки и принимаются дружно вдыхать ароматный дым, он улыбнулся. Появление Семакгюса и его игривая усмешка окончательно разрядили мрачную атмосферу зловещего помещения. Коллеги по врачебному искусству аккуратно разложили

инструмент, внимательно проверяя, остры ли лезвия ланцетов и ножниц, хирургических ножей и пил, остроконечных скальпелей и штыковидных ножей. Они также выложили лигатурные иглы, шовные нити, губки, хирургические крючки, трепан, клин и молоток. Николя вместе с Бурдо почтительно взирали на их приготовления. Наконец, все окружили стол, где лежало тело незнакомки. Сансон указал комиссару на труп и с поклоном произнес:

— Начнем, если вам угодно, господин комиссар. Перед нами тело, доставленное на кладбище Мадлен в четверг, 31 мая 1770 года; смерть наступила предположительно в результате катастрофы на улице Руаяль, — начал Николя.

Бурдо вел протокол.

— Тело было обнаружено комиссаром Ле Флоком и инспектором Бурдо в шесть часов утра. Внимание обоих служителей порядка привлекли выраженные следы удушения на шее жертвы. По этой причине поступил приказ доставить тело в Мертвецкую, где…

Он взглянул на часы, и вновь спрятав их в кармашек на груди фрака, продолжил:

— …через полчаса после полудня того же дня было произведено его вскрытие, осуществленное исполнителем смертных приговоров виконтства и округа Парижского Шарлем Анри Сансоном при содействии Гийома Семакгюса, корабельного хирурга, в присутствии вышеуказанных комиссара и инспектора. В первую очередь был произведен осмотр одежды и предметов, принадлежавших жертве. Платье с корсажем спереди и свободной спиной, из светлого желтого шелка хорошего качества…

По мере того, как Николя описывал предметы одежды, Сансон и Семакгюс осторожно снимали их с тела и откладывали в сторону.

— …Корсет из белого шелка, облегающий тело и вырезанный по бедрам, на китовом усе, со шнуровкой сзади…

Сей предмет дамского туалета так плотно облегал тело, что Семакгюсу пришлось ножом разрезать шнуровку.

— …Две юбки, одна из тонкой хлопчатой ткани, вторая шелковая, с двумя карманами, пришитыми изнутри…

Он обыскал карманы.

— Карманы пусты. Серые нитяные чулки. Обувь отсутствует. Никаких дополнительных предметов, ни украшений, ни бумаг, ни каких-либо вещей, на основании которых можно произвести опознание тела, не обнаружено.

Николя вытащил из кармана платок и осторожно развернул его.

— Когда тело жертвы обнаружили на кладбище Мадлен, в зажатом кулаке нашли черную бусину, выточенную, судя по всему, из обсидиана. По общему впечатлению можно сказать, что перед нами труп молодой девушки лет двадцати, не имеющий никаких видимых признаков повреждения, кроме отмеченных ранее следов удушения на шее. Рот открыт, черты лица искажены. Белокурые волосы чистые и тщательно причесаны. Тело также чистое. Господа, теперь ваша очередь.

Николя повернулся к Сансону и Семакгюсу. Те приблизились к столу и внимательнейшим образом осмотрели лежащий перед ними труп несчастной. Они перевернули его, обследовали фиолетовые пятна на спине, затем вернули в прежнее положение. Покачивая головой, Семакгюс провел рукой по животу и выразительно посмотрел на Сансона, который, наклонившись, повторил его жест; схватив лежащий за ним зонд, он уверенными движениями осуществил исследование внутренней полости.

— Без сомнения, так и есть.

— Признаки явные, дорогой собрат, — произнес Семакгюс. — Полагаю, вскрытие подтвердит наше предположение.

Николя вопросительно посмотрел на них.

— Увы, — произнес Семакгюс, — ваша девица давно уже не девственница, и есть все основания полагать, что она уже родила. Вскрытие покажет, насколько верно наше предположение.

Палач кивком подтвердил слова корабельного хирурга.

— Никаких сомнений. Доказательством является отсутствие девственной плевы, хотя далеко не все с этим согласны. Но в данном случае имеет место разрыв уздечки, как часто бывает у женщин, которые родили ребенка.

И он снова склонился к телу.

— Gravis odor puerperii[15]. Ошибиться невозможно, роды случились несколько дней назад или чуть раньше. Эти полоски на животе свидетельствуют, что кожа его была сильно растянута.

— Равно как и эта темная линия, идущая от лобка к пупку, — продолжил Семакгюс, проводя пальцем по телу. — Набухшие груди также подтверждают наши выводы. Осталось обследовать детали. Подержите ей голову вертикально.

— Заметьте, — произнес Сансон, — что сочленение с первым шейным позвонком не столь подвижно, как бывает обычно.

При виде взрезанной скальпелем плоти Николя поморщился. Так случалось каждый раз: в начале он срочно доставал трубку или принимался лихорадочно нюхать табак, но потом профессиональный интерес побеждал отвращение, и неприглядное зрелище переставало вызывать у него эмоции. Любопытство поддерживалось желанием поскорей прийти к выводам, все разъяснить, приподнять завесу над покрытой мраком тайной. Глядя на тело, он переставал думать о том, что еще совсем недавно оно принадлежало живому существу, и видел в нем всего лишь объект, который нужно тщательнейшим образом обследовать, невзирая на малоприятные звуки и тошнотворные цвета, извлекаемые из его глубин стилетом или зондом. Уподобившись прилавку мясника, неведомый животный механизм являл взору свое внутреннее строение, которое начавшееся гниение вскоре разрушит полностью.

Палач и корабельный хирург продолжали работу, молча указывая один другому на те или иные органы и обмениваясь понимающими взглядами. Завершив исследование, они вернули телу прежний вид. Крупными стежками зашили надрезы, тело вымыли и завернули в большую простыню, и комиссар наложил печати на ее сомкнутые края. Завершив работу, они вымыли руки уксусом и, обсушившись, остались стоять молча; никто не решался заговорить первым.

— Сударь, — наконец, произнес Семакгюс, — здесь вы у себя. Я не намерен вторгаться в пределы вашей юрисдикции.

— Я тоже здесь неофициально, сударь. Однако я согласен сделать заключение; но и вы, сударь, сделайте одолжение, дополняйте мои выводы, и не стесняйтесь перебивать меня.

Семакгюс поклонился в знак согласия.

— Непременно, раз уж вы дали мне позволение.

Сансон принял скромный и сосредоточенный вид, напоминавший Николя позу проповедника во время поста.

— Мне известно, господин комиссар, ваше желание поскорее получить сведения, необходимые для вашего расследования. Полагаю, вы сумеете оценить полученные нами результаты. Перехожу к главному.

И, скрестив на груди руки, он вдохновенно начал:

— Итак, перед нами лежит тело, принадлежащее женщине примерно двадцати лет…

— …необычайно хорошенькой, — ворчливым тоном добавил Семакгюс.

— Во-первых, мы констатировали, что она была задушена. Состояние трахеи, ушибы и внутренние гематомы, образовавшиеся по причине кровоизлияния, подтверждают наши выводы. Во-вторых, жертва недавно родила, хотя точную дату родов мы вам назвать не можем.

— Тем не менее, событие произошло не больше двух-трех дней назад, — добавил Семакгюс. — Состояние половых органов, грудей и также некоторые другие признаки, от описания которых я избавлю ваши уши, позволяют нам это утверждать.

— Наконец, в-третьих, сложно определить время смерти. Тем не менее, состояние трупа наводит на мысль, что, скорее всего, смерть наступила вчера, между семью и восемью часами вечера.

— Также, — произнес Семакгюс, — обмывая тело, мы обнаружили… сухие травинки.

И, разжав ладонь, явил всем несколько былинок. Николя осторожно взял их и завернул в платок вместе с черной бусиной.

— И где именно на теле вы их нашли? — спросил он.

— Везде понемногу, но больше всего на голове, хотя в густых и светлых волосах цвета спелой соломы они были почти незаметны.

Николя задумался. Как всегда, он чувствовал себя готовым стать адвокатом самого дьявола, лишь бы докопаться до истины.

— Даже если жертва скончалась задолго до начала печальных событий на площади Людовика XV, не могли ли вы — заранее прошу меня простить — ошибиться, и нет ли оснований предполагать, что повреждения шеи случайны, получены, когда тело вытаскивали из завалов, и не они стали причиной смерти.

— Мы заявляем совершенно официально, — ответил Сансон, — что эти повреждения были получены при жизни жертвы, и именно они повлекли за собой ее смерть. Не стану утомлять вас подробностями, но характер повреждений не оставляет сомнений. К тому же, одежда жертвы в полной сохранности, а в случае гибели жертвы в давке это было бы невозможно.

— Тем более, — подхватил Семакгюс, — тогда мы не смогли бы объяснить выражение лица и наличие черной крови в легких.

— Как вы считаете, роды прошли нормально? — задал вопрос Бурдо. — Иначе говоря, есть основания предполагать, что был сделан аборт?

— Трудно сказать. Кожные складки в области живота, без сомнения, наличествуют, причем такие, какие бывают у родивших женщин. Впрочем, когда производят аборт на поздних сроках, следы иногда остаются те же, что и при родах, и следы этим тем выраженнее, чем большим был срок беременности.

— Значит, — заключил Бурдо, — мы не можем с точностью сказать, идет ли речь о родах или об аборте при позднем сроке?

— Нет, — ответил Сансон.

Николя принялся размышлять вслух.

— Есть ли у нас основания поместить труп на ледник и приступить к официальному расследованию? Не лучше ли оставить его там, где его обнаружили, и приставить к нему ловкого соглядатая? Ведь тогда его, в конце концов, опознают родственники. Доставив тело сюда, мы нарушили естественный ход событий и усложнили нашу задачу…

Бурдо возразил ему.

— Ну, и как бы мы выглядели с нашими обвинениями? Семья точно подняла бы шум! И прощай вскрытие! Нам бы немедленно доказали, что она погибла в давке. Более того, мы бы никогда не узнали, что несчастная недавно родила! Я предпочитаю истину, увиденную собственными глазами, нежели ту, в которую меня заставляют поверить.

Уверенность инспектора помогла Николя прогнать одолевшие его сомнения.

— К тому же, — заключил Бурдо, — как говорил мой отец, заботившийся о королевской своре для охоты на кабана, теперь мы вооружены, и достойно встретим кабана, даже если он попытается выдать себя за оленя. Но кто бы ни оказался виновником убийства, расследование обещает быть непростым.

— Друзья мои, — начал Николя, — как мне благодарить вас за то, что вы своими знаниями согласились осветить мне путь в этом запутанном деле? Вы знаете, — прибавил он специально для Сансона, — господин де Ноблекур давно приглашает вас на ужин, но вы постоянно отказываете ему.

— Господин Николя, — ответил Сансон, — его приглашение уже делает мне честь и преисполняет меня радостью и признательностью. Возможно, настанет день, когда я приму его.

Оставив Семакгюса и Парижского господина оживленно дискутировать о сравнительных заслугах двух предшественников новой судебной медицины, Беккера[16] и Баузмана[17], комиссар и его помощник, задумавшись, молча спустились по лестнице и вышли под своды Большого Шатле. Разразилась долгожданная гроза, и теперь ручейки грязной воды, несущие отбросы, затопили проезжую часть улицы. Бурдо чувствовал, что Николя что-то беспокоит.

— Я не могу понять, что могло заставить молодую женщину так тесно зашнуровать корсет, — наконец, задумчиво произнес комиссар.

III

«У ДВУХ БОБРОВ»

Прошлое уже ушло, будущее еще не настало,

А настоящее медленно струится между жизнью и смертью.

Ж.Б. Шассинье (1594)

Николя посвистел, и к нему моментально подъехал фиакр. Им предстояло вернуться на площадь Людовика XV, точнее, туда, где сложили тела, дабы отыскать опечаленное семейство, разыскивающее девушку или молодую женщину, ибо у трупа, закутанного в полотно и оставшегося лежать в Мертвецкой, не было обручального кольца.

На улицу Сент-Оноре экипаж ехал по набережным, старательно объезжая притоны, расположившиеся на улицах Пти-Бурбон и Пули, протянувшихся вдоль старого Лувра. Николя созерцал соседствовавшее с королевским дворцом скопление грязных подозрительных лачуг, где процветали всевозможные недуги, как телесные, так и умственные.

Одна сторона улицы Сент-Оноре являла собой череду модных лавок, откуда диктовали моду всему городу. Каждый новый сезон из этих роскошных магазинов искусные ремесленники отправляли в далекие северные королевства, включая Московию, на юг и даже в сераль турецкого султана фарфоровых кукол, причесанных по последней моде, тщательно одетых и с богатым приданым, являвшим собой уменьшенные модели новейших фасонов одежды. Другая сторона, ближе к рынку, была посвящена соблазнам более приземленным. Ресторан в особняке Алигр, знаменитый храм чревоугодия, открытый годом раньше, выставлял в окне окорока и колбасы. Однажды вечером Бурдо повел туда Николя отведать новомодное блюдо — страсбургскую кислую капусту. Это блюдо получило одобрение Медицинского Факультета, характеризовавшего его как пищу «освежающую, помогающую против цинги, производящую очищение лимфы и способствующую кроветворению». Славилась также и тамошняя форель. Выловленную в Женевском озере, ее варили живьем, с приправами и уксусом, и в этом отваре доставляли в заведение; говорили — и де Лаборд это подтверждал — что когда повозка с форелью, отправленная в Версаль, запаздывала, король приказывал задержать обед.

Но вот показались Оранжерея, и возле нее монастырь капуцинов; покрытая черной сланцевой черепицей, крыша монастыря блестела после дождя, отбрасывая серые блики.

Фиакр двинулся в сторону улицы Шевийи, затем выехал на улицу Сюрен и вскоре подъехал к кладбищу прихода Мадлен. Подступы к кладбищу охраняли французские гвардейцы; они преграждали доступ на его территорию и прилегавшие к ней улицы плотной мрачной толпе, молчаливо топтавшейся напротив кордона. Экипаж замедлил ход, не в состоянии проехать сквозь скопление людей; Николя постучал кулаком в переднюю стенку кузова, и когда кучер остановился, вышел из кареты. Ему навстречу шагнул человек в черном платье советника: Николя узнал в нем Мютеля, комиссара квартала Пале-Руаяль. Комиссар пожал Николя руку, а двое сопровождавших его помощников поклонились. Один из них, господин Пюисан, отвечал в ведомстве Сартина за спектакли и иллюминацию; другой, господин Оше де ла Терри, являлся его помощником, и оба принадлежали к давним знакомыми Николя.

— Мой дорогой собрат, — начал Мютель, — господам, пребывающим под моим началом, поручено упорядочить процедуру опознания тел. Тут так мало места, что если мы позволим подойти всем сразу, это приведет к очередному столпотворению и новым жертвам. Полагаю, вас прислал к нам на помощь господин де Сартин?

— Не совсем так, хотя мы, разумеется, в вашем распоряжении. Речь идет о расследовании, связанном с обнаруженным сегодня ночью подозрительным трупом. Поэтому нам необходимо посмотреть… Полагаю, у вас есть списки?

— Разумеется, мы составили списки всех, кого удалось опознать по тем или иным признакам; еще есть список тех, кого опознали родственники, и список примет тех, кого мы пытаемся опознать с помощью этих самых примет. У многих лица превратились в бесформенное кровавое месиво, и опознать такие трупы надежды мало. А тут еще и ливень… вряд ли мы сможем долго хранить тела… Но в Мертвецкую они все не поместятся!

Приблизившись к Николя, комиссар, понизив голос, справился о здоровье Сартина.

— Ах, дорогой мой, вы же знаете, simplicitas ac modestiae imagine in altitudinem conditus studiumque litterarum et amorem carminum simulans, quo velaret animium[18]…и не менять при этом париков…

Когда их слова не предназначались для чужих ушей, оба комиссара, будучи страстными любителями изящной словесности, с удовольствием поддерживали разговор при помощи латинских цитат.

— Bene[19]. Действительно, необходимо выявить виновников! И уверенность, что он это понимает, меня вдохновляет. Конечно, положение серьезное, но он выпутается. Хотелось бы как можно скорее узнать истину. И тогда ложь и зависть увязнут в собственной трясине!

И, подмигнув, добавил:

— Положитесь на меня, я постараюсь выяснить и сообщить вам как можно больше подробностей, связанных с проявленной в эту ночь некомпетентностью.

Понимающе улыбнувшись, Николя подкрепил улыбку дружелюбным взмахом руки. Когда в 1761 году его неожиданно для всех назначили комиссаром Шатле, собратья по ремеслу приняли его настороженно. С тех пор большинство из них прониклись к нему уважением за его собственные достоинства, и, уверенные в его честности и готовности, в случае необходимости, ходатайствовать перед генерал-лейтенантом, охотно делились с ним своими трудностями. Николя никогда не кичился своими успехами и никогда не забывал воздать должное ветеранам ремесла, старшим его по возрасту.

Николя и Бурдо отправились в церковь, где составляли списки. Со всех сторон неслись стоны и рыдания родственников погибших. Приступив к просмотру, инспектор через несколько минут указал Николя на строку, и тот громко прочел:

— «Молодая хрупкая девушка, одетая в шелковое платье соломенного цвета, белокурые волосы, голубые глаза, возраст — девятнадцать лет…»

Он подозвал пристава, составившего список.

— Эта запись последняя. Следовательно, приметы жертвы вы получили совсем недавно. Вы помните, кто их сообщил?

— Да, господин комиссар, ведь дело было четверть часа назад. Какой-то господин лет сорока, а с ним молодой человек. Господин искал племянницу. Он казался очень взволнованным, и даже дал мне карточку своей лавки, дабы я сообщил ему, ежели отыщу девушку.

Сверившись с номером записи, он порылся в картонной коробке, где стопочками лежали разнообразные бумаги.

— Сейчас… так, номер 73… Вот!

И он вытащил украшенный виньетками кусочек картона с нарисованными вверху двумя зверьками с густым мехом. Их пушистые хвосты служили обрамлением гравюры, изображавшей мужчину в шубе и меховой шапке, тянувшего руки к пылающему очагу. Текст карточки гласил:

«Лавка „У двух бобров". В суровую зиму на улице Сент-Оноре, напротив Оперы, Шарль Гален, меховщик, продает пушнину и меховой товар, а также лучшие в Париже муфты и шубы».

— Племянницу его звали Элоди Гален, — добавил пристав.

Свинцовым карандашом комиссар записал адрес лавки в свою черную записную книжечку.

— Не будем терять времени, — произнес он, — и отправимся по этому адресу.

Когда они садились в фиакр, откуда-то неожиданно вынырнул Сортирнос и схватил Николя за пуговицу фрака.

— Послушай, что я тебе скажу: сегодня городская стража весело провела ночь. Они только и делали, что откупоривали бутылки в окрестных кабачках, обмывая свои новые мундиры. Веселые заведения они тоже не обошли стороной. Так что Полетта из «Коронованного дельфина» может рассказать тебе много интересного. Кстати, она поручила сообщить тебе и господину Бурдо, что ждала вас, и даже приказала никому не отдавать приготовленный вам ужин, и в конце концов он совсем остыл. Но она на вас не в обиде, она понимает, что не сложилось. И еще она мне сказала, что у нее для вас есть новость, и она жаждет вам сообщить ее, дабы доставить вам удовольствие. Словом, она ждет вас сегодня вечером часов в десять, хотя, конечно, такого ужина, как вчерашний, вам уже не видать…

Николя направился к фиакру, но Сортирнос удержал его.

— Не торопись! Посмотри лучше, что раздают на улицах подкупленные мошенники. Кстати, листовка отпечатана за счет города. Об этом мне сообщил один цеховой мастер, когда пользовался моим шале; они печатают их в той же типографии, где эшевены обычно размещают заказы на объявления о торгах и подрядах. Прошу прощения за вид!

И он протянул комиссару мятую бумажку. Николя бросил Сортирносу монетку, и тот, всем своим видом изображая благородное бескорыстие, схватил ее на лету. Автор пасквиля поливал грязью Сартина и первого министра Шуазеля. Николя отметил, что в Ратуше времени не теряли. Обвинения, брошенные в адрес его начальника и министра, оскорбляли его как служителя королевского правосудия и королевского советника. За десять лет он так и не привык к мерзким, источающим ненависть листкам, особенно расплодившимся при последней фаворитке. И хотя он вынужден был признать, что не все в этих листках было ложью, они по-прежнему вызывали у него отвращение. Ему не раз приходилось конфисковывать подобные опусы прямо в типографии и уничтожать их. Однако он понимал, что в лице авторов этих афишек полиция столкнулась с тысячеголовой гидрой, из каждой отрубленной головы которой вырастали две новых.

Впереди вновь показался кордон гвардейцев из караульного отряда. Николя попросил офицера позволить им проехать по улице Руаяль, и фиакр медленно проследовал по направлению к месту разыгравшейся ночью драмы. К этому часу следов трагических событий на улице почти не осталось, если не считать обрывков одежды и одиноких башмаков, которые

вскоре, без сомнения, подберут старьевщики. Грозовой дождь размыл темные пятна на земле и омыл камни. Залитые ярким полуденным солнцем траншеи, каменные блоки и неровные углы домов, ставшие виновниками ночной трагедии, сейчас выглядели свидетелями обвинения. Площадь Людовика XV освобождалась от следов катастрофы: команды уборщиков приступили к расчистке пепелища, образовавшегося на месте сгоревших праздничных декораций. Торжественно и величественно высились Посольский дворец и Мебельные склады. Ветер прогнал остатки зловонной гари. Завтра здесь все будет как обычно, словно ничего не произошло. В ушах Николя зазвучали предсмертные крики, и он в который раз задумался о последствиях бедствия, постигшего парижан вместо обещанного праздника. Чтобы попасть на улицу Сент-Оноре через пассаж Оранжери они поехали вдоль Мебельных складов, и вскоре фиакр остановился возле поворота на улицу Валуа, перед лавкой, где на фасаде красовалась вывеска «У двух бобров». В большом окне, обрамленном резной деревянной рамой, были выставлены картины со сценами охоты: трапперы и дикари преследовали всевозможных зверей во всех частях света. Решетка в виде частокола, увенчанного позолоченными шишечками, защищала стекло, за которым в полумраке проступали искусно расставленные чучела животных. Николя указал Бурдо на оголенные манекены.

— В конце весны шкуры и меховые изделия убирают от жары в прохладные подвалы, а чтобы их не испортили насекомые, окуривают ароматическими травами.

— И это очень мудро. Однако, какая красивая женщина…

— Что-то вы слишком любопытны…

Николя толкнул дверь лавки. Раздалась чистая переливчатая трель колокольчика. В нос им ударил резкий запах дикого зверя. Николя немедленно вспомнил шкаф в замке Ранрей, куда он мальчишкой любил забраться во время игры и сидеть там, зарывшись лицом в меха маркиза, своего крестного. За прилавком из светлого дуба стояла довольно молодая темноволосая женщина в платье из серой тафты с широкими кружевными манжетами; склонившись над листом бумаги, она с суровым лицом разглядывая его. Когда она подняла голову, Николя поразила белизна ее кожи. Женщина гневно воззрилась на молоденькую девушку, скорее, даже девочку, в чепце и переднике, какие обычно носит прислуга. Судя по понурому виду девушки и покорно опущенной голове, ее застали на месте неведомого Николя преступления. На некрасивом, но смышленом подвижном лице явственно читалась непокорность маленького загнанного зверька.

— Мьетта, девочка моя, вас либо обокрали, либо вы сами воровка.

— Но, сударыня… — принялась канючить девчонка, теребя угол передника.

— Замолчите, у меня голова от вас болит. Вы мерзавка!

Взгляд женщины упал на ноги служанки.

— Где вас носило, вы только посмотрите на свои башмаки… А лицо! Оно такое же грязное, как и ваше платье! Кто бы мог подумать, что в почтенном доме…

Тут она заметила Николя.

— Прочь отсюда, негодница! Господа, чем обязана вашему визиту? В этом сезоне у нас есть, что вам предложить, и по очень выгодным ценам. Накидки, шубы, плащи, муфты. У нас есть все, что станут носить осенью. А также, специально для ваших дам, превосходные соболя, привезенные с севера. Сейчас я позову мужа, господина Галена, и он вам все подробно расскажет о нашем товаре.

Женщина скрылась за боковой дверью, украшенной наборным деревянным орнаментом, а Бурдо проворчал:

— Вот уж кто явно не станет портить себе кровь из-за пропажи племянницы!

— Не стоит делать поспешных выводов, мы еще окончательно не установили личность нашей незнакомки. Просто у нее есть склонность к коммерции, — примиряющим тоном произнес Николя.

Он остерегался делать выводы на основании первых впечатлений, хотя опыт и подсказывал ему, что они самые верные.

Женщина вернулась и пригласила их проследовать в комнату, служившую, скорее всего, ее супругу конторой. За деревянным столом, заваленным образцами мехов, сидел, скрестив руки, мужчина средних лет. Рядом, опершись на спинку его кресла, словно на карауле, стоял молодой человек. Николя, которого любые неожиданные ощущения тотчас настораживали, отчетливо почувствовал хорошо знакомый запах: так пахнут загнанные животные и обвиняемые на допросе. Неуловимый для всех остальных, этот запах смешивался с едким, затхлым запашком, исходившим от мехов и пропитавшим весь воздух в лавке. Напряженные лица обоих мужчин никак не вязались с обликом честных коммерсантов, готовых расхвалить свой товар. Первым заговорил тот, кто был постарше.

— Полагаю, господа, желают воспользоваться нашими скидками? У меня есть товары, которые их явно заинтересуют…

Николя прервал его.

— Вы — Шарль Гален, меховщик и торговец пушниной? Сегодня утром на кладбище Мадлен, вы, если я не ошибаюсь, оставили заявление, где указали, что у вас пропала девятнадцатилетняя племянница, Элоди Гален.

Он заметил, как молодой человек так сильно сжал спинку кресла, что рука его побелела.

— Совершенно верно, сударь. А вы, сударь…?

— Николя Ле Флок, комиссар Шатле, а это мой помощник, инспектор Бурдо.

— У вас есть новости о моей племяннице?

— К сожалению, должен вам сообщить, что я лично обнаружил тело, полностью соответствующее тем приметам, которые вы описали приставу на кладбище Мадлен. Поэтому, сударь, я попросил бы вас поехать со мной в Большой Шатле, где мы проведем процедуру опознания искомого тела. И чем раньше вы это сделаете, тем лучше.

— Бог мой! Но почему в Шатле?

— Жертв оказалось так много, что часть из них отвезли в морг.

Молодой человек опустил голову. Несмотря на изрядное сходство с отцом, черты лица его отличались крайней невыразительностью: приплюснутый нос, маленькие водянистые глаза, сидевшие глубоко в орбитах, светлые каштановые волосы. Время от времени он втягивал в себя щеки и, видимо, закусывал и терзал их зубами. Отец его держался более уверенно, и на лице его не отражалось никаких эмоций, и только на висках, по краям парика, предательски поблескивали капельки пота. Оба, отец и сын, были во фраках из легкой светло-коричневой ткани.

— Я и мой сын Жан идем с вами.

— На улице нас ждет фиакр.

Когда они вчетвером выходили из дома, мужеподобная толстуха в утреннем неглиже, непричесанная и с помятым лицом, бросилась к меховщику, и, вцепившись в отвороты его фрака, затрясла его как грушу, выкрикивая визгливым голосом:

— Шарль, не смейте ничего от меня скрывать! Где наша птичка, наша красавица? Кто эти люди? Что вы от меня утаили? Это невыносимо! В этом доме с нами никто не считается, а ведь я… Нет, я умру, умру прямо сейчас…

Осторожно высвободившись из ее цепких рук, Шарль Гален усадил ее на стул, и она немедленно принялась рыдать.

— Простите ее, сударь, это моя старшая сестра Шарлотта, она очень огорчена отсутствием племянницы.

Обернувшись к жене, бесстрастно наблюдавшей за разыгравшейся сценой, он произнес:

— Эмилия, принесите немного флердоранжевой воды нашей сестре. Я пойду с этими господами, но скоро вернусь.

Вместо ответа Эмилия Гален пожала плечами. Они вышли и сели в фиакр. Отметив, что Гален ничего не сказал домашним о причине их визита, Николя задался вопросом, хотел ли он таким образом оградить своих близких от лишних волнений, или же участь юной девушки им всем глубоко безразлична. Видимо, Гален женат вторым браком, ибо его сын всего на несколько лет моложе его супруги. Тогда безразличие госпожи Гален вполне объяснимо. Сын, напротив, выглядел взволнованным, скорее даже, встревоженным, что вполне могло объясняться как родственным, так и иным чувством, питаемым им к погибшей. Отец либо умел держать себя в руках, либо предполагаемая смерть близкого ему человека не слишком волновала его. Но это всего лишь догадки, ибо Николя пока еще ничего не знал о семействе Гален. Расследование начиналось, как всегда, с многочисленных вопросов. В первую очередь предстояло опознать тело. Пассажиры фиакра ехали молча. Сидевший напротив сына Николя видел, как тот машинально выщипывал ворс из плюшевой обивки дверцы. Бурдо притворился спящим, но сыщик знал, что из-под полуприкрытых век он зорко следит за меховщиком. Шарль Гален сидел неподвижно, вперив взор в пустоту.

По прибытии в Шатле от равнодушия меховщика не осталось и следа. Опираясь на руку сына, Шарль Гален осторожно спустился по каменной лестнице старой тюрьмы; Николя подвел их к большому полотняному свертку, опечатанному им сегодня утром; сейчас сверток доставили из соседнего погреба. Повернувшись спиной к Галенам, комиссар снял печати, а потом открыл лицо умершей. Неожиданно он услышал глухой стук, и, обернувшись, увидел, как сын упал в обморок. Срочно призванный папаша Мари влил в рот молодого человека несколько капель своего чудодейственного пойла, а дабы усилить его живительное воздействие, влепил пару звонких пощечин. Лечение оказалось эффективным: сын Галена вздохнул, очнулся и привратник проводил его во двор подышать воздухом. Шарль Гален вознамерился последовать за ним, но Николя удержал его.

— Сударь, не волнуйтесь. У папаши Мари огромный опыт, ему не раз приходилось приводить в чувство свидетелей, так что он позаботится о вашем сыне. Мне необходимо, чтобы вы подтвердили личность этой девушки.

Широко раскрыв глаза, торговец мехами в смятении глядел на тело; губы его дрожали.

— Да, сударь, увы, это моя племянница Элоди. Какой ужас! Как я сообщу об этом своим сестрам? Они успели привязаться к нашей крошке, и уже считали ее своим ребенком!

— Ваши сестры?

— Шарлотта, старшая, ее вы уже видели, и Камилла, младшая.

Они дошли до дежурной части, где стараниями Бурдо показания Галена были записаны по всей форме.

— Сударь, — произнес Николя, — в силу своих обязанностей я должен сообщить вам неприятное известие. Довожу до вашего сведения, что ваша племянница, мадемуазель Элоди Гален, погибла не в давке во время горестных событий на улице Руаяль, о коих мы не устаем сожалеть, а была убита.

— Убита? Что вы такое говорите? Может, я ослышался? Да как вы можете с такой легкостью сообщать об этом мне, ее ближайшему родственнику, и без того убитому горем? Наша Элоди убита! Убита! Дочь моего брата…

Большой любитель театра, Николя различил фальшь в причитаниях торговца. В тогдашних пьесах благородные отцы часто разыгрывали горе и возмущение, и сцена,

представленная Галеном, показались ему не раз слышанной и виденной. Поэтому он сухо произнес:

— Я хочу сказать следующее: освидетельствование тела — Николя все же решил обойтись без терзающего слух термина «вскрытие» — неоспоримо доказывает, что эта девушка, точнее, молодая женщина, была задушена. Кстати, она была замужем или собиралась выйти замуж?

Он не намеревался посвящать родственника в результаты вскрытия, предпочитая сохранить эту карту до того момента, когда ее можно будет выгодно разыграть. Ответ Галена подтвердил правильность его поступка.

— Замужем! Жених! Вы бредите, сударь! Она еще совсем дитя!

— Сударь, я вынужден вас просить точно отвечать на мои вопросы. Мне необходимо проверить некоторые догадки, ибо относительно совершения преступления сомнений нет, насильственная смерть доказана, и как только я изложу свои соображения королевскому прокурору, тот доведет их до сведения уголовного судьи.

— Но, сударь, моя семья, моя жена… Им надо сообщить…

— Разумеется, но не сейчас. Когда вы видели племянницу в последний раз?

Помолчав и, видимо, уяснив для себя ситуацию, мэтр Гален ответил:

— Так как я являюсь одним из старшин гильдии торговцев мехами, входящей, как вам известно, в состав Большой корпорации[20], то меня пригласили на торжества, устроенные городскими властями. Но сначала мы собрались у одного из старшин, в его доме возле Нового моста. Утром я разговаривал с племянницей, и она сказала, что вечером хочет вместе с моими сестрами и служанкой Мьеттой пойти на площадь Людовика XV посмотреть фейерверк. Вечером мы тоже отправились смотреть фейерверк, но пришли с опозданием, когда пощадь уже запрудил народ, и толпа быстро отделила меня от собратьев по цеху. Не сумев продвинуться дальше Тюильри, я невольно стал свидетелем трагедии, и до самого утра помогал вытаскивать из ям жертвы. Вернувшись домой, я узнал об исчезновении племянницы и отправился на кладбище Мадлен.

— Благодарю, — сказал Николя. — Теперь начнем все сначала, и по порядку. В котором часу вы прибыли на площадь Людовика XV?

— В точности не могу сказать. После нескольких бутылок доброго вина, опустошенных нами в тот праздничный день, мы были навеселе, однако мне кажется, к площади мы подошли часов около семи.

— А господа из Большой корпорации смогут подтвердить, что вы присутствовали на той пирушке?

— Вам подтвердит каждый, кто там был. Спросите у господ Шастаньи, Левиреля и Ботиже.

Николя повернулся к Бурдо.

— Возьмите их адреса, мы проверим показания. Не встретили ли вы в ту ночь кого-нибудь из знакомых?

— Было темно, все были возбуждены, и узнать кого-либо возможности не представлялось.

— Еще вопрос. Как вам кажется, что могло стать причиной гибели вашей племянницы?

Гален в растерянности поднял голову; на лице его вновь появились признаки сильного волнения.

— Что мне вам сказать? Вы не уточнили, каким образом она погибла. А я видел только ее лицо.

Желая скрыть следы на шее, Николя показал только лицо умершей.

— Всему свое время, сударь. Мне хотелось бы только узнать ваши соображения. Еще один вопрос, и мы более вас не задерживаем. Когда вы, согласно вашим собственным словам, рано

утром, часов около шести, вернулись на улицу Сент-Оноре, кто из домашних находился в это время дома? Ваш ответ поможет нам составить список всех, кто проживает у вас в доме.

— Мой сын Жан, две мои сестры, Камилла и Шарлотта, моя дочь Женевьева, но она еще совсем ребенок, кухарка Мари, наша служанка Мьетта и…

От Николя не ускользнуло замешательство торговца.

— Моя жена, а также… дикарь, — после продолжительной паузы, наконец, произнес Гален.

— Что за дикарь?

— Полагаю, мне надо кое-что объяснить. Двадцать пять лет назад мой старший брат, Клод Гален, по воле нашего отца отправился в Новую Францию основать там факторию, чтобы напрямую покупать меха у трапперов и туземцев, не прибегая к посредникам. Собственная фактория сокращала наши расходы и позволяла опускать цены в Париже, где между торговцами предметами роскоши царит жестокая конкуренция. В 1749 году мой брат женился, взяв жену из Луисбурга.

Начав рассказывать о своей торговле, меховщик явно успокоился.

— Нападения англичан на наши колонии участились, и брат вместе с семьей решил вернуться во Францию. В то время его дочь Элоди только что родилась. Он купил проезд на судне из эскадры адмирала Дюбуа де Ла Мота, но, пробираясь на корабль, во время стычки с англичанами потерял дочь. А дальше — еще хуже. Во время плавания началась эпидемия тифа. Болезнь косила едва ли не каждого десятого, десять тысяч моряков умерли, не дотянув до Бреста[21]. Мои брат и невестка также стали жертвами этой катастрофы. Однако, как оказалось, племяннице удалось спастись, и полтора года назад слуга-индеец доставил ее ко мне в дом; при ней была выписка из церковно-приходской книги, удостоверявшая ее рождение и крещение. В течение семнадцати лет ее воспитывали монахини. С тех пор она живет у меня на правах дочери: в моем доме она обрела и стол, и кров.

— А этот туземец? Как его зовут?

— Наганда, из племени микмаков[22]. Он очень скрытный. Я не знаю, как можно иметь с ним дело. Представьте себе, он вбил себе в голову, что должен спать на пороге комнаты моей подопечной! Как будто бы ей грозит опасность в моем доме! Пришлось отвести ему для жительства чердак.

— Где он, без сомнения, и пребывает?

— И пусть радуется; будь моя воля, я бы держал его в погребе.

— Но там у вас хранятся шкуры, — сухо заметил Николя.

— Вижу, вы неплохо осведомлены о тонкостях моего ремесла.

— Сейчас я попрошу вас пройти в соседнее помещение. Мне надо поговорить с вашим сыном.

— Но почему я не могу остаться? Он очень чувствительный мальчик, а я вижу, что смерть кузины его крайне разволновала.

— Не беспокойтесь, я его не задержу.

Бурдо проводил свидетеля в комнату по соседству с кабинетом начальника полиции и вернулся вместе с сыном Галена. По бледному лицу молодого человека градом катился пот, вызвавший удивление Николя. Комиссар знал, чрезмерное потоотделение часто свидетельствовало о неуравновешенности нрава: пот мог выделяться как от усталости, так и от страха. Когда Николя сообщил молодому Галену, что кузина его убита, он еще больше побледнел и несколько минут не мог выговорить ни слова.

— Вы — Жан Гален, сын Шарля Галена, старшины гильдии меховщиков, проживающего на улице Сент-Оноре, не так ли? — наконец, задал ему вопрос Николя. — Сколько вам лет?

— В день святого Михаила мне сравняется двадцать пять.

— Вы работаете вместе с отцом?

— Да. Я изучаю ремесло, чтобы впоследствии занять его место.

— Чем вы занимались вчера вечером?

— Я ходил гулять на бульвары, хотел посмотреть ярмарку.

— В котором часу?

— С шести часов и до позднего вечера.

— Вам не хотелось пойти посмотреть фейерверк?

— Я не люблю толпу.

— Но на бульварах тоже хватало народу. Как вы полагаете, кто-нибудь может подтвердить ваши слова? Вы никого не встретили в тот вечер?

— Около полуночи я вместе с приятелями выпил несколько кружек пива возле заставы Сен-Мартен.

— Имена приятелей?

— Случайные люди. Я не помню, как их зовут; я много выпил.

Вытащив из кармана огромный носовой платок ослепительной белизны, он вытер им лицо.

— В самом деле? Может, у вас имелись особые причины напиться?

— Эти причины касаются только меня.

Николя подумал, что, несмотря на вполне беззлобный вид, молодой человек не слишком общителен.

— Вы сознаете, что речь идет об убийстве, а потому любая, даже самая маленькая деталь может иметь решающее значение? Пока я вижу, что у вас нет алиби.

— Что вы подразумеваете под алиби?

Его интерес к деталям и стремление избежать разговора о печальном событии удивили Николя.

— Алиби, сударь, это доказательство того, что в то время, когда произошло убийство, некто присутствовал в ином месте, нежели место совершения преступления.

— Из чего я делаю вывод, что вы знаете, где и когда убили мою кузину.

Решительно, молодой человек выказывал неопровержимую логику и абсолютное хладнокровие. Являя быстроту соображения и завидную проницательность, он оказался гораздо более изворотливым, чем могло показаться на первый взгляд.

— Ответы на эти вопросы вы скоро узнаете; сейчас меня интересует другое. Вернемся к вашему времяпрепровождению. Когда вы вернулись домой?

— К трем часам ночи.

— Вы в этом уверены?

— Мачеха подтвердит вам; она приехала в фиакре и поссорилась с кучером. Он считал, что в три часа ночи надо платить двойной тариф. Затем…

Он закусил губу.

— Впрочем, это вас не должно интересовать.

— Полиции интересно все, сударь. Это имеет отношение к позднему возвращению вашей мачехи? Молчите? Как вам угодно, но, поверьте, в конце концов, мы все узнаем.

Допрос можно было бы продолжить, однако комиссару не терпелось побольше узнать об остальных членах семейства меховщика. А молодой человек мог и подождать.

На улицу Сент-Оноре возвращались молча и в унынии. Николя перебирал в памяти ответы отца и сына Гален. Его удивляло, что оба не нашли нужным поинтересоваться, каким образом убили их родственницу. Отец не настаивал, а сын вообще ни о чем не спрашивал. Когда фиакр остановился возле лавки «У двух бобров», стрелки часов приближались к шести. Николя запретил обоим мужчинам разговаривать с кем бы то ни было, пока он не допросит остальных членов семейства. Он решил запереть обоих Галенов в рабочем кабинете, дабы не дать им возможность сговориться с домашними, которых он хотел немедленно допросить, пока они еще не успели обдумать свои показания и не придали им видимость правдоподобия. Неожиданно его охватили сомнения: не слишком ли резко он взял быка за рога? Ведь, в сущности, ничто не указывало, что преступление совершил кто-то из членов семьи, и что искать убийцу следует именно среди них. Тем не менее, интуиция, а также стремление сохранить в тайне рождение ребенка или выкидыш, побуждали его начать поиск преступника именно с дома Галенов. Хотя, если исключить желание скрыть позор племянницы, Шарль Гален не давал повода для обоснованных подозрений.

А может, причиной преступления стала семейная честь? Та самая семейная честь, что многократно возникала на пути полицейского Николя Ле Флока, надменная гордыня, присущая дворянам, и способная развратить любую, даже самую прекрасную душу. Разве он сам не нес клеймо бастарда исключительно из-за этого обветшалого понятия? Семейная честь, обитавшая за высокими стенами родовых гнезд и вынуждавшая их обитателей обдумывать каждый свой шаг, мгновенно натравливала презрение соседей на того, кому случайно довелось оступиться. Когда один из членов семьи дерзал нарушить привычные устои, из-за него могли забросать грязью всю семью. Неужели сейчас он вновь столкнулся с этой пресловутой честью? В делах, затрагивавших семейную честь, некоторые судьи прибегали к произвольным арестам среди бела дня. «Письмо с печатью», позволявшее без суда и следствия упрятать в тюрьму любого, явилось истинным достижением в деле сохранения тайны: к нему прибегали в тех случаях, когда иные способы избежать скандала уже не могли помочь. Аресты с участием судебных представителей происходили в открытую, а на основании «письма с печатью» преступника, оберегая честь его семьи, изолировали от общества незаметно, и проступок исчезал вместе с его виновником в подземной камере или в монастырской келье. Полиция проводила следствие, и преступление выплывало наружу; король же, подписывая «письмо с печатью», скрывал и преступника, и его вину навсегда. Возможно ли, что Элоди Гален погибла по причине излишне обостренного чувства чести ее родственников, кои, сочтя преступным ее отклонение от пути праведного, сами пошли на преступление?

Бурдо вывел Николя из состояния задумчивости. Экипаж стоял перед лавкой «У двух бобров», возле дверей и окон которой бесновались женщины, окруженные плотной толпой зевак. Знакомый Николя пристав сдерживал напор разъяренных кумушек. Спрыгнув на землю, Николя локтями проложил себе дорогу и спросил у пристава, в чем причина столь неожиданного волнения.

— Дело в том, господин комиссар, что молоденькая служаночка из этого дома, такая тщедушная особа, словно с ума сошла: выскочила на улицу совершенно голая, и как заскачет! А потом задрожала, упала на спину, и давай на спине скакать! Сама вопит, изо рта слюна бежит, ужас! Сами понимаете, соседи сбежались, хохочут, а эти мегеры чуть камнями ее не забросали как бешеную собаку — хорошо, я успел вовремя прибежать. А дальше — еще хуже. Она вдруг застыла словно палка, я хотел ее увести, а она чуть меня не укусила. Слава Богу, хозяйка, наконец, принесла одеяло, накинула на нее, и мы отнесли ее в дом, на диван, где она тотчас заснула.

Кумушки, окружавшие их, угрожающе загудели. Могучая матрона, выставив вперед объемистый живот, отпихнула им Николя, и, уперев руки в бока, обратилась с речью к толпе:

— Вы что, не понимаете, зачем они сюда явились? Они не хотят позволить нам утопить ведьму! Эй, что скажешь, Сартинов недоносок? Попробуешь нам помешать?

— Ну, хватит! — возвысил голос Николя. — А ты, толстуха, захлопни пасть, а то кончишь свои дни в Приюте[23]. Вас же, добрые люди, прошу от имени короля и начальника полиции немедленно разойтись. Иначе…

Властный тон Николя и крепкая фигура Бурдо заставили толпу отступить, однако возмущенные возгласы и грубые шуточки в адрес Сартина еще долго летели со всех сторон, наводя Николя на невеселые мысли. Оба полицейских вывели из кареты отца и сына Гален, и маленький отряд двинулся прямиком в лавку. Внутри их встретила госпожа Гален; при свечах лицо ее казалось неимоверно бледным. Затем последовала немая сцена, во время которой Бурдо подталкивал обоих мужчин в сторону рабочего кабинета, в то время как Николя пытался удержать супругу негоцианта:

— Сударыня…

— Сударь, мне нужно срочно поговорить с мужем.

— Вы поговорите с ним немного позже. Он опознал тело вашей племянницы по обручальному кольцу на пальце. Она была убита.

Эмилия Гален не выказала удивления. Ее лицо в окружении пляшущих бликов оставалось бесстрастным. Что означало это равнодушие? Николя знал, что под маской невозмутимости многим удавалось скрывать достаточно бурные чувства.

— Что вы делали вчера, сударыня?

— Не трудитесь допрашивать меня, господин комиссар, мне нечего вам сказать. Я сначала выходила, а потом вернулась.

— Ваш ответ слишком лаконичен, сударыня. Неужели вы думаете, что я могу им удовлетвориться?

— Я ничего не думаю, просто больше я вам ничего не скажу.

Лицо ее порозовело, словно кровь под кожей внезапно побежала быстрее. Она топнула ногой.

— Вы явились в эту семью, чтобы принести ей несчастье. Я вам ответила: сначала я уходила, потом вернулась. И не задавайте мне больше вопросов.

— Сударыня, в таком случае, как только уголовный судья откроет дело об убийстве, мне придется взять вас под стражу, и, смею вас заверить, у королевского правосудия найдется множество способов заставить вас говорить, добровольно или же по принуждению.

Он сознавал бессмысленность своих слов. Он никогда не верил в признания под пыткой. Долгие беседы с Сансоном и Семакгюсом убедили его, что показания, полученные на допросах с пристрастием, почти никогда не соответствуют действительности, ибо несчастные, зная, что решается их судьба, готовы признаваться в чем угодно.

— Что случилось с вашей служанкой? — продолжил он. — Вы даже на этот вопрос не хотите отвечать?

Она упрямо покачала головой.

— Хорошо. Тогда окажите мне любезность и позовите сестер вашего супруга; я хочу допросить их. Быть может, они окажутся более разговорчивыми. Вас же я попрошу пройти в рабочий кабинет мужа.

Эмилия Гален направилась в глубину комнаты и резко открыла дверь. За ней, сблизив головы, стояли две женщины; они, без сомнения, подслушивали их беседу. В той, которая повыше, Николя узнал Шарлотту, старшую сестру; сейчас она кусала носовой платок, словно пытаясь сдержаться, чтобы не закричать.

Опустив голову, младшая сестра засеменила к нему. Ее простое темное платье украшали черные кружева и бусы из гагата. Черты ее иссохшего лица, такие же, как у старшей, казалось, нарисовал тот же самый художник, только несколькими годами позже. Тонкие губы, сложенные

в смиренную улыбку, являли разительный диссонанс с серыми бегающими глазками, смотревшими заискивающе и неприветливо. Редкие и тусклые волосы, явно собственные, были старательно уложены в букли и густо напудрены. Аккуратная прическа никак не гармонировала с нескладной фигурой, скорее, наоборот, подчеркивала все ее недостатки.

— Господин комиссар, — зачастила она, — да, да, мы все слышали. О, Господи, да разве такое возможно? Я говорила старшей сестре, вон она, стоит сзади, она так взволнована… Так вот, я же говорила, что ей надо поскорее одеться, но все пошло наперекосяк… Представьте, сударь, кошка, которая, несмотря на свой возраст и сопутствующие ему многочисленные хвори, всегда ложится спать на краешке… Впрочем, не будем отвлекаться. Я не думала, что в этом году спускать меха в подвал придется так рано. Вы заметили, как поздно пришла зима? А какие дожди шли… Этот злосчастный брак стал нашим несчастьем. Но что он может, бедняжка. Он вынужден всегда…

В растерянности Николя стоял и слушал захлестнувший его поток бессвязных слов, заставлявших усомниться в здравости рассудка Камиллы Гален. Старшая сестра, по-прежнему, как и утром, непричесанная, выделялась своим ярким, однако грязным, помятым, а кое-где и разорванным платьем.

— Мадемуазель, прошу вас, не так быстро. Вы же слышали, я хочу допросить вас. Меня интересуют обстоятельства, предшествовавшие смерти вашей племянницы. И я намерен допрашивать вас поочередно, одну за другой. Поодиночке.

Вместо ответа Шарлотта громко зарыдала и засморкалась. Дверь кабинета отворилась, и показался встревоженный Бурдо. Николя махнул рукой, давая понять, что все идет как надо. Сестры вновь приклеились друг к другу: черный сухой лист на фоне алого половодья. Два искаженных гримасой лица составили единое целое, Николя понял, что вряд ли сумеет разделить этих сиамских близнецов, и ему придется мириться с их причудами. В памяти промелькнуло видение одного из наиболее ценных экспонатов кабинета редкостей господина де Ноблекура — колбы со сросшимися эмбрионами.

— Когда вы в последний раз видели вашу племянницу? — начал он.

Камилла, младшая, уверенно ответила.

— Вчера во второй половине дня, мы — правда, Лолотта? — помогали ей одеваться.

— Да, да, — подтвердила старшая, — и даже…

— И даже побранили ее, так как она выбрала слишком светлое платье для вечерней прогулки по улицам. И как ей только такое в голову пришло!

Судя по озадаченному взору старшей, Николя проникся уверенностью, что младшая весьма вольно трактовала ее мысли.

— А как она была одета?

Маленькие глазки шныряли во все стороны, постоянно уходя от прямого взора Николя.

— В платье из желтого шелка. Шляпка с желтыми лентами.

— У нее была сумочка?

— Нет, нет, — сказала Шарлотта, — никакой сумки. Только очаровательная венецианская маска. Совершенно белая, словно ее густо обсыпали мукой.

— Ты путаешь, маска была на карнавале. Ну и короткая же у тебя память! Моя сестра хочет сказать, что у нее была дамская сумочка с несколькими экю. Разве не так, моя дорогая?

Старшая нахмурилась, и, желая скрыть разочарование, уставилась в пол.

— Если ты так говоришь…

— Я не говорю, а утверждаю. Ах, господин комиссар, моя сестра такая бестолковая. Представьте, как-то раз, я даже подумала на ее канарейку, которую называют как угодно, но я уверена, что речь идет именно о канарейке, и даже, быть может, о зяблике… Так о чем я

говорила? Я читала в рассказе у одного путешественника, что был открыт новый вид, трясогузка Киршнера… Но это не твоя…

Николя опять перебил ее словоизлияния.

— В котором часу ваша племянница вышла из дома?

— Точно не скажу. Мы такие забывчивые! Она ушла в сопровождении Мьетты, нашей служанки. Нам следовало бы запереть Наганду, дикарь хотел пойти за ней. Потом мы вернулись в дом, вскипятили чайник и приготовили легкий ужин. И незадолго до полуночи легли спать.

— Мадемуазель, вы подтверждаете слова вашей сестры?

Шарлотта, по-прежнему храня обиженный вид, молча кивнула.

Он почувствовал, что сегодня обе очумелые сестрички вряд ли сообщат ему что-либо более удобоваримое. Без сомнения, они решили по-своему обвести его вокруг пальца и увести подальше от истины. Путаное многословие младшей казалось слишком естественным, чтобы не быть притворным. Он позвал Бурдо и велел привести обоих Галенов. Затем он обратился к Шарлю Галену и попросил его позвать Наганду. Гален-старший ушел, но быстро вернулся, совершенно растерянный.

— Господин комиссар, мы его заперли, но он сбежал!

— Объясните, в чем дело?

— Я поднялся наверх, дверь была заперта. Я отпер — никого! Наверное, он бежал через крышу. Индейцы такие ловкие, словно кошки…

— Только не наша, — парировала Камилла. — Ты не знаешь, что наша кошечка…

Николя резко оборвал поток ее речей, стараясь не думать о том, что следом может политься новый.

— Прошу вас, идемте на чердак. Покажите мне дорогу.

Меховщик постоял в нерешительности, затем направился к лестнице, видневшейся в конце коридора. Поднявшись на четвертый этаж, они оказались в чердачном помещении. Окошко в крыше было открыто и сквозь него виднелось сумеречное небо. Под окном стоял соломенный стул. Чтобы подтянуться на руках и протиснуться в окно, расположенное не самым удобным образом, нужно обладать недюжинной силой, подумал Николя, имевший опыт подобного рода упражнений… Обстановка вполне претендовала на спартанскую: связки соломы, накрытые большим разноцветным покрывалом с необычным рисунком исполняли роль кровати. С протянутых поперек комнаты веревок свисали какие-то веревочки. Шарль Гален проследил за направлением его взгляда.

— Здесь обыкновенно висят его индейские тряпки. Но мы приказали ему носить большой темный плащ и шляпу с широкими полями, чтобы он не привлекал к себе внимания любопытных и не пугал соседей своим татуированным лицом и длинными черными волосами.

— Интересно, в чем он на этот раз отправился на улицу…

— Не знаю. Мне в голову не приходило считать тряпки этого дикаря, которого я кормлю уже больше года.

Николя продолжил обыск. В небольшом деревянном сундучке лежали несколько амулетов, резные фигурки из кости, кукла с головой лягушки, мешочки, наполненные неизвестными веществами, три пары мокасин и несколько обсидиановых бусин, очень похожих на бусину, найденную в зажатой руке Элоди Гален. Убедившись, что Шарль Гален смотрит в другую сторону, Николя быстро завладел темными шариками. Затем они молча спустились вниз. Члены семейства Гален стояли на том же месте, где он их оставил, словно кто-то приклеил их к полу. Николя объявил, что всем, проживающим в этом доме, запрещено покидать столицу, а чтобы никто не попытался нарушить запрет, на заставы будут отосланы

соответствующие распоряжения. Мера сия являлась крайне ненадежной, однако Галенам он об этом сообщать не стал.

Когда оба сыщика вышли из дома, на улице совсем стемнело. Николя решил откликнуться на призыв Полетты. Доктор Семакгюс не знал о приглашении на ужин, а потому он предложил Бурдо сопровождать его. Но тот с улыбкой отказался, напомнив, что дома его ждет госпожа Бурдо и многочисленное семейство. И все же, перед тем как расстаться, инспектор выразил удивление своему начальнику.

— Могу ли я узнать, почему вы не стали расспрашивать слуг? Ни девицу по прозвищу Мьетта, ни старуху-кухарку?

— Еще не время, Бурдо. Не будем сеять панику в доме. Слугам всегда есть чего рассказать о хозяевах, тут необходим особый подход и осторожность. Тем более, мы уже собрали немалый урожай…

Бурдо откланялся и сел в фиакр. Николя направился в предместье, где находился «Коронованный дельфин». Это столь хорошо знакомое ему заведение вновь оказалось связанным с его расследованием. Что хочет сообщить ему Полетта о вчерашнем несчастье? Какую хорошую новость она для него приготовила? Перебирая в памяти показания, он на ходу делал заметки в своей черной записной книжечке. Услышав про убийство, сын Галена не удивился, но, похоже, он единственный, кто искренне огорчился. Гален-старший сообщил, что его сестры хотели отправиться вместе с Элоди смотреть фейерверк; но они не подтвердили его слова. Напротив, они упоминали совершенно иные вещи: венецианскую маску и свадьбу, причем последний намек мог относиться как к свадьбе дофина, так и повторной женитьбе меховщика. Наконец, обсидиановые жемчужины, являвшиеся весомыми уликами против индейца из племени микмак, исчезнувшего в городских дебрях. О пропавшем индейце Николя не беспокоился: если он и в самом деле бродит по улицам Парижа, то караульные либо агенты, получив описание его необычной внешности, немедленно его арестуют. Интересно, на каком языке он говорит?

И еще одна деталь привлекла внимание комиссара: в то время как на младшей наряд был с иголочки, старшая сестра, похоже, вовсе не обращала внимания на свою внешность, и выглядела неряшливой и оборванной. Отчего женщины, столь тесно связанные друг с другом, так по-разному одеты? И почему супруга негоцианта отказалась отвечать на вопросы? Почему никто ни словом не обмолвился о состоянии Элоди? Похоже, дело гораздо более сложное, нежели предполагал Сартин, когда поручал ему начать одно расследование, дабы скрыть другое. Ах, да, не забыть еще про малышку Мьетту. Почему с ней случился припадок, отчего такое невероятное возбуждение? Несколько лет назад на кладбище Сен-Медар толпились фанатики-янсенисты[24], бившиеся в экстазе на могиле сборщика пожертвований, почитавшегося святым, но сегодня конвульсионеры уже стали достоянием истории.

IV

УЛОВКИ

Он превозможет ярость горделивых
Врагов,
И чтоб он ни сказал,
Он больше сделает, чем обещал.

Расин

Очутившись перед дверью «Коронованного дельфина», Николя поднял руку к старому потертому бронзовому молотку, чье эхо обычно пробуждало сонные глубины веселого дома. Но рука его повисла в воздухе: откуда здесь литые засовы и кованое железо, украшенное фигурками сатиров и позолоченными виноградными лозами? Куда подевалась старая,

источенная червями дубовая дверь, вверху почерневшая от ударов, а внизу заляпанная грязью, летевшей из-под колес с пролегавшей рядом проезжей части? Вместо ручки посреди дверного полотна вызывающе покачивалось тяжелое кольцо, видимо, соответствовавшее новому дверному механизму. В доме явно произошли большие перемены. Получается, что целью ужина, не состоявшегося по причине трагедии на площади Людовика XV, является встреча после долгой разлуки и восстановление отношений с давней осведомительницей, потерянной из виду осенью прошлого года. После некоторых колебаний он потянул на себя кольцо. Еще не смолк звон колокольчика, как дверь открылась. Возникшая в проеме девушка пристально смотрела на него и улыбалась. Решительно, подумал он, с тех пор, как он был здесь в последний раз, прошло немало времени. Он с трудом узнал в представшей перед ним красавице маленькую негритянку. Одарив его томным взором темных, с поволокой, глаз, девушка приветливо кивнула ему; восточный наряд подчеркивал грациозность ее фигуры. По-прежнему шепелявя, она с улыбкой приветствовала его, и, поклонившись, пропустила внутрь. Войдя, Николя продолжил удивляться. Длинный коридор с геометрическим фризом и большая люстра с подвесками исчезли. Перегородки более не существовали; исчезла гостиная, где некогда в темноте он с ужасом вступил в свою первую смертельную схватку. Прощайте, зеркала, позолоченные карнизы, оттоманки пастельных тонов и фривольные гравюры в рамках…

Он находился в просторной круглой гостиной, где по окружности располагались маленькие уютные альковы, занавешенные тяжелой парчой. Консоли и столики гармонировали с маленькими очаровательными канапе, в альковах стояла мебель с резным орнаментом. Кресла с овальными спинками, украшенные профильной лепниной, объединяли ансамбль повторяющимся цветочным мотивом. Николя вспомнил, что в юности, когда он служил клерком у нотариуса, он не раз составлял описи имущества, оставшегося после смерти клиентов; эта работа научила его ценить обстановку, стоимость которой исчислялась многими тысячами ливров. Быть может, он ошибся домом, быть может, хозяйка продала свое заведение? Но ведь негритянка по-прежнему здесь. Он все еще размышлял над этими вопросами, когда раздался знакомый голос, жирный и скрипучий.

— Черт возьми, девочка моя, прекрати ловить ворон, и посмотри на меня! Я повторяю: возьмите бочку испанского вина у Тронкэ. А Жоберу и Шертаму верните их бургундское, оно оказалось кислым! Если эти висельники начнут ворчать, скажите, что я перестану их любить. Ох, уж эти мне торговцы, они меня в могилу сведут!

Послышались тяжкие, печальные вздохи.

— Вот тебе на вино! Нет, точно, я помру от этих хлопот! Да, и не забудь про перчаточника, только найди настоящего, чтобы душил свои перчатки. Но сначала купишь мазь на костном жире с флердоранжем для моих бедных волос, а для девочек дюжину кусков душистого неаполитанского мыла и столько же маленьких кусочков мраморного туалетного мыла! Как, ты еще смеешь хихикать, каналья?

Он услышал, как на кого-то посыпались удары, наносимые веером.

— Ах, не можешь найти? Ищи лучше! И купи бутылку заживляющего для Мушетты, а то ее на прошлой неделе исполосовали дважды, да вдобавок сам епископ! Конечно, и он ее просил… Ладно, потом сама все узнаешь. Давай, беги, живо, а то я жду посетителя.

Служанка — совсем девчонка — убежала. Николя направился к Полетте. Содержательница веселого дома по-прежнему являла собой чудовищную гору плоти; затянутая в платье из серого шелка, откуда торчали ее толстенные руки, Полетта полулежала в удобном шезлонге. Лицо ее, показавшееся Николя непомерно маленьким по сравнению с массой тела, как всегда, покрывал толстый слой свинцовых белил, напоминавших штукатурку, и нанесенный поверх столь же толстый слой румян. Голову Полетты украшал светлый парик с уложенными ровными рядами буклями; прежде в парике Николя ее не видел.

— О, а вот и наш комиссар, красавчик Николя, наш невежа, заставивший старую подружку всю ночь томиться в ожидании! О-хо-хо! Да ладно, я смеюсь, долг для филера прежде всего… Что тут говорить, служить и то веселей, чем развлекать старую рухлядь вроде меня.

— Не клевещите на себя, — ответил Николя. — Вы еще хоть куда, а ваш дворец просто загляденье. Поверите ли, ваш покорный слуга немало им изумлен.

Не будь на ее лице толстого слоя белил, Николя бы заметил, как она покраснела.

— Полно! О чем вы говорите! — писклявым голосом засюсюкала она. — Вот уже несколько месяцев я живу как на вулкане. Пусть чума заберет и наши ремесленные цеха, и наши гильдии, и всех, кто в них входит! Я раз двадцать была уверена, что пойду ко дну! Вы представить себе не можете, сколько нужно денег, чтобы питать всех этих торгашей! Однако я не из тех, кто смотрит, как наглецы хозяйничают у них в доме, и продолжают держать язык за зубами. Полетта не такая дура, и не позволит никому резвиться за ее счет! Хотя, конечно, коли надо, значит, надо!

И она продолжила назидательным тоном.

— Но, сами понимаете, тот, кто о других плохо судит, чаще всего судит по себе. Послушайте, я же вижу, каким хитрющим взором вы на меня смотрите. У вас глаза горят при одной только мысли о возможности прижать старую приятельницу и отыскать неправедные корни моего процветания. Можете сколько угодно корчить из себя смиренника, но вы ж ни на секунду не поверите, что я нашла сокровища этой, как ее… Голой Конды!

— Полагаю, вы имеете в виду сокровища Голконды[25], — улыбнулся Николя. — В чем-то вы правы: признаюсь, при виде такого великолепия я даже растерялся.

— Ах, мой добрый господин, есть Бог на небе, и он видит, чьи руки полны, а чьи пусты, но зато чисты. Вам ли не знать мою кротость и невинность. Так вот, сам Господь мне их наполнил.

— Что наполнил?

— Руки, руки наполнил! Помните, когда-то я вас угощала настойкой с островов? Мое нёбо до сих пор помнит ее вкус; ту настойку доставлял мне мой хороший знакомый. Вам она тоже нравилась. Тогда мой попугай Сартин — я все еще оплакиваю его! — еще был жив. А ведь он умер от потрясения после того насилия, кое вы над нами учинили!

— Ради правого дела, дорогуша.

— Уффф, скорее, ради того, чтобы заставить меня разговориться. Но это дело прошлое, я не злопамятна. Мы сумели договориться, и вы не можете сказать, что я нарушила наши соглашения; впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся.

— Я охотно подтверждаю правоту ваших слов. И все же, откуда у вас столько денег?

— Сейчас расскажу. Приятель моих юных лет — только Богу известно, как я его любила — умер, а я этого не знала, потому что сообщение с островами прервалось из-за войны с англичанами. А полгода назад появился один тип с лживой физиономией и в парике, покрытым густым слоем пудры. От него издалека несло судебными исками, наложением арестов, письмами с печатью и прочими мерзостями. Завидя этого субъекта, я сказала себе: «Полетта, вот явились неприятности». Я даже, было, подумала, что это новый человек начальника полиции. И испугалась, что у меня забрали моего Николя!

Она так энергично подмигнула комиссару, что от лица ее откололось несколько кусочков белил, отчего правый глаз раскрылся особенно широко.

— Короче, я принимаю самый что ни на есть любезный вид. Тип открывает свой портфель. Это оказывается нотариус, да притом из самых шикарных, о чем свидетельствует его раззолоченная карета. Ну, в общем, правильно, что фортуну называют дочерью провидения: нотариус сообщает, что мой бывший дружок, богатый плантатор, умер, а так как курятник его пуст, и в нем никто не наследил, он сделал своей наследницей меня.

— Наследил? Вы, наверное, хотите сказать, что ему некому было оставить наследство?

— Не придирайтесь к словам. Так вот, зная, что я ни за что не рискну отправиться за море — я еще тридцать лет назад ему об этом заявила, — доверенный человек продал его имущество, и нотариус сообщил мне, что у одного из парижских банкиров на мое имя лежит кругленькая сумма. Ну, я и забрала эти денежки, ведь в богатстве нет греха, а чтобы не обратиться в скрягу, нашла им подходящее применение.

— Ты всегда была разумной девочкой!

— Да еще какой, вы даже представить себе не можете! Но мне уже много лет, и с этим ничего не поделаешь, А этот дом не безделушка какая-нибудь, им управлять надо. И девочки, сами знаете, у нас без руля и ветрил. Чуть вожжи отпустишь, все идет наперекосяк. В ремесле нашем произошли и продолжают происходить огромные перемены. Раньше, коли у тебя голова на месте и соображалка работает, ты шлепал прямо из грязи в князи, и быстро выбивался в приличные люди. Я начинала цветочницей. Ах, видели бы вы меня в те годы! Красавица, веселая, я не только умела нравиться мужчинам, но и в случае необходимости могла держать язык за зубами. Я живо поняла, коли даны тебе два уха и всего один рот, то надо больше слушать, и меньше говорить. Тогда нашла я одного старичка, состоятельного бодрячка, можно сказать, даже красавчика, который умел закрывать глаза на мои мелкие шалости.

— Ты права, старички, особенно когда они еще бодрячки, обладают удивительной способностью лишний раз не портить кровь ни себе, ни людям, а особенно женщинам, — если у тех, конечно, хватает мозгов не делиться с ними всеми своими фантазиями.

И оба понимающе усмехнулись.

— Я потихоньку складывала денежки в чулок, набирала девочек, обзаводилась клиентурой, той, которая побогаче, и в конце концов приобрела вот этот дом. Но все меняется, и, как я уже сказала, меняется и наше ремесло. И мы, сводни и мамаши, прекрасно это чувствуем. Сами знаете, уличных девок становится все больше, они работают сами по себе, а потому чуть ли не каждая заражена сифилисом. Мы же, содержательницы веселых домов, заботимся о наших девочках, однако и нам приходится считаться с переменами во вкусах. Богатым теперь подавай что погорячее. «Новшества» им видите, ли, требуются. А наши дома сильны традициями, ну, проще говоря, у нас клиент всегда находил подобающую роскошь и утонченную кухню: вот кухню, впрочем, ценят и поныне. В общем, я так привыкла видеть наше ремесло. Но времена меняются, и я вложила большую часть своего наследства в переустройство дома в соответствии с нынешними вкусами. Однако я старею, ноги-то у меня и прежде постоянно опухали, а теперь и вовсе отказываются меня носить. Я не успеваю надзирать за всеми, приучать девочек к порядку. Да и девочки все больше попадаются испорченные, приличную кандидатуру подобрать ох как трудно! В общем, я решила передать руководство домом в другие руки, а самой остаться в качестве надзирательницы.

— И кто та редкая птица, заступившая вам на смену? — сурово спросил Николя. — Полагаю, вы помните, что у нас имеется свое мнение на этот счет?

— Да разве я о вас забуду? Что вы, господин комиссар, ведь вы в свое время спасли меня! И я уверена, вы одобрите мой выбор. К тому же, коли дело у нее пойдет, и она станет обо мне заботиться, я сделаю ее своей наследницей и отпишу ей все свои денежки. Ей в жизни тоже не все легко давалось; это не какая-нибудь там вертихвостка, она девушка с принципами. Но, как говорится, Бог по силе крест налагает. Меня немножечко волнует ее доброе сердце, но все мы поначалу излишне чувствительны, так что и она вскоре зачерствеет. А я, если все пойдет на лад, уеду в деревню, в Отей: надо уметь уйти вовремя. Можно, конечно, смешать мой опыт с нынешними новшествами, но, боюсь, смесь получится нехороша. Смешайте винцо из Сюрена с бургундским, и, даю слово, вы эту бурду пить не станете.

— Так как же зовут вашу находку?

— Она стоит у тебя за спиной, — раздался нежный голос позади Николя.

Он тотчас узнал его; впрочем, его тихие интонации он не забывал никогда. Сколько раз этот голос шептал ему на ухо слова любви? Образ Сатин[26] никогда не исчезал из его памяти: он бережно хранил ностальгические воспоминания о нем. Их связь длилась долго, однако его положение и неловкость, чтобы не сказать страх, который внушал ему образ жизни его подруги, в результате отдалили их друг от друга. Он обернулся. Господи, как она была хороша! Еще красивей, чем сохранила его память. Ее посвежевшее, спокойное лицо было обращено к нему, ее глаза смотрели с нежностью. Завитые волосы, старательно убранные наверх, оставляли открытой шею и плечи, которые он некогда покрывал такими страстными поцелуями, что она постоянно жаловалась на следы, оставшиеся после его пылких ласк. Ее грудь, обрамленная волнами алансонских кружев, соблазнительно выступала из глубокого выреза туго стянутого корсажа. Шелковое платье цвета сизого голубя облегало фигуру, мягкие, струящиеся складки делали ее выше и стройнее, и ему показалось, что Сатин вновь стала такой же красивой и изящной, какой была прежде. Подойдя к нему, она обвила руками его шею, и когда губы их соприкоснулись, он вздрогнул.

— Ну вот, голубки мои, — проворковала Полетта, — разве не чудесную встречу я вам устроила?

Она хлопнула в ладоши. Танцующей походкой в комнату вошла служаночка-африканка и отдернула занавеску одного из альковов, где на столе, в фарфоровом ведерке цвета зеленого миндаля охлаждались бутылки с шампанским. Возле столика, словно предлагая вкусить удовольствий иного рода, стояла кровать с изголовьем.

— Дети мои, — промолвила Полетта, — оставляю вас одних, а сама отправляюсь полечить свои бедные ножки. У вас наверняка найдется что рассказать друг другу. Вам принесут перекусить — все легкое, но изысканное. Как говорит мой давний знакомец герцог[27], гурманы и обжоры ни за что не смогут по-настоящему оценить кулинарное искусство, ибо ничто так не губит талант повара, как дурацкие изыски и прожорливость едока.

— Воистину, мудрость Комуса!

— Для начала отведайте медовую дыню из моего сада в Отее, сочную и вкусную. А потом — о! — еда, достойная короля: пулярка по-ангулемски. Мой повар готовит ее в совершенстве. Просто пальчики оближешь!

И она похотливо усмехнулась.

— Полагаю, вы посвятите меня в тайну приготовления сей пулярки? — спросил Николя.

— Я ожидала этого вопроса! Берешь тушку упитанной пулярки, старательно взращенной, откормленной отборным зерном. И, не мешкая, начиняешь мясистые части мелко нашинкованными трюфелями. Начиняешь вручную, и трюфеля не просто режешь, а еще и пассируешь на сковороде с мелко нарезанным салом и пряностями.

— И потом сразу в гусятницу?

— Ни в коем случае! Для моей курочки самое главное — прелюдия, как в любви. Ты оборачиваешь мою курочку вощеной бумагой, чтобы трюфеля и пряности соединились в экстазе, А через три дня снимаешь бумагу и оборачиваешь дошедшую до кондиции девушку в нарезанные полосками телячьи ляжки и тонкий слой сала. Тогда, и только тогда ты берешь ее и, словно любимую женщину, укладываешь в жаровню нужного размера, на постель из кружочков моркови, пастернака, пряных трав, соли, перца и двух луковиц, нашпигованных гвоздикой. И затем, лакомка ты моя, поливаешь все малагой. В постельке пулярочка должна провариться на медленном огне по крайней мере два часа. Наконец, ты убираешь жир, освобождаешь птичку, посыпаешь горстью мелко нарезанных трюфелей, а сок сливаешь и смешиваешь с горсткой давленых каштанов. И, наконец, получаешь свой лакомый кусочек!

— А что на сладкое? — с любопытством спросила Сатин.

— Замороженные ананасы, прибывшие прямо из оранжерей монсеньора герцога Буйонского. А потом… только не шумите слишком!

— Еще один герцог! Да нашу Полетту просто подменили!

Николя не сопротивлялся, понимая, что попал в ловушку, которой он, впрочем, весьма охотно позволил захлопнуться. Атмосфера изменилась; уверенная в своей безнаказанности Полетта принялась называть его на «ты». Растроганный неожиданным обретением своей давней подруги, он принял молчаливое приглашение провести у нее вечер, суливший столько удовольствий. Собственно, он давно не позволял себе расслабиться. Постоянное напряжение, связанное с повседневным исполнением обязанностей службы, значительно умножившихся из-за празднеств по случаю бракосочетания дофина, не оставляли ему времени для отдыха. Ощущая себя всадником, утомившимся в пути, сегодня вечером он решил отдохнуть на обочине дороги. Однако сознание долга не позволило ему забыться окончательно. Он помнил намеки Сортирноса, что Полетта хотела сделать какие-то признания. А Полетта, как известно, никогда ничего не делала напрямую, а всегда ходила вокруг да около, и каждое слово приходилось вытаскивать из нее только что не клещами. Не следовало также забывать и о бдительности и не посулить ей слишком много, ибо она всегда старалась извлечь из своих сведений выгоду — либо материальную, либо в виде привилегий; а коль попался на ее удочку, соскочить с крючка было непросто. К тому же ей доставляло удовольствие дразнить полицию.

— Все это прекрасно, — произнес Николя, — но прежде чем мы начнем отдыхать, мне бы хотелось задать вам несколько вопросов. Наш друг Сортирнос утверждает, что вы желаете мне что-то рассказать.

Скорчив унылую гримасу, Полетта тяжело плюхнулась в кресло.

— Решительно, о чем бы мы ни говорили, его всегда тянет в Шатле!

— Ну что вы! Просто я с равным нетерпением жажду вкусить и ваших новостей, и вашей кухни. И чем быстрее мы покончим с первым блюдом, тем всем нам будет лучше. Итак, расскажите мне по-порядку, как прошел вечер, когда произошло несчастье. События разворачиваются столь стремительно, что кажется, с тех пор прошло уже много времени, хотя все случилось всего лишь прошлой ночью.

— Увы, — вздохнула Полетта, — раз надо, то давайте с ночи и начнем. Я готовила ужин в честь вас и доктора Семакгюса, как вдруг возле двери раздался такой перезвон, словно в колокольчик дергала целая тысяча чертей. Стоило мне распахнуть дверь, как ко мне ворвались три десятка городских стражников, грозя все разбить и разломать на своем пути. Эти жирные верзилы в пышных костюмах напоминали манекенов. Вознамерившись устроить пир, дабы обмыть свои новые мундиры, они громко потребовали вина и девочек. Но я, как известно, не люблю, когда меня пугают…

Она бросила выразительный взгляд на Николя.

— Полетта хорошая девочка, она всегда рада гостям, но она не любит, когда гость шумит и начинает ей приказывать! Конечно, я призвала их к порядку, но, сами понимаете, пришлось их обслужить; впрочем, в отместку я вытащила для них скисшее бургундское, и эта желчь, похоже, и бросилась им в голову…

— В котором часу они явились?

— Часиков в восемь, до начала фейерверка. Я про себя подумала, что лучше бы они разобрались с праздником, толпой и беспорядками на бульварах, чем бражничать в честном доме.

— И долго они здесь пробыли?

— О, да! До двух или даже до трех ночи. У меня так распухли ноги, что стали в два раза толще. Эти пропойцы истребили последние запасы моего ликера. К ним присоединились офицеры. А когда случилось несчастье, сюда прислали за майором. Но тот в ответ только

хмыкнул и сказал, что он явился поужинать, и планы свои менять не намерен, так что пусть Сартин сам разбирается в этой заварушке.

— Как выглядел этот майор?

— Высокий, толстый, красномордый, с злобными глазками, маленькими словно пуговицы на гамашах. Слова ронял небрежно, будто лаял на всех. Я ему еще припомню, кобель он мой вонючий. Я его достану…

— Благодарю вас, несравненная моя подруга. Теперь можете спокойно заняться своими ножками. Мы должны беречь вас, ибо для нас вы, поистине, бесценная находка.

— Полюбуйтесь на этого хитреца, этого прелестника, эту сладкую лапочку! Разве не он только что торопился избавиться от Полетты? Ладно, я понимаю, тебе ведь не терпится встретиться с пулярочкой, хи-хи-хи!

И, понимающе ухмыльнувшись, она выбралась из кресла и, издавая стон при каждом шаге, заковыляла к двери. Сатин и Николя переглянулись. Словно в первый раз, подумал он и тотчас вспомнил каморку на чердаке, куда он впервые пришел к ней; тогда она служила у жены председателя Парламента. Насилие, последовавшая за ним беременность — на какой-то миг он поверил, что является отцом ребенка — заставили Сатин начать торговлю своими прелестями. В сущности, ей повезло, что она попала в заведение Полетты, в противном случае ее наверняка ждала бы мерзкая нищета и Приют… Их отношения остались в прошлом: уже давно пути их не пересекались.

— Я всегда была рядом с тобой Николя, — произнесла молодая женщина. — О, не говори ничего, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь… Ах, сколько раз я ждала тебя, укрывшись под портиком Шатле, чтобы иметь счастье хотя бы несколько секунд видеть тебя. Ты всегда спешил и проскальзывал, словно тень…

Ему было нечего сказать ей в ответ.

— А твой ребенок?

Она улыбнулась.

— Он прекрасен. Он в коллеже, на полном пансионе.

Для Николя настали счастливые минуты. Живя в постоянном ожидании событий, он крайне редко позволяя себе безоглядно предаться радостям дня сегодняшнего; такие моменты случались обычно в недолгие перерывы между расследованиями, когда одно дело уже завершено, а другое только ожидало его вмешательства… Служанка принесла еду, откупорила бутылку с шампанским, и когда пенистая струя с веселым шипеньем наполнила узкие тонкие бокалы, удалилась, напевая протяжную мелодию и сопровождая ее плавным покачиванием бедер. Николя стало хорошо. Аккуратно извлекая из пулярки кости, Сатин отбирала лучшие кусочки, брала их кончиками пальцев и протягивала ему. Воздух алькова насытился ароматными парами трапезы и разогревшихся от еды тел. Не дождавшись замороженных ананасов, Николя увлек подругу на кровать. Там, погрузившись в мягкую перину, он обрел плавные холмы, глубокие лощины и тысячу раз проторенные дороги. Жар их страсти, вспыхнувший с новой силой, наполнил ночь множеством находок, прежде чем, исчерпав все свои силы, они погрузились в глубокий сон.

Пятница, 1 июня 1770 года

Лежа на спине и раскинув руки, Николя ощущал исходившее от песка тепло. Наверное, солнце сморило его, и он задремал на песчаном берегу Батца. Неожиданно кто-то навис над ним и грозным ворчанием нарушил его покой. Летом, вместе со своими ровесниками, Николя с удовольствием носился по берегу океана, а потом с разбегу бросался в воду, уворачиваясь

от пляшущих на волнах рыбачьих лодок. Любовь Николя к воде огорчала его опекуна-каноника, приходившего в великое беспокойство при виде обнаженного тела и возражавшего против любого соприкосновения с водой, полагая, что та является источником всех болезней и причиной наихудших извращений. Ворчание продолжалось. Николя недовольно выругался; тогда чья-то рука принялась трясти его. Он открыл глаза, увидел коричневый ореол соска, кучу помятых простыней, а несколько поодаль насмешливую физиономию инспектора Бурдо. Он снял лежавшую на нем ногу мирно спавшей Сатин, завернулся в простыню и сурово посмотрел на нежданного гостя.

— Пьер, чем вы объясните ваше столь раннее вторжение?

— Тысяча извинений, Николя, но долг — долг превыше всего! Нашли индейца.

— Черт побери, который час?

— Пробило девять.

— Девять часов! Невероятно, я готов поклясться, что сейчас всего лишь полночь! Я спал как младенец.

— Неужели как младенец? — произнес Бурдо, многозначительно поглядывая на вытянувшееся под простыней тело Сатин.

— Ах, Бурдо, Бурдо! Лучше помогите мне. Насколько я помню, на заднем дворе этого погибельного дома есть источник.

— Не клевещите на столь прекрасное пристанище!

Оттолкнув инспектора, Николя, негромко ругаясь, выбежал во двор и принялся поливать себя холодной водой из насоса. Почувствовав на себе плотоядный взгляд чернокожей служанки, бесстыдно разглядывавшей его из окна кухни, он погрозил ей пальцем, и она тотчас исчезла. Одевшись, он выскочил на улицу, где его уже поджидал Бурдо, успевший нанять фиакр. Помолчав немного, словно захлопнув дверь и оставив позади события сегодняшней ночи, Николя принялся расспрашивать своего помощника.

— Я же говорил, что мы быстро схватим нашего молодчика.

— Нам помог случай. Представьте себе, он хотел вернуться в Новую Францию, точнее, в тот край, который так называли до 1763 года[28]. Что может быть более естественным для природного человека, нежели добраться до пристани, где, по его разумению, он может сесть на корабль? Сбежав из дома на улице Сент-Оноре, он двинулся по берегу реки, и, проплутав в лабиринтах улочек вокруг Лувра, оказался на набережной Межиссери. Полагаю, вы знаете, какой репутацией пользуется тамошний квартал?

— Разумеется, и начальник полиции не прекращает вести баталии с военным ведомством относительно тамошних разбойников-вербовщиков. Но, как вам известно, искомый портфель находится в руках герцога Шуазеля. В данном случае порядок питает беспорядок, а необходимость диктует закон. Сколько раз я слышал, как наш генерал-лейтенант жаловался на безобразия вербовщиков, хитростью заманивающих в армию неопытных юнцов и учиняющих попойки и всякого рода бесчинства.

— Стоит какому-нибудь простофиле из провинции забрести в этот лабиринт улочек, как он тут же попадает им в сети. И снова начинается старая песня…

— «Моему хозяину нужен слуга, а вы такой смышленый, что непременно подойдете ему. Уверен, он возьмет вас к себе на службу, лишь бы вы беспрекословно выполняли его распоряжения». Пареньку немедленно подносят стаканчик водки и ведут несчастного к переодетому солдату, который вместо бумаги о найме подсовывает ему контракт о военной службе.

— И тот подписывает, не глядя, — насмешливо отозвался Бурдо; впрочем, усмешка его относилась, скорее, к жалостливому тону Николя.

— Ничего смешного! Знаете, дорогой мой, когда я только-только приехал в Париж, я сам едва не подписал такую бумагу. Меня чуть не погубил мой бретонский выговор, а спасло лишь упоминание о письме, которое необходимо доставить Сартину. Однако мы отвлеклись.

— Итак, нашего приятеля отыскали довольно быстро. Его необычная внешность — а он, знаете ли, расхаживал голышом, в одной набедренной повязке — и растерянный вид, с коим он блуждал по незнакомым ему улочкам, привлекли внимание одного из вербовщиков, и тот решил заарканить его. Он предложил индейцу оплатить проезд до Нового Света, где тот отработает свой долг. На самом деле речь шла о вербовке в армию, но «птичка» ничего не поняла и попалась в ловушку. Только когда патруль захотел отвести его в казарму, он понял, куда вляпался, и ужасно разъярился. А так как рост и сложение у него геркулесовы, он положил пятерых, прежде чем с ним сумели совладать. Вызванный на помощь караул связал его и отвел в Шатле. Не найдя вас на улице Монмартр, где все, за исключением Катрины, еще спали…

Николя улыбнулся, вспомнив, как во времена его молодости любая его задержка или опоздание немедленно вызывали беспокойство у обожавшей его прислуги. С тех пор все привыкли к его неожиданным отлучкам и внезапным возвращениям. И только Катрина, чья беспримерная преданность своему спасителю и любовь, кою она к нему питала, не имели равных, по-прежнему сильно переживала за Николя.

— И ваша проницательность привела вас в «Коронованный дельфин»?

— Мне показалось, что вы хотели туда зайти… чтобы повидаться с его хозяйкой.

— Ладно, ладно, — фыркнул Николя, — я еще не сказал своего последнего слова. Как всегда, виноват крайний.

Прибыв в Шатле, они немедленно отправились в темницу. Секретарь суда отпер камеру, такую темную, что пришлось потребовать принести факел. На малопригодном для спанья ложе из гнилой соломы Николя с трудом различил связанную человеческую фигуру. Прямые черные волосы падали узнику на лицо, плечи прикрывал джутовый мешок, служивший одеялом явно не одному поколению здешних узников. Толстый слой грязи, покрывавший ноги пленника до самых щиколоток, высох, и казалось, что он обут в темные башмаки. Голые ноги напряглись, и на них проступил каждый мускул, каждое сухожилие; казалось, это ноги не живого человека, а анатомической модели, с которой сняли кожу. Николя потряс узника за плечо, тот мгновенно пробудился и откинул со лба длинные волосы. Бездонные черные глаза бесстрастно уставились на Николя. Симметрично нанесенные шрамы на висках повергли комиссара в изумление. Вытянутое лицо с горбатым носом и правильными чертами напоминало лик языческого идола, вырезанного из камня.

— Сударь, я полицейский комиссар. Я хочу помочь вам. Вы меня понимаете?

— Сударь, меня воспитывали иезуиты. «Он поверил советам слепой силы, и достаточно наказан суровой судьбой».

— «А потому лучше пребывать в неведении, нежели быть несчастным». Не знал, сударь, — с улыбкой произнес Николя, — что в Новой Франции так хорошо знают Лафонтена.

Лицо, едва озарившись радостью, вновь помрачнело.

— Зачем вы говорите о Новой Франции? Наш король нас бросил. А меня здесь, в Париже, постыдно обманули, обращались со мной неподобающим образом, и это в семье, которую я хотел бы уважать в память о почитаемом мной человеке. Сударь, я прошу у вас покровительства и хочу, чтобы меня развязали, дабы я смог привести себя в порядок. Увы, я вынужден был покинуть свое жилище, где все относились ко мне враждебно, без одежды, ибо ее украли…

— Считайте, теперь я ваш покровитель, — промолвил Николя. — Мы не станем вас упрекать за сегодняшние бесчинства, ибо вы стали жертвой мошенничества. Я хотел

расспросить вас о другом. Секретарь, прикажите развязать этого человека и принесите ведро воды, чтобы он смог умыться. Бурдо, поищите в нашем маскарадном шкафу какую-нибудь одежду, дабы пристойно одеть его.

Оставив узника совершать утреннее омовение, они отправились в дежурную часть.

— Однако, этот природный человек мало чем отличается от парижанина! — задумчиво изрек Бурдо.

— И это хорошо, ведь он является нашим главным свидетелем. Мне не терпится допросить его. Он кажется мне вполне разумным. Остается только решить, с какой стороны подойти к интересующей нас теме.

Пока Бурдо копался в старье, заботливо собранном обоими сыщиками, надевавшими его в тех случаях, когда интересы расследования требовали от них полностью раствориться в парижской толпе, Николя размышлял. Наконец инспектор нашел, что искал, и вышел, оставив Николя обдумывать порядок ведения допроса. Микмак явно отличался решимостью, и без сомнения, прекрасно говорил по-французски, сделал выводы Николя. Он наверняка умел скрывать свои истинные мысли, а, значит, и неприятные для него истины — во всяком случае, именно такая молва шла о туземцах Новой Франции. Попытка что-то узнать напрямую, скорее всего, успеха иметь не будет, а, напротив, лишь испугает его, и он усилит оборону; таким образом, придется умолчать о главном. И вряд ли стоит вести допрос по жестко определенной схеме. Часто случается, что в приблизительных, неуверенных ответах всплывает слово, фраза или намек, позволяющий допрашивающему зацепиться за него, подтвердить свое предположение и направить ход беседы в необходимое для него русло. Дознаватель, ведущий допрос, напоминал Николя капитана фрегата, готовящегося к абордажу: он старательно выбирает момент для сближения и отыскивает выгодное место, чтобы забросить крючья. Сам он не любил, когда свидетели ни в чем ему не противоречили и любые слова стекали с них, как говаривал Бурдо, «как с гуся вода»: в таких случаях грозная риторика его вопросов пропадала даром.

Вошел микмак. Даже в подобранной для него Бурдо одежде парижанина он выглядел необычно. Презрев указанный ему инспектором плетеный табурет, он остался стоять, скрестив руки и зажав ладони под мышками. Николя, всегда внимательно наблюдавший за руками допрашиваемых, начал злиться. Воцарилась тяжелая тишина.

— Без сомнения, сударь, вы можете многое нам рассказать, — наконец, произнес комиссар.

Этими словами он приглашал индейца к разговору. Ему показалось, что в глазах Наганды блеснули насмешливые искры.

— Может быть, господин комиссар, — начал индеец, — вы будете столь любезны, что удовлетворите мое любопытство? Ибо мне кажется, вы сами можете мне многое рассказать. Да, пока мы не сменили тему разговора, разрешите мне выразить вам свою признательность за то, что вы вызволили меня из дурной истории, в кою я впутался исключительно из-за незнания обычаев вашего народа.

— Давайте начнем с начала, — сказал Николя, пропуская реплики индейца мимо ушей. — Не сочтите за злой умысел, но не могли бы вы нам объяснить, что вас занесло в Париж? Ведь этот город находится очень далеко от снегов вашей страны!

Насмешка, мелькнувшая в черных глазах, стала явной.

— Боюсь, описания, сделанные людьми не слишком сведущими, повлияли на правильность ваших суждений. Если моя страна и покрыта «арпанами снега», то летом там, надо сказать, довольно жарко. Но отвечу на ваш вопрос. Мне было лет двенадцать, когда погиб мой отец, попав в засаду, устроенную англичанами. Он был проводником господина Галена, старшего брата господина Шарля. Господин Гален был справедливым и добрым человеком. Он взял на себя заботу обо мне и оплатил мое образование. Когда же неприятности стали

сгущаться, он решил вернуться во Францию. Нам предстояло отплыть вместе с французской эскадрой. Индейцы, подкупленные англичанами, напали на нас, и нам пришлось разлучиться. Я унес с собой Элоди, дочь господина Клода. Мне удалось скрыться и добраться до Квебека, где я оставил девочку в монастыре урсулинок. Они поверили мне, потому что у меня имелись бумаги, удостоверяющие, что девочку мне доверил ее отец. На протяжении семнадцати лет я занимался самыми разными ремеслами; скопив сумму, необходимую для оплаты переезда во Францию, я решил отвезти Элоди к родственникам, полагая, что те еще живы.

— Сколько вам было лет, когда случилось несчастье?

— Пятнадцать лет, а Элоди несколько месяцев.

— Но я прервал ваш рассказ. Продолжайте, прошу вас.

— Путешествие прошло без затруднений, хотя пассажиры взирали на нас с любопытством. Вместе с нами ехала старая монахиня, мечтавшая вернуться во Францию и охотно согласившаяся на предложенную ей сестрами-урсулинками роль компаньонки Элоди. Семья Гален встретила нас прохладно. В дальнейшем она приняла Элоди, но этого нельзя сказать обо мне. Что мне оставалось делать? Я был один, совсем один, без поддержки, а семья Гален обращалась со мной как с пустым местом, равно как и их слуги, пугавшиеся одного моего вида.

И он указал на свое лицо; Николя отметил, что, произнося эти слова, микмак сильно сжал кулаки.

— Я сын вождя. Наганда сын вождя.

Казалось, он сам убеждал себя в этом. Поменяв положение рук, он умолк. Рассказ индейца растрогал Николя, а память немедленно воскресила перед ним картину многолетней давности, когда он впервые прибыл в столицу королевства. Тогда он тоже ощущал неизбывное одиночество. При этом воспоминании его — в который раз — охватило жуткое чувство заброшенности.

— Не можете ли вы подробно рассказать мне, каким образом вы, почти голый, оказались на набережной Межиссери и впутались в известную вам историю?

— Наганда — не лось, его нельзя держать взаперти. Позавчера — мне кажется, это была среда — Элоди сказала мне, что хочет посмотреть праздник, который устраивают на площади Людовика XV в честь бракосочетания внука короля. Она попросила меня сопровождать ее, дабы защищать ее — улицы небезопасны, и в толпе всегда найдутся люди, способные оскорбить беззащитную молодую девушку. Еще она мечтала показать мне летающие огни, о красоте коих я много слышал. Англичане устраивали такие огни, когда праздновали победу над французами, но я не захотел смотреть на них. Но ее тетки немедленно воспротивились столь прекрасному замыслу. Они считали, что я обязан охранять дом. Элоди возражала, но безуспешно, последнее слово никогда не оставалось за ней. Я же с самого начала решил, что никогда не стану противиться решениям, принятым ее семьей, ибо знал, что любое слово наперекор — и я немедленно окажусь на улице, а, значит, не смогу оберегать Элоди и сдержать слово, данное ее отцу. Но тут я решил не подчиниться запрету, и ускользнул из дома, дабы на расстоянии следовать за ней и охранять ее.

— А ваше платье?

— Какое платье? После полуденной трапезы, я почувствовал такую страшную усталость, что едва добрался до своего чердака, где меня сразу сморил сон. Когда я проснулся, мое платье исчезло, а меня самого заперли. А главное…

— Главное?

— Главное, я понял, что проспал целый день!

— Как это? Объясните!

— У меня есть часы, точнее, у меня были часы, подаренные господином Клодом. Так вот, взглянув на них прежде, чем погрузиться в сон, я увидел, что они показывали три часа

пополудни. Когда же я проснулся, времени было час, и ярко светило солнце. Из этого я сделал вывод, что проспал почти двадцать четыре часа. Но поверите ли вы мне, если я скажу вам, что не знаю, как это получилось?

Сидевший за столом Бурдо с сомнением покачал головой.

— Вы хотите убедить нас, сударь, что проспали целый день?

— Я не хочу никого убеждать, ибо я говорю правду.

— Посмотрим, — произнес Николя, — однако мне больше нравится правда, которую нахожу я, нежели правда, которую мне являет кто-то другой. А дальше?

— Дальше я встал на стул и сдвинул раму мансардного окна. Подтянувшись на руках, я вылез на крышу и перебрался на соседний дом, откуда спустился на крышу низенькой пристройки, возле которой росло дерево; по его стволу я и соскользнул вниз. Я долго плутал, затем увидел чаек и проследил направление их полета. В конце концов, я вышел к реке, надеясь найти там судно, готовое к отплытию. Тут появился какой-то тип и предложил мне работу, сделав которую, я смогу оплатить свой проезд. Я согласился, он привел меня в кабак, где еще один тип, в расшитом галунами мундире и еще менее любезный, заставил меня подписать бумагу. Тотчас появились солдаты и набросились на меня. Я защищался, пока не пришлось уступить численному превосходству. Затем, благодаря вам, меня освободили.

И он не без изящества поклонился, чем окончательно смутил Николя; отточенный язык индейца и его манеры резко контрастировали с его внешностью; очевидная принадлежность свидетеля к двум разным мирам препятствовала созданию верного мнения о нем. Правда, пока все шло гладко, и очень напоминало восточную сказку.

— Вы можете описать нам пропавшую одежду? — спросил Николя.

— Несколько туник и кожаных панталон, а также широкий темный плащ и черная шляпа. Мне часто приходилось кутаться в плащ, и надвигать глубоко на лоб шляпу, дабы скрыть свою внешность, ужасную с точки зрения уличных зевак.

Вынув из кармана носовой платок, Николя аккуратно развернул его и положил на стол, открыв взорам обсидиановую бусину, найденную в кулаке Элоди Гален.

— Вам знакома эта бусина?

Наганда склонился над платком.

— Да, это бусина от моих бус, которыми я очень дорожу. Их у меня украли вместе с одеждой.

— А ваши часы?

— Я нашел их; они оказались под тюфяком, где я спал.

— А сейчас где они?

— Их украли у меня солдаты.

— Проверьте, так ли это, господин Бурдо. И вернемся к бусине. Вы говорите, бусы исчезли? Допустим. Но почему вы ими дорожите?

— Это память о моем отце; к тому же господин Клод повесил на них амулет.

— Вы утверждаете, что Клод Гален дал вам некий талисман? Но ведь он был католиком и добрым христианином!

— Разумеется, однако, я рассказываю так, как было дело. Вручив мне маленький кожаный мешочек, он велел мне никогда с ним не расставаться. Я до сих пор храню в памяти слова, сказанные им, когда он передавал мне талисман: «Только когда Элоди будет выходить замуж, ты отдашь ей содержимое этого мешочка».

— Значит, вы его никогда не открывали?

— Никогда.

Нащупав лежащие в кармане бусины, найденные в доме на улице Сент-Оноре, Николя достал их и протянул индейцу. Наганда сделал резкое движение, желая схватить их, так что комиссар едва успел отдернуть руку.

— Судя по вашей реакции, вам знакомы эти предметы.

— Вы правы, это была моя вещь, и она дорога мне как никакая иная, по причинам, кои я вам уже сообщил. Где вы их нашли?

— Простите, но вопросы здесь задаю я. Итак, это ваши бусины, вы их узнали? И вот эта бусина, без сомнения, тоже от вашего амулета? Вы со мной согласны?

Индеец утвердительно кивал. Николя решил, что настал момент известить его о смерти Элоди.

— С глубоким сожалением вынужден вам сообщить, что бусину из вашего ожерелья нашли в зажатом кулаке мадемуазель Элоди Гален, чье мертвое тело обнаружили среди жертв, погибших от удушья в давке, возникшей во время праздника на площади Людовика XV. Также я обязан объявить вам, что вы являетесь одним из подозреваемых виновников этой смерти, ибо все говорит о том, что мадемуазель Гален стала жертвой не удушья, а преступного умысла.

Прочитав немало трудов миссионеров, Николя приготовился к самым неожиданным проявлениям чувств: протяжным крикам, танцам с дикими завываниями… Ничего подобного не произошло, лицо микмака по-прежнему оставалось бесстрастным. Только медный цвет кожи мгновенно приобрел зеленоватый оттенок, а глаза запали глубоко в орбиты.

— Похоже, вы не испытываете ни горечи, ни сожаления?

Ответ индейца потряс его до глубины души:

— «Все плакали и рыдали о ней. Но он сказал: не плачьте»[29].

— Неужели вы не испытываете никаких чувств, потеряв существо, кое вы столь усердно окружали заботами, посвятив ему большую часть собственной жизни?

— «Сильней страдают те, чье горе молчаливо»[30].

«Какой сильный противник!» — подумал Николя. Отвечая цитатами из Евангелия и Расина, он явно пытался что-то скрыть, и комиссар прекрасно понимал выстроенную им систему ответов.

— «Мы друг для друга были оплотом горести, но нас разъединили»[31]. Каковы были ваши отношения с Элоди Гален?

— Она была дочерью моего покровителя и благодетеля. Я поклялся защищать ее, и не сдержал клятву.

Индеец обладал даром уходить от прямых ответов.

— Кем она вас считала?

— Ну… кем-то вроде брата.

Уловив в его словах нерешительность, Бурдо и Николя насторожились: со стороны человека, привыкшего скрывать свои эмоции, подобная запинка казалась по меньшей мере странной. Сердце Николя сжалось от боли: с горечью и нежной грустью он вспомнил о своей сводной сестре Изабелле де Ранрей.

— Помните, какие бы подозрения над вами ни нависли, вы имеете право на нашу защиту. Взамен мы надеемся на вашу откровенность. Если вы что-то знаете, кого-то подозреваете, вы обязаны сообщить нам об этом.

Глядя на Николя, Наганда открыл рот, однако оттуда не вылетело ни единого звука. Индеец опустил глаза.

— Можете хранить молчание. Но все же подумайте о моем предложении. Сейчас вы один, и находитесь в положении подозреваемого. Вас проводят в дом на улице Сент-Оноре, где вы

обязаны находиться неотлучно, дабы служители правосудия в любое время могли допросить вас.

Бурдо позвал пристава, и индеец, поклонившись следователям, вышел вслед за ним.

— Не думаю, что он лжет, однако, уверен: самое главное он от нас скрыл, — произнес Николя.

— Почему вы отпустили его? — спросил Бурдо.

— Однажды мой друг, отец Грегуар, рассказал мне о любопытном свойстве некоторых веществ. Когда эти вещества помещают рядом с другими веществами, соседи их начинают вести себя более чем странно, и происходят совершенно непредсказуемые реакции. Не удивлюсь, если на улице Сент-Оноре мы столкнемся с чем-то подобным. Обитатели дома ненавидят индейца. Значит, мы вернем его туда и будем спокойно ожидать результатов!

— Как вы восприняли сказочку о долгом сне?

— Как свидетельство наличия чего-то такого, что не укладывается в наше понимание природы. В нее трудно поверить, а потому нам следует во всем разобраться. Полагаю, вы, как и я, отметили, что показания микмака несколько расходятся с показаниями прочих свидетелей. И в этом тоже следует разобраться. А для расследования нашего первостепенного дела нам необходимо срочно собрать воедино все сведения и начать составлять доклад для господина де Сартина.

— Мы уже знаем, что зрители на празднике остались без защиты из-за некомпетентности городской стражи.

— Нужно выявить ответственных и подвести итоги. В воскресенье вечером, как обычно, генерал-лейтенант отправится на прием к Его Величеству. Возьмите одного из наших людей, и пусть он вызнает все, что только возможно. Надо составить обращение, адресованное двадцати квартальным комиссарам. Обойти всех лекарей, аптекарей, костоправов и гробовщиков, проверить приходские регистры, поговорить с могильщиками при церквях и кладбищах. Допрашивайте сами, организуйте себе помощников. Привлеките к работе агентов. Все полученные сведения необходимо подробно записать, а записи как можно скорее доставить ко мне.

— Вот именно, вот именно. И как можно скорее составить мне отчет!

Фраза, произнесенная резким сухим голосом, прозвучала подобно взрыву. Приятели обернулись и увидели Сартина в черной судейской мантии с белыми брыжами; голову его украшал гренадерский парик с косой. Начальник полиции насмешливо и чопорно взирал на обоих подчиненных. Изумленный Николя тотчас представил себе, какое впечатление на простых смертных производит умение Сартина появляться ниоткуда. И хотя тон начальника был сладок, он по опыту знал, сколько язвительности скрывалось за медоточивыми речами Сартина, снискавшего себе репутацию человека сдержанного и чрезвычайно любезного; но даже те, кто знали генерал-лейтенанта хорошо, только догадывались, сколько желчи он способен исторгнуть в любой момент.

— Разве я этого не предвидел? — бросил Сартин. — Разве не предугадал? Да я словно в воду глядел! Разве не твердил я, что ваши страстишки непременно потянут за собой скандалы и потасовки? К чему ваши жалкие потуги натянуть нос эшевенам, если вы сами не слишком от них отличаетесь, если ваши поиски заводят в тупик?

— Сударь, чем я заслужил эту вязанку сырых дров, брошенную вами в костер моего рвения?

— Он еще спрашивает! Притворяется, что ничего не знает! Так вот, господин Ле Флок, я только что из кабинета королевского судьи по уголовным делам. О, какой витиеватой бранью сыпал он, излагая мне события со всеми подробностями, а я, скрипя зубами, вынужден был

слушать его! Да уж, он изрядно порезвился на моих грядках, справедливо полагая, что еще одна такая возможность ему вряд ли выдастся.

— Сударь…

— Замолчите! Впрочем, я сам виноват, я не только терпел ваши выкрутасы, но и помогал вам. Вы привыкли вести чрезвычайные расследования, на грани законности, по собственному разумению, не считаясь с правилами… Вот и теперь вы тоже без особого на то основания принялись расследовать уголовное дело. Знаете, о чем я услышал? Сокрытие трупа, нарушения процедуры расследования, нечестивое вскрытие тела, ничем не подкрепленная личная инициатива, угрозы гражданам! Неужели все это для прикрытия главного расследования, которое я вам поручил? Ну, что вы на это скажете?

— Что во всем этом нет ни единого повода для волнения, сударь, и что, будучи уверенным в собственном праве и в законности действий ваших подчиненных, вы их, как обычно, защитили и уверенно дали отпор наскокам господина судьи по уголовным делам. Впрочем, я полагаю, Тестар дю Ли слишком честный человек, чтобы долго сопротивляться вашим медоточивым и убедительным речам.

Выставив вперед ногу, Сартин с видимым удовольствием созерцал сверкающую серебром пряжку на своем башмаке.

— Да? Вы так считаете? Медоточивым и убедительным? Что ж, я рад, что мои подчиненные довольны мною. Надеюсь, моя снисходительность поможет им пробудить свою прозорливость. Как далеко вам удалось продвинуться? Я вас слушаю, только без лишних слов — излагайте голые факты.

— Сударь, убийство молодой девушки доказано, возможно, имеется еще и детоубийство. События, происходившие в семье, весьма необычны, и позволяют сделать целый ряд выводов. Досадно, если такое преступление ускользнет от вашего взора, а неловкость или же неопытность испортят многообещающее начало расследования.

— И что же оно обещает? Говорите, но быстро. Кстати, как обстоят дела с нашим основным делом?

— Я двигаюсь вперед, сударь, все подтверждается, как мы и предполагали.

— Хорошо, предполагайте дальше. Завтра к вечеру я жду подробнейший отчет, который вы доставите ко мне домой. Я отправляюсь ночевать в Версаль, где после мессы король, как обычно, дает мне аудиенцию в малых апартаментах. Вы поедете со мной, Николя. Его Величество всегда рад видеть своего дорогого Ранрея[32].

Поправив парик, начальник полиции резко развернулся и с присущим ему достоинством покинул дежурную часть.

— Ох! — вздохнул Николя. — Бегу к судье по уголовным делам, а потом мчусь к моему портному.

V
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЛА

Уловка всегда противоречит самой себе; она недолговечна — в отличие от истины.

Людовик XIV

Кабинет судьи по уголовным делам находился в другой части Большого Шатле. Николя без сомнения, ждали, ибо его немедленно провели в кабинет. Низенький человечек в сером парике и с невзрачной физиономией принял его не слишком любезно. Не удосужившись даже поприветствовать его, он сокрушенным тоном принялся рассуждать о том, сколь самоуверенны и заносчивы бывают некоторые подчиненные, особенно те, кто служит в полиции. Его внезапное нападение было встречено бесстрастно, терпеливо и со смирением, и магистрат смягчился до такой степени, что сделал комиссару комплимент, заверив его, что его доблестная репутация известна даже в чертогах высшего правосудия, подразумевая под сими

чертогами собственный кабинет. Постепенно магистрат выразил согласие со спешным характером настоящего расследования, отчего, разумеется, и произошли некоторые упущения по части забвения соблюдения законных форм. Но, принимая во внимание добрые отношения, связывавшие его с господином де Сартином и будучи убежденным, что господин Ле Флок не предпримет никаких происков, враждебных его ведомству, он согласен закрыть глаза на вышеозначенные оплошности и дозволяет, в связи с исключительными обстоятельствами, продолжать расследование и вести допросы. Но отныне, по его твердому убеждению, комиссар будет соблюдать необходимую осмотрительность, делиться с ним добытыми сведениями и сознавать, что любая власть, любое начальство, любой… Чувствуя, что это всего лишь вступление к основной речи, обещающей быть гораздо более продолжительной, Николя смиренно поклонился, а затем, придав лицу выражение величайшего почтения, он попятился к двери и, с трудом сдерживая одолевавший его безумный смех, выскочил в коридор. Прыжками спустившись по темной лестнице, он очутился под мрачными сводами Шатле, и, подозвав посыльного, велел ему найти портшез.

Близилось лето; предвкушение долгожданного тепла успокоило бурлящие мысли Николя, постепенно пришедшие в согласие друг с другом. На углу улицы он заметил высившуюся на прилавке гору соблазнительной мясистой черешни; крупные ягоды со светлой мякотью взывали к чревоугодию прохожих. Торговка насыпала ему черешни в горсть — попробовать, и он, как ребенок, обрадовался неожиданному дару улицы. Позабыв о своей должности и подобающем ей достоинстве, он, как в детстве, на одном дыхании веером выплюнул косточки. От «голубиных грудок», как прежде называли этот сорт черешни, во рту осталось ароматное послевкусие. Расправляясь с плодами, он незаметно добрался до улицы Вьей-дю-Тампль, где мэтр Вашон, уже десять лет обшивавший Николя и — в свободное время — господина де Сартина, держал мастерскую; строго соблюдая правила и заповеди своего ремесла, он, скрепя сердце, следовал за капризницей-модой, чьи постоянные новшества его отнюдь не восхищали.

Берлога мэтра Вашона располагалась в обветшалой постройке, приютившейся в глубине вымощенного плитами овального дворика и зажатой с обеих сторон более высокими домами, отчего дневной свет проникал во двор крайне скупо. Исхудавшее лицо мэтра, под стать его высокой сутулой фигуре, сделалось еще более бледным, чем прежде, но его по-прежнему снедала неуемная страсть клеймить день сегодняшний. Верный привычке, мэтр Вашон зорко следил своими бегающими глазками за подмастерьями, восседавшими на почерневших деревянных прилавках, и не уставал читать им мораль. Только теперь он чаще и тяжелее опирался на свою высокую старомодную трость.

— Как идут дела? — поинтересовался Николя.

— Ах, дорогой комиссар, мне срочно необходимо приобрести несколько дополнительных голов, дабы успевать за всеми новинками! Вот, смотрите, последнее новшество!

И он помахал перед его носом бесформенным куском кружев.

— Поглядите, не торопитесь; кровь вновь бросилась мне в голову. Что может быть проще и элегантнее женской косыночки? Так нет, теперь к ней надо добавлять, прибавлять, я бы даже сказал — перебавлять! Прощай, белая батистовая или муслиновая косыночка, гладкая или плоеная! Вот, смотрите, это же целый капюшон, стоящий на плечах! Каким образом, спросите вы? С помощью подкладки и обшивки, куда вставляется обруч. Вы даже представить себе не можете, как называется сие изобретение! «Подъем в небо», видите ли! Да будет угодно Господу взять нас туда! Это новинка для женщин. А для мужчин примером теперь является Германия, ее экономический подход. Никаких рукавов у камзолов. Сюртук и жилеты. У меня голова кругом идет! Новшества без конца! Постойте, вы же любите классику и зеленый цвет, а у меня есть вещица, которая всегда будет модной — фрак а-ля Сансон, он вам как раз в пору…

— А-ля Сансон?

— Да, а-ля Сансон. Вы разве не знаете, что он давно ввел его в моду? Однако, вы заставляете меня выдавать секреты; впрочем, он ваш друг. Так вот, Сансон до своей женитьбы отличался пристрастием не только к женскому полу, но и к красивым нарядам.

Николя с удивлением поднял брови.

— Вы говорите о Шарле Анри Сансоне, палаче?

— О нем самом, — с восторгом подтвердил мэтр Вашон, гордясь тем, что может сообщить нечто такое, чего не знает самый известный и грозный комиссар Большого Шатле. — Он вращался в свете и требовал называть его «шевалье де Лонгваль», по названию поместья, принадлежавшего его семье. Он тогда был завзятым охотником. Не довольствуясь узурпацией неизвестно чьего имени и сомнительного титула, он носил шпагу и надевал голубой фрак, подчеркивавший его принадлежность к дворянству. Рассказывают, однажды королевский прокурор даже призвал его к порядку, публично напомнив о его малопочтенной и подчиненной должности. Говорят, после такого выпада Сансон сделал своим цветом зеленый и велел шить ему одежду особого покроя, столь удачного, что он привлек внимание маркиза де Лесторьера, слывшего, по его собственным словам, законодателем хорошего тона при Версальском дворе. Мода на фраки а-ля Сансон получила распространение. Забавная история!

От смеха длинное тело мэтра перегнулось пополам; бросив яростный взор на навостривших уши подмастерьев, Вашон приблизился к Николя.

— Говорят, он имел слабость к нынешней фаворитке, Жанне Бекю[33]. Дядя красавицы, аббат Пикпюс, был близко знаком с семьей Сансона. Палач лечил его ревматизм жиром повешенных! Но я, наверное, совсем задурил вам голову своей болтовней. Что я могу для вас сделать?

Устремившись к одному их своих помощников, он схватил его за ухо и принялся выкручивать.

— Ай-ай-ай! Вот я тебя и поймал! Как ты посмел делать такой крупный стежок? Давай, живо распарывай, и заруби себе на носу, что мои приказы следует исполнять беспрекословно. Штраф! Штраф!

Николя вытащил из кармана маленькую блестящую штучку и протянул ее мэтру Вашону.

— Что вы можете сказать об этом предмете?

Вашон водрузил на нос очки, повертел штучку в руках, и, поднеся к свече, стал поворачивать, так что пламя заиграло на всех ее гранях.

— Медный наконечник, каким обычно оканчивается шнурок. Такие же наконечники имеют шнуры, используемые для украшения мундиров. Постойте, кажется, я готов держать пари…

Он направился к шкафу, сплошь состоявшему из ящиков, и, покопавшись в одном из них, извлек оттуда целую пригоршню похожих наконечников.

— Я был уверен, что уже где-то видел их. Разумеется, по долгу службы вам известно, что у меня много клиентов, причем самых высокопоставленных, как при дворе, так и в городе. Так вот, этот кусочек латуни венчал аксельбант, новое украшение, добавленное к и без того пышным мундирам городских стражников, печально обновленным во время праздника, устроенного прево для парижан на площади Людовика XV.

— Такой ответ меня вполне удовлетворяет. Не могли бы вы оказать мне еще одну любезность, и сообщить, у кого именно из ваших клиентов на платье вы видели такой шнур с наконечником?

— От вас у меня секретов нет. Итак, посмотрим… Барботе, Рабурден…

Он зашелестел страницами книги с потрепанными углами.

— Тирар… и майор Ланглюме. Этот тип, скажу я вам, был самый требовательный и самый… надменный.

Прежде чем распрощаться с мэтром, Николя пришлось пощупать несколько отрезов, недавно доставленных в мастерскую, и выслушать предложения Вашона. Когда он в задумчивости вышел на улицу, ноги сами понесли его в хорошо знакомый квартал, где он жил после поступления на службу в полицию. Он прошел мимо церкви Блан-Манто, ставшей свидетельницей его первых шагов на служебном поприще. Боже, как давно это было! Впрочем, настоящее также не уставало удивлять его. Мэтр Вашон открыл ему совершенно неизвестную сторону жизни Сансона. Интересно, знает ли об этом Сартин и его полиция? А может, это он никогда не пытался узнать о Сансоне больше? Люди часто отличаются от тех образов, в которых они предстают перед другими людьми. В зависимости от того, кем является их собеседник, они открывают ему тот или иной ящичек своей души, или же, подобно зеркалу, отражают тот образ, в котором их хотят видеть. Значит, Сансон, этот скромник, наделенный массой достоинств, сведущий во многих областях знаний, настолько набожный, что вполне мог сойти за святошу, чувствительный и жалостливый, постоянно стремящийся извлечь пользу из знаний, приобретенных посредством наблюдений за страданиями пытаемых и казнимых, мог быть легкомысленным и, заботясь о собственной внешности, мог изменить ее настолько, что никто не признавал в нем незаметного человека во фраке блошиного цвета, священнодействовавшего в полумраке Мертвецкой. Впрочем, каждый имел право на личную жизнь, а Сансон, таким образом, возможно, спасался от ежедневного ужаса своего ремесла. Внезапно Николя упрекнул себя за такие рассуждения. Он должен доверять тому, кого считает своим другом. Нельзя обсуждать тех, кто получил звание друга, их надо принимать такими, какие они есть, со всеми их достоинствами и недостатками.

Взяв фиакр, Николя поехал по улице Сент-Антуан. Итак, он не ошибся: маленькая штучка, заблокировавшая дверь, ведущую на крышу Посольского дворца, была оторвана от мундира городской стражи. Но, кто кроме майора Ланглюме, имел доступ в это здание, где резервировали места для именитых гостей купеческого прево? Никто, только он, и только у него могли быть причины запереть комиссара на крыше. Разумеется, в причинах этих еще предстоит разобраться. Ибо несмотря на то, что несколькими часами ранее у них произошла стычка, Николя был уверен, что удар нанесли не ему лично, а — в его лице посланцу Сартина, присутствовавшему на торжестве. Стремление помешать магистрату исполнить поручение — так вполне можно определить поступок майора. Препятствия, возникшие перед комиссаром, без сомнения, повлияли на ход последующих событий. Если бы Николя без промедления, не теряя времени на бегство через каминную трубу, приступил к исполнению своих обязанностей, возможно, размах бедствия был бы меньшим.

Еще одна мысль бередила душу Николя, и он даже решил порыться в архивах Шатле. Архивное собрание донесений не баловало своих редких читателей разнообразием сведений, часть которых поступала от агентов, а часть — после перлюстрации писем. Тем не менее, мысль эта неотступно преследовала его до самого места службы. Поэтому, прибыв в Шатле, он немедленно отправился изучать старые записи. С помощью почтенного секретаря суда, исполнявшего обязанности хранителя архивов, он вскоре наткнулся на пухлую связку бумаг, относящихся к семье Сансона. Документы, выдержки и записи хранились вперемежку, являя собой бесформенную кипу бумаг, сложенных, однако, в хронологическом порядке. Наконец, он нашел недавний документ, подводивший итог всем предыдущим:

«Шарль Анри Сансон, родившийся в Париже 15 февраля 1739 года, в семье Шарля Жана-Батиста Сансона и Мадлен Тронсон, исполнитель смертных приговоров. Увивается за женщинами и не пропускает ни одной девушки. Дабы удовлетворить свое тщеславие, носит шпагу, а в обществе появляется под именем шевалье де Лонгваля. После женитьбы остепенился. Слывет колдуном и костоправом. Свою жену, Мари-Жанну Жюжье, дочь огородника из предместья Монмартр, встретил по дороге на охоту; супругу обожает страстно. Одним из свидетелей на его свадьбе был Мартен Сеген, мастер фейерверков, отвечающий за

устройство огненных зрелищ во время королевских празднеств, проживающий на улице Дофин, приход Сен-Сюльпис. У него собственный дом на углу улицы Пуассоньер и улицы Анфер, а также ферма в Бри-Конт-Робер. Водил знакомство с Ж.Б.Г.Д.Д.Л. дю Б. и, по слухам, имел с ней тесные отношения. Поддерживает знакомство с комиссаром Ле Флоком, для которого подпольно проводит вскрытия, к великому недовольству квартальных лекарей (жалобы приложены к делу)».

Не обнаружив в куче бумаг ничего неожиданного, Николя лишь усмехнулся, увидев там свое имя. Таинственные инициалы, совершенно очевидно, принадлежали госпоже дю Барри. И, разумеется, он не нашел ничего, что могло бы уронить Сансона в его глазах. Николя задумался о тайной жизни архивов, направлявших длань правосудия и вооружавших полицию. Всю вторую половину дня он работал, размышляя и делая записи на основании сведений, собранных двадцатью его собратьями по ремеслу и доставленных ему эмиссарами из двадцати округов столицы. К нему стекались послания устные и письменные. Часы бежали, но он их не замечал. Только когда голод железными клещами начал терзать ему желудок, он удосужился взглянуть на часы, и, собрав бумаги, пешком отправился на улицу Монмартр.

На город, сверкавший огнями новых фонарей, опускалась ночь. Еще в прошлом году плохонькие лампадки, висевшие на улицах и гаснувшие при малейшем дуновении ветра, предоставляли горожанам весьма скудное освещение. Зажигали их лишь в конце дня, а света хватало всего до двух часов ночи. Многократно советуясь с умными людьми, Сартин добился установки уличных фонарей с отражателями. Нашли способ, как лучше их крепить и в каких пропорциях смешивать масла, дабы улучшить их горючие свойства. В предприятии приняли участие мастера-изобретатели Арганд и Кенкет, прославившиеся своими комнатными лампами. Теперь фонари горели всю ночь и даже освещали большую дорогу, ведущую из Парижа в Версаль, вселяя чувство безопасности и вызывая восхищение у пассажиров карет, круглые сутки курсировавших между столицей и двором.

Добравшись до особняка Ноблекура, Николя поднялся к себе в апартаменты, расширенные за счет каморки, где прежде вперемежку, словно на складе, были сложены книги. Теперь там стоял маленький рабочий стол, а книги заняли места на полках из крашеного дерева. Волнующие обоняние ароматы предвещали изысканный ужин, и он решил, что, видимо, сегодня хозяин дома принимает гостей. Ибо во все остальные дни престарелый прокурор был обречен питаться мизерными порциями простой пищи, приготовленной старой гувернанткой Марион, постоянно заботившейся о том, чтобы у ее господина, большого любителя хорошо поесть, не случился очередной приступ подагры. Николя почистил одежду и повязал вокруг шеи галстук из тонких кружев: на этаж, занимаемый господином де Ноблекуром, спустился мужчина, одетый элегантно, в классическом стиле, столь любимом мэтром Вашоном.

Остановившись в тени застекленного шкафа, дабы попытаться разглядеть гостей Ноблекура и составить о них свое представление, он отметил, что с одним из приглашенных бывший прокурор разговаривал более почтительным тоном, нежели тот, коим он обычно обращался к своим сотрапезникам.

— Я счастлив, монсеньор, видеть вас в добром здравии. В последний раз, когда я имел честь принимать вас в моем скромном жилище, вы страдали от приливов; помнится, они весьма досаждали вам…

— Еще как досаждали, дорогой Ноблекур, чрезвычайно досаждали. Настоящая чума; кстати, ваше приглашение напомнило мне, что я не слишком часто зову вас на ужин. Но, знаете ли, я был весь покрыт коростой. Меня спасла телятина: это мясо мне прикладывали к коже каждый день. К тому же по собственной инициативе я стал принимать ванны из миндального молока и пить отвар винаша. В Бордо пустили слух, что я якобы принимал ванны из молока и

велел отрезать себе часть задницы, дабы с помощью сей презренной плоти восстановить былую красоту лица! Надеюсь, теперь я чист на всю оставшуюся жизнь, и Госпожа Природа более не дозволит этой гадости облепить меня словно какую-нибудь падаль. Ибо, действительно, с тех пор я, в сущности, не болею, если не считать легких недомоганий.

— Годы не оставляют на вас следа, они стекают с вас, словно дождь с черепицы. Люди вашего возраста обычно выглядят совсем иначе, — со вздохом произнес Ноблекур. — Я младше вас всего на четыре года, но сами видите…

— Мой дорогой, согласно предсказанию, сделанному на основании расположения небесных светил, мне суждено умереть в марте[34], и я имел слабость в это поверить. Поэтому, подобно Цезарю, я мрачнею при наступлении сего месяца, но стоит ему миновать, как я вновь уверен, что у меня впереди еще целый год. Так что сейчас я пребываю в полном расцвете сил!

Узнав в бодром старичке маршала герцога де Ришелье, Николя решил заявить о своем присутствии. Он несколько раз раскланивался с герцогом в Версале, где тот, будучи первым дворянином королевской опочивальни, являлся членом узкого кружка придворных, особо приближенных к королю. Старый прокурор представил их друг другу, и Николя склонился перед великим человеком. Впервые видя маршала столь близко, он обнаружил, что тот довольно маленького роста. Лицо его покрывал толстый слой свинцовых белил и помады, а парик был напудрен столь сильно, что при малейшем движении вокруг его головы создавалось легкое облачко, постепенно оседавшее на плечи его голубого фрака. В кабинете было жарко, и запах духов, которыми щедро пользовался Ришелье, смешавшись с ароматами блюд и вин, вызывал тошноту.

— А, вот и наш дорогой Ранрей! Полагаю, вы по-прежнему развлекаетесь тем, что помогаете Сартину? Знаете, король просто души не чает в нашем комиссаре! Очень рад вас видеть, просто в восторге.

Ноблекур, имевший все основания опасаться резкого ответа Николя, поторопился взять слово.

— Да, он делает все, чтобы мы чувствовали себя в безопасности, каждый раз доказывая, что у нас лучшая в Европе полиция.

И он повернулся к другому приглашенному, одетому в черное; на него Николя совсем не обратил внимания.

— Господин Бонами, историограф и городской библиотекарь, а также мой компаньон, с которым мы вместе заседаем в совете, управляющем средствами прихода Сент-Эсташ.

Маршал усмехнулся.

— А еще друг купеческого прево и мой приятель, с которым мы имеем честь входить в состав сорока членов Французской Академии.

— Монсеньор, сударь, я смущен оказанной мне честью, — произнес Николя, отвешивая новый поклон.

— Довольно, к черту церемонии! — воскликнул маршал. — Садитесь, молодой человек, сейчас мы приступим к мясу.

— Монсеньор, — произнес Ноблекур, — прислал мне своего повара, который готовит мясо совершенно особым образом, отчего оно становится исключительно легким для пищеварения.

— Но не стоит забывать, что при этом оно полностью лишается вкуса! — рассмеялся герцог.

— Монсеньор, — вновь заговорил Ноблекур, заметив, что Николя порывается взять слово, — приказал соорудить себе карету, названную им «дормезом»; в ней можно выспаться не хуже, чем в собственной кровати. А так как он не любит питаться в трактирах… равно как и у своих друзей… его карета снабжена небольшой плитой, прикрепленной к днищу, и при помощи раскаленных кирпичей на ней можно готовить мясо. В самом деле, господин герцог,

никто, кроме вас, не умеет с таким изяществом наслаждаться жизнью, придумывать всевозможные удобства и заставлять людей в точности исполнять свои приказы.

— Согласен, согласен, — кивая головой, проговорил герцог. — Мне все удается, все мне подчиняются, каждый мне уступает. Его Величество благоволит мне, он открыл мне доступ в малые апартаменты. Но меня, бывшего пажа его прадеда Людовика Великого, никогда не приглашают в королевский Совет!

— Но вы, как настоящий герой, выше суетности!

— Суетность, тщеславие, хотел бы я на вас посмотреть! Вы же в этом ничего не смыслите, вы всего лишь судейский.

Николя переживал за Ноблекура: самому куртуазному и самому великодушному человеку на свете пришлось проглотить эту пилюлю. Николя знал, что гордыня маршала не имеет границ, и Ришелье никогда не считал нужным сдерживаться даже в присутствии друзей — какими бы жестокими и неприятными ни были его речи. Секрет его непомерного честолюбия заключался в желании «быть еще большим Ришелье, чем сам Великий Кардинал», поэтому он жаждал стать первым министром и добавить к своей славе полководца почести государственного мужа. Он открыто преследовал Шуазеля своей неумолимой ненавистью и никогда не упускал возможности заявить об этом. Он натравил на него новую фаворитку, посчитав, что враждебное отношение Шуазеля к англичанам лишит его поддержки короля, готового на все, лишь бы избежать возобновления военных действий. Старый монарх устал; вдобавок он все еще пребывал под впечатлением поражений, понесенных в войне 1756 года[35]. На эти карты маршал и делал ставку.

— Итак, — продолжил герцог, слишком утонченный, чтобы и дальше омрачать хозяина, и, являя готовность сменить мишень, — Сартин попал в переделку? Однако, хорош начальник, позволяющий одной половине парижан передавить другую половину. Неумение, некомпетентность! Его Величество разгневан, а госпожа дю Барри благоволит купеческому прево Биньону. Вот вам прекрасный повод, чтобы свалить неугодного чиновника.

— Могу ли я, монсеньор, позволить себе заметить, — произнес Николя, — что начальник полиции нисколько не причастен к случившемуся?

Окинув сотрапезников взволнованным взглядом, Ноблекур сам, не призывая лакея Пуатвена, наполнил бокалы иссиня-черным бургундским.

— Превосходно, — одобрил маршал, — молодой петушок защищает своего начальника. Это мне нравится, особенно мне нравится задор, весьма уместный в таком очаровательном молодом человеке.

И он внимательно посмотрел на Николя. Любовь к женщинам у герцога прекрасно уживалась с любовью, которую женский пол с полным правом порицал; если судить по слухам, одна из первых его любовниц, герцогиня де Шаролэ, упрекала его за то, что он слишком много времени уделял одному из ее швейцарцев, молодому и прекрасно сложенному.

Тут раздался негромкий надтреснутый голос.

— Монсеньор, — вмешался Бонами, — зная вас почти сорок лет, беру на себя смелость возразить вам. Ответственность за поддержание порядка во время празднества, устроенного на площади Людовика XV, являлась единственным козырем в колоде прево. Я проглядел все свои бедные глаза, отыскивая прецеденты, на которые можно было бы опереться, но все они относились к временам, когда должности начальника полиции как таковой еще не существовало, а полиция, как вам известно, была учреждена великим монархом, пажом коего вы имели честь состоять. Впрочем, чтобы узнать об этом, не требовалось погружаться в глубины истории и доходить до царствования Карла V.

— Вы только посмотрите на этого Бонами! Ввязался в разговор только для того, чтобы опровергнуть меня! Лет сорок назад я бы, наверное, проигнорировал эдикт, направленный против дуэлей, если бы вы были в состоянии держать шпагу.

— С моей стороны было бы слишком большой дерзостью скрестить шпагу с первым воином Европы, — спокойно ответил историограф.

— Нисколько, Бонами. В те времена я еще не был полководцем; тогда гремела слава маршала Саксонского.

— Только истинный герой способен воздать должное своему собрату, — миролюбиво произнес Ноблекур.

— О! — протянул Ришелье. — В день битвы при Фонтенуа маршал появился перед войском совершенно опухшим от лекарств, прописанных ему от застарелого сифилиса. Пожалуй, он был единственным генералом в армии, коего победа заставила вести себя скромнее; все окружение короля тому свидетели!

Рассмеявшись, сотрапезники содвинули бокалы; в это время дверь распахнулась, и внесли десерт. Маршал осторожно опустил ложку в редут из блан-манже, украшенный капельками цветного желе.

— Дорогой Ноблекур, я счастлив, что вы твердо придерживаетесь старых традиций и не пытаетесь омрачить окончание ваших ужинов пресловутыми салатами со сливками или вязнущими в зубах султанками из жженого сахара! Посмотрите, сколько развелось безмозглых едоков, обожающих кулинарные новшества! Мне они кажутся совершенно отвратительными, ибо продукты в них настолько перемешаны, что становится непонятно, что ты ешь.

С улицы донесся стук колес.

— Однако, уже поздно, к тому же нет ни одной приятной компании, с которой бы не пришел черед расстаться.

И он весело потер руки.

— Для истинного Ришелье ночь только начинается! Тысяча благодарностей, Ноблекур, ваш слуга, господин Ле Флок. Бонами, не хотите ли воспользоваться моей каретой, я довезу вас, куда скажете.

Бонами поклонился. Ноблекур взял тяжелый подсвечник с пятью рожками, но Николя немедленно забрал его из рук прокурора, опасаясь, как бы тот не выронил его. Процессия сопроводила маршала до ворот, где экипаж с кучером и двумя лакеями ожидал победителя в сражении при Порт-Магоне.

Вернувшись к себе, Ноблекур без сил рухнул в кресло-бержер. Похоже, он был изрядно удручен. Раздавшийся тотчас протяжный вой нисколько не рассеял угрюмого настроения магистрата. Николя открыл дверь в кабинет редкостей, и в ту же секунду несчастный пес, повизгивая в знак признательности, метнулся ему под ноги.

— Почему заперли Сирюса? — спросил Николя, беря собаку на руки.

— Маршал не любит собак, точнее, не переносит чужих собак. А когда я говорю, что он их не переносит…

Ноблекур взглянул на Николя.

— Надеюсь, вы убедились, что я вел себя как истинный придворный; мне жаль, что пришлось показать вам сей спектакль. Но я принадлежу к тому поколению, для которого дружба, да что там дружба — взор любого герцога или пэра составляют часть бесценного фамильного наследства. Ришелье не так плох, как хочет казаться, просто он думает только о себе. Только что, изображая вольнодумца, он навязал нам всем мясо, хотя сегодня пятница. Он презрел воистину божественную рыбу из Нормандии, приготовленную Катриной и Марион. Можете представить себе их ярость!

— Я нахожу такое поведение, по меньшей мере, невежливым.

— Что вы хотите, ему удавалось рассмешить саму госпожу де Ментенон! Вы возмущены, потому что он стал нападать на Сартина. Тем не менее, у него зуб не на начальника полиции, а на его друга, точнее, на так называемого друга, на Шуазеля. Герцог судит о других через призму своих собственных интересов и своей славы. Даже в изобилующей скандалами личной жизни хвастовство у него преобладает над чувствами. Его любовь к сладострастным утехам, в сущности, являет одну из ипостасей его гордыни, а так как женщины всегда проявляли по отношению к нему неограниченную щедрость, то именно они и убедили его в правильности избранной им системы.

Ноблекур позвонил; появился Пуатвен.

— Подайте рыбу Николя. Так я хотя бы могу быть уверен, что блюдо оценили.

Печальные размышления отступили, и бывший прокурор спросил Николя:

— Полагаю, вы как всегда, поглощены очередным делом? Не прерывая еду, расскажите мне все, что не является тайной; ваш рассказ развлечет меня.

Николя накинулся на рыбу, запивая ее красным вином; подагра изгнала белое вино из дома Ноблекура — по причине невоздержанности хозяина. Словно зачитывая отчет, комиссар изложил события и факты, связанные с обоими порученными ему расследованиями. Ноблекур на минуту задумался.

— Вам вновь досталось крайне деликатное дело. Надеюсь, вы понимаете, что вас загнали в западню между двумя властями, пребывающими в состоянии постоянного конфликта. Никто не заподозрит купеческого прево в том, что он сам организовал давку на площади Людовика XV. Но нет таких дураков, которые бы не понимали, что он сделает все, чтобы взвалить ответственность за катастрофу на кого-нибудь другого.

— А у него, действительно, есть такая возможность?

— К сожалению; вдобавок он пользуется поддержкой новой фаворитки, имеющей постоянный доступ к королю, а потому особенно опасной. В прибытии дофины она почувствовала угрозу для себя, ибо дофина естественным образом является ее соперницей при дворе. Поэтому дю Барри постарается доставить неприятности всем, кто намерен поддерживать Шуазеля. К несчастью, Сартин его друг или же слывет таковым, что, как вы понимаете, дела не меняет.

— Вы знаете, сколь высоко я ценю ваши суждения, коими мне почти всегда удается воспользоваться с большой для себя выгодой. Что вы думаете по поводу преступления, совершенного на улице Руаяль?

— Меня заинтересовал ваш индеец. Мне нравится, как этот природный человек из диких глубин Нового Света виртуозно владеет нашим языком. Он мне кажется вполне порядочным, хотя, без сомнения, самое главное он от вас утаил. Что же касается семьи Гален, хочу вам напомнить, что изнутри семейная жизнь часто напоминает поле битвы; поэтому постарайтесь выявить расстановку сил, и тогда собранные вами факты предстанут в новом свете. Скажу вам также, что суетливое и неуместное поведение сестер Гален, похоже, является ширмой, за которой эти две хитрые и изворотливые особы скрывают свое истинное лицо. Впрочем, это мои первые впечатления. И на сем, Николя, я отправляюсь спать; сегодняшний вечер стал для меня настоящим испытанием. Оставляю вас один на один с дарами Нептуна, и желаю вам доброй ночи.

Сирюс соскользнул с колен друга и поплелся за хозяином. Охваченный тревогой Николя решил не задерживаться, и спешно съев две рыбины и осушив бутылку к великому удовольствию Пуатвена, немедленно сообщившего новость поварихам, он отправился спать. Он долго ворочался, сопоставляя оба дела и пытаясь понять, не ускользнули ли от его внимания какие-либо важные детали. Постепенно мысли его спутались, и его настиг сон; последнее, что он запомнил, были три игральные кости; они катались по зеленому полю, сталкивались с глухим стуком, но никогда не останавливались.

Суббота, 2 июня 1770 года

Совершив туалет и облачившись в элегантный темно-серый фрак, Николя натянул на голову парик. Он ненавидел парики, особенно летом. Позавтракав свежей булочкой и выпив стакан баваруаза[36], он справился о здоровье Ноблекура: вчерашний огорченный вид престарелого магистрата его изрядно беспокоил. По словам Катрины, господин де Ноблекур встал очень рано, и после легкого завтрака решил последовать совету своего врача. Известный доктор Троншен из Женевы, числивший среди своих знаменитых пациентов самого Вольтера, через посредство этого великого человека заочно проконсультировал бывшего прокурора. Посоветовав Ноблекуру лично явиться к нему на прием, он прописал ему режим и ежедневные пешие прогулки. Господин де Ноблекур решил приступить к исполнению предписаний и начал с прогулок по улице Монторгей, куда он отправился в сопровождении Сирюса, дабы, подобно истинному парижанину, поглазеть на лотки и витрины лавочников и понаблюдать за уличными сценками, коих на дню случалось не менее тысячи. Марион опасалась только одного: как бы он не поддался искушению и не увлекся изысканными ароматными пирожными с шафраном, которым их создатель, королевский кондитер Сторер, дал звучное название Али-баба. Николя сидел за рабочим столом, когда раздался стук дверного молотка. Вскоре Пуатвен ввел одного из лакеев господина де Сартина, сообщившего, что карета генерал-лейтенанта стоит у дверей, и комиссара ждут, чтобы немедленно ехать в Версаль. У Николя хватило присутствия духа сбегать к себе в спальню и прихватить треуголку; бегом спустившись по лестнице, он присоединился к своему начальнику.

— Мне чуть было не пришлось дожидаться, господин комиссар, — изрек Сартин вместо приветствия. — Знайте, мы должны попасть в Версаль как можно скорее. Аудиенцию, обычно получаемую мною в воскресенье вечером, король соблаговолил перенести на утро субботы. В изменении режима монарха, имеющего обыкновение следовать устоявшимся привычкам, я не вижу ничего хорошего. Кроме того, Его Величеству стало известно, хотя я и не знаю, от кого…

Лицо его из серьезного стало сумрачным.

— …что на месте катастрофы находился некий комиссар, и он желает, чтобы вы, черт побери, лично живописали ему, как вы провели вечер в каминной трубе! Признаюсь, терпение мое подверглось суровому испытанию, особенно когда я читал листовки и песенки, сляпанные из лжи и насмешек, которыми меня осыпают борзописцы, привыкшие обманывать народ! Они развлекаются, выдавая свои писания за правду, а дураки им верят! И после всех этих огорчений я еще обязан вас ждать на улице Монмартр!

С улыбкой на лице Николя внимал монологу, произнесенному раздраженным тоном, означавшим, что начальник пребывает в большой тревоге, но пытается скрыть ее под потоком слов.

— Сударь…

— Никаких возражений! Неужели мне надо напоминать вам, господин комиссар Шатле, секретарь короля, заседающий в его советах, что занимаемая вами должность требует отменного вкуса, работоспособности, точности, порядочности, ума, душевного равновесия, ровного характера, выдержки… Чей, по-вашему, портрет, я сейчас обрисовал, сударь?

— Но… ваш собственный, сударь.

Сартин повернулся к Николя; его слегка искривившиеся губы выдавали рвущийся наружу смех.

— И вдобавок ко всему, он еще позволяет себе насмехаться надо мной! Впрочем, Николя, вы не так уж и не правы. Действительно, это портрет образцового полицейского, а я, будучи начальником полиции, разумеется, являюсь образцом для своих подчиненных.

Возле сада Тюильри, у ворот Конферанс, путь им преградила галдящая толпа, окружившая перевернутую телегу.

— Посмотрите на этих людей, — задумчиво произнес Сартин. — Обычно кроткие и любезные, они быстро воспламеняются, и тогда остановить их уже невозможно. Мы должны знать, что происходит у нас в городе, и предупреждать беспорядки, в которые их очень легко вовлечь. Впрочем, к вам у меня претензий нет. Ни в коем случае нельзя показывать свою слабость — особенно в тех случаях, когда требуются энергичные действия. Но действовать всегда надобно осмотрительно, с осторожностью, не раздражая общественное мнение, умело манипулируя словом и подавляя взрывы страстей, наносящих великий вред всему обществу.

Завершив свою назидательную речь, генерал-лейтенант протянул Николя табакерку, но тот, поблагодарив, отказался. Он использовал нюхательный табак только во время вскрытий, пытаясь с его помощью отбить стоявший в Мертвецкой тошнотворный запах разложения. Корабельный хирург Семакгюс смеялся над этой привычкой, перенятой от офицеров на галерах, которые, стоя на возвышении куршеи, испытывали тошноту от тяжкой вони, исходившей от скамей гребцов. Взглянув на табакерку, Николя отметил, что драгоценная коробочка украшена портретом молодого короля в обрамлении бриллиантов. Затем последовало длительное чихание, доставившее, судя по всему, Сартину великое облегчение. До Севра ехали молча. Подобные паузы также являлись знаком доверия, и Николя это знал. Проехав по мосту и очутившись на другом берегу Сены, они обогнули холм, где высился замок Бельвю. В этих местах Николя всегда охватывали воспоминания о госпоже де Помпадур. Такие же воспоминания посетили и Сартина.

— После смерти нашей очаровательной подруги про нее стали говорить много гадостей… Если вам случится услышать их из первых уст, заставьте эти уста замолчать. Наш король — добрый повелитель, и мы обязаны защищать его.

— Полагаю, сударь, вы намекаете на обвинение в равнодушии, брошенное монарху во время переноса тела маркизы в церковь Капуцинов в Париже. Кортеж проследовал под окнами замка…

— Вы правильно полагаете. Запомните: я собственными глазами видел опечаленного короля, не желавшего мириться с ее смертью. Но чтобы скрыть свое горе, он со всеми вел себя сдержанно. В тот вечер, когда ваш друг Лаборд хотел закрыть ставни, короля сопровождал прислужник королевской опочивальни Шамло; он и поведал мне все подробности. Король вышел на балкон и стоял там под дождем до тех пор, пока последний экипаж не скрылся из виду. Вернувшись к себе в комнату, с лицом, мокрым от слез — от слез, а не от дождя! — он прошептал: «Ах, это единственная почесть, которую я мог ей оказать!.. Мы были вместе двадцать лет!»

После столь доверительного сообщения Сартин отвернулся и больше не нарушал молчания до самого Версаля. Николя подумал, что он никогда не повторит путь своего начальника.

Едва их карета въехала за ограду дворца, как слуга в голубой ливрее бросился к генерал-лейтенанту и, вручив ему запечатанный конверт, сообщил, что ему надлежит немедленно отправиться к министру Королевского дома Сен-Флорантену. Сартин поспешил к министерскому флигелю, предписав Николя ждать его у входа в апартаменты. Разглядывая по дороге архитектурные украшения фасада, Николя неспешным шагом двинулся в сторону искомых апартаментов, как вдруг кто-то дернул его за полу фрака. Обернувшись, он с удивлением увидел Рабуина, полицейского агента, со шпагой на боку; гримасничая и жестикулируя, он пытался привлечь внимание Николя.

— Что ты здесь делаешь, Рабуин? Да еще нацепив шпагу?

— Не напоминайте мне о шпаге, пришлось взять ее напрокат; без этого вертела меня никак не хотели пускать, видимо, считая, что именно он делает физиономию благородной! Опасаясь пропустить вас, мне пришлось торчать на виду и постоянно вступать в переговоры, и я от этого, если говорить честно, уже озверел. Но, наконец, я увидел, как вы вышли из кареты вместе с господином де Сартином. Господин Бурдо прислал меня со срочным сообщением. Мне досталась жуткая коняга, которая раз двадцать пыталась меня скинуть, но я все же сумел заставить ее скакать во весь опор!

Распечатав письмо своего помощника, Николя прочел: «Рабуин вам все объяснит», и вопросительно посмотрел на агента.

— В «Двух бобрах», где вы недавно проводили допрос, столько всего произошло, — начал рассказывать Рабуин. — В три часа ночи соседи, проснувшись от ужасного шума, всполошились и сбежались к дому Галенов. На ближней колокольне даже забили в набат. Дверь взломали, а ворвавшись в дом, увидели всю семью: стоя на коленях, они читали молитвы, в то время как их служанка, в чем мать родила, отплясывала жигу, подскакивая аж до самых балок. А вокруг тела ее полыхали молнии. Напуганные соседи разбежались. Наконец, пришел кюре и успокоил семейство, наперебой поминавшее чудеса, творившиеся некогда на кладбище Сен-Медар[37]. Подоспевшие караульные разогнали толпу. Ваш товарищ, квартальный комиссар, приказал оставить охрану возле лавки. Вот какие дела!

Немного поразмыслив, Николя сел на каменную тумбу, написал записку, и запечатал ее своим перстнем с печаткой, где красовался герб Ранреев, увенчанный короной маркиза.

— Рабуин, найдешь Бурдо и передашь ему эту записку. Но только после того, как пойдешь и подкрепишься.

И он бросил ему монету, которую агент поймал на лету.

— Я останусь здесь с господином де Сартином, — продолжил комиссар. — Вернусь, скорее всего, к вечеру. В случае необходимости останусь ночевать у господина де Лаборда, первого служителя королевской опочивальни.

Едва он окончил заносить поразившие его известия в черную записную книжечку, как появился багровый Сартин и, не говоря ни слова, потащил его в тщательно охраняемую часть дворца, именуемую «Лувром», ко входу в личные апартаменты короля. По дороге Николя попытался расспросить начальника, но тот взглядом приказал ему хранить молчание. Он не настаивал и позволил увлечь себя в лабиринт дворцовых коридоров. Поднявшись по расположенной полукругом лестнице, они пришли в знакомый вестибюль. Будучи знатоком здешних мест и несказанно этим гордясь, Сартин не упустил возможности похвастаться своими знаниями перед Николя. Затем, сознавая свою ответственность ментора, он принялся многословно объяснять, куда они, собственно, идут.

— Мы поднимаемся в кабинет короля, некогда входивший в состав апартаментов госпожи Аделаиды[38].

Он понизил голос.

— Когда появилась новая метресса, король перевел дочь на первый этаж, а себе взял этот кабинет.

Они двинулись по узким коридорам. Иногда через слуховые окошки открывались великолепные виды на пышно обставленные гостиные или крошечные затененные дворики. Они вошли в зал, где не было ничего кроме небольших скамеечек; не став ничего уточнять, генерал-лейтенант сказал, что скамьи предназначены для купальщиков. Слева несколько ступеней вели к двери, из-за которой доносилось журчание потревоженной воды и громкие голоса. Остановившись, они замолчали и прислушались. Появился лакей в голубой ливрее, и, бросив на них насмешливый взгляд, исчез, не обратив внимания на легкий кивок Сартина. Несколько мгновений спустя с улыбкой на губах появился Лаборд. Прижав палец к губам, он кивком предложил им следовать за ним. Поднявшись по ступенькам и войдя в дверь, они

почувствовали, как их окутал необычайно сильный аромат. В прямоугольном зале с полукруглым альковом стояли параллельно друг другу две ванны. Банщики, одетые в белые пикейные костюмы, суетились вокруг той, где сидел человек в тюрбане, сооруженном из яркого головного платка. Один из помощников принес огромное полотенце[39]. Приняв торжественный вид, Лаборд громко произнес:

— Господа, король выходит из ванны!

Сартин и Николя склонили головы в поклоне. Прислужники быстро закутали Людовика XV в полотенца и, подхватив под руки, повели ко второй ванне.

Лаборд шепотом пояснил, что они намерены сполоснуть Его Величество в чистой воде. Король, до сих пор не обращавший на посетителей никакого внимания, поднял голову и узнал Сартина.

— Мне очень жаль, Сартин, что пришлось вызвать вас в столь ранний час, но мне не терпелось вас увидеть. Вы выполнили мои инструкции? Я не вижу моего дорогого Ранрея.

— Сир, он здесь, за мной, к услугам Вашего Величества.

Сквозь поднимавшийся от ванны пар черные глаза короля попытались разглядеть Николя.

— Отлично, Лаборд, проводите их, куда я вам сказал.

В присутствии короля Николя всегда чувствовал себя на удивление легко. Сегодня необычность места, скорость, с которой разворачивались события, и непривычное облачение монарха не оставляли времени для продолжительных размышлений. Все говорили, что Его Величество стареет, и он, пользуясь случаем, хотел сам получше приглядеться к нему. Следуя за Лабордом, они свернули сначала в длинный коридор, затем, завернув за угол, двинулись направо и вошли в позолоченный кабинет, известный в прошлом как музыкальный салон госпожи Аделаиды. Поднявшись по ступеням, они вошли в узкую комнату с единственным окном, смотревшим на гардеробную, расположенную за неким подобием коридора. Крошечный кабинет, очевидно являвшийся приватным покоем короля, поразил Николя царившим в нем уютом. Отсутствие окон компенсировалось белыми резными панелями с позолотой и нарисованными в простенках зеркалами. Настоящее зеркало, большое, в золоченой раме, висело напротив двери. Секретер, кресло-бержер, пара стульев и столько же табуреток, и витрина с китайскими безделушками составляли обстановку комнаты. Умело задекорированные стенные шкафы состояли из ящичков, в каких обычно хранят бумаги и письма. Николя и Сартин ждали молча. Наконец, в стене открылась потайная дверь, и появился король, аккуратно причесанный, в светлом сером фраке. Николя показалось, что Его Величество сильно сутулится. Если прежде благодаря величественной осанке короля узнавали за сто шагов, то теперь он походил на карикатурное изображение своего давнего противника Фридриха Прусского, коего всегда рисовали с сутулой спиной. Контуры лица, еще не утратившего правильности черт, расплылись, под глазами появились темные круги, а на коже выступили старческие пятна. Рухнув в кресло, король помолчал, а потом обратился к Лаборду.

— Проследите, чтобы нам никто не помешал. Никто, даже…

Фраза осталась незавершенной. Кто мог помешать королю? Робкий дофин, трепетавший перед дедом? Бессловесная Мария-Антуанетта, еще не вышедшая из детского возраста? Дочери? Они слишком уважали отца, чтобы позволить себе подобную бестактность. Оставалась фаворитка, и если эта гипотеза верна, то она говорит о многом. Значит, несмотря на ее влияние на старого короля, у нее нет права вмешиваться в целый ряд дел. Эта мысль придавала Николя уверенности, хотя он и не мог объяснить, почему. К его великому изумлению, король обратился непосредственно к нему.

— Ранрей, вы можете освежевать кролика без помощи кинжала?

Николя поклонился.

— Да, сир: для этого надо надорвать кожу в местах скакательных суставов.

— Сартин, он разбирается в свежевании дичи не хуже Ламатарта, моего первого доезжачего.

Казалось, король вновь ушел в себя: голова его бессильно упала на грудь, правая рука нещадно терзала пуговицу на левом рукаве.

Молчание грозило затянуться, как король неожиданно воскликнул:

— Когда же, наконец, научатся воспринимать мое молчание как приказ?! Как обстоят дела в городе, господин начальник *моей* полиции?

Своим, как всегда, хрипловатым голосом, монарх сделал ударение на слове *«моей»*.

— В городе переживают случившееся несчастье, — ответил Сартин. — Люди проливают слезы, а некоторые усмотрели в этом повод поднять на смех вашего слугу, и…

— Ветер переменился, впрочем, как всегда.

— Вы правы, сир, переменился, и гораздо быстрее, чем мы ожидали. Вчера вечером присутствие господина Биньона в своей ложе в Опере вызвало скандал. Его освистали. Своими высказываниями он сам себя заклеймил в глазах публики.

— А что он сказал?

— Что если много жертв, значит, пришло много зрителей, а, следовательно, праздник удался.

— Его дядя оказался прав, ничего другого он и не мог сказать! Однако мне бы хотелось послушать, что скажет наш дорогой Ранрей о причинах случившейся катастрофы.

Из-за тесноты в кабинете Сартину пришлось отступить, чтобы Николя мог встать перед королем.

Приступая к рассказу, он не испытывал особого волнения. Его карьера придворного началась именно с рассказа; он всегда чувствовал благорасположение короля, а его преданность монарху никто никогда не мог поставить под сомнение. Во время придворных церемоний взгляды, брошенные королем в его сторону, говорили о том, что он замечен; король регулярно приглашал его на охоту и восторгался его умением обходиться с лошадьми; и, наконец, сегодня, он получил доступ в приватный кабинет, что означало его причастность к королевским тайнам. Даже придирчивый Лаборд удостоил его своей дружбы. Следовательно, у него нет оснований сомневаться, что он сумел заслужить уважение монарха, которому в людях более всего нравились скромность, верность, приветливость и умение развлекать. Пустив в ход все свое красноречие, но без лишней горячности, Николя принялся излагать подробности трагедии, сопровождая речь в меру выразительной жестикуляцией. Называя имена, он не настаивал на чьей-либо виновности. Внимая его рассказу словно зачарованный, король пришел в ужас, слушая о катастрофических последствиях дурно организованного праздника, и выразил желание узнать как можно больше о подлинных причинах несчастья. Николя мрачно подумал, что, скорее всего, король хотел не столько узнать больше, сколько определить меру собственной ответственности за случившееся, ибо он сам, своим решением дал купеческому прево полную свободу действий.

— Сир, — продолжил он, — мне кажется, мой опыт и исключительная преданность Вашему Величеству позволяют мне упрекнуть господина Биньона и его эшевенов в избытке самомнения, и, как следствие, в небрежении своими непосредственными обязанностями. Они возомнили, что во всех кварталах, прилегающих к местам проведения праздника и увеселений, права и обязанности полиции перешли к ним.

— А откуда такое самомнение?

Сартин бросил на него тревожный взгляд. Но Николя избежал уготованной ему ловушки.

— В качестве аргумента было выдвинуто соображение, что народные гуляния оплачиваются из городской казны.

Объяснение, казалось, удовлетворило короля.

— Итак, оставляя в стороне подробности, — вновь заговорил Николя, — скажу, что городская стража могла не допустить ни пожар на складе запасных ракет, ни давку, возникшую на улице Руаяль; также я уверен, что она должна была бы в полном составе выйти на улицу, во главе со своими командирами. Мне же известно, что ее начальники, вместо того, чтобы исполнять свои обязанности и воспрепятствовать созданию обстоятельств, угрожавших общественной безопасности, играли в «очко» в соседнем трактире. Тысяча пятьсот ливров, в которых отказали полковнику отряда французской гвардии, также могли бы решающим образом повлиять на ход событий: если бы охрану несли все тысяча двести французских гвардейца, выносливых и привыкших к большим скоплениям народа, катастрофу можно было бы предотвратить. Наконец, самой большой ошибкой явилось разрешение каретам гостей Посольского дворца двигаться в сторону улицы Руаяль.

— Все это очевидно, сударь. Так каков же итог сего печального дня?

Король посмотрел на Сартина, и тот сделал Николя знак продолжать.

— Исполняя приказ господина де Сартина, я приступил к переписи жертв. Официально погибло сто тридцать два человека. Господин генеральный прокурор произвел собственные подсчеты. Тщательно собрав сведения о людях, пропавших после печальных событий 30 мая, мы сопоставили наши цифры, и список жертв увеличился до тысячи двухсот.

— Так много? — удрученно произнес король.

— Среди погибших числятся пятеро монахов, два аббата, двадцать два человека из благородного сословия, сто пятьдесят пять состоятельных горожан, четыреста пятьдесят четыре горожанина небольшого достатка и восемьдесят утопленников, не считая тех, кого отнесли домой или отправили в больницы.

Король, всегда питавший интерес к мрачным подробностям, поинтересовался состоянием найденных тел. Николя отвечал коротко, и Сартин, не желая излишне омрачать монарха, поторопился перевести беседу на другую тему. Он напомнил о поддержанном королевскими советниками проекте, суть которого заключалась в том, что отныне твердый камень будут резать и обрабатывать на месте, в карьерах, а не на улицах и площадях Парижа, дабы избежать опасных завалов. И добавил:

— Королю, несомненно, известно, что монсеньор Дофин велел мне взять шесть тысяч ливров из суммы, предоставленной Вашим Величеством ему на карманные расходы. Тронутый случившимся несчастьем, он попросил меня раздать эти деньги тем, кто более всех пострадал в ту ночь.

— Мне нравится, что он заботится о моих подданных. И я знаю, что он постоянно заверяет вас в своем почтении, доходя, как это ему свойственно, до крайности.

Николя показалось, что Сартин покраснел.

— Есть ли у вас менее печальные новости, Сартин?

— Сир, карета епископа Тарба нечаянно задела фиакр, где ехала дама. Молодой и галантный прелат принес даме тысячу извинений и проводил ее до дома. И только через несколько дней он узнал, что спасенная им особа была ни кто иная как Гурдан, главная парижская сводня.

— О! — рассмеялся король, — держу пари, многие из его собратьев сразу бы узнали ее. И это все, Сартин?

— Все, что могло бы заинтересовать или развлечь ваше величество.

Вытянув ноги, король с игривым видом потер руки.

— А вот и нет, Сартин, в вашем добром городе произошло еще кое-что. Я знаю, что волнения не утихают, народ стихийно собирается, и беспорядки нарастают. После кладбища Сен-Медар настал черед улицы Сент-Оноре.

И он испытующе посмотрел на Сартина. Николя, успевший занять позицию за спиной начальника, достал записную книжечку, открыл ее и незаметно вложил в руку Сартина. Но его движение не ускользнуло от короля.

— Вы что-то забыли?

— Нет, сир, — холодно ответил Сартин, — я сверялся с записями, чтобы ни одно событие, способное заинтересовать Ваше Величество, от меня не ускользнуло.

Неожиданно Николя перестал понимать, куда клонит его начальник.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся король. — Вот я вас и поймал. Значит, это я должен извещать вас о странных явлениях, взбудораживших известное вам семейство лавочников, проживающих возле Оперы? Неужели вы позволите разразиться новому возмутительному скандалу, такому же, к которому привели события на кладбище Сен-Медар? Вы же знаете, как все начинается… Я уже вижу, как архиепископ снова сует нос в дела городского управления и полиции. Помните, совсем недавно он сумел выцарапать у меня «письмо с печатью», что, как вы справедливо заметили, явилось нарушением и закона, и ваших прерогатив. Сартин, нам нельзя допускать вмешательства Церкви в наши дела. Поэтому слушайте мой приказ. Наш дорогой Ранрей, вновь доказавший свою доблесть и хладнокровие, временно поселится в указанном доме и выяснит все, что связано с этой так называемой одержимостью. Когда же он разгадает тайну, он представит мне точный и подробный отчет. А теперь приступайте к исполнению.

— Все будет сделано, как вы приказали, Ваше Величество.

Король встал. Казалось, он даже помолодел.

— Разговор останется между нами троими. Вас, Сартин, я, как обычно, жду завтра, в день Святой Троицы, и надеюсь, вы доставите мне удовольствие и останетесь поужинать со мной в малых апартаментах. А вы, Ранрей, на коня, и вперед, вперед! Удачной охоты!

Сартин и Николя поклонились. Приветливо махнув рукой на прощанье, король отбыл в свои апартаменты. Лаборд проводил гостей до Посольской лестницы, расположенной этажом ниже. Солнце, заливавшее внутренний дворик, ослепило их. Николя открыл было рот, однако Сартин предупредил его вопрос.

— Я знаю, что вы хотите мне сказать, Николя. Благодарю, что решили помочь мне выкрутиться из неприятного положения. Но король так радовался, что сумел сообщить мне нечто такое, чего я не знал, а, может, даже и поверил, что я могу чего-то не знать, что я решил не портить ему удовольствие.

Преподав подчиненному урок поведения истинного придворного и верного слуги, сияющий Сартин расстался с Николя и отправился к своему приятелю Сен-Флорантену — порадовать его известием, что он — в который раз! — сумел избежать опалы.

VI
ОДЕРЖИМОСТЬ

Истина порой может выглядеть неправдоподобно.

Буало

Лаборд нагнал Николя и, пригласив его на ужин, сообщил, что король безудержно расхваливал своих гостей, как Сартина, так и «нашего дорогого Ранрея», «достойного продолжателя славного рода и преданного слугу». Лаборд утверждал, что король выразился именно так. Отклонив приглашение, Николя изложил другу, какой оборот приняли события, и вскользь обмолвился о полученном им приказе. В заключение он попросил помочь ему поскорее добраться до столицы. Первый служитель королевской опочивальни немедленно повел его через плацдарм к большой конюшне, где после недолгих переговоров им предоставили серого в яблоках коня. Конюх условился с Николя, что когда надобность в его подопечном отпадет, он отведет его в особняк Сартина, а рассыльный вернет его в Версаль.

Близился полдень. Чтобы доехать до Парижа в карете, требовалось часа два. Верхом на хорошем коне тот же путь можно было проделать гораздо быстрее. Стоило Николя вскочить в седло, как мерин уверенной рысью сам тронулся с места. Встречи с королем никогда не оставляли Николя равнодушным; вот и сейчас разговор с Его Величеством не выходил у него из головы. Когда король хотел, он мог прикинуться глупым. Но только когда хотел. У него имелись собственные осведомители, и, судя по всему, активность их выше всяческих похвал; они поставляли королю сведения, помогавшие ему вырабатывать взвешенные суждения. Стремление короля самому вникать во все вопросы радовала Николя и укрепляла его преданность монарху, чей профиль, изображенный на золотой монете, был знаком ему с детства. Даже спустившись с пьедестала, король ни в чем не умалил своего достоинства, скорее, наоборот: он еще больше возвысился в глазах Николя. По предположению комиссара, о событиях в доме на улице Сент-Оноре Людовик XV мог узнать только от одного из своих приближенных. Лавка Галенов находилась в непосредственной близости от Оперы, а в тот вечер там, без сомнения, давали бал. Поглощенный собственными мыслями, Николя едва не сбил с ног девочку, стоявшую на обочине дороги и предлагавшую букетики дикорастущих цветов, собранных в окрестных лесах. Девочку спас конь; резко остановившись, он поднялся на дыбы, и Николя, справедливо слывший прекрасным наездником, с трудом удержался в седле. Желая заслужить прощение и успокоить перепуганного ребенка, он купил у нее все цветы, заплатив в десять раз дороже, и, обремененный букетами, около двух часов въехал в Париж через заставу Конферанс.

Добравшись до улицы Монмартр, он осыпал цветами ошеломленных Катрину и Марион, и отправился сообщить Ноблекуру, что он временно покидает свое жилище в его доме. Затем он предупредил слуг, попросив их не волноваться, ибо отсутствие его вряд ли будет долгим. Положив в дорожную сумку несколько смен белья, туалетные принадлежности, фонарь и шедевр точности — миниатюрный пистолет, подаренный ему Бурдо, он отвел коня на улицу Нев-Сент-Огюстен и пешком, по улице Антенн и улице Нев-Сен-Рош, отправился на улицу Сент-Оноре.

Проходя мимо церкви Сен-Рош, он вспомнил о недавнем происшествии, забавном и завершившемся к удовольствию обеих сторон. Некий субъект нашел необычный способ поддерживать свое существование — за счет молодоженов. Приятная внешность, приветливое лицо и пристойный черный фрак, пригодный для парадных церемоний, легко позволяли ему смешиваться с толпой приглашенных на свадьбу, особенно в больших приходах, где родственники молодых обычно видят друг друга впервые. Терпеливо выслушав напутствие священника, он вместе с другими гостями выходил из церкви и следовал в трактир. Щедро рассыпая комплименты направо и налево, он спокойно садился за стол, где каждый считал его гостем противоположной стороны. Нотариус, приятель Сартина, заметив его на свадьбе в четвертый раз, сообщил об этом в полицию. Николя пришел в церковь Сен-Рош, где совершалось очередное бракосочетание. «Черный фрак» стоял на своем «рабочем месте», когда к нему подошел нотариус и спросил, с какой стороны он является гостем — со стороны жениха или со стороны невесты? «Со стороны двери», ответил мошенник, и, словно заяц, бросился наутек. Комиссар перехватил его и отвел в дежурную часть. После непродолжительной, но убедительной беседы изобретательный субъект не только пообещал исправиться, но и согласился стать полицейским осведомителем. Его благородное лицо и светские манеры буквально творили чудеса, особенно на балах в Опере.

У Галенов Николя наткнулся на запертые ворота, перед которыми несли караул два сонных французских гвардейца. Семь часов — вполне подходящее время для семейного ужина в доме парижского буржуа. Николя взял молоток и постучал. Через несколько минут он услышал шаркающие шаги, и в проеме появилась служанка в закрытом переднике. Она поводила головой, словно черепаха в королевском саду. Из-под чепца выбивались пряди

желтоватых волос. Глубокие морщины, свидетели надвигавшейся старости, пересекали поблекшее лицо с бесцветными глазами. Отвисшая грудь ниспадала на выпиравший живот. Судя по жирным пятнам на переднике, Николя определил, что перед ним Мари Шафуро, исполнявшая в доме обязанности кухарки. Мьетта очевидно, еще не пришла в себя и не могла открыть посетителю.

— Что вам угодно в такой поздний час? Если вы сборщик милостыни, так мы уже подавали, а продажи в розницу, увы, в лавке давно уже нет!

Николя постарался запомнить слова кухарки.

— Не могли бы вы сообщить вашему хозяину, что с ним хочет побеседовать комиссар Ле Флок?

На старческом лице появилось подобие улыбки.

— Так бы сразу и сказали, достойный господин! Входите, не сочтите за труд. Я пойду предупредить хозяина.

Она, а следом за ней Николя, вошли во двор, явно знававший лучшие времена; сейчас между разномастными булыжниками росла трава, а в углу догнивали старые, покрытые плесенью доски. Кухарка проследила за его взглядом.

— Теперь все не так, как прежде. Я хочу сказать, не так, как во времена отца хозяина. Тогда хозяева имели собственный экипаж и еще много чего…

Мари Шафуро направилась к открытой двери, ведущей в коротенький коридор, и указала ему на уже знакомый Николя кабинет, где состоялась его первая встреча с торговцем мехами. Бормоча под нос непонятные слова, она удалилась так быстро, что комиссар не успел заметить, через какую дверь она ушла. Ожидание, проходившее под глухой рокот происходившей поблизости ссоры, изредка прерываемый громкими криками, обещало затянуться. Но вот хлопнула дверь, и в комнату вошел Шарль Гален. Судя по его виду, настроение у него было отвратительное.

— Господин комиссар, вы не только не уважаете наш траур, но и дерзаете являться в такой час, когда вся почтенная семья собралась, чтобы…

— Не тратьте сил, сударь, читая проповедь правоверному. Я пришел к вам не по приказу начальника полиции, и не по решению органов правосудия…

— Но тогда…

— Я здесь по личному распоряжению короля, дабы продолжать расследование, а потом доложить Его Величеству…

Николя полагал, что, связав расследование убийства с событиями последней ночи, он не превысил свои полномочия.

— Короля! — прошептал ошеломленный Гален. — Но как он узнал… Да и потом, это был всего лишь нервный припадок…

— Король знает все, что произошло сегодня ночью у вас в доме. Ему известно и про скандал, и про волнения, вызванные безумием вашей служанки. И он не может допустить очередных беспорядков у себя в столице. Народ и без того воспламеняется со скоростью пороховой дорожки. Ведь, полагаю, вы и ваше семейство стали молиться не просто так.

— Сударь, что вы намерены делать?

— Следуя полученным мною распоряжениям, буду просить вашего гостеприимства — всего на несколько дней.

Гален сделал неопределенный жест.

— О! Успокойтесь, и речи быть не может, чтобы вы содержали меня бесплатно. Я стану платить за пансион. Неужели вы считаете, что король так беден, что заставляет своих

подданных оплачивать его расходы? Давайте посчитаем, и, полагаю, мы придем к соглашению. Хорошая гостиница стоит от четырех до пяти ливров в день.

— У меня есть лишь крошечный закуток, где наши бедные служанки ставят свою кровать.

— Мне этого вполне достаточно. Итак, проживание четыре ливра, затем два ливра за еду, всего шесть ливров. Поднимем цену до восьми ливров. Вас это устроит?

Щеки Галена слегка порозовели.

— Ваш слуга, сударь. Хотите разделить с нами ужин? Мы только что сели за стол.

Николя поклонился и последовал за меховщиком.

Жилая часть дома начиналась по левую сторону рабочего кабинета Шарля Галена. К этому времени среди парижской торговой буржуазии окончательно утвердилась мода отводить под трапезу отдельную комнату. Они вошли в столовую без окон. Круглое слуховое оконце, выходившее в кабинет, днем, вероятно, пропускало в комнату скудный свет. Замкнутое пространство, скудно озаряемое свечами, немедленно пробудило у Николя чувство тревоги. Его без лишних церемоний представили семье и шесть пар глаз устремили на него свои взоры. Хозяин дома вернулся во главу стола и занял место между сестрами, Камиллой и Шарлоттой. На другом конце стола восседала госпожа Гален; по правую руку от нее сидел ее пасынок Жан, а по левую незнакомый Николя блондин, которого представили как Луи Дорсака, приказчика в лавке. Справа от сводного брата сидела девочка лет семи-восьми с угловатым лицом; склонившись над тарелкой, она, казалось, на кого-то обижалась. Принесли еще один прибор, и Николя сухо предложили занять место напротив девочки.

После жидкого супа с размоченными кусочками черствого хлеба подали блюдо голубей с бобами. Тщедушные пернатые во время приготовления окончательно усохли. Несмотря на явное недовольство супругов Гален, старшая из сестер, Шарлотта, при поддержке возбужденно чирикавшей младшей сестры, принялась бранить порядки в доме, а заодно и принесенное блюдо. По ее словам, при жизни их отца беспорядков в семье никто не допускал. Отец расширял семейное дело, не пускался в рискованные спекуляции и уж тем более не доверял свое состояние морским волнам. Ах, какой позор, что ей приходится в присутствии чужака напоминать о необходимости соблюдать прописные истины! Затем, бросив змеиный взор на приказчика, она сменила шарманку, и принялась перечислять обязанности мальчиков в лавке и подробно излагать правила, коих им следовало придерживаться. Выходило, что работать в лавке могли только добропорядочные молодые люди, благоразумные и верные, которые даже помыслить себе не могли, чтобы обворовать хозяина. Ведь именно мошенники рано или поздно приводят честных негоциантов к погибели и разорению! А порядочный приказчик обязан при любых обстоятельствах усердно трудиться и радовать хозяина. Завершающий удар нанесла младшая сестра, заявившая, что занимающий нынче место приказчика белокурый хлыщ является полной противоположностью достойного слуги.

Николя с тоской взирал на лежавшего у него на тарелке голубя, скользившего по тарелке при любой попытке расчленить его. Обе сестры с ехидной усмешкой наблюдали за гостем. Не дожидаясь, когда брат удостоит ее ответом, Шарлотта начала новый монолог. Супруга меховщика продолжала вести ученую беседу с приказчиком. Она сравнивала новый зал Оперы с оперным залом Версаля, где на огромной сцене могли разъехаться несколько лошадей. Внезапно монотонно журчащий разговор перекрыл писклявый голосок Камиллы. Откуда взялись эти голубиные мумии? Она совершенно уверена, это те самые городские голуби, что вечно досаждают парижанам хлопаньем крыльев и изобильным пометом. Их ловят сетями, а затем пичкают зерном, вдувая его ртом им в зоб. А когда им сворачивают шею, то зерно, не успевшее перевариться, забирают обратно и снова с помощью рта пичкают им птиц, предназначенных на убой. Так как в обязанности полиция входило следить за снабжением города продовольствием, Николя был прекрасно осведомлен о способах откорма птиц в стенах столицы. Шарлотта неожиданно потребовала анисовый ликер с мятным сиропом. Зажав рот

рукой, маленькая Женевьева выскочила из-за стола, и, оттолкнув стул, с грохотом упавший на пол, бросилась вон из комнаты. Шарль Гален оторвал взор от тарелки и стукнул по столу кулаком. Два стакана упали, вино пролилось на скатерть и закапало на пол, где немедленно образовалась зловещая красная лужица, похожая на кровь.

— Довольно, сестрицы, это уж слишком! Отправляйтесь к себе в комнаты.

Его робкая попытка проявить власть оказалась успешной. Все стали подниматься с мест. Первыми, сделав обиженные лица, вышли Камилла и Шарлотта, затем, растерянно озираясь, поднялся Жан Гален. Шарль Гален с поклоном попросил комиссара извинить его сестер, и приказал кухарке указать гостю его комнату. Перекинувшись парой слов с приказчиком, госпожа Гален исчезла, даже не взглянув на комиссара и не сказав ему ни слова. Приказчик отправился ночевать к себе в соседний дом, где сдавались меблированные комнаты; когда он уже собрался удалиться, Николя остановил его.

— Сударь, я бы хотел поговорить с вами.

Лицо молодого человека приняло недовольное выражение.

— Завтра, если вам будет угодно, сударь. Сегодня меня ждут.

Крепко взяв его за руку, Николя открыл дверь, ведущую в лавку, и повлек упрямца за собой.

— Время еще есть: трапеза не затянулась. Вы, кажется, обладаете незаурядным красноречием, особенно когда рассказываете о ложах в новой Опере. О, я с вами согласен, зал, действительно, многие подвергают критике. Оркестр звучит глухо, голоса слабые, украшения жалкие, пропорции не соблюдены… А знаменитые ложи! Ах… эти ложи!

При каждом слове Николя подталкивал молодого человека вперед, пока наконец, не дотолкал его до стула и не заставил его сесть.

— Первый ряд расположен слишком низко, — продолжал Николя, — а потому женщины не проявляют к нему интереса. Что же касается вестибюля… вестибюль совершенно недостоин этого величественного здания. Вы не находите? Лестницы слишком крутые и узкие. Никакого простора. А теперь расскажите мне, что вы делали с 30-го по 31-ое мая, точнее, с шестнадцати часов 30-го до шести утра 31-го. Вопрос очень простой. Так что не брыкайтесь. Чем скорее мы завершим нашу беседу, там скорее я разрешу вам отправиться восвояси.

— Чего такого я могу знать, сударь, что может вас заинтересовать?

— Меня интересует многое. А посему я вас слушаю. Или прикажете отвести вас в Большой Шатле? Вам помочь? Для начала скажите мне, в котором часу вы завершили работу 30-го мая, то есть в тот день, когда на площади Людовика XV должны были состояться торжества.

— В шесть часов, это я могу сказать вам не таясь.

— Должен ли я понять, что у вас есть основания что-то скрывать от меня?

Вместо ответа приказчик скорчил выразительную гримасу.

— Вы всегда заканчиваете работу в это время?

— Нет. В тот день господин Гален позволил мне уйти пораньше из лавки, чтобы я успел сходить посмотреть праздник.

— А потом?

— Я вышел на улицу и смешался с толпой.

— Что было дальше?

— Ничего, давка была такая, что на площадь я не пошел, а, пройдя через монастырь фельянов, направился на бульвар.

— Вы вышли на бульвар до начала паники?

— Думаю, что да, хотя точно не знаю.

Николя показалось, что приказчик засомневался в собственных словах.

— Разумеется, — произнес он, — вы могли добраться до Тюильри по разводному мосту.

Шитая белыми нитками хитрость Николя в случае удачи сулила изрядный выигрыш, а потому попробовать стоило.

— Да, вы правы, я и в самом деле пошел по разводному мосту, чтобы выйти прямо к фельянам.

— А потом? — ласково продолжал Николя. — Полагаю, вы воспользовались щедростью нашего доброго прево, приказавшего раздавать бесплатное угощение?

— Хотел воспользоваться, но не сумел пробраться к месту раздачи.

— Мне доложили, что вина было много, и оно было недурно. Господин Биньон не обманул надежды парижан!

Выстраивая разговор вокруг незначительных фактов и мелких подробностей, Николя надеялся заставить противника сложить оружие. Но так как тот сдаваться не собирался, комиссар решил подтолкнуть его.

— И тогда вы отправились на свидание, не так ли?

Белокурый молодой человек покраснел.

— Больше я вам ничего не скажу.

И, помявшись, добавил:

— Речь идет о чести дамы.

— О, разумеется, — проговорил Николя. — Когда мужчина прячется за честь дамы, можно считать, он укрылся за каменной стеной…

Комиссар решил спровоцировать допрашиваемого.

— Полагаю, рядом с вами никого из знакомых не было, так что отговорка весьма удобная.

Растерянно взглянув на Николя, Дорсак неожиданно вскочил и, проскользнув ужом мимо сыщика, выскочил за дверь. Николя не стал его преследовать. Его противник, в сущности, неловкий и беззащитный, зашел в тупик. Хотя он по опыту знал, что внешность часто бывает обманчива. Из двух проживавших в доме молодых людей этот нагло лгал, сын Галена топил свои ответы в потоке многословия, но в результате Николя так и не понял, где и как оба провели ночь накануне разыгравшейся трагедии. Наганда же… Николя вернулся в столовую, где старая кухарка убирала со стола посуду. Сам того не замечая, он собрал в стопку грязные тарелки и последовал за женщиной в кухню. Заметив корзинку с хлебом, он вытащил оттуда горбушку и с жадностью проглотил ее. Старуха окинула его придирчивым взором.

— Вот что значит здоровый аппетит! Не советую вам приходить к обеду, когда подают голубей. По-моему, так это стыд, подавать на стол таких пернатых. Черт побери, во времена отца нынешнего хозяина с гостями так не обходились!

Не переставая разминать поясницу, она направилась к двери, ведущей в коридор; подойдя, она постояла, прислушиваясь к доносившимся из дома звукам, потом закрыла дверь и заперла ее на задвижку.

— Так оно спокойней будет. Я приготовлю вам омлет, но прежде мне надо выпить стаканчик пива. Когда поработаешь в огороде на жаре, так и сам высохнешь, и в глотке пересохнет. А нет лучшего средства против жажды, чем стаканчик горького пива пополам с водой.

Взяв глиняную кружку, она наполнила ее пенящейся жидкостью из стоявшего на соломе бочонка. Николя сел и стал смотреть на кухарку. На сковороде шкворчало свиное сало, к которому женщина добавила несколько ломтиков бекона и небольших кусочков хлеба. Двумя вилками она взбила яйца, постаравшись, чтобы желтая, словно спелая солома, масса основательно запузырилась. Наконец, она вылила ее прямо в шипящий жир, и принялась поворачивать во все стороны сковородку, одновременно отделяя приставшую к краям массу

деревянной лопаточкой. Спустя несколько секунд перед Николя дымилась тарелка с аппетитным омлетом. Он набросился на него и в одно мгновение уничтожил весь, до последней крошки.

— Ох, как вкусно! — произнес он, дожевывая последний кусочек.

На круглом лице кухарки расплылась довольная улыбка.

— Спасибо на добром слове; когда так едят, смотреть приятно.

— Полагаю, вы давно служите у Галенов?

— О, сударь мой, больше сорока лет! Я, можно сказать, детей их воспитала. Господина Клода и господина Шарля уж точно. Шарлотта и Камилла потеряли мать, ну, и сами понимаете, им нелегко пришлось.

— И у всех разные характеры, надо полагать?

— Это точно! Старший, Клод, был настоящий сорвиголова, чистый разбойник. Отец обожал его. И как я его ни предупреждала, он всегда его выделял. Но ежели хочешь, чтобы братья жили дружно, относиться к ним надобно одинаково, иначе…

— Иначе?

— Иначе если дать одному слишком много, то другой непременно это почувствует, и тогда ни о какой дружбе и речи быть не может.

— Вы, без сомнения, совершенно правы.

Женщина потягивала пиво, устремив взор в пустоту, и Николя подумал, что, похоже, почтенная кухарка решила не разбавлять напиток.

— Поэтому он и уехал в Новую Францию?

Она подскочила.

— В тот день несчастье пришло в наш дом. Наш Клод захотел летать на собственных крыльях. Его решение убило отца. Когда старший уехал, он начал угасать, перестал интересоваться торговлей, у него пропал вкус к жизни. Шарль, младший, принял бразды правления в доме. Но что вы хотите, он всегда был под каблуком своих женщин. И где он их только брал! Первая жена, ветреница и растратчица, скончалась в родах, произведя на свет Жана. Вторая…

Матрона с такой силой стукнула кружкой по столу, что та раскололась, и на стол хлынули потоки пахучей жидкости.

— Эта… Эта такая же. Она лавку презирает. Ей мало того, что она имеет. Ей большего хочется. Она на мужа смотрит как на марионетку, и дергает его за ниточки по своему усмотрению. Это она разорила его. Она уговорила его начать дела с северными дикарями, на этом он и потерял свои денежки.

— Северными дикарями?

— Да, с московитами. Из Новой Франции меха больше не везут, он начал искать новых поставщиков, и позволил обобрать себя ловкому говоруну. А тот вместо расписки оставил ему образец шкурки соболя, такой крошечный, что из него даже носового платка не сошьешь!

— А сестры?

— У них и вовсе здравого смысла нет. Особенно у младшей, у Камиллы.

Николя вздрогнул. Его первое впечатление было таково, что он, скорее, готов был усомниться в наличии ума у старшей.

— Она обожает брата и тиранит сестру. Ко всем придирается. Нет нужды говорить вам, что она ненавидит нынешнюю невестку, как, впрочем, ненавидела и первую жену брата. Старшая сестра постоянно витает в облаках, она старается держаться подальше от этой одержимой.

Николя подумал, что оказался прав, решив оставить кухарку на закуску. Отдельные детали постепенно занимали свои места в выстроившейся картине. Но он не забывал, что каждый свидетель смотрел на события со своей колокольни и судил по своему разумению, а, значит, не все начертанные ими пути вели к истине.

— Жан Гален показался мне чересчур меланхоличным.

— Он похож на дядю. Он любит отца, но рано или поздно пойдет ему наперекор. Увы, его меланхолию легко объяснить: он был по уши влюблен в свою кузину! Она играла с ним как кошка с мышью. И нередко выпускала коготки!

— А у нее имелись коготки?

Внезапно он сообразил, что ему еще никто ничего не сказал о жертве.

Кухарка, окружившая себя стеной брюзгливого ворчания, пробормотала:

— Нет. Об умерших плохо не говорят. Особенно в такой момент.

— В какой такой?

Она пододвинула к нему свой табурет.

— Странные вещи здесь происходят, знаете ли. Вот вы, наверное, думаете, что нашли старую дуру, которой только дай языком почесать. Но я-то знаю, что вы здесь не просто так. Просто так комиссара не присылают, даже когда происходит преступление. Тут должна быть причина посерьезнее. Спору нет: несчастье нависло над этим домом, кожей чувствую. Я видела, как Мьетту начало корежить, когда в нее дьявол вселился. Как подумаю, что мне придется спать в соседней с ней комнате, так и задрожу.

И кухарка перекрестилась.

— Как, по-вашему, что случилось с этой бедной девушкой?

— О! Она уже давно хандрила. Не знаю, что уж она от нас таила. Я начала обучать ее кухонному ремеслу; жалко смотреть было, как она маялась. Говорю вам, она не такая плохая…, но есть чего-то такое, чего я не могу понять. Она девушка смелая, хозяйка от нее чуть не воет. Она для хозяйки словно мишень: когда хозяйка не в духе, она на ней свое настроение срывает. После смерти мадемуазель Элоди Мьетта сама не своя ходит. Они с ней были не разлей вода. И проказили вместе, и смеялись до колик, а отчего, никому кроме них понятно не было. Да и возраст у обеих подходящий, сходный… Ох, стоит об этом вспомнить, так сердце и защемит.

Она провела ладонью по щеке, словно жизнь только что отвесила ей пощечину.

— Ах, господин комиссар, чувствую я, надвигается что-то нехорошее! Я вся дрожу. Каково это — смотреть на Мьетту, как она на потолке, посреди языков небесного пламени отплясывает!

Подбородок кухарки уперся в складки могучей шеи. Седая прядь выбилась из-под чепца. Тихонько охнув, она сначала застонала, а потом захрапела. Николя кашлянул, она пробудилась и принялась растерянно озираться.

— Простите, что разбудил, — произнес он, — однако, скажите, причем здесь приказчик?

— Дорсак, что ли? Шалопай, у которого при виде юбки слюни текут?

— Вы говорите о молодом человеке с лицом праведника?

— Это он-то праведник? Когда он не обделывает свои делишки, он только и думает, как бы поволочиться за очередной юбкой! Хотите знать мое мнение, сударь? Так вот, все видели, как он все время пытался обхаживать мадемуазель Элоди.

— А как же хозяйка?

— Пфф! Пустое, так, перья распушить. Обмануть, пыль в глаза пустить. Его интересовали только молоденькие вертихвостки.

— Прежде чем мы оба отправимся спать, не могли бы вы подробно, шаг за шагом, рассказать, что вы делали в тот вечер, когда состоялся фейерверк?

— Проще простого. Во второй половине дня я готовила ужин для тех, кто остался дома.

— А кто остался?

— Шарлотта и Камилла, а еще малышка Женевьева — она приболела, и ей пришлось сидеть дома под надзором теток. Ну, и… дикарь.

— Наганда?

— Да. О! Он, в общем-то, добрый малый, только вот лицо его меня пугает. Как только он вернулся, хозяин запер его в каморке на чердаке. Его кормят два раза в день.

— А что в тот день подавали на ужин?

— Немного вареного мяса с овощами и хлеб со сладким молоком.

— А потом?

— Около шести часов я ушла к приятельницам, в соседний дом. Мы слишком старые, чтобы продираться сквозь толпу. Ах, я как чувствовала, что-то должно случиться. Мы играли в булот и попивали кофеек с молоком, заедая вафельными рогаликами. Вернулась я около десяти часов, и тотчас легла спать. Силы у меня уже не те, да и дни кажутся долгими.

— И вы не заметили ничего необычного?

— Нет… А впрочем, нет, заметила, но это сущий пустяк. Я приготовила глубокие тарелки. Но из них использовали всего одну. Мне это показалось странным.

— Больше ничего?

— Куда уж больше! На следующее утро тут такой гвалт начался!

— Когда вы вернулись вечером, вы не видели Наганду?

— Он расхаживал взад и вперед по своей каморке.

— Вы подслушивали под дверью?

— Ну, вы скажете! — возмутилась кухарка. — Моя комната расположена как раз под клетушкой, где он спит. Доски на полу сильно скрипели.

— А вы уверены, что это была не сова?

Николя вспомнил о большом филине, который в Геранде каждую ночь вышагивал по чердаку у него над головой, оглашая воздух зловещими криками.

— Господин комиссар, — разгневанно произнесла Мари Шафуро, — я пока еще в состоянии отличить шаги мужчины от шагов птицы, пусть даже большой.

— Короче говоря, в тот вечер вы Элоди не видели?

— Ни в тот вечер, ни несколько дней подряд до него. Говорили, она занедужила. Обе сестры заботились о ней.

— Огромное вам спасибо за вашу наблюдательность, вы необычайно помогли мне, — произнес Николя. — Не окажете ли вы мне еще одну услугу и не проводите ли меня в отведенную мне комнату?

— Вас поселили рядом с комнатой бедняжки Элоди. Правда, иногда там ночевала Мьетта.

Она зажгла свечу и протянула ему подсвечник. Свеча оказалась короткой, и Николя с грустью отметил, что почитать ему вряд ли удастся. Значит, надо позаботиться о свечах. Он последовал за своей провожатой. Тяжело дыша, кухарка ступенька за ступенькой поднялась по лестнице, открыла дверь, ведущую в узкий чулан и, пожелав ему доброй ночи, отправилась к себе, не забыв при этом еще раз перекреститься.

Комната, вытянутая, словно кишка, имела всего одно окно, больше напоминавшее бойницу; тем не менее, она оказалась менее мрачной, нежели он себе представлял. Справа у стены стояла кровать с соломенным тюфяком, покрытым сверху шерстяным матрасом, обернутым грубой клетчатой простыней; в изголовье лежал заменявший подушку валик, сверху покоилось коричневое одеяло. Кровать занимала больше половины пространства.

Остальная мебель состояла из крошечного столика с двумя медными подсвечниками, зеркала в медной же раме, кувшина с водой и фаянсового тазика. Возле окна, занимая практически все оставшееся место, стояло кресло с дыркой, задрапированное красным сукном, а под ним ночной горшок. На одеяле стопкой лежали две груботканые льняные простыни. Он поставил свечу на стол, и только тогда заметил потайную дверь, практически неразличимую на фоне деревянных стенных панелей; наличие двери выдавала только круглая ручка.

Раздевшись, он, подобно древнему римлянину или египетской мумии, завернулся в одну из простыней. Из своего печального опыта он знал, что в деревянных частях старых кроватей всегда обитает масса клопов, и с наступлением темноты они выползают из невидимых пристанищ и набрасываются на свою жертву, легкомысленно улегшуюся спать без одежды. И Николя твердо решил не оставить кровожадному отродью ни одного открытого кусочка кожи. Приняв необходимые меры предосторожности против паразитов, он задул свечу, и по комнате поплыл вонючий смрад.

Заснуть не получалось, и он принялся размышлять о причинах упадка торгового дома Галенов. Мягкотелый Шарль Гален находился под каблуком у сестер, в браке он также не был счастлив. У обеих сестер наличествовал целый букет причуд старых дев, и все, что было с ними связано, порождало тревогу и неуверенность. Вдобавок каждый беззастенчиво лгал: супруга, сын, приказчик и Наганда. Николя подумал, что, пожалуй, стоит поговорить и с маленькой Женевьевой. Сами того не подозревая, дети иногда докапываются до старательно скрываемых истин. К сожалению, Мьетту допросить невозможно: судя по всему, разум у нее окончательно помутился. А ведь она была близкой подругой Элоди, и, возможно, та поверяла ей свои тайны, которые могли бы пролить свет на ее загадочную гибель.

С этой мыслью он заснул.

…Приговоренный долго сопротивлялся, прежде чем, наконец, палач в голубом платье с помощью своих помощников не привязал его к колесу. Почему, черт возьми, у палача голубой фрак? — подумал Николя. — Голубой цвет не соответствует ни правилам, ни обычаям. Когда приговор приводили в исполнение, палач традиционно облачался в одежду кроваво-красного цвета, Сансон был не похож на самого себя; по-звериному оскалившись, он поднял железную палицу… Николя закрыл глаза, ожидая услышать чавкающий звук расплющиваемой плоти, сливающийся с сухим треском раздробленных костей. Однако до слуха его долетел всего лишь глухой мерный стук, три удара, словно перед началом представления в театре… Открыв глаза, он вместо заполненной народом Гревской площади увидел стену узкой комнатенки в доме Галенов. Грубая простыня, в которую он завернулся, спасаясь от назойливых насекомых, промокла от пота и липла к телу. Ему понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя. Сон оказался столь ярким и правдоподобным, что поначалу его пробуждение также показалось ему частью сна. И только многочисленные укусы клопов в щиколотку убедили его, что он более не спит. Он лежал тихо, не пытаясь зажечь свечу, так как боялся увидеть скопище паразитов, кишащих в соломенном тюфяке; неожиданно он вновь отчетливо услышал три удара, словно кто-то стучал в потайную дверь.

Кто может в такой час скрываться за дверью, и зачем он пытается разбудить его? Николя встал, достал из чемодана огниво и зажег свечу, тотчас начавшую коптить и испускать едкий чад. Подойдя к двери, он потянул за ручку, но безуспешно; видимо, она была заперта. Тогда он решил лечь спать дальше. Без сомнения, причиной его сна явилась звуковая галлюцинация. В старых домах всегда обитают посторонние звуки, особенно при смене времен года. Дерево, из которого сделаны несущие балки, продолжает жить, сжимаясь и расширяясь в зависимости от уличной температуры, влажности или засухи. А может, все дело в крысах, которыми изобилует столица. Численность их превосходила любые разумные подсчеты: трудно даже вообразить, сколько грызунов населяло город. Целые армии, проживавшие в глубинах

подвалов, вечерами поднимались в дома. Слугам приходилось прятать продукты и запасы свечей, чтобы они не стали жертвами их ненасытной прожорливости. Мышьяк, использовавшийся для травли крыс в жилищах, становился причиной тысяч случайных трагедий. На кладбище Невинных, где выложены амфитеатром пятьдесят тысяч черепов, нередко можно видеть, как какой-нибудь череп неожиданно начинает катиться сам по себе. Причиной этого чуда является крыса, ненароком забравшаяся в череп и жаждущая выбраться из него наружу. Представив себе эту картину, Николя даже рассмеялся; но стоило ему вновь погрузиться в забытье, раздались три удара, на этот раз в дверь, выходящую на площадку.

Он затаил дыхание, желая выследить источник ночного шума, но шума больше не было. Сердце болезненно сжалось. Он соскользнул с кровати, одним прыжком достиг двери и резко распахнул ее. Никого! Но он был уверен, что стук ему не приснился. Держась за стену, он обошел лестничную площадку, вернулся к себе в комнату, зажег свечу, потом вновь вышел на площадку и принялся внимательно разглядывать соседнюю дверь, ведущую в комнату Элоди. Затем открыл ее. Трепещущий огонек осветил спальню девушки, обитую тканью в цветочек. Обозревая помещение, он заметил дверь, ведущую в туалетный закуток. Стоило ему перешагнуть порог комнаты Элоди, как снова раздались три сильных удара, и он бросился в туалетную, надеясь застать там шутника, который несколько раз за эту ночь сыграл с ним дурную шутку; но комната была пуста. Ни единого звука не нарушало тишины в доме Галенов. И хотя спальня меховщика и его супруги находилась в нескольких шагах отсюда, удары, похоже, нисколько их не беспокоили.

Так что же происходит? Какое загадочное явление порождает преследующие его глухие звуки? Николя начал сомневаться в правильности собственных чувств. В его утомленном мозгу замелькали видения, фантастические картины загадочных событий, случившихся в этом доме. Всегда руководствуясь разумом, Николя впервые в жизни поставил его под сомнение. Долго размышляя над произошедшим, он не нашел объяснений — ни приемлемых, ни правдоподобных. Отчаявшись, он решил снова лечь спать, хотя мускулы его по-прежнему пребывали в напряжении, словно ожидая внезапного удара. Пережитые им чувства набрасывали покров сомнения на все, во что он верил. С отчаянным упорством он пытался найти объяснения, скрытые причины, гипотезы, о которых он раньше не думал. В памяти всплывали сказки и истории, услышанные в далеком детстве: вечерами Фина, поджаривая каштаны, напевно рассказывала предания древнего кельтского края. Затаив дыхание, он слушал леденящие душу описания казней, а потом трепетал, представляя себе, как душа казненного переселяется в тело черной собаки, чтобы совершить свое последнее путешествие: собака мчала ее прямо в «юдик», бретонский Стикс. От завывания ветра и потрескивания огня рассказы становились еще страшнее, и старой кормилице приходилось утешать напуганного мальчика. Воспоминание, позволившее ему воскресить в памяти любимое лицо, успокоило его и вселило уверенность в своих силах. И он не заметил, как заснул.

Воскресенье, 3 июня 1770, день Святой Троицы.

Около четырех часов первые лучи солнца разбудили его. Во рту саднило, глаза болели. К счастью, благодаря льняному савану, ему удалось не стать добычей паразитов. Окна комнатки выходили во двор, поэтому с улицы Сент-Оноре до него не долетало ни единого звука. Он потянулся как кошка — всеми членами. По мере того, как он вспоминал события последних дней, усталость отступала. Ему показалось, что откуда-то издалека доносятся глухие хлопки, сопровождаемые монотонным протяжным речитативом. Обнаружив в кувшине немного воды, он жадно выпил ее. Несмотря на болотный привкус, вода освежила его. Рассмеявшись, он принялся напевать:

Ах, лицемер с прелестным взором,

Уста твои сочатся ядом,

Но ловко поливаешь медом

Ты клевету свою, проказник.

Тихонько мурлыча себе под нос, он оделся, решив, что совершит обливания во дворе под насосом. Ночные страхи покинули его, уступив место настойчивому желанию разгадать все тайны запутанного дела, включая даже те, что превосходили человеческое разумение. Опасаясь разбудить Галенов, он осторожно ступил на лестничную площадку. Мелодия, возбудившая его воображение, стала слышна более отчетливо. Словно далекое эхо, она доносилась откуда-то сверху, и он решил отыскать ее источник. Чем выше он поднимался по лестнице, тем громче становились загадочные звуки. Когда он добрался до чердака, в нос ему ударил сладкий запах неведомых благовоний, словно он проник в неведомое святилище. Странный запах, окутавший его с головы до ног, заинтересовал его. Увидев ключ, торчавший из двери каморки Наганды, он повернул его и вошел.

На полу на циновке, поджав по-портновски ноги, сидел микмак, обнаженный, в одной набедренной повязке с бахромой, и, раскачиваясь взад и вперед, поочередно постукивал ладонями по небольшому барабанчику. Похоже, он возносил почести фигурке идола, грубая физиономия которого поразила Николя, когда он в первый раз производил обыск в этой комнате. Перед идолом стояла жаровня, где красноватым светом поблескивали горящие уголья, поверх которых тлели положенные туда сухие травы. Полностью поглощенный совершением языческого обряда, индеец не обратил на пришельца ни малейшего внимания. Первые лучи зари, постепенно проникавшие и в мансарду, освещали спину индейца, придавая его коже цвета темной меди сверкающий янтарный оттенок. Подойдя поближе, Николя положил руку на плечо индейца, но тот даже не шелохнулся. Николя обошел его. Судя по бесстрастному лицу, Наганда, видимо, сосредоточился на какой-то очень значимой для него мысли, а его недвижный взор пытался узреть недосягаемое.

С такого рода явлениями Николя уже приходилось сталкиваться. Сартин рассказывал ему о случае, произошедшем с одним заснувшим человеком. В состоянии сомнамбулизма человек этот встал, взял шпагу, вплавь пересек Сену и, добравшись до улицы дю Бак, заколол своего недруга, которому он угрожал уже давно, а накануне и вовсе пообещал убить. Совершив преступление, он вернулся домой и лег в постель; за все это время он ни разу не проснулся. Убийца так хотел уничтожить своего врага, что на следующую ночь он вновь отправился к нему в дом, где и был схвачен облаченными в траур членами семьи, собравшимися читать молитвы над телом убитой им жертвы.

Николя знал об опасности для впавшего в транс резко пробудиться от своего загадочного сна, а потому не стал больше трясти индейца. Остановившись, он принялся размышлять, как лучше привлечь внимание Наганды. Неожиданно по дому разнесся пронзительный вопль; Николя показалось, что от его резких, высоких звуков у него сейчас лопнут барабанные перепонки; в этом крике не было ничего человеческого. Но индеец не шелохнулся и продолжал свой заунывный речитатив, в котором часто повторялось загадочное слово «глускабе». Оставив Наганду продолжать обряд, Николя выскочил из комнаты, повернул ключ в двери и, поспешно спустившись вниз по лестнице, едва не столкнулся с Шарлем Галеном и его сыном; в ночных рубашках, они в ужасе выбежали на площадку. Там же он увидел и Мари Шафуро: она стояла на коленях и, сжимая ладонями виски, бормотала молитвы. Пронзительные звуки доносились из комнаты, где накануне уложили Мьетту. Мужчины вышибли дверь.

Открывшаяся картина производила столь кошмарное впечатление, что Николя невольно содрогнулся. На тюфяке с торчащей изо всех прорех соломой, откинувшись назад, в задравшейся рубашке стояла Мьетта. Ее изогнувшееся тело образовало мост, опиравшийся на широко расставленные ноги и откинутые за голову руки. И руки, и ноги, и торс, демонстрировавшие крайнее напряжение, испещряла частая сетка проступивших вен и

сухожилий. Зрелище плоти, более напоминавшей анатомический препарат, нежели живое тело, заставило Николя вспомнить жуткие восковые фигуры «театра разложения» из кабинета редкостей господина де Ноблекура[40]. Мьетта испускала истошные завывания, словно смертельно раненый волк, воющий на луну. Но всего страшнее было смотреть на содрогавшуюся кровать: подхваченная невидимой волной, она приподнялась на несколько дюймов над полом и принялась раскачиваться, словно подталкиваемая невидимыми руками. Неимоверным усилием взяв себя в руки, Николя начал действовать. Повинуясь его приказаниям, отец и сын Галены вместе с ним попытались опустить кровать, однако безуспешно: кровать, напоминавшая пляшущую на волнах деревянную лодку, не хотела опускаться. Когда они уже отчаялись поставить ее, она с глухим стуком встала на пол. Не успели они прийти в себя от изумления, как напряженное тело Мьетты стало медленно подниматься над матрасом. Николя схватил девушку за ноги, отец и сын — за руки; все вместе они навалились на ее горячее напряженное тело, но вместо того, чтобы вернуть его на кровать, они, подобно колеблемой ветром виноградной грозди, принялись раскачиваться вместе с ним. Попытки кухарки помочь им успеха не имели. Наконец, словно по чьей-то команде, девушка прекратила вопить, дыхание ее стало спокойным и равномерным, и она, обмякнув, тяжело шлепнулось на матрас. Онемевшие от изумления зрители этой загадочной сцены ожидали, что явление вот-вот повторится, но ничего не произошло. Тогда Николя попросил почтенную Мари Шафуро посидеть возле Мьетты и при малейшем намеке на повторение припадка у девушки, по-прежнему именуемой им «больной», немедленно предупредить его. Внешне ему удалось сохранить спокойствие и уверенность, но в глубине души он усомнился в возможности найти рациональное объяснение явлениям, происходившим в этом доме. Оторопевшие отец и сын стояли молча, и ему пришлось энергично подтолкнуть их к выходу. Убедившись, что подле больной осталась только кухарка, он вновь отправился на чердак.

Поднявшись по лестнице, он вошел в каморку Наганды. Языческий обряд закончился. Индеец сидел, обхватив руками ноги и уперев подбородок в колени.

— Господин комиссар, — насмешливо улыбаясь, произнес он, — полагаю, вы блуждаете по берегу истины, однако отыскать ее вам пока не удалось. Или я ошибаюсь?

— Мне нужно задать вам еще несколько вопросов.

— Вам нужны не вопросы, а ответы.

Николя не хотелось ни вступать с ним в перебранку, ни поддерживать его игру словами.

— Совершенно верно, и, возможно, вы сможете мне помочь. Но сначала скажите, чем вы занимались несколько минут назад?

И он указал на жаровню, где дотлевали угли.

— А вы шпионили за мной? Впрочем, неважно. Я просил духов моего народа отвести Элоди в великую страну мертвых.

— Мне показалось, что вы спали.

— Вдыхая запахи целебных трав, человек может погрузиться в промежуточный мир, где его душа вступает в общение с богами. Мой отец был не только вождем, но и шаманом, иначе говоря, священником и целителем. Вы называете таких людей колдунами.

— Мне показалось, в вашей речи чаще всего повторялось слово «глуск»; что оно означает?

— Глускабе — это великий воин из мира богов, наш герой-покровитель.

— То есть, вот эта уродливая фигурка?

— Нет, это не его изображение, это чудесная лягушка, она остановила воду, стекавшую с неба на землю. Когда герой был побежден, его дух вселился в нее. Чудесная лягушка может предвидеть будущее.

Николя позволил себе усомниться.

— Так, значит, вам было откровение? — насмешливо спросил он.

— Священная лягушка поведала о моей скорой гибели. Только сын камня сможет спасти меня, — равнодушным тоном произнес индеец.

Лицо его по-прежнему хранило невозмутимое выражение.

— А вы, случайно, не знаете, о каком камне идет речь?

— Увы, нет! Хотя, мне, разумеется, хотелось бы растолковать это пророчество. Но в моей власти только получить предупреждение. Такова участь всех Кассандр!

— Не бойтесь, правосудие защищает тех, кто идет честным путем. Кстати, что вы скажете, если я сообщу вам, что в ту ночь, когда, по вашим словам, вы крепко спали, свидетель утверждает, что вы ходили по комнате, и он слышал ваши шаги?

— Я бы сказал, господин комиссар, что форма вашего вопроса естественным образом требует от меня ответа. В этом нет ничего невозможного, ведь кто-то же украл у меня одежду.

Ответ, данный незамедлительно, похоже, вполне удовлетворил Николя. Наганда смотрел сурово, говорил уверенно, а в движениях его не чувствовалось ни затруднения, ни стеснения. Настоящая статуя, отлитая из бронзы.

— Оставляю вас наедине с вашим пророчеством, — проговорил Николя. — И запираю дверь, но не потому, что не доверяю вам, а исключительно из соображений вашей безопасности. Имейте терпение, истина, в конце концов, отыщется. Если вы невиновны, вам ее бояться нечего.

Спускаясь вниз, Николя едва не столкнулся с темной массивной фигурой. Это был доктор Семакгюс, поднимавшийся по лестнице с такой энергией, словно шел на абордаж; в сумраке доктор не узнал Николя.

— Послушайте, Гийом, куда вы так торопитесь? Похоже, вы решили взять эту лестницу штурмом!

— Черт возьми, — возмущенно отозвался Семакгюс, — когда друг зовет меня, я всегда лечу к нему на помощь. Бурдо передал мне ваше послание. Я выехал из Вожирара на рассвете. На улице Монмартр, где я перебудил и перепугал всех слуг и домочадцев, господина комиссара не оказалось, но мне сообщили его новый адрес, и вот я здесь. А тут нет ни одного окна, и разглядеть можно разве только вашу серую шляпу.

— Идите сюда, — произнес Николя, вталкивая друга в свою клетушку.

Николя пришлось сесть на кровать, ибо табурет в комнате был только один. Понимая, какой оборот принимает дело, комиссар не стал скрывать, что самые высокопоставленные особы королевства заинтересовались происходящим в доме Галенов, и подробно описал загадочные события истекшей ночи: летаргию Наганды, а, главное, ужасный припадок Мьетты.

— Если бы я не знал вас так хорошо, — произнес Семакгюс, — и не был бы уверен в вашей приверженности идеям разума и просвещения, я бы подумал, что сказочные чары вашей родной Бретани ударили вам в голову.

Вздохнув, он покачал головой и продолжил.

— А еще… Слушая ваш рассказ, я вспоминал явления, кои мне довелось наблюдать во время службы на королевском флоте. В наших факториях Юго-Восточной Азии и Африки я видел весьма захватывающие зрелища, подобные тому, о каком вы мне только что сообщили. Помните добрейшую Аву? Вы сами раз двадцать мне рассказывали, как она во время припадка напророчила смерть моего верного Сен-Луи[41]. Что я могу вам ответить? Прежде всего, мне необходимо осмотреть эту служанку. И тогда, полагаю, вся эта чертовщина хотя бы немного, но прояснится!

— Предоставляю вам полную свободу действий. Сейчас она лежит наверху, у себя в комнате, и при ней дежурит кухарка.

Они вернулись в мансарду. Вжавшись в стену, Мари Шафуро молилась, перебирая четки, и после каждой молитвы целовала крестик. Николя попросил ее выйти. Семакгюс подошел к вытянувшейся на кровати девушке и начал ее осматривать. Пощупав пульс и приподняв веко, он раздвинул ей ноги. Затем Николя увидел, как он приподнял рубашку, и остановился в задумчивости. Постояв немного, хирург взял Николя под руку и повлек его к двери; увидев кухарку, он пригласил ее вернуться на свой пост. На полном сангвиническом лице Семакгюса играла усмешка, в глазах прыгали задорные искорки.

— Николя, что вы мне голову морочите с вашими девственницами? Знаете, что случилось с бедняжкой? У нее начались родовые схватки.

Семакгюс стукнул кулаком по собственной ладони. А так как Николя, похоже, не понял его, он повысил голос почти до крика:

— Беременна, она беременна, по крайней мере уже пять месяцев!

VII

ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Уже немного мне говорить с вами,

Ибо вот идет Сатана, князь мира сего.

Евангелие от Иоанна, 14, 30

Глядя на изумленную физиономию Николя, Семакгюс радостно потирал руки. Комиссар попытался подвести итог:

— Итак, обе молодые девушки в доме были беременны. Одна погибла при пока еще невыясненных обстоятельствах, а другая, либо не знавшая о своем положении, либо скрывшая его, впала в состояние…

Он задумался, подбирая верное слово.

— … состояние, плохо поддающееся определению, причины которого до сих пор никому не удалось объяснить.

— Зачем вы порете эту чушь? — произнес корабельный хирург, посерьезнев. — Вы прекрасно умеете находить определения. Нет таких явлений, которые нельзя было объяснить. Ваша служанка не порхает под потолком и не летает по комнатам, словно привидение!

— Но в жизнеописаниях святых…

— Ага! Я опять вижу перед собой бретонца и приемного сына каноника! Надеюсь, вы не станете в качестве аргументов рассказывать мне сказки, которые так любят добрейшие старушки и почтенные кюре. Даже к фактам, на первый взгляд необъяснимым, я подхожу с совершенно иной стороны. Мы, доктора медицины — если, конечно, я могу претендовать на сие звание, каковое некоторые у меня оспаривают[42] — издавна имели возможность наблюдать подобные приступы у людей неотесанных или не слишком умных — вроде вашей замарашки. Так что назовем вещи своими именами: ваша пациентка страдает от истерии, припадки которой в прошлом принимали за одержимость злым духом.

— Мне известен этот термин, — ответил Николя, — но вы не видели, как вместе с ней приподнималась ее кровать.

— Полно, прекратите палить из пушки по воробьям. Еще в прошлом веке Шарль Лепуа обнаружил, что истерия отражает нездоровье мозга. Примерно в это же время англичанин Томас Сиденхем создал лекарство на основе опиума, названное лауданум; его применяют как успокоительное и расслабляющее средство при припадках. А Парацельс еще раньше объяснил, что припадки связаны с повышенной возбудимостью. Я согласен с ним, ведь в человеке заключен целый мир. Умственное здоровье часто не связывают с физической природой человека, а ведь этой связью никак нельзя пренебрегать. Так что я не верю во вмешательство нечистых сил, способных, по мнению многих, разбивать сердца и оживлять покойников. Однако

должен признать, атмосфера в этом доме и в самом деле нездоровая, так что нетрудно понять, отчего у вас голова пошла кругом.

Ученые рассуждения Семакгюса повергли Николя в растерянность. Его друг, не испытавший мучительных сомнений минувшей ночи, не мог понять его смятения, и не ответил на его вопросы. Значит, придется искать ответ самому.

— Как бы там ни было, Гийом, нужно сделать все, чтобы разгадать эту тайну. Если у вас есть свободное время, окажите мне любезность: вернитесь на улицу Монмартр и от моего имени попросите Ноблекура доверить мне на ближайшую ночь его пса Сирюса. Если я настолько разволновался, что стал слышать то, чего нет, и видеть то, чего не существует, в таком случае почтенное невинное животное ничего не увидит и не услышит. Пес будет спокойно спать, и его спокойствие подтвердит ваш диагноз. А так как я намерен посоветоваться со всеми своими друзьями, то, когда вы вернетесь, я оставлю вас караулить возле постели Мьетты, а сам отправлюсь в монастырь Карм-Дешо к отцу Грегуару. Он будет рад меня видеть; я давно уже не навещал его.

Семакгюс читал мысли Николя.

— Не найдя лекарства для тела, мы ищем лекарство для души, — выразительно произнес он, воздевая руки к небу. — Но путь вы выбрали извилистый… Впрочем, я к вашим услугам, ибо уверен, что вскоре вы вновь окажетесь на стороне природы и истины. Засим я отправляюсь подкреплять свои силы, и мне кажется, вам надобно последовать моему примеру.

— Вы совершенно правы, за последние двадцать четыре часа мне удалось проглотить всего один омлет.

— Как говорила ваша приятельница, прекрасная дама из Шуази[43], от такой еды не растолстеешь. Напомню вам, внимательный и проницательный ум требует полного желудка. Так что не пренебрегайте трапезой.

Еще раз бросив взор на спокойно спящую Мьетту, Семакгюс удалился, а Николя спустился в столовую, где госпожа Гален в домашнем платье разливала кофе домочадцам. Обе сестры, похоже, успокоились. Шарль Гален сидел без парика, являя всем раннюю лысину, изрядно его старившую. После долгого колебания он повернулся к Николя.

— Господин комиссар, я хочу обратиться к вам с просьбой. Мне кажется, в нынешнем положении нашей семьи мне самому и всем моим домочадцам необходимо посетить хотя бы одно богослужение по случаю дня Святой Троицы. Наше присутствие в церкви, на наших обычных скамьях, заставит кумушек замолчать, а Господь, быть может, откликнется на наши молитвы и вернет покой нашему дому.

Николя не возражал, но про себя подумал, что мир в дом вернется только после поимки убийцы Элоди. Он пообещал покараулить Мьетту, дабы все, включая Мари Шафуро, смогли в этот солнечный день выполнить свой религиозный долг. Оставшись один, он решил выпить чашку кофе с молоком, но желудок отказался ее принять, так как на поверхности образовалась пенка, которую он не выносил с раннего детства. Отыскав во дворе насос, он с радостью подставил тело под холодную струю воды и сразу ощутил прилив бодрости и сил. В сущности, Семакгюс прав: здоровье тела во многом зависит от спокойствия духа, и вряд ли следует искать иные причины. Но как знать? Он поднялся наверх, чтобы побриться и причесаться. Когда пробило девять, в дверь просунулась голова служанки и объявила, что вся семья отбывает в церковь Сен-Рош. Проводив облаченное в траур семейство до дверей лавки, он не стал возражать, чтобы дверь заперли на ключ с внешней стороны. Пока в доме будут только запертый в своей клетушке Наганда и спящая Мьетта, он без помех поищет улики. Вряд ли ему еще раз выпадет возможность беспрепятственно обшарить весь дом. Обыск он решил начать со спальни супругов Гален.

Дверь в спальню стояла открытой. Кровать под пыльным пологом из утрехтского бархата была неубрана; ночные рубашки в беспорядке валялись на стеганом одеяле. Строгая и

старомодная обстановка спальни состояла из двух кресел-бержер, обитых тем же бархатом, потертого ковра, одноногого столика с графином для воды и двумя серебряными стаканчиками, и высокого шкафа, достигавшего потолочной балки. Маленький секретер из лимонного дерева, отличавшийся от устаревшей мебели блеском и новомодным устройством, являл собой единственную уступку современной моде. Николя всегда внимательно относился к обстановке комнат. За десять лет службы в полиции он провел столько обысков, что при желании мог бы составить вполне квалифицированный каталог мебельных образцов; к сожалению, мебель не всегда соответствовала характеру своих владельцев.

С решимостью охотника и методичностью загонщика Николя принялся за дело. Он начал с секретера, тем более что дверца оказалась не заперта. В ящиках и на доске для письма хранились бумаги, относившиеся к торговле, счета и письма, а также дешевые побрякушки, женские украшения и пряжки для мужских ботинок. Ничего интересного. Размышляя, комиссар поглаживал блестящее полированное дерево. Вытащив ящик, он запустил руку вглубь секретера и принялся ощупывать поверхности. Наконец, пальцы его ухватили маленький деревянный выступ. Он осторожно пошевелил его, раздался двойной щелчок, и два декоративных столбика разломились пополам, явив на свет два продолговатых ящичка. В одном лежали несколько луидоров, в другом письмо со сломанной печатью с изображением двух бобров, вцепившихся друг другу в хвост; такие же бобры были нарисованы на вывеске семейной лавки меховщика.

С бьющимся сердцем он взял письмо. В нем боролись два чувства: любопытство, кое он обязан проявлять по должности, и щепетильность порядочного человека, вынужденного копаться в чужих семейных тайнах. Но он уже перешагнул черту: обратно идти поздно. И щепетильность испарилась. Усевшись в кресло, он развернул письмо. От волнения буквы прыгали у него перед глазами; с трудом сосредоточившись, он принялся вчитываться в побледневшие от времени буквы, написанные мелким, но твердым почерком.

«*Луисбург, 5 декабря 1750 года.*

Брат,

Получив известие о смерти нашего отца, я осознал, как далеко уехал я от семьи, и что отныне у меня остался только брат, всегда относившийся ко мне холодно, чтобы не сказать враждебно, хотя такое отношение его ко мне нисколько не оправдано. Надеюсь, время все же устранит препятствия, созданные не мною; воспоминания об этих препятствиях всегда вызывают во мне горькие сожаления.

Пользуясь случаем, считаю своим долгом сообщить вам о своей женитьбе и рождении первенца. Это девочка, она носит имя Элоди, второе имя нашей матери. И хотя вам давно чужды братские чувства, и мы находимся далеко друг от друга, если война, которая здесь, в Новой Франции, разгорается все сильнее, заберет жизнь мою и моей супруги, я доверяю вам вашу племянницу. Молодой индеец Наганда, найденыш, воспитанный в моей фактории, пользуется полным моим доверием; он получил от меня надлежащие указания, и в случае необходимости он отвезет девочку во Францию.

Последние годы удача повернулась к нам лицом, и вы имели прекрасную возможность воспользоваться ее щедротами. Помните, что тем или иным способом я сумею добиться исполнения своей последней воли. В случае если мне суждено погибнуть в вихре надвигающихся событий, я оставлю свои распоряжения нашему нотариусу.

Поцелуйте сестер. Не забывайте, что я поручаю вам Элоди.

Преданный вам несмотря ни на что брат Клод».

Николя старательно переписал текст в черную записную книжечку и, аккуратно сложив письмо, вернул его на место. Закрыв с помощью рычажка тайные хранилища, он вставил на

прежнее место ящик и закрыл секретер. Дальнейшие поиски оказались бесплодными. Он обшаривал комнаты, одну за другой, но не обнаруживал ничего интересного. Спальня Элоди показалась ему на удивление пустой: ни одной вещицы, позволявшей судить о личности владелицы. Куда-то исчезли и украшения, без которых немыслимы девичьи туалеты. Поиски в комнате Жана, старшего сына, также не принесли существенных результатов. В комнатушке Женевьевы среди игрушек Николя обнаружил скомканный листок бумаги — загадочная картинка, нарисованная неумелой детской рукой. Две фигуры в широких плащах и высоких шляпах, казалось, танцевали жигу. Одна из фигур сжимала в руках некое подобие корзины, а другая лопату. Николя сунул картинку в карман фрака, ибо ему вдруг показалось, что нарисованный дважды человек вполне может оказаться Нагандой. В общем, над этим предстояло поразмыслить.

Напоследок он осмотрел комнату сестер Гален. Почти все пространство в ней занимали две сдвинутые друг с другом кровати, превращенные в одно большое ложе. Бросались в глаза предметы культа: в углу стояли две скамеечки для молитв, на стенах висели картины на религиозные сюжеты. Альков служил туалетным отсеком, рядом втиснулся маленький комод; белье и одежда хранились в утопленных в стену шкафах. Расставленные повсюду пыльные чучела птиц, застывших в неестественных позах, придавали помещению зловещий облик.

Неожиданно в коридоре послышался скрип половиц. Кто бы это мог быть? Сначала Николя решил, что проснулась и встала Мьетта; однако шум шагов приближался, а паузы между звуками, исторгнутыми половицами, наводили на мысль об осторожном и опасливом продвижении. Николя лихорадочно соображал, где бы спрятаться. В шкафу с платьями? Разумеется, нет: классические убежища являются самыми ненадежными. Камин? Слишком узкий, чтобы он смог в нем укрыться. Внезапно его озарило: он спрячется под кроватями, покрытыми выцветшим кретоновым покрывалом, свисавшим до самого пола. Стремительно нырнув в укрытие, он распластался на полу, спиной касаясь деревянного каркаса кровати. От волнения дыхание его участилось, вдобавок свисавшая перед его носом ткань совсем не пропускала воздуха. Шаги стихли. Кровь стучала в ушах, оглушая его. В нескольких дюймах от лица он увидел муравьиную тропу: похоже, крошечные насекомые нашли под кроватью и стол, и кров. Летом во многих парижских домах к их постоянным обитателям — крысам, клопам и блохам — присоединялись еще и муравьи.

Шум возобновился; он уже ближе, ближе… В промежутке между складками ткани появились две темные босые ноги, ступавшие с особой осторожностью. Ноги могли принадлежать только Наганде; значит, индеец тоже решил без помех обыскать комнату. Придет ли ему в голову заглянуть под кровать? Николя вздрогнул, увидев, что пришелец приближается к занятой им позиции. Откинув покрывало, незваный гость принялся копаться в постельном белье и даже приподнял матрас: Николя увидел просвет между досками кровати. Потом индеец довольно долго ходил по комнате, но, наконец, удалился. Николя дождался, когда все посторонние звуки стихли. Гален запирал Наганду; но он забыл, что тот уже убегал через слуховое окно на крыше, и ничто не мешало ему вновь совершить побег. А любая незапертая дверь или плохо прикрытое окно позволяли ему проникнуть обратно в дом. Что он мог искать, если не знаменитый талисман, таинственную штучку, висевшую у него на шее вместе с обсидиановыми бусами, шарик от которых оказался в руке убитой Элоди?

Николя все еще надеялся, что его поиски принесут хоть какие-нибудь результаты, пусть даже ему приходится идти по стопам Наганды. Призвав на помощь все приобретенные им навыки ремесла, он убедил себя, что будет искать лучше, чем индеец, и непременно найдет. И ему повезло: проведя рукой по дну ящика комода, он нащупал приклеенную с помощью облатки бумажку, и осторожно отлепил ее от дна. Это была обычная расписка.

Получено в залог за подлежащую возмещению сумму в размере восемнадцати ливров пяти су и шести денье.

Срок истекает через месяц. Тридцать первое мая 1770 года.

Подписано: Робийяр, старьевщик, улица Фобур-дю-Тампль.

Кто этот человек, ссужающий деньга под залог? Ростовщик? А может, это сестры Гален, пытаясь найти дополнительный источник средств, решили заняться ростовщичеством? Но значительно больше, чем содержание записки, Николя поразила ее дата. В ночь с 30 на 31 мая случилась катастрофа на площади Людовика XV. Обнаруженная расписка позволяла выстроить ряд новых гипотез. Он переписал ее содержание, а затем приклеил на место, ко дну ящика комода, предварительно смочив восковой шарик слюной. В глубине шкафа он нашел пару женских туфель, заляпанных грязью с приклеившейся к ней соломенной крошкой и с черными пятнами от угля или головешек на подошвах. Кому из сестер принадлежали эти туфли? Старшей Шарлотте или младшей Камилле? Без видимых причин вспомнив о муравьях, он нагнулся и вытащил из-под кровати длинную узкую полосу льняной ткани с грязными желтоватыми потеками, облепленными черными насекомыми. Когда он поднес тряпку к носу, его едва не стошнило от резкого запаха свернувшегося молока. Почему сестры хранили эту грязную тряпку? Смутная мысль завертелась у него в голове, но ее еще предстояло обдумать. Вернув тряпку на прежнее место, он вышел из комнаты.

Мьетта еще спала, и когда он вошел к ней, она даже не шелохнулась. Пройдя в комнату Элоди, он подошел к окну и стал смотреть на улицу Сент-Оноре, заполненную одетыми по-воскресному парижанами. Вскоре он увидел семейство Гален, в полном составе возвращавшееся домой. Среди залитой солнцем пестрой толпы траур их казался неуместным, однако в среде торговой буржуазии правила ношения одежды и украшений соблюдались строго; для каждого события существовал свой протокол. Точное знание правил, когда следует надевать чепчик из черной кисеи, а когда темную газовую косынку, являлось признаком хорошего воспитания. Тут он почему-то вспомнил, что король носил траурный костюм фиолетового цвета, а королева — белого. И отметил, что пребывавшие в смятении Галены, не получив тело из Мертвецкой, не стали останавливать часы в доме, не накрыли черным мебель и не окутали черным газом зеркала.

Вскоре раздались шаркающие шаги кухарки, направлявшейся на свой пост возле постели служанки. Посчитав себя свободным от дежурства, он выскользнул из комнаты и отправился допрашивать самого младшего члена семьи Гален. Подойдя к комнате Женевьевы, он услышал, как девочка, противореча траурному настрою взрослых, напевала что-то веселое. Маленькая Женевьева встретила его гримаской, сделавшей ее чрезвычайно похожей на отца. Сидя на маленькой детской табуреточке, она старательно накручивала на палец кудрявую прядь.

— Здравствуйте, мадемуазель, — произнес Николя.

— Я не мадемуазель. Это Элоди была мадемуазель. Я Женевьева. А ты?

— Николя. Говорят, вы больны?

— Да. Но не так, как Мьетта.

— Вы любите Мьетту?

— Да, только она слишком много плачет. Я не люблю Элоди.

— Свою кузину? А почему?

— Она никогда не хочет играть со мной. Мьетта очень больна. Я думаю, что это из-за чудовища.

— Чудовища?

Она подбежала к Николя и схватила его за руку.

— Того самого, который утащил ее на праздник.

— Откуда вы знаете? Вы же были больны и лежали в кровати.

— Нет, нет! Я встала, легла под дверью и все слышала. Я все знаю! Всегда все знаю. Я видела, как Мьетта ушла с чудовищем с белым лицом. На нем была огромная черная шляпа, а потом другие…

— Что за другие?

— Те же самые.

— Вы хотите сказать, что они ушли, а потом вернулись?

В раздражении девочка принялась дубасить его своими маленькими кулачками.

— Нет, нет, ты ничего не понимаешь…

На пороге возникла мадам Гален.

— Что вы делаете в комнате моей дочери, сударь? — сухо спросила она. — Вам мало было навязать нам свое присутствие, вы еще и ребенка хотите замучить!

— Я никого не мучаю, сударыня. Я разговаривал с вашей дочерью, и рано или поздно, я эту беседу продолжу, как бы вы ни противились.

Не обращая внимания на перепалку взрослых, Женевьева, плотно сжав губы и устремив взор в никуда, принялась прыгать то на одной, то на другой ноге, при этом что-то напевая без слов.

Николя пристально смотрел на госпожу Гален; он чувствовал, что тайна этой женщины каким-то образом связана с убийством племянницы Галена. Несмотря на очевидную молодость, красота ее начала увядать, а с лица не сходило тревожное выражение. Откуда взялась тень, омрачавшая ее лицо? Печаль от не оправдавшего надежды брака, страдания деликатной души, не сумевшей перебороть неуважение к мужу? Из каких нитей соткан ее сильный характер, проявившийся как в защите своего ребенка, так и в упорном нежелании отвечать на вопросы — несмотря на риск навлечь на себя самые серьезные подозрения.

— Сударыня, помните, вам нечего меня бояться; я могу все выслушать, все понять и помочь вам. Ради всего святого, говорите. Если вам что-то известно, защитите себя и расскажите мне, как вы провели время вечером накануне катастрофы. Иначе ваше молчание будет расценено как ложь и попытка сокрытия истины.

Она пристально уставилась на него, и он ощутил, как ее ненавидящий взор обжигает ему кожу. Неожиданно она открыла рот, и ему показалось, что она сейчас заговорит. На щеках ее вспыхнул яркий румянец, она поднесла ладони к покрасневшему лицу, и оно снова приняло жесткое выражение. Он почувствовал, что готовность снять защиту и уступить его просьбе прошла: госпожа Гален быстро спохватилась и вновь закрылась в невидимой крепости. Судорожно прижав к себе дочь, она отступила, испепелив Николя исполненным ненависти взглядом.

Встретив в коридоре Шарля Галена, Николя подумал, что тот, скорее всего, слышал их разговор, но не пожелал вмешаться, И решил по горячим следам узнать имя семейного нотариуса. Гален замигал, замотал головой и не произнес ни слова. Но комиссар настаивал, и в конце концов меховщик сообщил, что это мэтр Жам с улицы Сен-Мартен, той, что неподалеку от улицы Урс. В этот момент появился Семакгюс с корзинкой в руках и с Сирюсом на поводке; пес выглядел помолодевшим и вилял хвостом, радуясь неожиданной прогулке.

— Кого я вижу! — воскликнул Николя, в то время как Шарль Гален, воспользовавшись заминкой, улизнул. — Да вы нагружены, словно мул!

— Вот, делаешь друзьям добро, а они тебя же и обзывают! По дороге сюда я завернул в ресторацию Алигр. Но идемте же…

В комнатке Николя корабельный хирург продемонстрировал принесенные им сокровища: каплуна, зажаренного в соли крупного помола, языки из Вьерзона, бутылку бургундского. Дополняли пир хлеб и миндальное печенье. Друзья без всякого смущения расположились за туалетным столиком. Хирург попытался снова привлечь внимание Николя к нежелательным последствиям, которые может повлечь за собой официальное признание сверхъестественного характера наблюдавшихся явлений.

— Какого черта, — заключил он, — мы же не в дебрях Африки, не в наших заморских факториях, чтобы верить в чудеса.

Желая рассмешить Николя, помрачневшего от его речей, Семакгюс рассказал про последнее «чудо», случившееся в Париже десять лет назад. Во время одной из процессий в предместье Сент-Антуан народ вообразил, что гипсовая статуя Святой Девы, стоявшая в нише одного из домов, повернула голову, дабы приветствовать своего божественного сына, чье изображение проносили мимо. На следующий день не меньше пятидесяти тысяч человек захотели поставить свечу к подножию статуи. Народ запрудил всю улицу, и полиция не знала, как заставить всех разойтись.

— И в чем же оказалось дело? — с улыбкой спросил Николя.

— А вот в чем. Статуя стояла в нише дома, где находилась бакалейная лавка, торговавшая свечами. И когда люди скупили все свечи, опустошив и лавку, и склад, статую сняли, увезли и спрятали в потайном месте.

— Ваш рассказ напомнил мне, — произнес Николя, — как 25 апреля, в ночь на Святую Пятницу, Сартин отправил меня на церемонию в Сент-Шапель. Там тоже собралась огромная толпа, и нужно было проследить, чтобы не случилось беспорядков. Вы знаете, согласно поверью, одержимый, явившийся в эту ночь в церковь, может избавиться от терзающих его бесов и вернуть себе прежнее здоровье. Для этого священник прикасается к нему святыми реликвиями — подлинными частицами Святого креста. Я сам видел — стоило частице Креста коснуться недужного, вопли и конвульсии прекращались, и больной покидал храм исцеленным. А потом Сартин объяснил мне, что исцеленные больные были нищими, которых за небольшую плату наняли сыграть этот спектакль! И как после этого верить, когда почтенные священники сами соглашаются ломать столь недостойную комедию?

— О, это еще что! Священники еще и не такое проделывают! Хотя, в сущности, кому нужно плодить одержимых? Их ведь и на самом деле много, так что, по-моему, нет никакой необходимости создавать еще и поддельных больных. А ваши рассуждения неверны хотя бы потому, что вы путаете сущности с их карикатурными изображениями, а религию с суеверием, хотя религия…

Понимая, что спор может затянуться до бесконечности, оба рассмеялись и содвинули бокалы. Потом Николя отправился искать фиакр, намереваясь отбыть в монастырь Карм Дешо, что на улице Вожирар, а Семакгюс остался осматривать пациентку. По случаю праздника, в гости отправлялись целыми семьями, и найти свободный фиакр оказалось практически невозможно. Он долго стоял на площади Пале-Руаяль перед роскошным зданием водокачки, высившимся между улицами Фроманто и Сен-Тома-дю-Лувр, прежде чем какой-то кучер пожелал, наконец, остановиться. Поэтому он имел достаточно времени рассмотреть монументальный овальный портал двухэтажного водохранилища. Настоящий дворец, постройка не исполняла своего назначения, а потому служила постоянным поводом для шуточек над провинциалами: парижане с удовольствием отправляли слуг из глубинки за водой на площадь Пале-Руаяль. Настоящая водокачка находилась на бульваре Тампль, напротив улицы Фий-дю-Кальвер. В ней были установлены четыре насоса, приводимые в действие четырьмя лошадьми, которых меняли каждые два часа. Насосы наполняли водой бассейн, а застоявшаяся вода, выпускавшаяся дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, служила для прочистки большой клоаки, расположенной между Бастилией и западной окраиной[44], где

нечистоты сбрасывали в воды Сены. Эти сведения Николя получил в бюро парижской полиции, отвечавшем за уборку мусора в городе.

Когда он добрался до улицы Вожирар, большая служба по случаю дня Святой Троицы уже закончилась. Заглянув в церковь, где все еще плавал туман от воскуряемых благовоний, он вспомнил расчлененное тело графини де Рюиссек, найденное на дне колодца смерти[45]. В последнее время его память на удивление часто воскрешала лица людей, ушедших из жизни. Возможно, потому что его работа заключалась в том, чтобы успокоить возмущенные души жертв, отыскав их убийц. Твердым шагом он двинулся по хорошо знакомой ему дороге, ведущей в аптекарское крыло. Отец Грегуар сильно постарел; свою лабораторию, где он по-прежнему продолжал исследовать лекарственные травы, он покидал теперь только в часы, приуроченные к ежедневным службам. На основании специального разрешения приора он поставил себе в лаборатории кровать; однако спал он мало, и его бессонные ночи проходили в молитвах и медитациях. Николя был уверен, что найдет святого отца в лаборатории; в последнее время жизнь монастыря перестала его интересовать.

Войдя в просторный сводчатый зал, наполненный туманными парами и ароматами благовоний, исходившими из нагревавшихся на медленном огне тиглей странных форм, где булькали загадочные жидкости, менявшие свой цвет от белого опалесцирующего до изумрудно-зеленого, он не сразу заметил старого друга. Положив на колени гобелен, изображавший папоротниковые заросли, отец Грегуар дремал в большом кресле времен Людовика Великого. Изменения, за короткое время преобразившие лицо монаха, поразили Николя. Казалось, болезнь убрала все лишнее с некогда полного лица отца Грегуара, оставив лишь естественные грани и неровности, среди которых, словно вырезанный кривым садовым ножом, торчал заострившийся нос с тонкой переносицей. От телесной полноты монаха не осталось и следа. Перед Николя сидел аскет, познавший истину ценой отрешения от всего земного. Кисти рук, лежавшие на груботканой темной рясе, полупрозрачные, словно выточенные из слоновой кости, казались руками надгробной статуи. Монах явно больше молился, чем спал; почувствовав человеческое присутствие, он открыл глаза, и его по-прежнему живой взгляд загорелся при виде Николя.

— Сын мой, вот подлинное чудо сегодняшнего праздника, когда мы вновь вспоминаем Господа, призвавшего Святой дух снизойти на его учеников. Ты нашел время навестить старика!

Отец Грегуар поднял правую руку и благословил Николя.

— Мне осталось жить уже не долго, — продолжил он, — и каждое твое посещение — это радость, даруемая мне Богом.

— Вы советовались с врачами Медицинского факультета?

— Сын мой, медицина не имеет к нашей кончине никакого отношения: каждому отмерен свой срок. Целебные травы, исследованию свойств которых я посвящаю все свое время, дают мне силы и помогают коротать время в ожидании конца. Я молю Господа, в надежде, что он рассудит меня достойным своих ангельских посланцев, и те отнесут мою душу в рай. Но ты живешь в миру; как складываются твои дела?

Лукаво улыбаясь, он принялся постукивать пальцами по подлокотникам кресла.

— Ты приехал не только для того, чтобы поздороваться со мной, тебе нужна моя помощь. Говори, не боясь утомить меня. Тишина нередко угнетает меня, и я имею право на слово. К тому же, дорогой мой Николя, эта наша встреча станет последней.

Николя почувствовал, как его переполняет жалость. Приглушенная речь отца Грегуара напомнила ему голоса двух других, столь же дорогих ему людей: каноника Ле Флока и маркиза

де Ранрея. Из трех человек, воспитавших его и подготовивших к его теперешней жизни, двое уже отправились в мир теней, а третий постепенно покидал мир живых.

Взяв себя в руки, Николя, стараясь не показывать свое волнение, рассказал о трагедии на улице Руаяль, об убийстве Элоди, о подозрениях, нависших над семьей Гален и о странных явлениях, не только не прекращавшихся, но наоборот, участившихся. Не скрывая ни растерянности, ни беспокойства, он изложил все свои предположения, за которые он пытался зацепиться, чтобы набросить покрывало разума на неподдающиеся его пониманию явления. Отец Грегуар слушал, закрыв глаза, однако при описании некоторых подробностей губы его сжимались так сильно, что становились белыми, словно его охватывала неодолимая боль. Выслушав Николя, он помолчал, а затем попросил дать ему маленький флакон, стоявший на соседнем сундуке. Поднеся флакон к губам, он проглотил несколько капель содержавшейся в нем жидкости, и вскоре губы его постепенно приобрели привычный цвет.

— Териак[46] моего собственного приготовления, — уточнил он. — Он ненадолго дарует мне успокоение.

И отец Грегуар снова тяжко задышал.

— Сын мой, совет, который ты желаешь получить, и труден, и опасен… Даже когда все указывает на присутствие сил зла, причиною может являться случайное стечение обстоятельств. Я не раз был тому свидетелем…

Монах перекрестился.

— Священное писание вполне определенно высказывается по этому вопросу. Не зря святой Иоанн предупреждает нас, что соблазнам Сатаны несть числа, а святой Петр советует нам, завидя врага, рыщущего вокруг нас словно лев рыкающий, укреплять нашу веру, дабы мы могли дать ему отпор. Какими бы неустрашимыми мы ни были, у нас всегда есть основания подозревать его дьявольские козни. Помните: сын Божий явился в мир сражаться против падшего ангела.

Вдали громко хлопнула дверь. Николя показалось, что жидкость в колбах закипела с новой силой.

— Отец мой, как рассудить, болезнь явилась причиной припадка Мьетты или нечто иное? Как отделить непонятную, но естественную, реальность от волнующего соблазна воображения?

— Прежде всего надобно очистить душу. Только чистота может победить нечистого. Надо уметь распознавать признаки дьявольской одержимости. Эти признаки известны давно, они доказаны и неизменны. Вот что пишет о них Церковь: «Одержимый начинает говорить на незнакомых языках или понимать их, разоблачает явления удаленные или же тайные, и проявляет силу, невероятную для своего возраста и природного сложения». Никогда не забывай эти три признака. Если ты их видишь, более не сомневайся: перед тобой, действительно, одержимый; тогда действуй осторожно и не забудь поручить свою душу Богу.

— Пока я собственными глазами видел проявления только одного из трех признаков.

— Тогда жди и наблюдай, и если сможешь собрать все три признака воедино, тогда сражайся.

— Но как сражаться?

— Только обратившись к священнику, имеющему опыт решения столь деликатных вопросов, а также получив законное дозволение от своего епископа. Только специально призванный священник имеет право проводить процедуру экзорцизма, посредством которой изгоняется нечистый дух. Сжимая когтями свою жертву, демон полностью подчиняет ее себе, завладевает ее волей и становится повелителем и духа ее, и тела; он начинает говорить ее устами, и слышать ее ушами.

— Если события, связанные со служанкой в доме Галенов, начнут принимать совсем дурной оборот, и признаки одержимости окажутся бесспорными, кто мог бы мне помочь? Вы, отец мой?

— Разве ты не видишь, в каком я состоянии! — воздевая руки, вздохнул отец Грегуар. — Экзорцизм требует не только духовной силы, которую Господь пока еще у меня не отнял, но и выносливости и физической силы, которых у меня уже нет. Только священник, уполномоченный проводить эти процедуры в парижском диоцезе, вправе прийти тебе на помощь. Нынешние предосторожности порождены множеством допущенных в прошлом злоупотреблений. Для вмешательства экзорциста тебе необходимо получить разрешение парижского архиепископа монсеньора Кристофа де Бомона[47]. Ты должен встретиться с ним как должностное лицо…

— Я дважды видел архиепископа при дворе. Его Величество держит его на расстоянии, и часто отправляет в ссылку[48].

— Увы, в этом несчастье нашей церкви… Я давно знаю его, с тех времен, когда он служил викарием епископа в Блуа. Он вежлив, пунктуален, однако легко поддается влиянию, хотя часто бывает недоверчив и упрям; как любой увлекающийся человек, он пристрастен, и излишне восприимчив к советам своего окружения. Его проницательность позволяет ему провидеть многое, отчего правдивость его слишком часто переходит в бестактность. Двор — чужая для него страна, там он никогда бы не смог преуспеть.

— Вы уверены?

— Он никогда не стремился к возвышению; вполне довольный своим епископством во Вьенне, он отвергал любые соблазны, связанные с продвижением по лестнице церковной иерархии. Живя жизнью святого, он отличался благонравием и пребывал в добром согласии со своими канониками. Никто даже представить себе не мог, что после смерти архиепископа Парижского он займет его место; когда его назначили, все его друзья были невероятно удивлены.

— И он заставил замолчать свою щепетильность?

— Только после личного вмешательства Его Величества; король собственноручно написал ему письмо, после которого отказаться было невозможно. Он настолько не привык бывать в свете, что принятие им присяги в Версале едва не превратилось в посмешище. По традиции ему следовало приветствовать дочерей короля и поцеловать им руки, но он так смутился и застеснялся, что вместо того, чтобы подойти к дамам, начал отступать, и им пришлось буквально догонять его.

— Насколько я помню, он передвигается с трудом.

— Его здоровье не намного лучше моего, — подтвердил отец Грегуар с виноватой улыбкой. — После его возвышения его все чаще мучают песок в моче, диурез и камень в почках. Борьба с янсенистами и изгнание иезуитов[49] истощили его. Оказавшись в одиночестве, он позволил себе увлечься химерами и стал претендовать на родство со знатным и древним родом. Я могу походатайствовать перед ним, но лучше прежде получить *nihil obstat,* официальное прошение, составленное господином де Сартином и подписанное королем. Бомон по-прежнему остается сторонником ордена Иисуса, и, возможно, отнесется к тебе благосклонно как к бывшему воспитаннику отцов-иезуитов.

— А кто сегодня занимает должность экзорциста в диоцезе? — спросил Николя.

— Отец Ги Ракар, собрат ученейший, но странный, — задумчиво качая головой, ответил кармелит.

Вопросы исчерпались. Монах не рассеял сомнений Николя, но указал ему путь. Оставалось дождаться дальнейших событий. Прощаясь, отец Грегуар вспомнил, что должен передать ему письмо от Пьера Пиньо де Беэня[50], находившегося с апостольской миссией в Кохинхине.

Десять лет назад Пьер прибыл в Париж из провинциального Тьераша и поступил в семинарию Трант-Труа. Молодые люди встретились и подружились; обладая сходными вкусами, они вместе ходили на концерты в Лувр, а после концертов отправлялись на улицу Монторгей в кондитерскую Сторера[51]: оба обожали сладости.

Тепло попрощавшись с отцом Грегуаром, Николя пустился в обратный путь. Он решил идти пешком: свежий воздух способствовал работе мысли, а ему как раз требовалось обдумать состоявшуюся встречу. С одной стороны, слова отца Грегуара вселили в него уверенность, с другой стороны, он тревожился о состоянии здоровья святого отца. Люди, окружавшие его в юные годы, постепенно уходили, и он с сожалением сознавал, что его самые близкие друзья значительно старше его. Даже инспектор Бурдо годился ему в отцы. Оставались Сартин, всегда выглядевший старше своих лет, Лаборд, немногим более старше его, и его дорогой Пиньо, вот уже несколько лет пребывавший вдали от Франции. Николя распечатал письмо, запятнанное и пожелтевшее за время путешествия, и на ходу стал читать.

Хон-дат, пятое января 1769 года

Дорогой Николя,

Вас наверняка удивил мой неожиданный отъезд в сентябре 1765. Чувствуя в себе призвание к тяжкому, но плодотворному апостольскому труду, я исключил из своей жизни и семью, и друзей, среди которых вы по-прежнему пребываете в первом ряду. Помня о нашей с вами дружбе, мне было очень тяжело принять решение уехать, не предупредив вас.

В Лорьяне я сел на корабль Ост-Индской компании. После многих приключений, которые я надеюсь когда-нибудь вам рассказать, я прибыл на Хон-дат, крошечный островок в Сиамском заливе. В начале января 1768 года сиамцы захватили нас, и мне выпало счастье провести святое время поста в тюрьме, приговоренным к шейной колодке, иначе говоря, к ношению на шее лестницы длиной примерно в шесть футов. Я подхватил лихорадку и проболел четыре месяца, но сейчас я уже здоров.

Я молю Господа, чтобы он оказал мне милость и вернул меня в тюрьму, дабы я там страдал и умер во славу Его святого имени. Вспоминайте обо мне, я же не забуду вас никогда.

Пьер Пиньо,

Апостольский миссионер.

Что значили его собственные терзания по сравнению с верой и возвышенным самоотречением Пиньо? Неожиданно Николя осознал, до какой степени ему не хватает спутника его юности, чья дружба скрашивала первые годы его жизни в столице. Остановив двухколесный портшез, он приказал везти себя в Большой Шатле. Семакгюс в любом случае дождется его возвращения. А ему хотелось поговорить с Бурдо и дать ему несколько заданий, связанных с проверкой фактов, обнаруженных им во время обыска в доме Галенов. Однако инспектора он не нашел, а изумленный папаша Мари, никак не ожидавший появления комиссара, напомнил ему, что сегодня не просто воскресенье, а день Святой Троицы, праздник, о чем свидетельствует громкий звон колоколов. Бурдо же, как известно, имел обыкновение проводить праздники в кругу своего многочисленного семейства. Разочарованный, Николя двинулся в сторону улицы Сент-Оноре. Неожиданно, словно из-под земли, выскочил Сортирнос и схватил его за рукав.

— Не торопись, Николя, лучше порадуйся: я отлично для тебя поработал! Бурдо описал мне вашего дикаря. Я хорошо его знаю. Трудно его не заметить — очень уж необычный у него наряд. Его мрачную рожу часто видели на улице, так как он имел обыкновение шататься вокруг дома.

— До праздника на площади Людовика XV?

— Разумеется! Задолго до праздника. Согласись, такого верзилу трудно не опознать. А в тот вечер, когда случилось несчастье, я видел его дважды.

— Дважды?

— А я про что тебе говорю! Причем в разных местах.

— В этом нет ничего удивительного.

— Шутишь! Если я вижу, как ты стоишь у парапета на берегу Сены, а за углом уже идешь мне навстречу, мне остается признать, что ты либо призрак, играющий со мной в прятки, либо что вас двое. Впрочем, если ты скажешь, что привидения в порядке вещей, низкий поклон твоему рассудку.

Он, действительно, поклонился так низко, что ведра, висевшие у него на коромысле, звякнули о мостовую.

— Хорошо, согласен. Он был один?

— Нет, первый был с девицей в отрепьях, а второй — с девицей в желтом. Но и это еще не все. В тот же вечер кто-то из синих мундиров, то бишь французских гвардейцев, кои из-за пристрастия к бутылке часто становятся гостями моих ведер, во время пьяной болтовни упомянул про дикаря в черной шляпе; он утверждал, что видел, как этот дикарь тащил девицу в светлом желтом платье в сад монастыря Зачатия: там, знаете ли, есть заброшенный амбар. Бьюсь об заклад, заявил тот тип, дикарь опрокинул курочку на солому и недурно с ней развлекся.

— Тащил девицу? Что это значит?

— Не знаю. Может, она сопротивлялась, а может, и нет.

Николя задумался; мысли его толкались, вытесняя одна другую. Наконец он ухватился за кончик ниточки Ариадны, полагая, что она, возможно, выведет его из лабиринта предположений и приведет к доказательствам. Рассказ Сортирноса и рисунок Женевьевы, на первый взгляд лишенный всякого смысла, получали теперь совершенно иное, особое значение. Нужно было взять истину в кольцо, окружить ее, сократить до точных фактов, вписанных в течение времени, затем отбросить лишнее, сравнить и, наконец, явить ее миру.

— Жан, — начал Николя, — в котором часу ты увидел первого дикаря?

— Точно не скажу, но точно до начала фейерверка, а так как я чувствую, что сейчас ты меня станешь спрашивать про второго, сразу скажу, что его я увидел довольно скоро.

— А ты уверен, что это не тот же самый человек?

— Нет, первый дикарь бы гораздо ниже ростом, чем второй.

— Хорошо, подведем итог. Ты видел двух субъектов, похожих на нашего дикаря, в сопровождении двух различно одетых девушек. И ты уверяешь меня, что это были разные люди. А французские гвардейцы? В котором часу они воспользовались твоими услугами?

— После праздника. Когда пошел слух, что там, на площади что-то не получилось. Да, точно, тогда они еще предавались воспоминаниям про какие-то давние проказы. И было это, когда до полуночи оставалось еще часа два, никак не меньше.

— Спасибо, Жан. Твои сведения мне очень пригодятся.

Пожимая осведомителю руку, он вложил в нее экю стоимостью пять ливров. Получив в ответ довольную ухмылку, Николя продолжил свой путь. Как жаль, думал он, что Мьетта не пришла в сознание, и ее невозможно допросить. Ему хотелось уточнить, действительно ли она сопровождала свою молодую хозяйку на праздник? И что там произошло на самом деле? И кому понадобились сразу два фальшивых индейца, в то время как настоящий томился у себя в каморке, откуда у него украли его одежду?

До «Двух бобров» Николя добирался довольно долго. Он ощущал неодолимую потребность выбросить из головы все гипотезы, услужливо предлагаемые его собственным

воображением, дабы, наконец, разложить по полочкам неясные и противоречивые сведения, собранные им за последние дни.

Когда он пришел в дом на улице Сент-Оноре, семейство Гален собиралось ужинать. Отклонив приглашение и заверив хозяина дома, что на сумме пансиона его отказ от ужина никак не отразится, он отправился к дежурившему в комнате Мьетты Семакгюсу. Хирургу не удалось пробудить девушку, и теперь он сидел и размышлял над природой ее бесчувственного состояния. Вручив Николя Сирюса, Семакгюс с усмешкой сообщил, что рассчитывает провести вечер и ночь у Полетты в «Коронованном дельфине», то есть неподалеку от дома Галенов, и в случае необходимости за ним всегда можно послать.

У себя в каморке Николя нашел остатки от трапезы, принесенной Семакгюсом. Он был не голоден, и предложил их Сирюсу; потом налил собаке в мисочку немного воды. К счастью, друг не забыл доставить ему свечей из хорошего воска, так что когда стемнело, он зажег их, разделся и, вытянувшись на кровати, углубился в чтение. Сартин разрешил ему брать книги из его библиотеки, и Николя дорожил этой привилегией, ибо Сартин собирал книги, запрещенные и арестованные полицией. Он погрузился в чтение очерка Даламбера «О литераторах и сильных мира сего». В нем философ противопоставлял суетные претензии дворянства и принцев крови добродетелям, имеющим источником своим талант и равенство. По мнению автора, общественное устройство должно благоприятствовать прогрессу науки и торговли. Вскоре книга выпала из рук Николя. Встрепенувшись, комиссар услышал, как члены семьи Гален расходятся по своим спальням. Он принялся размышлять о прожитом дне, и перед глазами его возникло изборожденное морщинами лицо отца Грегуара, неожиданно ставшее удивительно похожим на лицо короля. Король здорово постарел, его осаждали неприятности. Совсем недавно его набожная дочь Луиза сообщила о своем желании удалиться в монастырь кармелиток, и в апреле, следуя своему призванию и с согласия отца, она отреклась от мира и ушла в монастырь Сен-Дени. По словам Лаборда, король до сих пор сожалел об этой утрате, и только торжества по случаю свадьбы внука немного развеяли его. Но катастрофа 30 мая грозила вновь надолго ввергнуть монарха в печаль.

Забравшись на кровать, Сирюс спал, доверительно положив лапу на ногу друга; Николя осторожно высвободил ногу. Прежде чем отойти ко сну, он хотел сделать еще одно дело. Достав из туалетного несессера коробку с пудрой для парика, он на цыпочках подошел к двери, осторожно приоткрыл ее, вышел на площадку и полукругом рассыпал порошок возле порога. Если над ним, действительно, решили подшутить, то шутник непременно оставит следы на белой пудре. Желая обезопасить себя от свирепых ползающих кровососов, он предпринял те же меры предосторожности, что и накануне, и только потом лег в постель. Убаюканный мерным дыханием Сирюса, он быстро заснул, едва успев прочитать пару запомнившихся с детства молитв, выученных им со слов каноника Ле Флока и кормилицы. Кормилица советовала ему никогда не забывать эти молитвы, дабы не оказаться во власти демона.

Понедельник, 4 июня 1770 года; три часа ночи.

Проснувшись от сильных ударов в дверь, Николя резко сел на кровати. Весь в поту, он тяжело дышал, вслушиваясь в воцарившуюся тишину, внимая малейшим шорохам. Но еще больше его напугал бедняга Сирюс: пробудившийся вместе с ним пес дрожал от страха, испуская жалобные повизгивания. Оснований сомневаться в реальности звуков больше не было. Едва первый испуг прошел, как раздалась целая череда ударов, сменившихся беспорядочным хлопаньем, свистом, царапаньем, внезапно уступившим место глухому воплю, который, затихая, постепенно перешел в издевательский смех. Николя высек искру, зажег

свечу и, решительным шагом подойдя к двери, распахнул ее. Никого. Присев на корточки, он принялся разглядывать пол перед порогом: слой пудры остался нетронутым. Неожиданно за его спиной что-то загрохотало, словно в комнате разразилась гроза. Несчастный Сирюс заметался, в ужасе пытаясь отыскать выход, но, так и не сумев удрать, метнулся под ноги Николя и, распластавшись на полу, потерял сознание. Внезапно все стихло: видимо, те, кто производили эти загадочные звуки, удалились, и Николя показалось, что он очутился в полнейшей пустоте. Постепенно внешний мир вновь вступил в свои права, а крик ночной птицы в соседнем саду и вовсе прозвучал как освобождение от чар. Может, послать за Семакгюсом? Но вряд ли эти новые непонятные явления убедят хирурга; он вновь начнет воспитывать Николя, изрекать прописные истины и посмеиваться над слабостью человеческого разума, не в состоянии разглядеть свет истины.

Николя снова лег, однако заснуть не смог. А около пяти часов дом огласил поистине звериный крик. Спешно одевшись, он бегом бросился в комнату Мьетты; за ним по пятам следовали остальные домочадцы. Перед дверью они наткнулись на распростертое тело Мари Шафуро: кухарка была без сознания. В каморке они увидели тюфяк, плавно покачивавшийся в нескольких дюймах над полом; на тюфяке в страшных муках корчилась полуобнаженная Мьетта. Широко раскрыв рот, она, не издавая ни звука, царапала себя ногтями; покрытые пеной губы шевелились, словно выкрикивая проклятия в адрес невидимого противника. Николя вместе с отцом и сыном Гален устремились к девушке и, рискуя остаться без глаз, попытались удержать ее, чтобы она не изувечила себе лицо или грудь. Они боролись долго; стоило схватить служанку за руку или за ногу, как члены ее тотчас становились прямыми и твердыми, словно железные прутья, но как только они отпускали их, так те немедленно начинали выгибаться во все стороны. Наконец, девушка успокоилась и впала в забытье. Николя с изумлением отметил, что капли пота и клочья пены, покрывавшие ее тело, съежились и исчезли, подобно морским волнам при отливе или брызгам воды, мгновенно испарившимся с разогретого добела железа. Он хотел ощупать ее, но тотчас отдернул руку, чтобы не заполучить ожог. Прикосновение к телу Мьетты оставило ощущение обжигающего холода, словно рука долго лежала на застывшей поверхности пруда. Дыхание девушки, настолько прерывисто во время припадка, что они боялись, как бы она ни задохнулась, вновь стало нормальным.

Обессилевшие от борьбы отец и сын вздохнули с облегчением; Жан Гален, как загнанный зверь, ожидающий нападения невидимого врага, нервно озирался по сторонам. Надеясь, что утренний кризис миновал, а новый повторится только завтра, Николя решил просить меховщика распорядиться о постоянном дежурстве возле постели Мьетты. Ему хотелось уяснить, как часто случаются припадки, регулярны ли они или же произвольны.

Кухарка по-прежнему пребывала в обмороке, но когда Николя подошел к ней, чтобы оказать помощь, Мьетта неожиданно села, вытянув перед собой руки; ее прямая, словно палка, спина, являла собой перпендикуляр по отношению к кровати. Медленно, подобно автомату господина Вокансона, она подняла веки, и голова ее, словно приводимая в движение невидимым внутренним механизмом, толчками принялась поворачиваться вокруг своей оси. Николя увидел, как зрачки ее расширились, а тусклые серо-голубые глаза сначала приобрели зеленоватый оттенок, а потом стали красно-коричневыми, с золотистым отливом, напомнив ему варево в ретортах отца Грегуара. Когда в глубине этого варева тревожно заблестели пурпурные точки, голова замерла и испытующим взором уставилась на Николя. На глазах у трех растерявшихся зрителей изо рта девушки высунулся язык, и, трепеща, как у рептилии, вытянулся сверх всякой меры, а потом, извиваясь, стремительно исчез в темной дыре глотки. Внезапно Николя увидел перед собой другой взгляд, такой же злобный и холодный, и в ужасе услышал, как из уст Мьетты, словно из бездны прошлого, вырвался мужской голос, звучание которого по-прежнему заставляло леденеть его сердце:

— Ну что, господин бретонец, вижу, ты меня узнал! Нет, это не сон, это мои зеленые глаза, мои глаза рептилии, как ты назвал их про себя девять лет назад, стоя на лестнице в Шатле. Трепещи же, дружок, трепещи: ты думал, что пронзил меня своей шпагой, а я вот он, здесь![52]

Николя охватило желание бежать, зажать ладонями уши, чтобы не слышать издевательского голоса, идущего с того света. Ибо голос принадлежал Мовалю, клеврету комиссара Камюзо, наемному убийце с лицом ангела, которого Николя убил, защищая свою жизнь, в гостиной «Коронованного дельфина».

— Кто ты? — из последних сил выкрикнул Николя.

— Ха-ха-ха! Антихрист, агнец, внутри коего волк! Тот самый, чье явление предсказали Ириней, Ипполит, Лактанций и Августин.

— Ты демон?

— *In Ja und Nein bestehen alle Dinge!*

— Я не понимаю твоего языка, — произнес Николя.

— Это немецкий, — прошептал Шарль Гален. — Слова означают: «Все вещи состоят из Да и Нет».

— Во имя Господа нашего, — крикнул Николя, — изыди!

Он с опозданием вспомнил советы отца Грегуара, предупреждавшего его о вреде поспешных выводов, когда речь шла о явлениях, не поддающихся познанию. Сейчас все говорило о том, что голос, исторгавшийся из уст Мьетты, принадлежал к разряду необъяснимых явлений. Неожиданно девушка зашаталась, словно колеблемая ветром статуя, и изо рта ее потоком заструилась пена. Несмотря на пережитый им страх, Николя, словно завороженный, неотрывно смотрел на несчастную служанку и понимал, что некто, вселившийся в ее бедную плоть и использующий ее, словно фрак, купленный у старьевщика, поменял свою сущность и вот-вот вырвется наружу в новой призрачной видимости.

— Ты опять грозишь мне, — загремел уже другой мужской голос, — грозишь, как грозил тогда, когда попытался соблазнить мою дочь, свою сестру!

У Николя задрожали колени: теперь Мьетта говорила голосом крестного, маркиза де Ранрея, его отца.

— Да, твоего отца, — безжалостно повторил голос, словно читавший его мысли. — А еще я вижу, как человека, одолжившего тебе собаку, сейчас прикончат вместо тебя!

После этих слов Мьетта упала на кровать. В течение нескольких минут никто не произнес ни слова, не сдвинулся с места; неподвижные, словно статуи, не смея поднять глаза, зрители этой ужасной сцены застыли, устремив взоры в пол. Николя не переставал спрашивать себя, почему «нечто» — он не мог назвать его иначе — обрушило свои нападки именно на него, раскрывая тайны его прошлого, известные ему одному и запрятанные глубоко в сердце, где они продолжали жить, словно открытая незаживающая рана? У него зародилось смутное подозрение, что исступленное буйство «нечто» каким-то образом связано с его визитом к отцу Грегуару. Возможно, тот, кто вещал, используя для этого телесную оболочку Мьетты, узнал в нем своего главного противника, того, кому предназначено побороть его и сбросить в бездну, откуда он явился. Вспомнив о предсказании, брошенном в адрес его друга и квартирного хозяина, старого прокурора с улицы Монмартр, он содрогнулся.

На лестнице послышались голоса, сопровождаемые шумом торопливых шагов; все выбежали на площадку. В сопровождении госпожи Гален к ним, тяжело дыша, поднимался мужчина преклонных лет; растрепанные седые волосы и застегнутая впопыхах ливрея свидетельствовали о его великой спешке. При ближайшем рассмотрении им оказался Пуатвен, старый слуга господина де Ноблекура. Добравшись до площадки, он рухнул на руки комиссара.

— Ох, господин Николя, слава Богу, я вас нашел! Господина де Ноблекура убили.

VIII
КРИСТОФ ДЕ БОМОН

Коль ты помолишься за нас,

Ты жизнь подаришь нам навеки.

Бретонский аноним

Николя постарался сдержать охватившие его чувства. Робкий, когда речь заходила о мрачных предчувствиях грядущих событий, он становился решительным и хладнокровным, когда обстоятельства, зачастую драматические, требовали от него точных и быстрых действий. Дав Пуатвену время отдышаться, Николя стал расспрашивать его. С тех пор как женевский доктор Троншен, борясь с полнотой Ноблекура, постановил разжижить его гуморы и прописал ему прогулки, бывший магистрат стал по утрам выходить гулять на улицу. Сегодня он вышел очень рано, но как только он очутился за воротами, несколько подозрительных личностей набросились на него и принялись избивать. Господин де Ноблекур упал и стукнулся головой о каменную тумбу. Это видел мальчишка из булочной, расположенной на первом этаже дома Ноблекура. Он поднял тревогу, старого прокурора отнесли в дом и позвали врача, проживавшего по соседству. А Катрина отправила Пуатвена на улицу Сент-Оноре, чтобы он как можно скорее привез Николя. Никаких иных подробностей о состоянии здоровья хозяина Пуатвен сообщить не мог, и умолял господина Николя как можно скорее отправиться на улицу Монмартр.

— Он немедленно поедет с тобой, — раздался знакомый властный голос.

Появившийся на лестнице Семакгюс поклонился госпоже Гален, уставившейся на него с неподдельным замешательством.

— Тысяча извинений, сударыня, — произнес хирург, — но дверь была открыта, и я позволил себе войти.

Он повернулся к Николя.

— Мне показалось уместным после приятно проведенной ночи зайти к вам, дабы удостовериться, что и у вас ночь прошла спокойно.

Николя отвел его в сторону.

— Гийом, сегодняшняя ночь превзошла предыдущую, о которой я вам рассказывал. У меня в комнате стоял жуткий грохот, а у Мьетты случился ужасный припадок, во время которого она говорила голосами умерших.

— Каких умерших? О чем это вы?

— У меня нет времени для разъяснений. Скажу только, что устами этой служанки ко мне обращались Моваль — вы его помните? — и мой отец, маркиз де Ранрей. И они раскрывали секреты, известные мне одному!

— Черт! Черт! Черт! — выругался Семакгюс. — Что за чертовщина! А как Сирюс?

— Он перепугался до смерти. К сожалению, у меня сейчас нет времени для подробного рассказа, так как пора ехать на улицу Монмартр. А вас я прошу остаться здесь. Полагаю, в первую очередь ваши заботы потребуются кухарке: мы нашли ее без сознания. Днем Мьетта обычно ведет себя спокойно. Увы, мы начинаем привыкать к ее припадкам!

— Рассчитывайте на меня, — заверил Николя Семакгюс, — и бегите к нашему другу, мне не терпится узнать о состоянии его здоровья.

Николя сообщил Шарлю Галену, что на время покинет его дом, и приказал во всем, что касается здоровья Мьетты, слушаться предписаний доктора Семакгюса. Меховщик, похоже, хотел ему ответить, но потом передумал. У подножия лестницы Николя встретил маленькую Женевьеву: в длинной ночной рубашке она сидела на нижней ступеньке.

— Мьетта нехорошая, — произнесла она. — Она меня разбудила. Я очень испугалась, когда услышала ее крики.

— Черт возьми, да вы здесь все слушаете и все слышите!

— Трудно не услышать таких криков.

— Вы очень сообразительная маленькая девочка, но, к сожалению, сейчас мне надо идти.

— Ты совершаешь ошибку; я очень много знаю. А ты ни за что не узнаешь!

Николя заколебался, не зная, что сейчас важнее: поскорее отправиться к раненому Ноблекуру или же остаться и получить бесценные сведения.

— Послушайте, если вы все знаете, то я вас слушаю, и обещаю, что все останется между нами.

Уточнение пришлось к месту, хотя он с горечью понимал, что на этот раз он свое слово не сдержит.

Девочка поднялась со ступеньки и, встав на цыпочки, зашептала на ухо Николя:

— Вот что я слышала. Я слышала, как Мьетта говорила Элоди, что она не хочет брать на себя эту обузу, потому что если о ней узнают, ее выкинут на улицу.

— А дальше? Что ответила Элоди?

— Что есть средство избавиться от него, и она ей поможет.

— А потом?

— Это все. К ним кто-то пришел, и мне пришлось убежать.

— И вы никому не говорили об этом разговоре?.. Вашим родителям, например?

— Нет… нет.

Он заметил, что ответ прозвучал неуверенно.

— Да, я понимаю ваше смущение, но мне вы должны сказать всю правду.

— Я рассказала тете Камилле и папе.

Похоже, она уже сожалела, что призналась ему.

— Вы правильно поступили, — решил приободрить ее Николя. — А что еще вы знаете?

— Элоди очень много ела. Она таскала еду к себе в комнату, и от крошек у нее развелись мыши. Она страшно растолстела, просто ужасно. Однажды я застала ее в одной юбке. Она ударила меня, и пригрозила, что побьет еще, если я кому-нибудь об этом расскажу.

— А ты рассказала?

— Да, папе.

— А лопата? — спросил Николя, умевший выбрать подходящий момент и застать свидетеля врасплох.

Смутившись, девочка покраснела до корней волос.

— Ты нехороший, ты взял мои рисунки!

— Дело не в этом. Вы рисуете очень хорошо. Кого вы хотели изобразить, рисуя человечка с лопатой?

Немного подумав, она ответила.

— Дикаря. Знаешь, когда на нем нет ни плаща, ни шляпы, он мне больше нравится. Потому что когда он в плаще и шляпе, не видно его лица, и мне делается страшно. Однажды ночью я услышала скрип дерева.

— Дерева?

— Половиц. Я открыла дверь, выскользнула в коридор и пошла посмотреть. Дикарь спускался на первый этаж со свертком в руке; он был в плаще и шляпе, и нес в руке большую лопату.

— Но ночью же темно!

— В тот раз луна освещала лестницу.

— Вы пошли за ним?

— Нет, что ты, мне было слишком страшно, и я поскорей вернулась к себе в комнату. А еще раньше я слышала, как они тяжело дышали вместе с Элоди. Уверена, он делал ей больно, потому что она стонала.

— Когда это было?

— Однажды, после полудня; они оба громко и тяжело дышали.

Николя не стал выпытывать подробности, однако кое-что выяснить ему было просто необходимо.

— В какую ночь ты видела дикаря с лопатой?

— В такую.

— Хорошо, я понял. Тогда скажи, когда это случилось по отношению к сегодняшнему дню? Два дня назад, неделю, две недели?

— Мне кажется… наверное, целую неделю назад.

— Спасибо, Женевьева, — произнес Николя. — Вы очень помогли мне, но теперь обещайте, что вы никому не скажете о нашем разговоре.

— Даже тете Камилле и папе?

— Даже им. Никому. А еще мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь нас подслушал, как иногда подслушиваете вы сами. Вы меня понимаете? Это слишком опасно.

Шмыгая носом, она задумчиво опустила голову, а потом несколько раз кивнула в знак согласия. Николя подумал, что невинность этой девочки подверглась большому испытанию; впрочем, есть ли основания говорить о невинности? Атмосфера дома настолько пропиталась безумием и лицемерием, что ожидать можно всего.

Пуатвен нетерпеливо топтался у дверей; они немедленно сели в экипаж. Николя отметил, что никто не сменил французских гвардейцев, стоявших на карауле. Пожалуй, подумал он, от такой защиты больше опасностей, чем пользы: караул привлекает к себе ненужное внимание. К счастью, сегодняшний спектакль остался в стенах дома. Квартал мирно просыпался, и ничто не сулило ни беспорядков, ни смут, ни лишних вопросов. Однако Николя не питал иллюзий: невидимый противник, «нечто» в конце концов выплеснется из дома, слухи посеют тревогу, а следом народ ополчится против неизвестного, угрожавшего ему сегодня ночью. В столице королевства ничто невозможно сохранить в тайне. В домах, где окна и двери всегда открыты для слухов, все мгновенно становится известно всем; временами кажется, что стены в городе сделаны из стекла. Парижане в один миг подхватывают и разносят любые сплетни о личной жизни и соседей, и сильных мира сего. Понятия «дома» и «на улице» смешались, границы между ними стерлись.

Ошеломившие его разоблачения, сделанные Женевьевой, требовали нового осмысления. Если девочка ничего не перепутала, значит, он вышел на новый след. Но он до сих пор не понял, где единственно правильный путь, идя по которому, он сумеет довести расследование этого таинственного дела до конца. Все без исключения члены семьи, включая не входивших в число родственников приказчика и Наганду, вызывали подозрения. Из его беседы с девочкой следовало, что Наганда и Элоди были любовниками, а, значит, главную роль в драме на улице Сент-Оноре начинал играть микмак.

У Николя разболелась голова. Ему срочно требовался отдых, дабы факты, собранные им, смогли «отлежаться», словно дрожжи в тесте. Он глубоко вздохнул, и Пуатвен, почувствовав, что комиссару нездоровится, дружески сжал ему руку. Он искренне верил, что квартирант решит все вопросы, и здоровье его господина также зависит именно от него. Желая поторопить кучера, Николя стукнул в маленькое окошко, расположенное в передней стенке кузова.

Прилегавшие к рынку улицы заполнялись народом. Резко свернув за угол, фиакр качнулся, и старый слуга свалился на Николя.

Как только экипаж остановился на улице Монмартр, Николя соскочил с подножки, предоставив Пуатвену рассчитаться с кучером. Заплаканные Марион и Катрина встретили его как спасителя; почтенные служанки не решались подняться в комнату Ноблекура, где уже находился доктор Дьенер, за которым посылали на улицу Монторгей. Этот доктор, регент медицинского факультета Парижского университета, слыл одним из светил медицины. Но для Николя его звания не значили ничего, ибо собственный опыт всегда понуждал его опасаться худшего. Он осторожно приблизился к двери, ведущей в комнату хозяина дома. Однако стоило ему войти, как представшее перед ним зрелище тотчас успокоило его. Ноблекур, без шляпы и парика, сидел в своем любимом кресле. Голову его опоясывала белая повязка с пятнами крови. С веселым видом он подносил к губам стакан, где, судя по водруженной на столик бутылке, рубиновым цветом отливала малага; рядом возвышался добродушный субъект, краснолицый и с выдающимся брюшком. Увидев Николя, почтенный прокурор широким жестом указал на посетителя.

— Господин комиссар Ле Флок, я спасен! Как видите, Николя, это всего лишь несчастный случай. Сначала ноги, потом голова — вот так, потихоньку, по частям, одна за другой, я стану покидать этот мир.

— Он шутит; мы не дадим ему так скоро нас покинуть, — раздался голос из темного угла комнаты.

Говоривший выступил из тени, и Николя узнал своего собрата по ремеслу, квартального комиссара Фонтена.

— А почему бы и нет? — игриво воскликнул Ноблекур. — Кстати, эту остроту я позаимствовал у маркиза де Бьевр![53]Я слышал, как он читал отрывки из своей пьесы «Верцингеторикс», название которой не менее длинное, чем сама пьеса. Бьевр великий знаток каламбуров. Вот, послушайте пару строчек, кои я охотно готов приложить к себе:

Я как свинья, сдержу вооруженный натиск,

И как козел, тревоги ваши разгоню.

Согласен, строки эти дурны, но избыток дурного вкуса вызывает смех, а это меня радует. Ну же, Николя, не делайте такое лицо, это не бред, поселившийся в моей голове под тюрбаном. Я знаю, что легко отделался. И прекрасно все понимаю.

— Вы слишком легкомысленно относитесь к своему здоровью…

— А вы хотите, чтобы мысли о покушении придавили меня тяжким грузом? Я всегда мечтал пожить жизнью искателя приключений: военного, корсара или комиссара, но, увы, я штурмовал только пухлые папки с делами, а кинжал брал в руки исключительно чтобы разрезать жаркое. И вот, наконец, со мной случилось приключение! В моем-то возрасте! Ради этого я готов пожертвовать несколькими капельками собственной крови.

— Для выздоровления, — произнес лекарь, — вам достаточно пить целебный отвар и смазывать ваши изобильные синяки камфарной мазью, смешанной с бобровым жиром.

Лекарь протянул стакан Николя.

— А вас, господин комиссар, я прошу выпить стакан подкрепляющего. Черт побери, вы еще бледнее, чем наш поверженный прокурор!

— Уверен, он из-за меня так разволновался, — со смехом произнес Ноблекур. — Однако мне понравилось умирать понарошку; так узнаешь настоящих друзей. Мой дорогой Николя, обещаю вам, если со мной, действительно, что-нибудь случится, вы узнаете об этом первым.

— Мы не станем утомлять вас. Вам требуется отдых и покой; наслаждайтесь вашим… лекарством. Мне пора идти, но прежде мне бы хотелось, поговорить с вами, Фонтен, если вы, конечно, не возражаете. Доктор, я вас приветствую и доверяю вам нашего друга.

Вместо ответа Ноблекур весело помахал рукой Николя и протянул пустой стакан доктору Дьенеру: случившееся с ним несчастье позволило ему с благословения высокоученого лекаря вернуться к своим гурманским привычкам, от которых пришлось отказаться из-за подагры.

Спустившись во двор, Николя изложил комиссару рассказ Пуатвена, а потом, постучав, вошел в дверь булочной. Вскоре он вернулся вместе с босоногим мальчишкой лет двенадцати, обсыпанным мукой с головы до ног; мальчишка мялся, не зная, куда девать руки с налипшим на них тестом.

— Жан-Батист, — начал Николя, — Пуатвен сказал, что ты стал свидетелем нападения на господина де Ноблекура. Расскажи теперь об этом нам.

— Я ждал Пьера, но он опаздывал. Это мальчишка-булочник…

Замолчав, мальчик стал озираться вокруг, дабы убедиться, что их никто не подслушивает.

— Он всегда приходит утром пьяный, и я веду его к насосу, чтобы вода разбудила его. Так вот, я ждал его, а пока ждал, услышал, как на лестнице хлопнула дверь. Час был ранний, и я подумал, что это вы спускаетесь, господин Николя. А это оказался старый господин, он еще какую-то песенку напевал. Тут из сумрака выскочили трое, набросились на него и стали колотить его палками. А когда старый господин стукнул их своим костылем, они толкнули его, и он, падая, ударился об эту тумбу.

И он указал пальцем на каменный столбик.

— Он упал, а они решили, что он умер, и подошли поближе. Всеми командовал какой-то тип в мундире; приглядевшись, он сказал своим людям: «Господи, мы ошиблись! Это не комиссар».

Держа руку в кармане, Николя принялся внимательно осматривать булыжную мостовую перед входом. Неожиданно он наклонился, поднял с земли какую-то штучку и протянул ее комиссару. Пред взором Фонтена предстал маленький блестящий предмет, более всего похожий на наконечник шнура.

— Этот наконечник мог принадлежать одному из нападавших. Ноблекур зацепился за него и, падая, оторвал.

— Забавная штучка. Как вы думаете, откуда она взялась?

— О! От какого-то украшения на мундире… Жан-Батист же сказал, что один из нападавших был в мундире.

Фонтен вернул штучку Николя.

— Допускаю, дорогой собрат, что вы захотите сами возглавить расследование этого дела, ибо оно касается прежде всего вас. Ведь Ноблекур стал жертвой ошибки — нападавшие поджидали вас.

— Вы очень любезны, благодарю вас. Я буду держать вас в курсе.

— Надеюсь, что смогу быть вам полезен. Передавайте привет господину де Сартину.

Николя улыбнулся. Подчиненный непосредственно Сартину, он чаще других своих товарищей по ремеслу виделся с генерал-лейтенантом, и, видимо из-за этого ему приписывали влияние, которым он никогда не обладал. А сам он не пытался ни развеять их заблуждения, ни воспользоваться ими.

Попрощавшись с квартальным комиссаром, он сел в ожидавший его фиакр и приказал везти его на улицу Нев-Сент-Огюстен, в полицейское управление. Убедившись, что жизни Ноблекура ничто не угрожает, он решил встретиться с начальником полиции, рассказать ему о событиях сегодняшней ночи и убедить его в необходимости обратиться к архиепископу Парижскому, точнее, получить на обращение согласие короля, и потом просить Церковь принять традиционные меры против доказанного случая одержимости. Внезапно он сообразил, что его стремление получить разрешение на процедуру экзорцизма означает, что наступившее в век Вольтера и энциклопедистов царство разума оказалось призрачным, и при первом же

необъяснимом явлении рассеялось как дым, вернув и город, и его жителей в привычное прошлое. Но ведь на улице Сент-Оноре он собственными глазами видел то, чему никто не находил объяснений! А от усилий, затраченных, чтобы удержать Мьетту на висевшем в воздухе тюфяке, у него до сих пор болели мышцы…

Он вспомнил о покушении, жертвой которого стал старый прокурор. За этим злодеянием явно кто-то стоял. Майор Ланглюме откровенно питал к нему злобу, а с началом расследования трагедии на площади Людовика XV окончательно возненавидел его. И Николя решил отомстить, сделав вид, что нашел на земле металлический наконечник, хотя на самом деле он вытащил его из кармана, куда сунул его после того, как извлек из замочной скважины двери, ведущей на крышу Посольского особняка. Мысль о том, что безобидный Ноблекур чуть не поплатился жизнью из-за амбиций напыщенного майора, настолько разъярила комиссара, что он решился на поступок, идущий вразрез с его собственной совестью. Оправдываясь, он уверял себя, что, судя по манере поведения, нападавшим не мог быть ни кто иной, кроме Ланглюме. И, не желая отягощать душу бесполезными угрызениями, он стал думать о том, что если бы Ноблекур сильнее ударился головой о каменную тумбу, вряд ли бы он остался жив, и тогда количество преступлений, вменяемых майору городской стражи, увеличилось бы еще на одно.

События разворачивались стремительно, но непредсказуемо. Сартина в Париже не оказалось, и, судя по словам его лакеев, прибыть он намеревался только на следующий день. Никто из рассыльных не удосужился вернуть в Большую конюшню Версаля взятого Николя мерина, и посему сыщик решил вновь им воспользоваться. Но прежде, чем пуститься в путь, он написал послание Бурдо: озадачил его множеством поручений и велел выполнить их как можно скорее. Затем он сел на коня и поскакал в монастырь Карм Дешо, где поведал пришедшему в ужас отцу Грегуару о событиях последней ночи. Убежденный, что Николя ничего не преувеличил, отец Грегуар написал записку архиепископу Парижскому, где представил его преосвященству Николя и поручился за искренность его слов. Потом, благословив бывшего воспитанника, он опустился на колени перед беломраморной статуей Девы, являвшейся гордостью монастыря, и продолжил молиться.

Проехав через Медонский лес и лес Шавиль, Николя выехал на дорогу, ведущую в Версаль и, пришпорив коня, к часу дня добрался до места. Завидев Большую конюшню, его конь, весь в мыле, громко и радостно заржал. Чувствуя себя совершенно разбитым, Николя, тем не менее, поручил лошадь заботам конюхов, и только потом отправился к министерскому крылу, уверенный, что Сартин находится именно там и, как обычно, работает с министром королевского дома Сен-Флорантеном. Он не ошибся; секретарь, которого ему удалось выудить из гудевшей толпы просителей, надеявшихся получить аудиенцию или хотя бы удостоиться пары слов, брошенных по пути из одного кабинета в другой, подтвердил его предположение. Министр высоко ценил Николя, а потому для него, в отличие от прочих просителей, препятствий не существовало: после недолгого ожидания его пригласили в кабинет, где Сен-Флорантен и начальник полиции, упираясь локтями в маленький ломберный столик, взирали на стопку документов, среди которых Николя узнал доклады полицейской службы контроля за иностранцами, проживающими в Париже.

— А, вот и наш достойный господин Ле Флок! Очень надеюсь, что вы не просто так прибыли нас побеспокоить. Каким дурным ветром вас сюда занесло?

Обладая талантом излагать ясно, но без лишних подробностей, Николя быстро сообщил все, что хотел. Обхватив рукой подбородок, министр слушал его, устремив взор в никуда. Сартин, невозмутимый с виду, не смог полностью скрыть своего волнения: его правая нога то и дело дергалась.

— Итак, — заключил Николя, — производя расследование этого необычного дела, мне бы хотелось получить дозволение и полномочия обратиться к его преосвященству, архиепископу Парижскому. Если бы я мог себе позволить…

— Позволяйте, позволяйте…

— Если мы пойдем иным путем, дело может стать достоянием гласности, мы окажемся в стороне, а Церковь присвоит себе право действовать и решать по своему усмотрению.

— Вы правильно мыслите. А вы как считаете, Сартин?

— Мне почему-то кажется, что господин Ле Флок вновь попал пальцем в небо, но так как каждый раз он в конце концов оказывается прав, я склонен — если король с этим согласится — дать ему свободу действий. Тем более, — добавил он многозначительным тоном, — если дело примет дурной оборот, мы не наживем себе врага в лице архиепископа, ибо ему придется выступать с нами в одной упряжке. Этот довод для меня наиболее убедителен, ибо ни в дьявола, ни в прочие детские сказки я не верю. Однако если святая вода поможет нам разобраться в этой запутанной истории, не стоит создавать себе лишние трудности! Хотя я все равно не доверяю архиепископу. Помните дело «Газетт экклезиастик»[54]?

— О, да, его забыть невозможно. Все же я попрошу вас припомнить кое-какие факты и изложить их в назидание нашему комиссару.

Николя не стал говорить, что уже не раз слышал от своего начальника подробности искомого дела.

— Начнем с того, — начал Сартин, — что мне удалось заручиться содействием некоего писателя, подвизавшегося в этом листке, выходившем достаточно регулярно. Он приносил мне типографские оттиски, я их просматривал, и он по моей просьбе убеждал своих собратьев по перу вычеркивать излишне ядовитые строки. Монсеньор де Бомон перехватил один из этих оттисков и раскрыл моего секретного агента. Он попросил у короля ордер на арест, иначе говоря, «письмо с печатью», и, получив его, тотчас отправил судебных исполнителей парижского церковного суда арестовать моего писаку. Узнав об этом, я немедленно помчался жаловаться королю. Я рассказал ему, что в наше время религиозных волнений только благодаря вмешательству брошенного в тюрьму писателя «Газетт экклезиастик» не превратилась в источник брожения как среди янсенистов, так и среди молинистов[55]. А главное, я расписал ему опасность, возникающую в случае, если прерогатива исполнения приказов на основании «писем с печатью», принадлежащая до настоящего времени начальнику полиции, перейдет в иные руки.

— Король без промедления призвал меня, — вмешался Сен-Флорантен, — и приказал отправить новое «письмо с печатью» для освобождения узника, и впредь велел мне бдительно следить, чтобы приказы его исполнялись согласно узаконенной процедуре. Впрочем, в нынешнем деле мы заняли позицию, на мой взгляд, вполне удачную. Остается только заручиться поддержкой короля. Сегодня утром он охотился в большом парке. У меня установлена целая сеть наблюдательных пунктов, поэтому, как только он вернется, мне немедленно сообщат.

Министр позвонил в маленький колокольчик. Появился секретарь, и, получив указания, тотчас исчез. Не обращая более внимания на Николя, министр начал изучать документы, протянутые ему Сартином. Читая, он коротко комментировал каждый документ, а Сартин, не выпускавший из рук пера, немедленно заносил слова министра на бумагу. Так они знакомились с тайной жизнью столицы, и, прежде всего, с жизнью обитателей гостиниц и меблированных комнат, где проживали иностранцы, поголовно подозреваемые в шпионаже в пользу недружественных держав. Снова вошел секретарь и прошептал что-то на ухо министру.

— Превосходно. Его Величество миновал резервуары с водой. Полагаю, — произнес Сен-Флорантен, вставая, — мы сможем изложить ему наше дело во время церемонии снятия сапог.

У подножия лестницы, невзирая на попытки важного швейцара с жезлом отгородить министра, туча просителей мгновенно окружила Сен-Флорантена, и его голова в парике исчезла за множеством прошений, замелькавших вокруг словно стая белых бабочек. Кое-как преодолев мраморный дворик, они прошли в большие апартаменты. В 1761 году, во время своего первого визита в Версаль, Николя прошел этим же путем, ставшим для него переходом от одной жизни к другой. Тогда он тоже преодолел несколько ступенек, пересек вестибюль, миновал длинные коридоры и, едва не заблудившись в лабиринте кулуаров, и наконец, как и сегодня, вышел в просторный зал, находившийся на одном уровне с парком. Зал постепенно заполнялся придворными и лакеями в голубых ливреях; вскоре появились слуги с полотенцами, направившиеся прямиком к господину де Лаборду — получить от него указания.

Наконец вдалеке послышались гулкие шаги, сопровождаемые подобострастными возгласами и громогласными командами, умноженными раскатистым дворцовым эхом. Судя по всему, король приближался и сейчас он войдет в зал. Первый служитель королевской опочивальни поинтересовался, что заставило министра и двух его подчиненных прибыть в неурочный для аудиенций час. В двух словах Николя изложил ему суть дела. Лаборд поморщился; зная, что графиня дю Барри ожидала своего повелителя в малом кабинете, он напомнил другу, что новая любовница короля совсем иной закваски, чем маркиза де Помпадур. Красивая, молодая и темпераментная, дю Барри ожидала от короля тех знаков внимания, которым возбуждение, наступавшее после охоты, способствовало гораздо более, нежели отягощенный желудок и дремота после полуночных ужинов. Поэтому король не любил, когда его беспокоили в час, отведенный для удовольствий вполне определенного рода. Освежающий отдых, сопровождаемый утонченной беседой с маркизой де Помпадур, остался в прошлом, уступив место иным играм. Пока Николя беседовал с Лабордом, появился монарх. В синем фраке с золотыми позументами, он, улыбаясь, постукивал по бедру рукояткой своего хлыста. Охота явно удалась. Но, вглядываясь в монарха, Николя вновь отметил, как сильно сгорбилась его спина. Перешагнув семидесятилетний рубеж, Людовик XV резко состарился, и теперь его близкие беспокоились, как бы излишества, которым пылкая юная метресса подвергала его усталый и потрепанный организм, не пошли ему во вред.

Едва установилась тишина, как начался привычный ритуал. Людовик XV сделал знак Сен-Флорантену, тот подошел и, встав на цыпочки, — по причине небольшого роста — что-то долго шептал на ухо королю. Король закрывал глаза в знак согласия, а когда открывал, устремлял взор то на начальника полиции, то на Николя. Узнав «нашего дорогого Ранрея», он милостиво улыбнулся ему — как улыбался всегда, когда замечал его среди выстроившихся по обеим сторонам зеркальной галереи придворных, созерцавших королевский кортеж, шествующий в часовню Святого Людовика. Министр завершил свой секретный доклад. Король поднял руку, и Лаборд подошел получить приказания.

— Его Величество желает остаться один, — произнес Лаборд, поворачиваясь к собравшимся и жестом отсекая от всех прочих маленькую группу, состоявшую из министра, Сартина и Николя.

Придворные заволновались, в разряженной толпе раздался глухой ропот. Нахмурившись, король властным взором обвел присутствующих. Пришедшая в замешательство толпа встрепенулась и отхлынула, бросая любопытные и одновременно ненавидящие взгляды на привилегированных счастливчиков, из-за которых Его Величество пошел на нарушение привычного протокола.

— А ты останься, — остановил король маленького нарумяненного старичка, ковылявшего на высоченных красных каблуках.

Николя тотчас узнал в нем маршала, герцога Ришелье.

— Там, где показал свои рожки дьявол, тебе непременно найдется место! — добавил монарх.

— Сир, Бурбоны всегда боялись дьявола, это все знают.

— Довольно, — прервал маршала король. — Именно поэтому они никогда с ним не сталкивались — в отличие от тебя.

Усмехнувшись, старичок склонился в глубоком поклоне.

— О, да, господа, — продолжал король, — мой кузен[56], коего вы видите перед собой, в бытность свою посланником в Вене, где он, заметьте, представлял мою особу, возымел преступную фантазию вступить в общество злокозненных некромантов, пообещавших показать ему Вельзевула.

Понизив голос, монарх перекрестился.

— Сир, назвать его, значит призвать его, — подал голос Ришелье.

— Замолчи, развратник! Итак, господа, он вступил в преступное сообщество и отправился на тайное ночное заседание; однако кое-кто из присутствовавших на собрании тайну выдал. Разразился скандал, в результате которого мнение горожан поделилось пополам. Так вот, Ришелье, я хочу сказать, что наш дорогой Ранрей…

— Хорошо мне знаком, — улыбнулся маршал, обнажив все свои вставные зубы.

— …наш дорогой Ранрей собственными глазами видел странные явления и не менее странные припадки, свидетельствующие об одержимости. И теперь он просит у меня разрешения обратиться к архиепископу Парижа, дабы тот приказал провести ритуал изгнания дьявола. Что ты на это скажешь, Ришелье?

— Я считаю, что между случаем доказанным, но оставленным без помощи и без лечения, и попыткой исцеления, дозволенной законом и разрешенной церковью, лучше выбрать второй вариант, хотя мы и не знаем, что получим в результате. Иначе говоря, архиепископ сядет в засаде и станет караулить, чтобы при первой же подвернувшейся возможности взять над нами верх. Я уже сталкивался с подобной проблемой, когда был губернатором Гиени. Тогда я задушил волнения в зародыше, затопив народное возбуждение святой водой и свечным воском.

Король продолжал вертеть в руках хлыстик; казалось, его обуревают противоречивые мысли.

— Ранрей, вы, действительно его видели?

— Сир, прошу прощения у Вашего Величества, но о ком вы говорите?

— О… вы понимаете… в конце концов, ваш тюфяк не сам поднимался в воздух!

— Я утверждаю, что тюфяк висел в воздухе, а потом начал дрожать, словно его трясли изо всех сил. И могу дать на отсечение руку, что девица говорила и на латыни, и на немецком, и…

— И что?

— …и ее устами говорил ваш покойный слуга, маркиз де Ранрей. Он разглашал секреты, известные мне одному.

— Хорошо! — произнес король. — Пусть будет по-вашему! Разрешаю вам обратиться к архиепископу. Сен-Флорантен, выправите необходимую бумагу, у вас есть достаточно чистых листов с моей подписью. Пусть комиссару Ле Флоку не чинят препятствий, когда он станет просить аудиенцию у его преосвященства, архиепископа Парижского. Но помните, Ранрей, потом вы мне все расскажете в подробностях. Вы прекрасный рассказчик.

И благосклонно кивнув, король повернулся к подданным спиной, дабы дать возможность лакеям приступить к процедуре переодевания. Вместе со своими начальниками Николя дошел до министерского крыла. Сен-Флорантен написал несколько слов на чистом листе с королевской подписью, запечатал послание, и старательно вывел на обороте имя адресата. Как только воск подсох, он молча передал письмо Николя.

Когда комиссар выходил из внутреннего дворика, его догнал запыхавшийся Сартин. Генерал-лейтенант напомнил о своем желании постоянно быть в курсе событий, и посоветовал подчиненному тщательно обдумывать каждый шаг, связанный с расследованием столь деликатного дела. Сартин опасался, как бы результат совместных действий властей гражданских и духовным не оказался плачевным, даже если вначале полиция и люди архиепископа станут действовать в полном согласии. Еще он напомнил, что обременительные процедуры, связанные с разрешением кризиса на улице Сент-Оноре, не должны полностью отвлекать комиссара от расследования причин катастрофы на площади Людовика XV. Пользуясь возможностью, сыщик сообщил начальнику о нападении на Ноблекура. Сартин настолько возмутился, что Николя отважился поведать ему историю железного наконечника. Генерал-лейтенант молчал, с любопытством взирая на своего помощника. Николя прибавил, что он сознательно нарушил заповедь, внушенную ему господином де Сартином в первый же день его работы в полиции: он прекрасно помнит, что от него «зависят жизнь и честь людей, с которыми, будь они даже самые последние мерзавцы, надо поступать по закону». Поэтому, как только он завершит расследование начатого им дела, он, сознавая свою вину, готов вернуть королю патент на свою должность.

Сартин улыбнулся. Подобная щепетильность лишь увеличивала его уважение к Николя, однако рассуждения комиссара он расценивал исключительно как детский лепет. Каким образом предъявить обвинение муниципальному чиновнику, виновному в некомпетентности, ставшей причиной гибели множества невинных людей? И вдруг, волею случая, этот чиновник едва не становится убийцей старика. Так неужели они не воспользуются возможностью припугнуть негодяя? Разумеется, приходится идти на злоупотребления, но ведь речь идет о восстановлении справедливости, и как бы ни велика была цена, начальник полиции берет на себя всю ответственность, освобождая комиссара и от вины и от угрызений совести. И Сартин не терпящим возражений тоном велел Николя арестовать майора Ланглюме; а наконечник от шнура, без сомнения, поможет доказать его виновность, по крайней мере, в глазах судей.

В Париж Николя отправился с легким сердцем; и, взяв в королевской конюшне нового коня — крепкую, резвую кобылу буланой масти, он к пяти часам, без приключений добрался до столицы. Въехав в город через ворота Конферанс, он, не чувствуя ни голода, ни усталости, сразу направился в сторону Шатле, и уже через полчаса поручил кобылу заботам тамошнего посыльного, состоявшего на службе полиции. Дальше путь его лежал пешком. Оставив по правую руку дома на мосту Менял, он направился на набережную Жевр, протянувшуюся до моста Нотр-Дам. Под каменными сводами набережной, опорами уходящей непосредственно в реку, бурлила настоящая клоака: туда выплескивали свои мутные зловонные воды четыре стока для нечистот, куда сливали содержимое всех отхожих мест Парижа и стекала кровь из скотобоен. Чтобы не вдыхать отвратительные миазмы, Николя зажал нос платком. Наступало время летней жары, и волны реки, обмелевшей после весеннего полноводья, более не смывали с берега и арок моста смрадную липкую жижу. Перейдя через мост, он направился в квартал Сите, все еще пребывавший — к великому несчастью господина де Сартина — «непредусмотренным скопищем домов». В самом деле, все тамошние здания стояли вкривь и вкось, всюду выпирали углы, и экипажи с большим трудом продвигались по узким и извилистым улочкам. Перейдя через тесную площадь паперти Нотр-Дам, Николя подошел к средневековому строению, прилепившемуся к увенчанному башенкой южному фасаду собора. В этом здании с массивной дубовой дверью, обитой железными гвоздями и укрепленной железными полосами, находилась резиденция Парижского архиепископа. Николя взялся за дверной молоток и постучал.

Лакей в ливрее, открывший ему дверь, спросил, что за причина побудила его побеспокоить архиепископа. Узнав, что Николя желает немедленно видеть его господина, лакей так скривился, словно его вот-вот стошнит, и уже, без сомнения, приготовился аккуратно вытолкать его вон, как из темного вестибюля вынырнула щуплая фигура в коротком фраке,

какие обычно носили клирики. Это был один из секретарей архиепископа, и Николя, исполненный решимости нарушить безмятежное существование хозяина здешних мест, не стал скрывать от служки ни своего звания, ни имени того, чье поручение он исполнял.

— У вас есть доказательства, подтверждающие вашу миссию? — спросил тот.

— У меня два послания к его преосвященству.

Изобразив на лице полнейшую наивность, секретарь протянул руку, наверняка зная, что совершает дерзость, за которую можно и поплатиться; но, видимо, Николя внушил ему доверие.

— Сударь, — холодно произнес Николя, — письма будут переданы только в собственные руки адресата, Тем не менее, я покажу вам печать одного из писем.

И он вынул из кармана письмо, запечатанное печатью с тремя гербовыми лилиями королевского дома Франции; подпись Его Величества и содержимое письма, разумеется, были недоступны для постороннего взора.

— Сударь, — вместо ответа начал секретарь, — подумайте, сейчас очень поздно, вы явились без предупреждения, а монсеньор очень устал, отправляя богослужения в честь дня Святой Троицы. Поэтому я все же попросил бы вас оставить письма. Я вручу их завтра, и мы посмотрим, что можно сделать.

— Сударь, мне очень жаль, но я должен увидеть архиепископа. Приказ короля.

На покрасневшем лице своего хилого собеседника Николя, словно в открытой книге, прочел все незаданные им вопросы. Впрочем, зная, что монсеньора де Бомона уже трижды отправляли в ссылку, архиепископ и его приближенные имели основания опасаться визитов служителей закона…

— Надеюсь, речь не идет…

Николя не дал ему завершить фразу.

— Успокойтесь, сударь. Смею вас заверить, речь идет всего лишь о деле, имеющем отношение к духовному служению вашего хозяина. И ему ничего не угрожает — если вы хотели спросить меня именно об этом.

— Слава Богу! Тогда я иду узнать, сможет ли монсеньор вас принять. Ибо он собирался сесть за ужин в обществе прибывшего к нему гостя.

Служка удалился, оставив Николя в обществе раздосадованного и терзаемого подозрениями лакея. Ждать пришлось недолго; служка вернулся и жестом пригласил назойливого посетителя подняться по мрачной деревянной лестнице на второй этаж. Просторная прихожая со стенами, украшенными портретами кардиналов и архиепископов, являвшихся, как предположил Николя, предшественниками архиепископа нынешнего, исполняла роль зала ожидания. Секретарь поскреб дверной косяк, открыл дверь, прошептал несколько слов и вжался в стену, пропуская комиссара.

Очутившись в зале с малым количеством мебели, Николя изумился суровой роскоши его убранства. Высокие потолки с украшенными гербами балками терялись в темноте. В камине с резным ренессансным бордюром горел не по сезону жаркий огонь. Огромное полотно «Снятие с креста», которое любитель живописи и неутомимый посетитель церквей Николя датировал прошлым веком, наполняло комнату мягкой игрой света и теней. Пол покрывал восточный ковер в красных тонах. Архиепископ сидел в просторном кресле возле огня; рядом на столике стоял массивный серебряный подсвечник с зажженными свечами. Напротив кресла архиепископа стояло еще одно. В сиреневой сутане, с маленьким воротником, спускавшимся вперед двумя белыми полосами, он сидел, кутаясь в просторную теплую накидку, и пристально взирал на огонь; левая рука его подпирала подбородок, а правая поглаживала крест ордена Святого Духа; широкая орденская лента из синего муара, пропущенная под концами воротничка, обнимала шею. Манера прелата носить орден как носят нагрудный крест, равно

как и его поза, показались Николя излишне театральными. Когда архиепископ повернулся к нему, он непроизвольно отметил мертвенную бледность его лица с покрасневшими светлыми глазами. Обрамленный двумя глубокими горькими складками рот с четко очерченными губами переходил в выдающийся вперед расплывшийся подбородок, являющий контраст с высоким гладким лбом. Собственные волосы, почти полностью седые, были причесаны без претензий на вычурность. Архиепископ протянул Николя руку, и тот, склонившись, поцеловал ее.

— Господин комиссар Ле Флок, мне сообщили, что вы принесли мне приказы Его Величества.

В тоне его звучала откровенная насмешка.

— Монсеньор, я должен передать вашему преосвященству два письма. Одно — от Его Величества, другое — от отца Грегуара из монастыря Карм Дешо, что на улице Вожирар. Не стану скрывать, все они касаются одного и того же дела, явившегося поводом для беспокойства.

Он протянул письма прелату, и тот, отыскав в рукаве очки и нацепив их на нос, начал распечатывать письма. Ознакомившись с посланием короля, он свернул его и спрятал в рукав. Пробежав глазами послание отца Грегуара, он бросил его в огонь.

— Письма отца Грегуара вполне хватило бы, — произнес архиепископ. — Я высоко чту его; он часто присылает мне лекарства против моих недугов, действующие куда более эффективно, чем те, которыми забрасывают меня господа с медицинского факультета. Господин комиссар — или я должен называть вас господин маркиз? — ваше появление у меня я воспринимаю как знак внимания со стороны Его Величества.

Николя воздержался от ответа, зная маниакальное стремление прелата причислить себя к древнейшей дворянской фамилии, в результате чего составленное для него генеалогическое древо рода де Бомон де Репер корнями уходило во времена потопа.

— Но Его Величеству, — продолжил архиепископ, — вероятно, неизвестно, что я в курсе искомого дела. Кюре прихода Сен-Рош довел его до сведения моих служителей. И если бы вдруг король не стал действовать во благо своих подданных, я сам бы предпринял шаги, необходимые для спокойствия моей паствы.

И, словно разговаривая сам с собой, добавил:

— Увы, в век истощения бедный заблудший народ, отвращенный от праведного пути множеством достойных порицания примеров, ищет, но не обрящет, ибо не слушает более доброго пастыря! Милосердие нынче не в чести, распри сотрясают церковь. Где же истина, неужели она останется навечно сокрытой? А что касается послушания… Когда в государстве царит раздор, правильная сторона всегда сторона короля, когда раздор разъедает церковь, особенно в вопросах вероучения, правильная сторона всегда сторона епископов.

Взгляд, устремившийся на пляшущие языки пламени, вновь переместился на Николя.

— Если вы не против, рассмотрим все по-порядку. И чтобы лучше осветить вопрос, о котором идет речь, мне бы хотелось больше узнать о вас. В свое время вы получили прекрасное образование в известном и уважаемом коллеже в Ванне.

Николя не стал воспринимать слова епископа как вопрос.

— Верите ли вы в дьявола, сын мой?

— Я верю в учение Святой Церкви. Мои обязанности призывают меня обозначить наличие зла. То, что я видел на улице Сент-Оноре, переворачивает все мои убеждения и превосходит человеческое понимание.

Рука епископа сжала голубя на ордене Святого Духа.

— Иногда Господь пользуется тем, что есть самого низкого, самого презренного в этом мире, и даже тем, чего нет, дабы разрушить то, что есть.

Бомон встал. Николя не думал, что он так высок. Его массивное тело в епископском облачении выглядело величественно. Однако, приглядевшись, становилось заметно, что шея и линия плеч составляют какой-то странный угол, и Николя догадался, что, несмотря на все усилия держаться прямо, прелат достигал цели только наполовину. Судя по походке, эти усилия доставляли ему ужасную боль. Неожиданно он остановился и судорожно вцепился в длинную полосу гобелена, стараясь не потащить его на себя. Издалека раздался звон колокольчика. Не сумев скрыть облегченный вздох, монсеньор де Бомон вновь опустился в кресло.

— Мнение об этом деле у меня сложилось еще до вашего прихода. Мне всего лишь хотелось знать, решится ли король привлечь к его решению своих людей, и кого он определит заняться им.

Слушая епископа, Николя внезапно ощутил великую мощь Церкви, и ему показалось, что для людей Церкви служба полиции короля не представляла никакой загадки, равно как и он сам, являющийся одним из винтиков этой службы.

— Используя светский лексикон, скажу, что отец Грегуар ручается за вашу… порядочность. Он заверил меня, что вы способны довести до конца это серьезное и непростое дело, призвав на помощь силы разума и повинуясь предписаниям нашей святой Церкви. Я не ожидал увидеть вас сегодня, но знал, что днем, во время процедуры снимания сапог после утренней охоты, вы имели беседу с королем.

Николя оценил деликатность архиепископа. Прелат нашел весьма удачный способ напомнить о том, что у него везде свои глаза и уши, даже при дворе и в ближайшем окружении короля…

— Так что я уже принял предварительные меры, — продолжил архиепископ. — Когда секретарь доложил мне о вас, я как раз собирался отужинать с отцом Ракаром, экзорцистом диоцеза. Отец Ракар — моя рука, несущая меч веры в темные сферы.

В это время из двери, замаскированной висевшим на стене ковром, появился секретарь. Придерживая ковер, он пропустил в комнату человека высокого роста, и, судя по его стати, наделенного от природы недюжинной силой. На вид новоприбывшему было лет пятьдесят. Зачесанные назад седеющие волосы открывали лицо, выражением более напоминавшее лицо воина, нежели служителя церкви. Многократно стираная и заштопанная сутана, заношенная настолько, что местами на ней поблескивали зеленоватые проплешины, а на обшлагах проступали нити основы, свидетельствовала, что собственная внешность отца Ракара нисколько не заботила. Из-под коротковатых рукавов свисали старые рваные манжеты из пожелтевших кружев, притягивая взор к большим мясистым рукам с пучками темных волос на фалангах пальцев. При виде его Николя вспомнил работавшего в парке замка Ранрей дровосека, которого в детстве он пугался при каждой встрече. Кроткий взор темных глаз уставился на комиссара, а на губах экзорциста появилась улыбка, заставившая забыть испуг, вызванный его внешностью.

Прелат встал и представил вновь прибывшего Николя. Потом, похоже, архиепископу стало хуже, и он снова опустился в кресло, еще раз доказав несгибаемую силу своей воли, помогавшей ему сопротивляться боли.

— Дети мои, я оставляю вас готовиться к битве. Победить в этой битве может только тот, кто чист душой и сражается оружием истины. Примите же мое благословение.

Подняв правую руку, он с истинным величием произнес сакраментальные слова. Ракар обнял Николя за плечи и увлек его к двери. Прелат, казалось, заснул, однако искаженные черты его лица говорили о том, что боль терзала его еще сильнее. Не обращая более внимания на посетителей, секретарь захлопотал вокруг архиепископа. Когда Николя и отец Ракар вышли на паперть собора Нотр-Дам, на улице уже стемнело.

— Если хотите, мы можем пойти на улицу Сент-Оноре, — предложил комиссар, — а по дороге я изложу вам свои соображения.

— Согласен, тем более, что вы лишили меня ужина у архиепископа! Хотя, если говорить честно, я ничего не потерял. Из-за болезни он питается исключительно корешками и зеленью. Но да будет вам известно, стоящая перед нами задача требует от нас не истязать свое тело. Экзорцизм, которым мы, в конечном счете, занимаемся не слишком часто, ибо кризисные случаи являются, скорее, исключением, требует физических сил и большой выносливости. Поэтому я предлагаю вам зайти ко мне, ибо я живу здесь неподалеку, и я приготовлю нам чего-нибудь поесть. Только вам, дорогой комиссар, придется закрыть глаза на мой беспорядок.

И отец Ракар повел Николя на улицу Фев. Экзорцист жил в старом покосившемся доме. Ступени на лестнице громко скрипели; местные жильцы не без оснований боялись пожара, и чтобы дом не вспыхнул как пучок пакли, на всех этажах парил непроницаемый мрак. Николя услышал, как в замке со скрежетом повернулся ключ. Отец Ракар потер спичку; замерев, язычок пламени пересек комнату, и вскоре свеча разгорелась настолько, что Николя смог оглядеться. От открывшейся перед ним картины у него перехватило дыхание. В длинной, словно проход на корабле, комнате с неровными стенами царил чудовищный беспорядок. Потолок, с его искривленными от времени балками, выпирал, словно вздувшийся живот; куда ни глянь, нигде не было ни одного прямого угла. Помещение напоминало пещеру с заставленными шкафами стенами; на полках шкафов теснились всевозможные книги, многие из которых, похоже, насчитывали не одну сотню лет. На кривоногом столе, заваленном рукописями и бумагами, сидел на страже черный кот и невозмутимо и равнодушно взирал на Николя. Отец Ракар исчез, и вскоре послышалось шуршание: хозяин дома разводил огонь в очаге. На глазах у гостя он расплавил пьемонтский сыр, который его друг-доминиканец регулярно присылал ему с почтовой каретой из Турина, добавил в него масла и молотого перца, а потом намазал этой смесью широкие ломти хлеба. Пройдя в комнату, он освободил от книг одну из полок, и открыл тайник, где выстроились покрытые пылью бутылки. Затем, вернувшись в каморку, где располагался очаг, он разогрел суп, которым также намеревался угостить комиссара. Суп состоял из овощей, сваренных в жирном утином бульоне с добавлением сушеных слив, чтобы, по словам Ракара, придать жидкости плотности и пикантности. Утку, как было сообщено, откормили в родной провинции экзорциста.

Николя не ожидал, что в таком захламленном помещении его накормят поистине изысканным ужином; благотворное воздействие пищи, подкрепленное старым бургундским с виноградников, принадлежавших монахам из Бона, не замедлило сказаться. Николя предложил отцу Ракару отдохнуть и встретиться завтра на улице Сент-Оноре. Однако экзорцист отклонил его предложение; демон — если, действительно, речь шла именно о нем — не ждет. Чем скорее вступишь с ним в борьбу, тем больше шансов пресечь его вредоносную деятельность. Его преосвященство также хотел уладить дело как можно скорее, пока среди паствы не начались волнения, сулившие ужасающие последствия; даже слухи о появлении демона могут повлечь за собой беспорядки. Нужно «опережать события», а так как дьявол овладевал своей жертвой ночью и ранним утром, отец Ракар намеревался заступить на дежурство уже сегодня вечером. Достав из шкафа старый чемодан-сумку, он затолкал в него толстый молитвенник, епитрахиль, бутылку святой воды, распятие, маленькую серебряную коробочку неизвестного назначения, свечи, а также по веточке самшита и букса.

— Это все, — заявил он. — Все, что необходимо. Но требуется еще кое-что.

И он указал на собственную голову и сердце.

— Готовы ли вы встретиться с демоном лицом к лицу? Не застанет ли он вас врасплох? Не обезоружит ли вас? Не смутит ли, напомнив вам о поступках забытых за давностью лет или позабытых нарочно?

— То, о чем вы говорите, святой отец, со мной уже было, — ответил Николя. — Я убедился в его могуществе, но не в его влиянии на меня.

— Прекрасно, теперь главное не возгордиться. Он знает наши слабые стороны и наши добродетели. Если вы чувствуете, что силы оставили вас, перестаньте слушать и, уподобившись Улиссу, заткните уши воском. Я также знаю, что демон способен вещать внутри нас. Читайте молитвы — вот лучшая, на мой взгляд, защита.

Они вышли в ночь, и, отчаявшись поймать экипаж, медленно пошли пешком, воспользовавшись услугами факельщика, освещавшего им дорогу. Не без некоторой гордости Николя не удержался и поведал своему спутнику, что это по его предложению в 1768 году Сартин создал дневную и ночную службу носильщиков зонтиков и факельщиков. Поденщики, занятые в этой службе, получали соответствующие номера и регистрировались в охранном отделении; комиссар не скрывал, что полиция часто прибегала к их услугам в качестве осведомителей. На набережной Межиссери за ними увязались несколько подозрительных типов, но могучая фигура служителя Церкви, шпага Николя и подоспевший караульный отряд заставили разбойников раствориться в ночи. Подойдя к нужному дому на улице Сент-Оноре, Николя постучал; дверь открыл Семакгюс; лицо его багровело более обычного.

— Вы как раз вовремя! — воскликнул он. — Только я прилег отдохнуть в вашей комнатушке, как вдруг раздался страшный грохот. А спустя немного времени у Мьетты вновь начался припадок.

Кирпичного цвета лицо хирурга полыхало багрянцем; казалось, он мгновенно постарел и совершенно сбит с толку.

— Она говорит голосом мадам Ларден![57] — растерянно произнес он. — Нам пришлось привязать ее ремнями к кровати.

IX
ИЗГНАНИЕ ДЬЯВОЛА

И в этом сражении Христос не просто смотрит на нас. Он полностью на нашей стороне. Когда мы начали борьбу, он нас благословил и надел оковы на нашего противника.

Святой Иоанн Златоуст.

Все, что поведал им Семакгюс о событиях прошедшего вечера, лишь подтверждало рассказ Николя. Потрясенный увиденным им зрелищем, хирург усомнился в собственном здоровье, и заявил, что хотел бы посоветоваться с кем-нибудь из собратьев по профессии, дабы тот поставил диагноз. Выдвигая догадки одна неправдоподобней другой, Семакгюс лихорадочно пытался найти объяснение происходящему, но ответы на терзавшие его вопросы так и не нашлись, и он пребывал в состоянии близком к паническому. Его сомнения обрадовали Николя: он ощутил, как его бремя неуверенности стало легче, ибо теперь он разделял его с другом. Однако, понимая, что причиной радости является исключительно его собственный эгоизм, он остерегся выразить ее вслух. Тем временем отец Ракар, словно старый солдат, ожидающий сигнала к атаке, с довольным видом ходил по комнате, потирая руки. Его боевой задор действовал ободряюще, и уныние, охватившее корабельного хирурга, постепенно развеялось. Вслушиваясь в окружающие его звуки, Николя вспомнил, как еще на пороге дома Галенов ему показалось, что на чердаке Наганда снова бьет в барабан. Привыкнув доверять своим чувствам, он попытался уловить таинственный ритм; неожиданно у него мелькнула мысль о возможности существования некой связи между дикарским обрядом и припадками Мьетты. Но если проявления темной и грозной силы, терзавшей тело и разум служанки, он видел собственными глазами, то в духов индейца он не верил, а потому постарался прогнать эту мысль.

Внезапно с верхнего этажа послышались крики, а через несколько минут, в разорванной рубашке, по лестнице скатился растрепанный и потный Жан Гален. Поднявшись на ноги, он

попытался что-то сказать, но изо рта его вырывались только испуганные вскрики. Наконец прерывистым голосом он сообщил, что Мьетта освободилась от пут: неведомая сила разорвала ремни, удерживавшие ее на кровати. Успокоив присутствующих, отец Ракар приступил к приготовлениям. Открыв свой чемодан, он извлек епитрахиль и, поцеловав ее, надел на шею, затем, достав бутылку со святой водой и все, что требовалось для богослужения, он зажег свечи и раздал их всем, кто стоял вокруг, включая только что подошедших членов семейства. Перед дверью, ведущей в мансарду Мьетты, куда больше никто не осмеливался войти, отец Ракар поставил меховщика и кухарку. Попросив тарелку и налив в нее немного святой воды, экзорцист начал читать молитвы, а потом намочил веточку букса и окропил святой водой четыре стороны света. Совершив эти действия, он приказал всем встать на колени, а сам громким и уверенным голосом начал первую отчитку.

— Заклинаю тебя, древний змий, именем судии над живыми и мертвыми, именем Создателя мира, Того, Который обладает властью низвергнуть тебя в геенну, немедленно уйти прочь из этого дома. Проклятый демон, это повелевает тебе Тот, Который правит ветрами, морями и бурями, это повелевает тебе Тот, Который сбросил тебя с небесных высот в глубины земные, это повелевает тебе Тот, Который сокрушит твою силу. Слушай же и содрогайся, о Сатана, прочь отсюда, побежденный и пресмыкающийся, заклинаю тебя во имя Господа нашего Иисуса Христа, который придет судить живых и мертвых. Аминь.

Продолжая кропить святой водой все вокруг, он приказал всем, стоявшим рядом, читать «Отче наш». Время от времени глухой речитатив молитвы прерывали жуткие вопли. Шарль Гален и кухарка в страхе покинули свой пост и присоединились к остальным домашним. Отец Ракар попросил угольев, за ними сбегали на кухню и принесли немного в небольшой глиняной тарелке. Достав из серебряной коробочки ладан, экзорцист разместил его в виде креста на угольях. Дом постепенно наполнился дымом.

— Вы изгоняете на расстоянии? — спросил Семакгюс.

— Нет, разумеется. Я просто хочу очистить дом. А потом мы пройдем к пациентке.

Он сложил руки и повторил:

— Заклинаю тебя, демон, прочь из этого дома, и никогда больше не возвращайся в него, не изливай страх на тех, кто в нем живет, и не вреди им. И да освятит Господь всемогущий, Тот, чья власть повсюду, это жилище со всеми его комнатами и пристройками, и да исчезнут отсюда все призраки, все зло, все козни диавольские и уловки его, и весь нечистый дух.

Он принялся благословлять дом.

— Этим знаком мы приказываем тебе немедленно и навсегда прекратить все твои оскорбления. И да сгинут все твои уловки и увертки, и да сгинет страх перед тобой, который есть гадина ядовитая. Именем Того, Который явится судить живых и мертвых и весь мир огнем. Аминь.

Глухие удары сотрясали дом: казалось, наверху, натыкаясь на стены, летает мебель…

Отец Ракар потирал руки.

— Ага, не нравится, мерзавец! Что ж, отличное начало. А теперь всем живо расползтись по своим норам. Дальше я буду действовать один, в присутствии господина комиссара и господина…?

Он указал на Семакгюса; Николя представил своего друга.

— Полагаю, — продолжил Ракар, — ученые мужи с теологического факультета не встанут на дыбы из-за того, что для борьбы с тем, что не имеет названия, я привлек представителя медицины. Господин Ле Флок поведал мне о вашем скептицизме. Теперь, когда вы убедились в реальности непостижимого феномена, будьте нашей совестью и нашим разумом.

— Можете рассчитывать на меня, святой отец, — уверенно ответил Семакгюс.

Убедившись, что его давний друг и человек, с которым он познакомился только сегодня, сблизились без каких-либо усилий с его стороны, Николя вздохнул с облегчением. Явно чувствуя себя увереннее, доктор Семакгюс со смехом сказал:

— На волка лучше всего охотиться всей сворой.

— Если бы речь шла о волке! Дьявол — ужасный шутник, он насквозь пропитан ненавистью. Он любит посмеяться над несчастными человеческими созданиями, и предстает то хитрецом, то простецом, чтобы окончательно запутать людей. Отец лжи, имя ему легион, и он всегда готов расставить нам ловушку и замести следы! Но я обещаю вам, что ему недолго осталось творить здесь свои безобразия.

Он собрал свои вещи, а тарелку с углями доверил Семакгюсу. Втроем они поднялись наверх, где обнаружили кухарку, вжавшуюся в стену лестничной площадки; дверь в комнату Мьетты была распахнута, и почтенная матрона в ошеломлении глядела на служанку. Девица сидела в воздухе над своей кроватью и, сверкая покрасневшими глазами, злобно скалилась на кухарку.

— Ах ты, негодница! — воскликнул отец Ракар.

И, обернувшись к своим спутникам, добавил:

— Рассчитывайте на меня, я заставлю ее опуститься на землю!

Застывшим взором Мьетта следила за каждым движением экзорциста, поворачивая голову, словно она у нее была на шарнирах: так вращается чучело, на котором солдаты отрабатывают удары копьем. Отец Ракар подошел к ней и положил руку ей на темя. Тело Мьетты задрожало, словно мыльный пузырь, попавший между двумя потоками воздуха; служанка издала глухой стон, более похожий на сдавленный рык разъяренного зверя.

— Да, да, верить надо мне. Довольно подчиняться своему мерзкому господину.

Мьетта открыла рот и плюнула ему прямо в лицо. Священник невозмутимо утерся рукавом. Тощее тельце служанки забилось в конвульсиях, а из уст ее зазвучал мужской голос:

— Монах, не смеши меня! Не забывай, надо мной ты не властен.

Святой отец невозмутимо разложил содержимое своего чемодана на маленьком столике, а Семакгюс поставил рядом тарелку с дымящимся ладаном. Комната наполнилась ароматом священного елея. Рычание, издаваемое Мьеттой, становилось все громче, переходя в настоящий рев. Ее голова откинулась назад перпендикулярно к телу. Волны дурманящего запаха захлестнули несчастную, и из ее груди стали рваться крики, напоминавшие предсмертный вопль раненого зверя.

— Это невозможно! — остраненным голосом произнес Семагкюс. — Смотрите, как расслабились все мышцы и мускулы!

— Ничего, бывают вещи и похуже, — ворчливым тоном ответил Ракар. — Я видел одержимых, которые так вытягивались, что их рост увеличивался почти на четверть от прежнего.

— Что это: наваждение или обман зрения? Неужели мы настолько подвержены различным влияниям, что не можем отличить сути от видимости?

— Да нет же! Речь идет о совершенно реальном припадке, хотя, разумеется, зрелище не из приятных, и может напугать кого угодно. Поэтому нам надобно не терять хладнокровия.

Взмахнув концом епитрахили, он коснулся ею лица Мьетты. Руки девушки, скрючившись, подобно когтистым лапам хищной птицы, попытались схватить ее конец. Длинные ногти, со скрипом проскользнув по шелку, разодрали вышитый серебром крест. Тело тяжело рухнуло на кровать.

— Ну что, плутовка, как ты себя теперь чувствуешь? — произнес экзорцист. — Ничего, мы избавим тебя от непрошеного гостя.

Николя с восхищением взирал на служителя культа, сохранявшего в столь необычных обстоятельствах не только спокойствие и мужество, но и чувство юмора. Только живой проницательный взор свидетельствовал о величайшем напряжении экзорциста: он напоминал охотника, который, преследуя опасного зверя, постоянно пребывает настороже, дабы не дать хищнику провести себя и заманить в ловушку.

— А вам обоим я поручаю держать ее. Держите крепко, навалившись всем своим весом, пусть даже вам придется немного придавить ее. Главное, чтобы она не вырвалась у вас из рук.

Встав по обе стороны кровати, Николя и Семакгюс взяли девушку за руки. На ощупь тело ее оказалось совершенно ледяным, хотя, по мнению Николя, оно должно было бы пылать как в лихорадке. Мьетта тихо застонала. Снова взяв епитрахиль, святой отец приступил ко второй части обряда. Молча помолившись, он возвысил голос:

— Господь наш добродетельный, мы, недостойные слуги твои, возносим Тебе молитву за служанку твою Эрмелину, дабы отпустил Ты грехи ей и вырвал ее из когтей демона, который обрекает ее вечной погибели. Боже Святый, Отец Предвечный, повели демону покинуть тело служанки твоей, пребывающей в муках великих.

Из груди Мьетты исторгалось хриплое рычание вперемежку со стонами. Звуки становились все громче, а вскоре к ним прибавился тонкий пронзительный крик, словно из тщедушного тела девушки рвались наружу сразу несколько неведомых существ. Заметив, что помощники его пребывают на грани паники, отец Ракар снова стал кропить все вокруг святой водой.

— Изыди, изыди, нечистый зверь, вернись в свое логовище! Прочь отсюда, прочь, прочь!

Экзорцист бросил взгляд на Николя и Семакгюса.

— А вы не бойтесь, это всего лишь мелкие хитрости, с помощью которых он хочет подорвать нашу оборону, истощить нашу волю и заставить нас усомниться в нашей вере. Но помните, царство, власть и слава Его пребывают в нас!

Тем временем Мьетта перестала кричать, а вместо криков изо рта ее повалила пена, не к месту напомнив Николя улиток: прежде, чем приготовить их, кухарка Катрина опускала их в ящик с листьями жгучей крапивы, заставляя их истекать пеной и слизью. Пенистая струя, стекавшая с губ несчастной Мьетты, быстро затопляла ей грудь.

— Заклинаю тебя, демон, — продолжил Ракар, — именем Того, Который воскрес на третий день, изыди и беги вон от этого Божьего существа, беги с нечистотами твоими, с беспорядками и хитростями, пороками и грехами. Изыди, нечистый дух, изыди со всеми твоими присными, ибо Господь не оставил служанку свою, а тебе и твоим ангелам Он предуготовил вечный адский огонь.

Внезапно тонкие руки Мьетты, неожиданно ставшие тверже стали, начали раздуваться, с необоримой силой разжимая им пальцы, и невидимая сила отбросила друзей к стенам мансарды.

— Он сопротивляется, он сопротивляется! — завопил отец Ракар.

С первых дней работы в полиции жизнь то и дело являла Николя картины ужасов и жестокие трагедии, многие из которых он уже начал забывать. Но зрелище, увиденное им в тот день, навсегда запечатлелось у него в памяти; он чувствовал, что оно станет преследовать его до самой смерти. Движения отца Ракара, его надсад и уханье напоминали дровосека, рубящего толстенный ствол; экзорцист боролся изо всех сил, стремясь не только одолеть, но и изгнать демона, забравшего власть над Мьеттой. Тело служанки, покрывшееся, словно броней, буграми мускулов и частой сетью вздувшихся сухожилий, казалось, сделалось нечувствительным к внешним воздействиям. Лицо священника стало пунцовым, пот заливал глаза, выступившие на лбу и висках вены побагровели: казалось, они вот-вот лопнут. На протяжении всего сражения девица скрипучим голосом изрыгала поток жутких непристойностей, повергавших в трепет Николя и Семакгюса, но оставлявших бесстрастным

отца Ракара. Возможно, священник даже не слышал их, ибо, стремясь перекрыть голос демона, он перешел на крик:

— Каким бы именем ты ни назвался, изыди, недруг рода человеческого, нечестивец, который отказывается исполнять повеления Господа! Изыди, покинь тело этой служанки Божьей, ибо огонь, град, снег, лед и хлад ждут того, кто осмелится противиться воле Всевышнего.

Мьетта сипела и скулила как загнанный зверь, и отец Ракар удвоил усилия. Потом он медленно протянул ей распятие. По мере того, как священный предмет приближался к ее лицу, служанка, вжавшись в кровать, шипела и плевалась, словно разъяренная кошка, распространяя вокруг себя нездоровый запах.

— Я изгоняю тебя, нечистый дух! Выйди из этого Божьего существа! Не я, грешник, повелеваю тебе, но Агнец непорочный, Который восторжествует над тобой со всеми своими ангелами и архангелами, херувимами и серафимами, апостолами и мучениками. Уловки твои диавольские раскрыты, а сам ты сломлен. Верни членам жертвы своей прежнюю силу, покинь тело этой служанки Божьей, которую Господь создал по своему образу и подобию. И не появляйся ни в ее бдениях, ни в ее сне, и не препятствуй ей искать путь к жизни вечной. Итак, слушай, Сатана проклятый, свой приговор. Я изгоняю тебя и вырываю из тела этой служанки. Боже всемогущий, милостию своей освободи тело это, одержимое демоном, от диавольских козней. Именем Иисуса Христа, Господа нашего, Который придет судить живых и мертвых и весь мир огнем. Аминь.

Обессилевший отец Ракар, откинув назад голову, прислонился к стене. Николя и Семакгюс ощутили обжигающее дуновение зловонного ветра. В маленьком квадратном окошке лопнуло стекло, и в мансарде наступила тишина. Освободившись от гнета, к которому за последние дни она успела привыкнуть, Мьетта спала, являя всем свое безмятежное лицо. Выделения, покрывавшие ее во время приступа, исчезли, словно испарились. Николя отметил, что Наганда перестал выбивать на барабане навязчивый ритм. Внезапно, не открывая глаз, Мьетта зашевелилась, с прямой, словно одеревеневшей спиной, встала с кровати и не глядя ни на кого из троих мужчин, открыла дверь, вышла на площадку и стала спускаться по лестнице. Схватив подсвечник, Николя поспешил за ней, жестом приглашая остальных последовать его примеру. Судя по поведению Мьетты, теперь она впала в сомнамбулизм, явившийся, без сомнения, последствием одержимости или же того состояния, кое всем казалось одержимостью. Опасаясь резко нарушить ее болезненный сон, Николя прижал палец к губам, призывая всех соблюдать величайшую тишину.

Все члены семьи Гален по-прежнему сидели запершись у себя в комнатах, и участники странного шествия никого не встретили. Спустившись на первый этаж, служанка прошла в кухню, открыла расположенную в небольшой арке дверь из резного дерева и по крутой лестнице начала спускаться вниз. Вскоре они оказались в просторном погребе, заставленном джутовыми мешками, где, судя по висевшему в воздухе запаху дикого зверя, хранились шкуры, которыми торговал Гален. Остановившись перед одним из мешков, Мьетта опустилась на колени и, молитвенно сложив руки, заплакала; неожиданно плач прекратился, и девушка упала как подкошенная — словно потеряла сознание. Священник и Семакгюс подбежали помочь ей. Николя сдвинул мешок; земля под ним казалась вскопанной, а затем утоптанной и заровненной. Поискав вокруг, чем бы копнуть, он не нашел ничего. Тогда, достав из кармана перочинный ножик, он поскреб не успевшую затвердеть землю, а потом начал разгребать ее руками. Вскоре он подцепил кусок ткани, и в нос ему немедленно ударил запах разложения. Запах был столь силен, что перебивал даже едкий аромат кож. Осторожно продолжая свою работу, он вскоре извлек наружу небольшой продолговатый сверток — начавшее разлагаться тело новорожденного, завернутое в пеленку, а сверху обмотанное тряпками.

Мьетта пришла в сознание, но, по словам Семакгюса, разум к ней не вернулся. Она утратила способность не только отвечать на вопросы, но и разговаривать. Несмотря на

смятение, вызванное ужасной находкой, Николя чувствовал себя уверенно: разум вновь вступил в свои права, а он вновь вернулся к привычной работе сыщика; оставалось только довести расследование до конца и докопаться до истины. Отец Ракар отвел Мьетту к ней в каморку: они больше не могли ничего для нее сделать. Обряд изгнания дьявола прошел успешно, больная избавилась от терзавшего ее недуга, и ее можно было оставить одну, предоставив опеку над ней нежному милосердию Господа. Возможно, разум к ней вернется. Семакгюсу предстоит осмотреть труп ребенка и сделать предварительное заключение; затем тело поместят в Мертвецкую, где Сансон произведет вскрытие. Пока об открытии Николя никто не узнал, следовало арестовать всех обитателей дома, отвезти в Шатле и посадить в одиночные камеры. Подозрительная смерть уже забрала двух человек, но число их вполне могло увеличиться. Оставить дома Николя решил только кухарку и маленькую Женевьеву. Дорсака, приказчика в лавке, следовало арестовать вместе со всеми.

Через слуховое окошко, находившееся вровень с улицей Сент-Оноре, он услышал, как кто-то зовет его по имени, и узнал голос Бурдо. Инспектор обладал ценнейшим и почти волшебным свойством появляться в тот момент, когда его присутствие было особенно необходимо. Николя выбрался из погреба и поспешил ему навстречу. Судя по выражению лица Бурдо, тот явился сообщить массу новостей, однако Николя прервал его излияния и быстро ввел его в курс последних событий, случившихся в доме. Снисходительно усмехаясь, Бурдо верноподданнически кивал, и Николя, которого подобное поведение Бурдо всегда приводило в ярость, быстро выпроводил помощника на улицу, приказав ему позвать городскую стражу, оцепить дом и вызвать тюремные кареты, чтобы отвезти Галенов в Шатле. Дорсака предстояло взять прямо в постели и немедленно отправить вслед остальным задержанным. А о прочем у них еще будет время поговорить. А кое-кто, добавил комиссар, мог бы и воздержаться от усмешечек, ибо кое-кому не довелось видеть то, что видел он. Кстати, продолжил он, если этот насмешник явится к нему и со сконфуженным видом сообщит, что кто-нибудь из подозреваемых покончил счеты с жизнью, он такого насмешника не поймет. За арестованными смотреть во все глаза. Продолжая исподтишка смеяться, Бурдо елейным тоном заметил, что некоторые подчиненные все чаще перенимают манеру изъясняться у своих начальников; вот и комиссар Ле Флок начинает сартинизировать с великой легкостью и не без удовольствия. Сентенция Бурдо разрядила напряженную атмосферу, и на глазах у растерянного Семакгюса, выбравшегося из подвала с трупиком в руках, Николя разразился громким нервным смехом.

Бурдо отправился исполнять полученные инструкции. Ему же доверили отвезти тело новорожденного в Мертвецкую. Николя снова вспомнил о Наганде. Глухое предчувствие терзало его. Почему прекратился барабанный бой? Внутренний голос, советовавший ему не волноваться, пытался убедить его, что индеец просто исполнил свой обряд. Однако Николя решил во всем убедиться сам, и, сделав знак Семакгюсу следовать за ним, направился на чердак. Ключ по-прежнему торчал в двери каморки индейца. Отперев дверь, Николя вошел, высоко держа руку с подсвечником. Пламя свечи озарило распростершееся на полу безжизненное тело Наганды: из спины микмака торчал нож. Семакгюс подбежал к индейцу, склонился над ним и стал искать пульс. Потом, подняв голову, радостно объявил:

— Он жив! Жив! И дышит. Надо извлечь кинжал; похоже, лезвие не задело ни одного жизненно важного органа; удар нанесли неловкой рукой, и лезвие прошло наискосок. Надеюсь, кончик его не задел легкое, ибо в этом случае откроется кровотечение, и раненый может скончаться от удушья.

Подняв тяжелое тело индейца, они перенесли его на тюфяк. Семакгюс преобразился.

— Найдите мне кусок ткани, вина или уксуса, — велел он, снимая фрак и жилет.

Николя пошел к себе в комнату и через несколько минут вернулся, держа в руках склянки с водой из Карм Дешо, которыми отец Грегуар снабжал его с трогательной регулярностью. Семакгюс вымыл руки.

— Вряд ли когда-нибудь смогут подсчитать точное число наших солдат и моряков, погибших из-за того, что хирург лечил их грязными руками. Причину такого небрежения объяснить трудно, однако так оно и есть.

Предстояло извлечь кинжал, не разворотив рану и не ухудшив состояние раненого, а главное, не вызвав кровотечения, способного затопить легкое жертвы. При свечах операция прошла без труда; обморок Наганды облегчал работу врача. Лезвие, пронзив мускул, уперлось в ребро. Разорвав новую рубашку Николя, Семакгюс сделал добротную повязку, и рана перестала кровоточить. Аккуратно подведя под тело раненого руки, они осторожно перевернули его на бок. Индеец постепенно приходил в сознание. Хирург смочил ему губы несколькими каплями воды из Карм Дешо; лицо раненого дернулось, и он очнулся.

— Я… — воскликнул он, но мгновенно подавил свой возглас.

— Что со мной случилось? — спросил он уже своим обычным голосом.

— Это мы должны вас об этом спросить, — ответил Николя.

— Я ощутил сильную боль в спине, а потом я ничего не помню.

— Вам вонзили кинжал между лопаток. Вероятно, вы исполняли один из ваших странных ритуалов, а потом я заметил, что ваш барабан умолк. Мне стало любопытно, и я решил подняться к вам. Похоже, интуиция…

— Предначертание сбылось: вы стали рукой судьбы и спасли мне жизнь. Сбылось предсказание священной лягушки. Вы, сами того не зная, являетесь сыном камня.

— Ваш спаситель — доктор Семакгюс.

— Мне кажется, Николя, — подал голос корабельный хирург, — вы преуменьшаете ваши способности предвидеть события. Если бы мы не поднялись наверх, сей господин был бы мертв. А определение сын камня вам как раз впору.

— Но почему?

— Разве вы сами не рассказали мне, что каноник Ле Флок, ваш опекун и приемный отец, нашел вас на могильном камне, среди лежачих скульптурных изображений сеньоров Карпе в соборе Геранда? Теперь эта загадка решена. Мы же с вами постепенно привыкаем блуждать в потемках. А привычка, увы, вторая натура!

— Наганда, вы кого-нибудь подозреваете? — спросил Николя.

— В этом доме ко мне всегда относились недружелюбно, и даже враждебно, — ответил индеец.

— Вам нечего добавить к тому, что вы мне уже рассказали?

— Нет.

— Главное, ничего от меня не скрывайте. Если вы вдруг вспомните какие-нибудь необычные подробности, без колебаний зовите меня. Кстати, вы по-прежнему утверждаете, что, одурманенные наркотическим веществом, вы проспали здесь почти целый день?

— Я по-прежнему на этом настаиваю.

— Хорошо, пусть так. Тогда я вынужден вам сообщить — и это вне связи с нашей беседой, — что обитатели этого дома арестованы и препровождены в одиночные камеры государственной тюрьмы.

Указав пальцем на рану, Семакгюс отрицательно замотал головой.

— Принимая во внимание вашу рану, — продолжил Николя, — вас отвезут в больницу, где за вами будут ухаживать. Истине недолго оставаться сокрытой. У вас есть лопата?

Наганда посмотрел ему прямо в глаза.

— У меня нет, но вы можете найти ее во дворе, в пристройке, вместе с садовым инвентарем и ручной тележкой, на которой перевозят тюки с мехами.

Оставив индейца на попечение Семакгюса, Николя спустился в лавку, где в ожидании Бурдо, караула, приставов и тюремных карет он намеревался обдумать ночные события. Сознавая, что с загадочными приступами Мьетты покончено, он, тем не менее, все еще пребывал под гнетущим впечатлением увиденного, суть которого осталась для него непостижимой. Лихорадочное состояние, охватывавшее его при виде припадков одержимости, постепенно отпускало его, а вместе с разумом к нему вернулась способность логически мыслить и подвергать все сомнению. Разумеется, ни он, ни его товарищи не позволили вымыслу полностью завладеть ими; и все же пора прочно встать на твердую почву фактов, доказательств и реальных событий повседневности. Какими бы причинами ни была вызвана одержимость служанки, она всколыхнула весь дом и дала новое направление расследованию: он столкнулся с самым настоящим детоубийством. Теперь он мог предположить, что причиной припадков Мьетты стала нечистая совесть девушки, ибо та, возможно, способствовала убийству новорожденного. Николя искренне полагал, что соучастие в таком варварском преступлении могло привести к душевному расстройству и — как последствия этого расстройства — к странным выходкам. Но прежде следовало выяснить, был ли младенец умерщвлен умышленно, или же он скончался от естественных причин. Ответ на этот вопрос могло дать только вскрытие. Не исключено, что легкомысленная, постоянно окруженная поклонниками Элоди не захотела пожинать плоды своей неосмотрительности и сама совершила это преступление. А может, у нее все же имелся сообщник, или даже инициатор преступного деяния?

Понедельник, 5 июня 1770 года

Опустившись в хозяйское кресло, Николя задремал. Спустя час стук в окно разбудил его: прибыл Бурдо. В доме все пришло в движение. Принесли двое носилок, одни для Наганды, другие для Мьетты. В надежде, что к служанке вернется разум, и она сможет дать показания, Николя решил не оставлять ее без присмотра, и велел проследить, чтобы она — разумеется, если придет в себя — ни с кем не разговаривала, кроме полицейских. Пока собирали попрятавшихся по комнатам членов семейства Гален, прибыл пристав с Дорсаком. Судя по растрепанной шевелюре и наспех надетому фраку, молодого человека застали врасплох. Не упоминая ни о процедуре экзорцизма, ни об ужасной находке в подвале, Николя обратился к задержанным и сказал, что для выявления истины необходимо изолировать подозреваемых друг от друга, а посему их разместят в одиночных камерах, где они пробудут до окончания расследования. Те, кому не в чем себя упрекнуть, должны быть довольны подобной мерой, ибо она, без сомнения, ускорит развязку. Те же, кому есть, что скрывать… Видя, что супруг совершенно подавлен происходящим, роль семейного адвоката взяла на себя госпожа Гален — при активной поддержке обеих невесток. Повысив голос, она пригрозила пожаловаться на произвол комиссара и, обвинив его в предвзятости, стала взывать к судьям и призывать домочадцев оказать сопротивление приставам, не имеющим, по ее мнению, никакого права увозить их из дома. Позволив ей высказаться, Бурдо спокойно разъяснил, что комиссар имеет полное право задержать членов ее семьи, а то, что она именует произволом, является ни чем иным, как волей короля, осуществившего ее посредством своего комиссара; а, как известно, любая попытка оспорить королевское повеление расценивается как подстрекательство к мятежу.

Несмотря на шум, крики и протесты, задержанных разместили в тюремных фиакрах, и вереница экипажей, которую замыкали два фургона с больными, двинулась в направлении Шатле и Больницы. Перед тем, как покинуть улицу Сент-Оноре, Николя задержался, чтобы поручить кухарке Женевьеву. Достойная женщина боялась оставаться одна в доме, где несколько дней подряд куролесил лукавый, но Николя в конце концов убедил ее, что опасность

миновала, и пообещал оставить поблизости своего человека, способного отразить любую угрозу. Успокоившись, Мари Шафуро заверила его в своем умении обращаться с детьми, напомнив, что это она вырастила и отца девочки, и двух ее теток. Испытывая сильнейшую потребность излить свои чувства, она пустилась в воспоминания о прошлом, и Николя, не смея прерывать ее, обреченно выслушал несколько историй из детства Камиллы и Шарлотты. Разговорившись, кухарка поведала ему о любовном соперничестве, с молодых лет настроившем сестер друг против друга. Противостояние происходило столь бурно, что в конце концов претендент сбежал от них обеих.

Поднявшись к Женевьеве, Николя обнаружил, что девочка не спит. Она сидела в кровати, прижимая к себе тряпичную куклу, а по ее щекам текли крупные слезы. Желая утешить ее, он попытался объяснять, отчего все так случилось, стараясь при этом употреблять как можно более простые слова и не вдаваться в подробности. Тон речей Николя успокоил девочку, она позволила уложить себя, и как только комиссар укрыл ее одеялом, сразу уснула. Сирюс, сопровождавший Николя к Женевьеве, небрежно катал по полу смятую и скатанную в шарик бумажку, а когда игра надоела ему, он попытался разжевать ее своими старческими зубами. Из любопытства Николя отобрал у него бумажку, развернул и, поднеся к свече, с удивлением и радостью обнаружил знакомый почерк. Сложенный в несколько раз листок пергамента являлся завещанием Клода Галена, отца Элоди, скончавшегося в Новой Франции. В собственноручно написанном Клодом Галеном документе ясно говорилось, что все его имущество, заключавшееся, как следовало из описи, помещенной внизу листа, в значительных суммах, размещенных у разных банкиров, и солидной недвижимости, переходило к его единственной дочери Элоди. Однако она получала только право пользования этой собственностью, ибо полностью состояние должно было отойти к ее первенцу мужского пола. Если же, к несчастью, она скончается в девицах, наследство переходило к старшему сыну Шарля Галена. Такое завещание открывало новые пути для следствия. Теперь главное узнать, у кого хранился этот документ, и кто имел возможность с ним ознакомиться. Покопавшись в игрушках, Николя нашел бусы из черного обсидиана; такую же бусину обнаружили и в зажатой руке Элоди. Скорее всего, прозрачные черные шарики так понравились Женевьеве, что она украла их у Наганды и нанизала на нитку, чтобы сделать себе украшение.

Николя очень не хотелось будить девочку, но иного выхода он не видел. С трудом открыв глаза, Женевьева потянулась и обиженно уставилась на побеспокоившего ее комиссара. Когда же он стал задавать ей вопросы, она отвернулась, а потом заплакала. В результате долгих уговоров ему удалось узнать, что она нашла интересующую его бумагу и бусины в рабочей шкатулке своих теток. В шкатулке хранилось яйцо из красного дерева для штопки чулок, и оно всегда ей очень нравилось, потому что внутри оно пустое и его можно развинчивать и завинчивать. Тетки держали в нем булавки и иголки, но когда она в последний раз развинтила его, то нашла там свернутую бумажку и черные шарики. Николя попытался узнать, сколько дней назад был этот «последний раз», но девочка не смогла ответить на вопрос. Сам он хорошо помнил, что обыскал комнату сестер сверху донизу, но никакой шкатулки он там не видел. Наконец, после долгих уговоров Женевьева сообщила, что шкатулка не всегда стоит в спальне её теток: Камилла и Шарлотта носят ее с собой и часто оставляют в той комнате, где устраиваются с шитьем. Ласково погладив девочку по голове, Николя снова уложил ее, и не успел он выйти из комнаты, как она уже спала.

Николя поднялся к себе в каморку, чтобы забрать чемодан. Семакгюс и отец Ракар уже покинули дом: скорее всего, они отправились сопровождать своих пациентов. Сев в оставленный ему предусмотрительным Бурдо фиакр, Николя приказал отвезти его на улицу Монмартр. Он хотел привести себя в порядок, узнать о здоровье Ноблекура, а, главное, вернуть в родной дом Сирюса; старый песик, некогда резвый и шаловливый, заслужил хорошую трапезу и немного покоя. Въехав во двор дома прокурора, он сразу ощутил живительный запах свежеиспеченного хлеба, доносившийся из дверей булочной. Попросив экипаж подождать, он

направился к двери, как вдруг услышал чей-то голос, робко подзывавший его. Голос принадлежал юному подмастерью булочника.

— Господин Николя, я хочу вам сказать, что, подметая сегодня двор, я нашел металлическую штучку, точно такую, какую вы нашли здесь вчера. И я подумал, что она может вам пригодиться.

И мальчишка протянул ему тонкий блестящий наконечник, точную копию того, который он извлек из замочной скважины, когда пытался выбраться с крыши Посольского дворца.

— Если бы ты только знал, как ты меня порадовал! — воскликнул Николя.

Порывшись в карманах, он вытащил пригоршню мелких монет и высыпал их в руку покрасневшего от удовольствия мальчишки.

— Ты уже отнес хлеб господину де Ноблекуру?

— Нет еще. Я все приготовил, но боялся пропустить вас.

— Хочешь, чтобы я был не просто тобой доволен, а доволен сверх всякой меры? Добавь к свежему хлебу несколько круассанов и сдобных булочек. Сегодня я готов съесть всю булочную вместе с булочником и его подмастерьем!

Рассмеявшись, мальчишка убежал. Утренняя дымка, заполнявшая старый двор, постепенно уступала место предрассветному солнцу. Иссиня-черный квадратик неба над головой быстро обретал жемчужно-серый цвет. Возле небольшой лужи с чириканьем толкались воробьи. На смену порожденным мраком ужасам шел новый день. Сумеет ли он заставить засиять истину? Позволит ли найти виновных, установить связи между удручающе разрозненными фактами, собранными во время расследования? А может, видение, мимолетное и иррациональное, вновь смешает все улики, словно кости в стаканчике игрока, а потом выбросит их в новом порядке, и решение придет само собой? Находка второго наконечника позволяла Николя отбросить свойственную ему щепетильность. Несмотря на *nihil obstat* де Сартина и выданное им должностное отпущение, он до сих пор не был уверен, что стремление любой ценой посрамить Ланглюме не станет тем поступком, горький осадок от которого остается на всю жизнь. Провидение, являющее собой высшее правосудие, встало на его сторону. Теперь он готов покарать Ланглюме не только за покушение на старого прокурора, но и за оскорбление, нанесенное королевскому советнику, то есть лицу, которого король облек частицей своей власти.

В доме Ноблекура все уже пробудились. Ночь прошла спокойно, и проснувшийся на заре советник, несмотря на легкое головокружение, являвшееся следствием полученной раны, с радостью обонял аппетитные ароматы. Зная, что с благословения врачей он может сделать перерыв в своей суровой диете, он, как всегда, велел приготовить себе шоколад и теперь ждал строго запрещенных ему Катриной свежих булочек. Когда Николя вошел к нему в спальню, старик, облачившись в малиновый персидский халат и с пестрым тюрбаном на голове, скрывавшим его повязки, сидел и наблюдал, как суетятся Катрина и Марион, накрывая к завтраку столик, установленный возле выходившего на улицу окна. Сирюс, радостно тявкая и поскуливая, устремился к ногам хозяина.

— А, это ты, мой старый приятель, — насмешливо произнес Ноблекур, пытаясь скрыть свое волнение. — Ну что, не сладко пришлось тебе в обществе этого ужасного Николя? Ты убежал, даже не оглянувшись, но теперь, судя по всему, ты очень даже рад возвращению домой!

Повернувшись к Николя, почтенный судья театральным жестом указал на свой халат:

— Не находите ли вы, что я вылитый великий Мамамуши?[58] Что нового, мой добрый друг? Вы выглядите очень усталым. Садитесь, устраивайтесь поудобнее и расскажите мне все в малейших подробностях.

Катрина поставила на стол большой поднос с шоколадом, чашками и свежими хлебцами, компанию которым составили круассаны, сдобные булочки и три горшочка с вареньем.

— Мне кажется, сначала надо попросить Катрину приготовить большую миску паштета для Сирюса, ибо на улице Сент-Оноре он не получал достойной пищи.

При этих словах пес вскочил и старческой трусцой заторопился на кухню.

— Ну вот, вы вдобавок еще и заморили собаку голодом! Но что я вижу? Круассаны, сдобные булочки!

— Это для Николя, а не для вас, сутарь, — ворчливым тоном ответила Катрина. — Путьте разумны. Вам хватит и звежих хлепцеф.

— Довольно, замолчи. Можешь идти.

И с недовольным видом он замахал на нее рукой, словно отгонял назойливую муху. Но едва она повернулась к нему спиной, как Ноблекур подцепил сдобную булочку, и, не обращая внимания на неодобрительный взор Николя, запустил ложку в один из горшочков и щедро намазал булочку вишневым вареньем. Со вздохом взглянув на предавшегося чревоугодию прокурора, Николя приступил к рассказу о своих приключениях. Когда он умолк, старый советник, насытившись, откинулся на спинку кресла и, окинув взором проходившую за окном улицу Монмартр, умиротворенно сложил руки.

— Если бы не вы, а кто-нибудь другой рассказали мне эту историю, я бы ему не поверил, — задумчиво произнес он. — Разумеется, наша религия предписывает нам верить в тысячи чудес, описанных в житиях святых. Но действительно ли существует другая, оборотная сторона медали, именуемой нашим бренным существованием? Церковь поощряет нашу веру в темные силы, а потому я рад, что отец Ракар, исполняющий обязанности экзорциста, оказался человеком разумным, не принадлежащим к сонму ничтожных и заскорузлых умишек, сожалеющих о временах Инквизиции и по-прежнему готовых в угоду своему безумию швырять в костер несчастных жертв. Вам следует познакомить его со мной. Мы пригласим маршала Ришелье и еще парочку остроумцев, и с наслаждением порассуждаем в компании нескольких бутылок, наполненных изысканной влагой. Ах, какой чудный вечер нас ожидает!

Не прерывая разговор, он украдкой отщипывал кусочки круассана и бросал их себе в рот.

— Давайте посмотрим, каковы главные вопросы вашего расследования. — продолжал он. — Действительно ли девица страдала одержимостью? Откуда взялись припадки, сопровождавшиеся извержением мерзостей? Может, все же следует согласиться с нашим другом Семакгюсом, который, прислушиваясь к собственной интуиции, поначалу утверждал, что речь идет о больном человеке? А если это, действительно, так, тогда кому выгодно, чтобы «припадок» случился именно во время вашего расследования? В случае одержимости возникает вопрос, почему нечистый заинтересовался бедной служанкой? Если рассуждать с позиций Церкви, наверняка потому, что она предоставила демону повод завладеть ее душой. А если это так, ваша задача сделать соответствующие выводы. Следовательно, Мьетта становится центральной фигурой вашего расследования. В случае, если бедняжка больна, нам следует искать причины ее болезни. Что могло довести ее до умственного расстройства, кто мог подтолкнуть ее к таким ужасным поступкам, от которых разум ее помутился? И опять она становится центральной фигурой в этом деле. Заставьте ее говорить.

— Увы, вы попали в самую точку, — вздохнул Николя, — Мьетта утратила разум, и неизвестно, обретет ли она его вновь. Она стала камнем преткновения, и это тревожит меня. Поэтому, собрав некоторое количество фактов, мне приходится пускать ищеек в разные стороны, а самому следовать то за одним подозреваемым, то за другим. У меня не складывается полная картина преступления, а интуиция подсказывает, что подозревать надо всех. Честно говоря, на момент смерти Элоди ни у кого нет твердого алиби. Даже если мне удастся доказать детоубийство, добраться до его виновника будет сложно.

— А как же ваш удивительный дикарь из Новой Франции? Если я не обманываюсь, он вряд ли может быть убийцей, ибо его самого пытались убить. Не станете же вы утверждать, что и он занесен в список подозреваемых?

— Стану, и добавлю, что он стоит в нем отнюдь не на последнем месте. Его рана ничего не доказывает и не подтверждает; говоря языком охотников, его слишком неловко завалили. Произошла осечка, и рана его нисколько не тяжелая. Разве это не странно? И даже если кто-то взаправду покушался на его жизнь, это ничего не доказывает. Или наоборот, все подтверждает. Возможно, у него был сообщник, и этот сообщник захотел избавиться от него. У меня большие сомнения относительно алиби Наганды, ибо мне кажется, у него тоже есть причины желать исчезновения Элоди.

— Не дайте себе заблудиться в бесконечных дебрях догадок. Мне не хотелось бы, чтобы поставленные мною вопросы отяготили ваше и без того обросшее безответными вопросами дело. Знаю по опыту: каждое преступление является сложной машиной, приводимой в движение из трех или четырех центров. Не пренебрегайте ничем, однако смотрите проще и не закрывайте глаза на очевидные вещи. Кому выгодно преступление? Каковы его пружины? Скорее всего, выгода или страсть. Разберите ваших подозреваемых, как вы разобрали бы часовой механизм, и отсутствующая деталь найдется сама собой.

— Вы правы, — проговорил Николя. — Чем больше рассуждаешь о деле, тем больше возникает вопросов, и тем больше оно запутывается.

— Вот видите! Если размахивать факелом истины слишком резко, он гаснет. Поторопитесь, и, исходя из того, что вам уже известно, составьте план сражения. Прислушайтесь к вашей интуиции. Я несколько лет наблюдаю за вами и прихожу к выводу, что она чаще выводит вас на правильный путь, нежели сбивает с него. Ваше сердце чувствует быстрее, нежели разум делает выводы.

За разговором Ноблекур с завидным аппетитом истребил второй круассан. Третьему явно была уготована та же участь, если бы не вернувшийся Сирюс: не обращая внимания на возмущенный взор хозяина, пес стремительно завладел свежим круассаном.

— Ах он, воришка! — рассмеялся Николя. — Рискуя навлечь на себя немилость хозяина, он заботится о его здоровье. Пожалуй, я последую его примеру, а затем оставлю вас.

Он встал, и, пожелав Ноблекуру скорейшего выздоровления, сгреб оставшиеся булочки и отправился к себе; краем глаза он заметил, как Ноблекур погрозил ему вслед пальцем.

Когда через несколько минут он собирался уходить, в дверь постучали, и в проеме возникла радостная багровая физиономия Бурдо. Николя часто размышлял о том, насколько внешность его помощника не соответствовала ни его оригинальному уму, ни тонкости его чувств. Инспектор редко поднимал забрало, предпочитая проявлять сдержанность, поэтому Николя особенно ценил те краткие мгновения, когда Бурдо позволял ему проникать в потаенные уголки своей души.

— Все в порядке, — доложил Бурдо. — Все члены семьи Гален помещены в одиночные камеры. Найти шесть отдельных камер было, действительно, не слишком легко.

— Они, полагаю, в камерах для привилегированных узников?

— Ни в коем случае. Там настоящий проходной двор. Они сидят в каменных мешках, но, полагаю, не будут сильно в претензии: вы же не станете затягивать дело.

— Спасибо за доверие! Наша тюремная система совершенно невыносима, и нисколько не способствует поискам истины; настоящими хозяевами тюрем являются привратники и тюремные надзиратели, которые ежедневно общаются с узниками хотя бы через окошко. Я уже не говорю о посредниках, те только и делают, что снуют из тюрьмы и обратно. Я набросал кое-какие соображения по этому поводу и намереваюсь подать записку Сартину. Пожалуй, сделаю

это поскорее, не откладывая в долгий ящик. А как дела у Мьетты? И как чувствует себя Наганда?

— Дикарь в больнице. Но мне пришлось надавить. Там на одной койке по четыре больных, и это не считая кишащих на них вшей. Пришлось пожертвовать несколькими экю, чтобы получить для индейца отдельный закуток. Я оставил с ним пристава. Однако это все расходы…

И он помахал листом бумаги.

— Подготовьте соответствующую записку, я ее подпишу. Вы знаете, как мелочна эта парочка гарпий из бюро Сартина, отец и сын Дювали; они готовы придраться к каждой закорючке!

— Когда-нибудь эти канцелярские крысы погубят Францию!

— А как устроили Мьетту?

— В больнице оставить ее не удалось. Шарантон и Бисетр расположены слишком далеко. Я, снабдив приставов надлежащими инструкциями, приказал отвезти ее в монастырь к лазаристам, на улице Фобур-Сен-Дени. Там к ней приставили монахиню, но за это также придется раскошелиться.

— Временно, исключительно временно. По крайней мере, я так надеюсь. Решающая битва приближается.

— А теперь мне надо сообщить вам кое-что важное — то, что вы не дали мне сказать на улице Сент-Оноре.

— По причине неотложных дел, мой дорогой, исключительно неотложных! Но я не забыл о вашем сообщении, и теперь с превеликим любопытством выслушаю все, что вы мне скажете.

— Рабуин, прекрасно справившийся с поручением в Версале, вручил мне расписку, и я отправился к Робийяру, старьевщику с улицы Фобур-дю-Тампль. У него там лавка, до крайности захламленная и завшивленная, где оседает старая одежда со всего Парижа. Конечно, мне пришлось немного потрясти его, но в конце концов он принес мне залог, о котором говорилось в расписке. Любопытный, знаете ли, залог; полагаю, он вас заинтересует.

— Я весь внимание, не томите меня, инспектор.

— Это вам на закуску, для вящего удовольствия, — со смехом произнес Бурдо. — Так вот, он притащил мне два черных плаща, две шляпы и две белые маски из папье-маше. Да, чуть не забыл — еще стеклянный аптекарский флакон. Сие собрание разнородных предметов в великой спешке всучили ему 31 мая, с первыми лучами солнца. Иначе говоря, утром после трагедии на площади Людовика XV.

— И кто принес ему эти вещи?

— Молодой человек.

— Это все, что вы можете сказать?

— Все. Вы разочарованы?

— Нисколько. Но дело опять усложняется. Кстати, может быть, вы сами что-нибудь подметили?

— Сущие пустяки. Лавка темная, и на рассвете там почти также темно, как ночью, так что Робийяр ничего не видел. Впрочем, его занятие побуждает его держаться в тени, ведь от старьевщика до скупщика краденого один шаг. Все произошло очень быстро: молодой человек явно без опыта подобного рода сделок, отдал вещи не торгуясь, согласившись взять ничтожную сумму, предложенную ему старьевщиком, хотя вещи стоили значительно дороже.

— Тогда, возможно, это был… — задумчиво произнес Николя. — Впрочем, почему бы и нет? А может, это была женщина, переодетая мужчиной? Все возможно.

— Ну вот, я в отчаянии, — огорченно произнес Бурдо. — Мои новости не только не помогли вам, но еще больше запутали дело.

— Успокойтесь, Пьер, вы здесь совершенно не при чем. Просто я разобрал часы и попытался снова собрать их, но отсутствующая деталь пока не нашлась. Да, не забыть бы исследовать пузырек. В нем наверняка что-то было налито. Тут нам, без сомнения, сможет помочь Семакгюс. И надо собрать все улики вместе и надежно запереть их в нашей дежурной части в Шатле. Что еще у вас?

— Выходя сегодня утром из «Двух бобров», я наткнулся на господина Николя, наблюдавшего за домом.

— Господин Николя? С каких это пор вы называете меня господин Николя?

— Не вас, разумеется. Да вы его знаете, это печатник, который сам же и пишет. Он еще постоянно злит цензоров.

— А, Ретиф! Ретиф де ла Бретон! Полиция нравов давно проявляет к нему особенный интерес. Этот писака отличается ненасытным сладострастием.

— Поэтому он ни в чем не может нам отказать, и зачастую добровольно становится нашим соглядатаем. А мы закрываем глаза на его выходки… Словом, я спросил его, что он тут делает. Похоже, мой вопрос смутил его, ибо он, указав мне на лавку меховщика, немедленно пустился наутек. Я не мог бежать за ним, потому что надо было отправить известный вам караван тюремных карет. Но уверен, он сумел бы немало порассказать. Зная его, я не исключаю, что он сплел интригу с одной из девиц из дома Галенов…

— Принимая во внимание репутацию сей личности, уверен, это вполне возможно. Пьер, разузнай, где он живет. Мне кажется, его дом находится неподалеку от улицы Бьевр. Днем мы сможем застать его у себя — на улицу он выходит только ночью. Это все?

— Увы, нет! Я поговорил с нотариусом Галенов. Он тоже немедленно закрылся словно устрица. Впрочем, стоило только повысить на него голос, как он тут же раскололся. Одно слово — нотариус! Канцелярская крыса.

— Господин инспектор, — тоном благородного негодования произнес Николя, — вы забыли, что разговариваете с бывшим клерком нотариальной конторы?

— Хвала Господу, вы оттуда ушли! Короче говоря, этот тип заговорил. Ему не отдавали никакого завещания, однако у него есть письмо Клода Галена, где тот предупреждает, что его последние распоряжения находятся в невинных — он настаивал на этом определении! — руках индейца из племени алгонкинов, которому поручено обнародовать их в урочный час.

Николя потирал руки. К великому изумлению Бурдо, он вытащил из кармана свернутую в несколько раз бумажку и торжественно помахал ею.

— Вот оно, завещание! Оно лежало в яйце, а до того, как попасть туда, Наганда носил его на шее.

И, неожиданно сделав пируэт, он обнял инспектора за плечи и повел его к лестнице.

X
СВЕТ И ИСТИНА

И последнее, делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватные, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено.

Декарт

Балансируя на подножке фиакра, дожидавшегося перед домом на улице Монмартр, Николя объяснил Бурдо свой план действий. Прежде всего он встретится с королевским судьей по уголовным делам и введет его в курс дела, дабы потом не вызвать излишних нареканий, коих полностью избежать в таком необычном расследовании невозможно. Конечно, неплохо было бы встретиться и с Сартином, но тот провел ночь в Версале, и сейчас, скорее всего, находится на пути в Париж. Обезопасив себя с одной стороны, он отправится в монастырь

Зачатия, где, по словам французских гвардейцев, разыгралась сцена между девушкой в желтом шелковом платье и субъектом, которой вполне мог оказаться Нагандой.

Тем временем, Бурдо предстояло найти Семакгюса. Одержимый потребностью узнать истину, корабельный хирург наверняка находился где-то рядом. Еще надо пригласить Сансона в Мертвецкую и попросить его произвести вскрытие младенца, так как Семакгюс не силен в такого рода операциях. Сегодня утром на Гревской площади состоялась казнь, значит, искать Сансона следует после полудня, ближе к вечеру. Так что у Николя еще оставалось время съездить с отчетом к вернувшемуся из Версаля Сартину и до наступления ночи допросить Ретифа де ла Бретона, проживавшего, по словам инспектора, в меблированных комнатах на улице Вьей Бушри, на левом берегу. И Николя пожалел, что у него опять нет ни минуты, чтобы задержать майора городской стражи сьера Ланглюме.

Николя приказал кучеру везти его в Большой Шатле. Когда его ввели в кабинет судьи по уголовным делам, тот как раз облачался в парадную форму, ибо в число обязанностей этого магистрата входило присутствие на публичных казнях. Предстоящее зрелище судью нисколько не радовало; заметив взволнованный вид судьи, Николя проникся к нему уважением: он был убежден, что человек, которого смерть его ближнего не оставляет равнодушным, не может быть законченным негодяем. Выслушав объяснения Николя, судья заметил, что «воля короля превыше всех правил и обычаев, а его долг — служить королю, и посему он, невзирая на нарушения общепринятой судебной процедуры, не видит оснований для своего вмешательства». Хотя, конечно, людям короля стоило бы хорошенько подумать, прежде, чем прикрываться волей Его Величества. Постепенно приходя в возбуждение, судья позволил себе не слишком любезное высказывание в адрес любимчиков монарха, но, быстро сообразив, что комиссар может принять его слова на свой счет, запнулся и, мгновенно смягчившись, сослался на усталость и расшатанные нервы, а потом добавил, что впервые сталкивается со столь необычным делом. В конце концов он согласился со всеми предложениями Николя, касавшимися как уголовного дела об убийстве на улице Сент-Оноре, так и истории с самоуправством Ланглюме. Комиссар получил разрешение провести процедуру дознания с участием семейства Гален в просторной приемной начальника полиции, и, в свою очередь, гарантировал, что во время оного заседания он, в согласии с законом, изобличит и назовет виновных. Принимая во внимание особый характер расследования, а также священные ритуалы, проведенные по приказу Его Величества и архиепископа Парижского, Николя считал нужным устроить дознание за закрытыми дверями, чтобы наружу не просочилось никаких сведений, способных возмутить народ и создать угрозу общественному порядку.

Господин Тестар дю Ли одобрил и это предложение, и, словно оправдываясь в собственных глазах, с умным видом напомнил, что когда в конце прошлого века двор и город захлестнула эпидемия отравлений, прадед нынешнего короля даже создал специальную судебную инстанцию под названием Огненная палата, призванную расследовать дела, связанные с отравлениями и — он понизил голос — ужасными обвинениями, выдвинутыми против королевской любовницы, подозреваемой в участии в черных мессах. Николя предоставил ему возможность рассуждать в свое удовольствие, уверенный, что и в то время, и сегодня общим являлось только стремление окружить молчанием судебную процедуру, затрагивающую сферы, где скандал нежелателен.

В заключение судья по уголовным делам окончательно смягчился и выразил свою радость по поводу советников, почитающих необходимым узнать его мнение без всяких напоминаний. Посоветовав Николя и дальше следовать сим путем, он пообещал ему свое благорасположение. Расстались они премного довольные друг другом.

Выйдя из кабинета судьи, Николя столкнулся с запыхавшимся папашей Мари. С трудом переведя дыхание, привратник объяснил, что вернувшийся ночью Сартин безотлагательно требует его к себе. Николя велел кучеру держать курс на особняк, где располагалось полицейское управление. Едва он ступил на порог, как лакей, явно пребывавший в состоянии

крайнего нервного напряжения, сообщил ему, что настроение его господина не поддается описанию — то есть хуже некуда. Однако когда Николя вошел в кабинет, он увидел, что его начальник сидит за большим столом и перебирает парики. Это невинное занятие чаще всего приводило Сартина в благодушное настроение, иногда сохранявшееся на протяжении всего дня. Сейчас начальник полиции накручивал на палец локоны серого, с темными переливами парика, оттягивал их, а потом отпускал, и послушный локон, словно хорошо отлаженная пружина, мигом скручивался и занимал прежнее место.

— Видите, мой дорогой Николя, сколь великолепен этот парик из искусственных волос. Его мне прислали из Палерма; некий иезуит, изгнанный из Португалии, сумел довести модель до совершенства. Остается только выяснить, выдержал ли он дорогу, и как долго сохранятся его изначальные качества при ежедневной носке и расчесывании.

Помолчав, Сартин отложил парик и уставился на Николя.

— Ну, господин комиссар, до чего вы договорились с архиепископом? К чему привели ваши дурацкие церемонии, устроить которые вы просили разрешения? Дело затягивается, и Его Величество, с коим я только что расстался…

Он печально вздохнул, видимо, подразумевая, что старый король в очередной раз предавался ночному чревоугодию.

— Короче говоря, король настойчиво советовал мне не затягивать расследование, затрагивающее государственные интересы, добиться от духовных властей содействия исключительно в пределах поставленной задачи, а, главное, держать все в глубочайшей тайне. Стоит только одному из жадных до скандалов писак что-нибудь разнюхать, как тотчас все подпольные типографии Франции и Наварры, а, главное, Лондона и Гааги[59], немедленно начнут тиражировать памфлеты и куплеты.

Николя быстро сообразил, что хотел сказать своей речью его начальник. Но чтобы Сартин согласился с его решением, следовало подать его так, словно это он сам все придумал и внушил его своим ограниченным подчиненным, не понимавшим ни пользы его, ни целесообразности.

— Сударь, имею удовольствие сообщить вам: обряд изгнания дьявола совершен. И, полагаю, успешно. В результате в подвале дома Галенов обнаружен труп новорожденного. Убийство явно умышленное. Я приступил к последнему этапу расследования и, надеюсь, сегодня завершу его, дабы вместе с вами и судьей по уголовным делам, а также в присутствии свидетелей ознакомить подозреваемых с моими доказательствами.

Небрежно брошенные слова «в присутствии свидетелей» произвели эффект горящего фитиля, брошенного в пороховую бочку.

— Никаких свидетелей! Вы с ума сошли, сударь! Разве вы не слышали, что я вам только что сказал? Неужели за столько лет плавания по бурному морю преступного мира вы все еще не научились расставлять все точки над «i»? Вы разучились пользоваться компасом и управлять кораблем в столь деликатном деле?

— Насколько я понял, сударь, вы желаете провести дознание при закрытых дверях. Тогда, принимая во внимание большое количество подозреваемых, нам понадобится ваша приемная в Шатле. И хорошо бы обойтись без уголовного судьи…

— Он опять за свое! Не пригласить Тестара дю Ли означает нарушить процессуальные правила, которые он сам… кхм… сам… позволил… допускать всяческого рода послабления.

Внезапно его суровое лицо озарилось улыбкой, он расхохотался, и чтобы остановиться, принялся трепать все еще находившийся у него в руках парик.

— Черт возьми, недаром мне показались странными ваши не слишком умные предложения, к которым, скажу честно, вы меня не приучили! Что ж, господин притворщик, считайте, мы с вами пришли к согласию. Дознание за закрытыми дверями, в моей приемной, в

присутствии судьи по уголовным делам, который, надеюсь, избавит нас от долгих комментариев и удовольствуется ролью ведущего заседание.

— Я действовал исключительно из лучших побуждений, — смеясь, ответил Николя.

— Я не в претензии, господин комиссар. Самые неприятные истины — те, которые знать важнее всего. Но вернемся к нашему делу. У меня нет времени ни выслушать вас, ни обсудить ваш отчет. Вы уверяете, что завтра мы завершим эту историю, и демон — или тот, кто занял его место — не станет нам мешать. Не хватало еще, чтобы в дознании при закрытых дверях участвовал дьявол!

— Сударь, только невежда может что-либо утверждать заранее. Со своей стороны, я надеюсь довести расследование до конца.

— И мы тоже надеемся, господин резонер. Куда теперь вы держите путь?

— В монастырь, а затем в Мертвецкую, где мы, полагаю, убедимся, что речь, действительно, идет об убийстве.

— И как обычно, господин Парижский палач протянет вам руку помощи? Сейчас он пребывает при исполнении служебных обязанностей.

— Придется отправиться за ним к подножию эшафота.

— Тогда до завтра, встретимся в пять часов пополудни. Не опаздывайте и примите необходимые меры предосторожности. Если все пройдет, как вы предполагаете, король ждет обстоятельный рассказ из ваших собственных уст. Впрочем, рассказчик из вас прекрасный.

Настроение Сартина значительно улучшилось, и Николя догадался, что вчерашний ужин в тесном кругу у короля немало тому способствовал. Не обращая более внимания на Николя, начальник полиции открыл продолговатую коробку и аккуратно достал обернутый тонкой бумагой великолепный парик цвета темного золота, надетый на болванку, обтянутую фиолетовым бархатом. С удовольствием созерцая очередной экспонат своей коллекции, генерал-лейтенант воскликнул:

— Какая роскошь! Работа Фридриха Штруба, мастера из Гейдельберга. А какой цвет! Какая легкость! Какое наслаждение! Удачной охоты, Николя!

Одержав верх во всех вопросах, комиссар удалился, вполне довольный, и, выйдя на улицу, принялся насвистывать арию из оперы старика Рамо. Он бодро шел вперед, а экипаж следовал за ним. День обещал быть солнечным; в этом квартале селились в основном люди состоятельные, и их новые дома в окружении зелени садов, казалось, источали свежесть и беззаботность. С яркими красками нарождающегося дня удивительно гармонировал пестрый товар цветочниц. Благоухание цветов перебивало неприятные запахи улицы и отчасти притупляло доносившийся издалека шум кварталов, просыпавшихся раньше остальных. Идти в Мертвецкую еще рано. Разумнее всего кратчайшим путем отправиться на улицу Руаяль, а там свернуть в сторону монастыря Зачатия. Погуляв немного среди красивых особняков, Николя сел в фиакр и поехал к монастырю.

Увидев высокую ограду, Николя понял, что он у цели. Он приказал кучеру объехать монастырь; за оградой теснились старые здания с проложенными между ними узкими тропинками. В конце одной из таких тропинок, хорошо утоптанной и обсаженной цветущей сиренью, виднелся старый, с провалившейся крышей и просевшим фундаментом амбар. За деревянным забором располагался огород, примыкавший к опушке чахлой рощицы из нескольких деревьев. Сельский уголок, чудом сохранившийся в центре города, оглашали птичьи трели. Дверь в амбар со скрипом отворилась, явив взору садовый инвентарь, старую тачку и остатки прошлогоднего сена. Полуденная жара и тишина, царившая вокруг, не напоминали ни о смерти, ни о кровавых преступлениях. Николя сел на деревянный чурбак, и подобрав щепку, принялся чертить на земле геометрические фигуры. Мысли его витали в облаках. Неожиданно щепка зацепила покрытый пятнами клок ткани; Николя осторожно взял

его двумя пальцами. Это оказался тонкий перкалевый платок. Николя встряхнул его, освобождая от грязи и сухой травы. Пальцы ощутили тонкие линии вышитой метки. На платке отчетливо виднелись две переплетенные буквы, заглавные С и G, инициалы сразу нескольких членов семейства Гален[60]. Платок вполне мог принадлежать Клоду, скончавшемуся в Новой Франции (в этом случае он перешел к его дочери Элоди), меховщику и владельцу лавки Шарлю Галену, а также обеим теткам жертвы, Камилле и Шарлотте…

Найденный в амбаре, куда, по утверждению достойных доверия свидетелей, Элоди притащил неизвестный субъект, вполне возможно даже Наганда, платок, становился важной уликой. Аккуратно свернув платок, Николя положил его в карман и, опустившись на колени, принялся шарить руками по земле, но так ничего и не обнаружил. Посмотрев на часы, он обнаружил, что пора ехать в Шатле на вскрытие трупа новорожденного; от этой процедуры Николя ожидал многого. Правда, он не сразу нашел свой фиакр: под жарким июньским солнцем кучер задремал, и лошадь, покинув наезженную колею, утащила экипаж к канаве, где принялась с аппетитом поглощать молодые одуванчики, плотным ковром устилавшие землю.

В Мертвецкой Николя уже ждали Бурдо и Семакгюс. Комиссар нисколько не удивился, услышав, что предметом задушевной беседы друзей является молодое вино с виноградников Сюрена, которое подавали в одном из кабачков возле заставы Вожирар. На столе, где производили вскрытия, лежали, прикрытые куском холста, бренные останки, найденные в погребе дома на улице Сент-Оноре. По словам Бурдо, Сансон не заставит себя ждать; узнав, что от него требуется, он пообещал поскорее покончить — слово, вызвавшее взрыв хохота Семакгюса — с формальностями, сопровождавшими каждую казнь, и прибыть как можно скорее.

Не успел хирург договорить, как появился палач. Николя почувствовал — а может, ему показалось, — что пришел совершенно иной человек, совсем не тот, которого он давно знал. Или он все еще пребывал под впечатлением сведений, узнанных им совсем недавно? Возможно, возникновению ощущения отчужденности способствовал надетый на Сансоне традиционный костюм палача, а именно красная куртка с черной вышивкой, изображавший лестницу, ведущую на эшафот, где высилась виселица, синие штаны до колен, красная треуголка и шпага на боку. Лицо Сансона, никогда не отличавшееся яркими красками, сейчас выглядело совершенно обескровленным и осунувшимся, а блуждавший в пространстве взор делал его похожим на привидение. Осознав, наконец, что он находится среди друзей, он передернулся, словно вылезшая из воды собака, как будто стряхивал с себя налипший кошмар, и уже знакомым всем церемонным тоном приветствовал собравшихся.

Как обычно, Николя хотел пожать ему руку, но властный и одновременно жалобный взгляд, с мольбой взиравший на него, побудил его воздержаться от рукопожатия. Присутствующие скрепя сердце смотрели, как Сансон долго мыл руки в медной чаше. Завершив очистительную процедуру, он повернулся и с печальной улыбкой произнес:

— Простите мою сдержанность, но сегодня особый день…

Николя перебил его.

— А потому мы еще более вам признательны, что вы приняли наше приглашение вновь проявить свои таланты на ниве правосудия.

Сансон помахал рукой, словно отгоняя назойливую муху, и Николя тотчас пожалел, что употребил слово «правосудие».

— О! мои таланты… Если бы Господь даровал мне милость и позволил трудиться только на сей ниве… Но давайте приступим к делу, кое побудило вас призвать меня.

— Новорожденный младенец, или же младенец, скончавшийся во время родов, найденный в подвале, где его закопали, завернув в пеленку. Без сомнения, это случилось не очень давно, дней пять-восемь назад.

— Вижу. И, как я полагаю, целью вскрытия является ответ на вопрос, имеем ли мы дело с убийством, или же младенец появился на свет мертворожденным.

— Вы правы, именно это мы и хотим узнать.

— Главное, — произнес палач, — убедиться, что ребенок скончался не при родах. Полагаю, именно это вас интересует более всего?

— Разумеется, дорогой собрат, — произнес Семакгюс. — Ибо если плод так и не увидел свет, значит, нет и состава преступления, не так ли? А у новорожденных жить означает дышать. Следовательно, необходимо установить, дышал ли он.

— В противном случае, — назидательным тоном проговорил Бурдо, — мы можем выдвинуть запасную гипотезу о попытке насильственным путем вытравить плод накануне срока его естественного появления на свет.

— Господа, — кротким голосом произнес Сансон, — чтобы дать ответ на оба существенных вопроса, следует произвести исследование грудной клетки и легких, а также сердца, артериальных и венозных сосудов, состояния пуповины и диафрагмы.

— Господа, господа, — воскликнул Николя, — вы говорите словно златоусты, однако мои скромные познания не чета вашим. Умоляю, для такого невежды как я, говорите проще.

— Видите ли, Николя, — начал Семакгюс, — во время процесса дыхания легкие увеличиваются в объеме. Они изменяют свое положение и цвет и выталкивают диафрагму. Вес их увеличивается за счет протекающей через них крови, а удельный вес уменьшается, ибо расширяются они за счет воздуха. Для вас я опущу детали и не стану углубляться в исследования данного явления. Сейчас мы приступим. Мои инструменты остались в Вожираре, поэтому пришлось обратиться к хирургу из квартала Шатле. Сколько я ни уговаривал его, он не хотел мне их давать, но стоило мне упомянуть имя комиссара Ле Флока, как он немедленно вынес мне инструменты. Вы, друг мой, настоящий чудотворец!

Водрузив кожаный чемоданчик на стол, Семакгюс откинул крышку, и содержимое чемодана заблестело в свете факелов. Из черного матерчатого мешочка хирург извлек стеклянный сосуд с нанесенными сбоку мерными делениями. Затем он снял фрак, Сансон отложил в сторону треуголку и алую куртку, а Бурдо разжег трубку. Почти инстинктивно Николя вытащил из кармана табакерку и с ужасом уставился на стол, где эксперты приступали к вскрытию. Присутствуй при этой сцене наблюдатель, он смог бы отметить волнение, охватившее Николя, когда он увидел, как два человека, чьи достоинства, недостатки и даже пороки он давно успел изучить, сошлись в центре мрачного подвала, и, склонившись над несчастным крохотным трупиком, принялись рассекать его, бормоча малопонятные слова. Когда настал черед извлекать, взвешивать и разрезать крошечные органы, он закрыл глаза. Наконец, легкие новорожденного опустили в сосуд с водой, и процедура вскрытия, показавшаяся ему бесконечной, завершилась. Хирурги вымыли руки и, вполголоса обменявшись загадочными фразами, повернулись к комиссару.

— Итак, господа, — произнес Николя, — к какому заключению вы пришли — если проведенная вами работа вообще позволяет сделать какое-либо заключение?

— Плод дышал, и мы в этом убеждены, — констатировал Семакгюс.

— Мы исключаем возможность наступления смерти во время родов, — поддержал его Сансон.

— Вся поверхность легких имеет ровный розовый цвет. А сами легкие легче воды.

— Хорошо, я верю вам обоим. Но если извлеченный из материнской утробы плод был жив, можете ли вы определить, явилась ли его смерть естественной или же насильственной, и, если последнее утверждение верно, то каким способом его лишили жизни?

Скрестив руки на груди, Сансон после недолгого молчания начал объяснять:

— Ребенок родился нормальным, с правильным, и даже красивым телосложением, поэтому мы исключили врожденное уродство, часто являющееся причиной смерти новорожденных. Мы не обнаружили следов затрудненных родов, однако, принимая во внимание состояние тела, с полной уверенностью мы этого утверждать не можем. Мы не обнаружили симптомов удушья…

— Так, значит…?

— Значит… Мы предполагаем пупочное кровотечение. Пуповину вовремя не перевязали, и это повлекло за собой смерть. Согласно закону, тот, кто прибег к такому способу, должен быть осужден как детоубийца. Мы считаем, что убийца, подождав, пока вся кровь вытечет из тельца, перевязал пуповину, чтобы скрыть свое преступление. Таким образом объясняется, почему вы не нашли ни окровавленных пеленок, ни следов крови на земле, куда опустили тело и где его закопали.

— Ужасно, — с трепетом произнес Николя.

Семакгюс поднял голову.

— Разумеется, а вы как думали? Впрочем, когда человек не в себе, он вполне может решить, что оставить младенца на земле терять кровь не является преступлением. Скорее всего, преступник полагал, что он всего лишь предоставил природе сделать свое дело, а сам он тут не при чем. Мы же уверены, что совершено детоубийство, ибо новорожденный, увидев свет, задышал.

— Господа, я еще раз благодарю вас. Но прежде чем расстаться, прошу вас еще об одной услуге. Бурдо, вы принесли аптекарский пузырек, найденный у старьевщика?

Покопавшись в кармане фрака, Бурдо вытащил пузырек.

— Не сможете ли вы мне сказать, что было налито в сей флакон?

Семакгюс взял пузырек, открыл стеклянную пробку и поднес к носу. Он так старательно обнюхивал пробку, что от усердия его большой нос покрылся складками. Потом он протянул пробку Сансону, и тот повторил его действия.

— Все очевидно, — произнес палач.

— Остатки порошка еще сохранились, — поддержал его корабельный хирург. — И если добавить чуть-чуть воды, его возможно обнаружить…

Семакгюс направился к фонтанчику, бившему из медной чаши, намочил под тонкой струей палец и, осторожно капнул на горлышко сосуда; капля тонкой струйкой стекла по стенке. Корабельный хирург закрыл флакон пробкой и потряс его. Затем он попросил Бурдо раскурить трубку, и когда табак занялся, он несколько секунд подержал над ним дно флакона.

— Нагревание ускоряет процессы смешивания изготовления настоя…

Вновь открыв флакон, он вдохнул и передал его Сансону; тот кивнул, подтверждая его слова.

— Лауданум.

— Млечный сок снотворного мака, наркотик и снотворное, — эхом отозвался Семакгюс.

— Опасно для жизни? — спросил Николя.

— По-разному. Настойка вызывает крепкий сон, длительность которого зависит от количества выпитой настойки. Слишком большая доза может вызвать смерть. Как и любое злоупотребление, впрочем.

Семагкюс посмотрел на Сансона, словно ища у него поддержки, и тот утвердительно кивнул. Семакгюс продолжил:

— Все, разумеется, зависит от возраста и состояния здоровья того, кто принимает такую настойку.

— Все проясняется, друзья мои. Ваши выводы и уточнения осветили мне путь. Теперь я должен вас покинуть: расследование призывает меня двигаться дальше. Бурдо, завтра в пять часов пополудни надо собрать всех в приемной Сартина, дознание пройдет при закрытых дверях, в присутствии уголовного судьи. Пусть привезут Наганду и Мьетту. И хорошо бы также привести кухарку Мари Шафуро.

— Николя, — неожиданно произнес Семакгюс, — а что если нам пойти подкрепить силы в одной из тех харчевен, что так полюбились нашему доброму Бурдо?

— Конечно, доктор, вы можете именовать эти заведения харчевнями, — ответил задетый за живое Бурдо, — но как вы сами не раз имели возможность убедиться, там можно превосходно пообедать, и в прекрасной обстановке.

— А я и не намереваюсь с вами спорить! Не обижайтесь на употребленное мною слово. Напротив, я вам искренне благодарен, ибо только благодаря вам я узнал множество замечательных уголков, где можно отлично поесть, и мое чрево признательно вам вдвойне. Так как насчет обеда, Николя?

— Благодарю за заботу, дорогой Семакгюс, однако время не терпит отлагательств. До захода солнца мне непременно надо встретиться с одним типом, иначе потом сам черт не сможет отыскать его до рассвета.

Николя протянул руку Сансону, и на этот раз тот пожал ее без всяких колебаний. На пороге Николя обернулся и напомнил Семакгюсу и Бурдо, что завтра он надеется увидеть их обоих на дознании. Выйдя на улицу, он не нашел своего кучера, и отправил на его поиски мальчишку-рассыльного. Тот не без труда отыскал его: малый отправился перекусить в соседнюю таверну, и от усталости заснул прямо за столом, уткнувшись носом в тарелку. Облеченный властью мальчишка принялся его бранить; в ответ кучер пообещал всыпать ему кнутом за наглость. Укоризненное молчание Николя восстановило спокойствие, и фиакр покатил в сторону улицы Сент-Оноре.

Николя хотелось кое-что прояснить, но для этого требовалось еще раз поговорить с кухаркой Галенов. Как он и ожидал, убийство новорожденного подтвердилось, теперь пора заняться флаконом. Переместившийся из лавки старьевщика в его карман сосуд должен стать важной уликой на дознании. Он готов отдать на отсечение руку, если содержимое этого флакона не имеет никакого отношения к странному продолжительному сну, о котором рассказал Наганда. Впрочем, полностью доверять показаниям индейца нельзя, ибо тот постоянно лжет, утаивает факты и намеренно вводит его в заблуждение, не желая правдиво рассказать о том, чем он занимался в интересующие Николя часы. Пока он осмысливал предстоящий допрос Наганды, в конце улицы показалась лавка под вывеской «Два бобра». Дверь ему открыла кухарка; с утра лишенная собеседников, она немедленно выложила ему все, что рвалось наружу.

Пространно объясняя ему, как трудно соблюдать развитую не по годам девочку, она пожаловалась, что Женевьева не слушалась ее, и вдобавок замучила глупыми вопросами. Девчонка вела себя точно так же, как ее тетки, когда те были в ее возрасте. Конечно, кухарка признавала, что ни Камилла, ни Шарлотта не были столь сообразительны; одна из сестер, к примеру, потратила годы, чтобы научиться шнуровать корсет, но так толком и не научилась. Николя слушал ее, не прерывая и не выказывая нетерпения. И только когда она заявила, что после той жуткой ночи, о которой она до сих пор вспомнить без ужаса не может, ребенок никак не мог заснуть, и ей пришлось дать ей сладкого молока с большой ложкой флердоранжевой воды, он попросил у нее посмотреть флакон, откуда она наливала лекарство. Это самое лучшее лекарство, успокаивает все тревоги и помогает заснуть, обе тетки девочки пользовались им, а брали они его у соседнего аптекаря, говорила кухарка, шаря в шкафу в поисках пузырька. Когда же, наконец, она вручила флакон Николя, тот сразу увидел, что он как две капли воды похож на флакон, обнаруженный у старьевщика, Во всяком случае, ни на одном, ни на другом

не было этикетки, а потому ничто не указывало на их разное происхождение. Он спросил, кто из двух сестер чаще принимал снотворное. Мари Шафуро с уверенность ответила, что, конечно же, Камилла, младшая. Полагая, что такой ничтожный на первый взгляд факт может выпасть из его памяти, Николя занес ответ кухарки в записную книжечку. Поблагодарив почтенную матрону, он попросил ее завтра явиться в Большой Шатле, и неожиданно обнаружил, что его просьба необычайно взволновала ее. Она принялась отнекиваться, ссылаясь на невозможность оставить Женевьеву одну в доме; однако Николя ее отговорок не принял, и заявил, что если она боится оставить девочку, пусть берет ее с собой: присутствие ее на заседании может оказаться отнюдь не лишним. Еще раз поблагодарив кухарку за вчерашний омлет и пообещав завтра прислать за ними экипаж, он отправился дальше.

Полученные им сведения позволили ему без труда найти заведение аптекаря, к которому в случае нужды обращались все члены семейства Гален. Оно находилось в нескольких шагах от лавки Галенов, на углу улиц Сурдьер и Сент-Оноре. Толкнув дверь, Николя услышал, как в глубине дома задребезжал колокольчик. Аптекарская лавка поразила его своими размерами. В центре возвышался монументальный прилавок из резного дерева; полки, занимавшие все стены, подбирались к потолку; на полках гордо выстроились различные сосуды, среди которых преобладали фаянсовые горшочки, богато украшенные и снабженные надписями на латыни. Еще большее восхищение вызвали у Николя сосуды из слоновой кости, мрамора, яшмы, алебастра и цветного стекла. Прошло довольно много времени, прежде чем, наконец, появился человечек лет пятидесяти, в костюме из черной саржи и сером напудренном парике. Маленькие блеклые глазки под густыми темными бровями взирали на пришельца без всякого выражения.

— Чего желаете, сударь? Простите, что заставил вас ждать, но мне пришлось проследить за своим подручным, который подслащал пилюли[61]. Это очень деликатная операция, требующая моего участия.

— Я нисколько не в обиде. Николя Ле Флок, комиссар полиции Шатле. Мне хотелось бы получить от вашей любезности кое-какие сведения, необходимые мне для расследования дела, коим я сейчас занимаюсь.

Глаза его собеседника загорелись.

— Клерамбур, аптекарь, к вашим услугам. Мне уже не раз приходила в голову мысль, что у одного из моих соседей, а именно у меховщика, дома творится что-то неладное…

Хотя в голосе его прозвучало сожаление, он высказал свою гипотезу вполне уверенным тоном.

— Кстати, а почему вы не в судейском платье? — полувопросительно заметил аптекарь.

— Потому что вы пока еще не подозреваемый. Речь идет всего лишь о дружеской беседе. Мне надо проверить одну деталь.

— Какую, сударь?

Николя достал из кармана флакон и протянул аптекарю, который взял его двумя пальцами — словно ядовитую змею.

— Так что же вам хочется узнать, господин комиссар?

— Мне хотелось бы знать, из вашей ли аптеки сей флакон.

— Полагаю, вам уже об этом сообщили.

Николя не ответил. Аптекарь повертел флакон.

— Полагаю, что да.

— Не могли бы вы дать более точный и подробный ответ?

— Нет ничего проще! Это флакон из серии идентичных флаконов, выдуваемых лично мною для нужд моей аптеки. У них стекло более толстое, чем у обычных пузырьков, а потому ошибиться невозможно: ни у кого из моих собратьев по ремеслу нет таких сосудов.

— А зачем вам толстое стекло?

— Понимаете, господин комиссар… Я использую эти флаконы для лекарств, требующих особого обращения, которые при неумеренном употреблении могут оказаться опасными.

— Но разве назначение подобных лекарств не является результатом совещания между практикующим врачом и аптекарем, разве вы не вместе выписываете рецепт, и только потом изготовляете лекарство и относите его больному?

— Вы правы, обычно мы так и поступаем. Однако часто пациент сам требует у нас лекарства… А кому хочется терять клиента? К тому же, не только мы продаем небезопасные составы. Господа бакалейщики…

Тон его стал язвительным и сварливым:

— …эти господа претендуют на право торговать нашими составами. Они продают субстанции еще более опасные, способные вызвать смерть. Мы судимся с ними в королевском суде вот уже много лет.

Николя перебил его.

— Я вас понимаю. Но вернемся к нашему флакону. Постарайтесь вспомнить, что в нем было, и кто купил его.

— Это была последняя покупка семьи Гален, ибо, полагаю, вас интересует именно эта семья. Флакон содержал средство, которое, если употреблять его умеренно и разумно, не представляет никакой опасности.

— О каком средстве идет речь?

Аптекарь заколебался.

— Средство совершенно новое. Лауданум. Экстракт сока снотворного мака. Снимает болевые ощущения, восстанавливает сон и облегчает состояние больного.

— Может ли это средство погрузить больного в долгий сон, близкий к бесчувственному состоянию?

— Разумеется, особенно если увеличить прописанную дозу.

— Возвращаясь к нашим вопросам: кто ее купил у вас?

Аптекарь вытащил из-под прилавка огромную счетную книгу в переплете из телячьей кожи и, послюнив палец, принялся листать.

— Ммм…. Вот! 27 мая. Видите, у меня все записано, 27 мая господин Жан Гален приобрел флакон лауданума. Я хорошо помню, как молодой человек сказал мне, что хочет избавиться от зубной боли. Семья живет по соседству, Шарль Гален слывет почтенным негоциантом, уважаемым и почитаемым в узком кругу негоциантов, представляющих свои гильдии в «Большой корпорации». И хотя ходят слухи, что сейчас он испытывает денежные затруднения, без сомнения, эти затруднения временные. Надеюсь, вы удовлетворены моим ответом, господин комиссар. Никто более меня не заинтересован в соблюдении порядка в нашем городе.

— Благодарю вас. Ваши показания, поистине, не имеют цены.

Пока экипаж двигался по набережной в сторону Нового моста, Николя обдумывал появление новой улики, на основании которой одним из главных подозреваемых становился сын хозяина лавки Жан Гален, скользкий молодой человек с бегающими глазками, который так и не смог рассказать подробно, чем он занимался в ночь убийства; его отношения с кузиной остались покрыты мраком, и, как теперь оказалось, именно он купил снотворное, предназначенное для Наганды. Неожиданно он подумал, что все члены семьи Гален вполне могли находиться в сговоре друг с другом, дабы, после совершения убийства, набросить на преступление покров, терпеливо сотканный из лжи и ложных следов. Интересно, что сообщит ему Ретиф де ла Бретон, чье появление возле «Двух бобров» явно не случайно.

На площади перед мостом Сен-Мишель Николя велел кучеру свернуть налево, на улицу Юшет. Чувство голода, проснувшееся от предложения Семакгюса, не только не покинуло его, но стало совершенно нестерпимым. Искушенный знаток парижской жизни, Николя знал, что на этой улице в любое время дня и ночи можно отведать жареной дичи. Подобно прикованным к веслам каторжникам, поварята круглые сутки поворачивали вертела, раздували уголья и следили, чтобы они не потухли. Огонь в этом пекле гасили только на время поста. Сартин, старавшийся избегать риска везде, где его можно избежать, говорил, что если на этой узкой улочке возникнет пожар, он будет страшен и опасен, ибо погасить старые деревянные постройки вряд ли удастся. Посол Великой Порты, недавно посетивший Париж, нашел сию улицу чрезвычайно приятной по причине источаемых тамошними харчевнями ароматов.

Николя приказал кучеру остановиться, опустил окошко и велел подбежавшему мальчишке-поваренку, с восторгом взиравшему на его экипаж, принести половину курицы. Завернутая в промасленную бумагу птица, с солью и маленькой луковичкой, была доставлена немедленно, и он испытал неземное наслаждение, поедая ее. Вспомнив о кулинарных пристрастиях своего начальника, он мысленно согласился с ним, что куриные крылышки, надлежащим образом зажаренные, являются, поистине, королевским блюдом. Источник на углу улицы Пти Пон напоил его и смыл с рук остатки жира.

В отличие от улицы Юшет, улица Вьей Бушри скрывалась в лабиринте улочек и тупичков. Николя пришлось вылезти из кареты и продолжить поиски пешком. Он тотчас заблудился, по чьему-то совету, пошел в неправильном направлении, но в конце концов достиг цели. Ему указали на жалкий с виду дом, где сидевшая на месте привратницы неряшливая женщина сообщила ему, что бездельник, коего он разыскивает, теперь обретается в коллегиале Жевр, в нескольких улицах отсюда, в квартале Эколь. Потратив практически столько же времени, сколько он затратил на поиски улочки Вьей Бушри, он, наконец, отыскал нужное ему полуразрушенное здание. Во дворе, при вопросе, на каком этаже проживает «господин Николя», старик, нанизывавший на крючок старые бумажки, развел веером пять пальцев левой руки. Поднимаясь по шатким ступеням, покрытым слоем отбросов, комиссар совершенно запыхался, пока добрался до нужного этажа. Открытая дверь являла взору комнату с голыми стенами, обстановка которой состояла из парусиновой складной кровати, стола и соломенного стула. Молоденькая девушка, почти ребенок, в потрепанном платье мыла ноги в тазу с выщербленными краями. Увидев гостя, она бросила на него взгляд задорный и одновременно вопросительный.

— Вы ищите папашу Николя?

— Совершенно верно, мадемуазель. А вы его дочь?

Она фыркнула.

— И да, и нет, а также еще много чего.

Он подумал, что ее ответ вполне соответствовал недоброжелательным слухам, достигшим ушей полиции, и в частности, ушей инспектора из департамента полиции нравов.

— Его уже тут нет, он уже ушел.

— Тогда не могли бы вы оказать мне любезность и сообщить, где бы я мог его найти?

— Почему бы и нет? Вы такой вежливый! Он зван к мадемуазель Гимар, она сегодня вечером устраивает большой прием на улице Шоссе д'Антен. Однако он явится туда не ранее десяти часов, а до того ему надо побывать во многих местах.

— Могу я злоупотребить вашей добротой и спросить, намеревается ли он вернуться домой сегодня ночью?

— Злоупотребляйте, злоупотребляйте, я привыкла… Не думаю… Даже почти уверена. Он, без сомнения, отыщет парочку хорошеньких ножек…

И она шаловливо рассмеялась.

— Это означает? — спросил Николя.

— Ничего не означает, я сама не знаю, что говорю. Он всегда возвращается под утро. Мы могли бы подождать его вместе…

Сказано без навязчивости, однако с подмигиванием и призывным покачиванием бедер.

— Увы! — ответил Николя. — У меня слишком срочное дело. Тем не менее, я благодарен вам за предложение.

Подобно актрисе, приветствующей публику после окончания спектакля, она сделала нечто вроде реверанса, и молча продолжила заниматься собственным туалетом.

В поисках своего экипажа Николя вновь пришлось основательно попутешествовать в лабиринте извилистых улочек. Пробило половину четвертого, и он понял, что не стал бы биться об заклад, что сумеет отыскать Ретифа до наступления вечера. Однако, если Ретиф сказал, что отправляется к Гимар, танцовщице из Оперы и нынешней знаменитости, то, скорее всего, его, действительно, пригласили к сей многопочитаемой богине, постоянно окруженной толпой обожателей и поклонников, и он туда явится. Николя стал вспоминать досье Гимар, с которым он недавно ознакомился исключительно из любопытства — после того, как узнал, что его друг Лаборд ей покровительствует. Не секрет, первый служитель королевской опочивальни питал неизменное пристрастие к юным и хорошеньким особам из королевской Академии Музыки. Выйдя на подмостки статисткой кордебалета, через десять лет Мари-Мадлен Гимар уже собирала на свои спектакли весь высший свет. Многие сильные мира сего, среди которых епископ Орлеанский и побежденный при Росбахе маршал Субиз из-за нее разорились. Говорили, что на узком и длинном участке, расположенном в конце Шоссе д'Антен она хотела построить дом и собственный театр и уже заказала проекты архитектору Леду. Уже был нарисован фриз: коронация музы танца Терпсихоры. Венценосная муза ехала во главе процессии на колеснице, влекомой купидонами, вакханками, грациями и фавнами. Но так как разрешение на строительство Гимар еще не получила, Николя предположил, что она устроит прием на участке, выбранном ею под будущий особняк.

После зрелых размышлений он решил вернуться в дом на улице Монмартр и сменить костюм, а затем отправиться на улицу Шоссе д'Антен, где наверняка будет Лаборд, который, несомненно, облегчит ему задачу проникновения на прием. На миг у него возникло искушение использовать предоставленное ему волею случая время для ареста майора Ланглюме, но не будучи уверен, что застанет майора дома, он решил изгнать эти мысли, возникшие, как он считал, исключительно из желания утолить свою злость и личную неприязнь к майору. На улице Монмартр он узнал, что утомленный зудением Марион и Катрины, вдвоем насевших на стареющего прокурора, Ноблекур согласился выпить добрую порцию очищающего кровь отвара, дабы предотвратить последствия дозволенной врачом отмены диеты. Заклеймив позором врача, допускающего подобные вольности, кумушки, наконец, успокоились, и занялись изготовлением варенья из вишни, кисловатый аромат которой успел проникнуть в каждый уголок дома. В детстве Николя обожал снимать пенку с варенья, и сейчас он горько пожалел, что у него нет на это времени. Проходя мимо кухни, он предупредил обеих матрон, что идет мыться во двор к источнику и будет принимать водные процедуры в чем мать родила. Заявление вызвало бурный протест: его обвинили в оскорблении стыдливости, а потом предостерегли, заявив, что своим постоянным мытьем он наживет себе проказу. Пуатвен, в таких случаях обычно хранивший молчание, на этот раз поддержал Николя, сказав, что коли мытье под струей воды хорошо для лошадей, то, значит, и для людей оно не может оказаться вредным. Все долго смеялись над его заступничеством. Когда Николя покидал кухню, вслед ему летели то возмущенные, то насмешливые тирады Катрины и Марион.

Совершив обещанное омовение, он отправился одеваться, но задержался перед зеркалом. Вместо хрупкого молодого человека, когда-то делавшего первые шаги на службе королю, перед ним предстал зрелый мужчина крепкого сложения. Черты лица, сохранившего овал

юности, заострились, в уголках глаз появились первые морщинки, а шрамы, старые и новые, превратили приветливое выражение лица в серьезное. И все же, разменяв третий десяток, он выглядел по-прежнему молодо: пережитые испытания почти не отразились на его внешности. Поэтому, заметив в волосах седую прядь, он удивился и счел ее неуместной. После недолгих размышлений он выбрал шелковый фрак сливового цвета и галстук из голландских кружев; завязывая галстук, он с удовольствием пропустил сквозь пальцы кружевные волны, наслаждаясь их легкостью. Стянув волосы лентой в тон фраку, он украсил башмаки блестящими серебряными пряжками. Не имея приглашения, он обязан был одеться с особой тщательностью, дабы сразу настроить хозяев в свою пользу. Повышенные заботы о внешности оправдывало и присутствие Лаборда: его друг слыл законодателем мод как в Париже, так и в Версале, и Николя не хотел заставлять его краснеть.

В десять часов он сел в экипаж. За то время, пока он занимался своим туалетом, кучер успел не только отдохнуть, но и поменять лошадь. Улица Шоссе д'Антен проходила неподалеку от театра Итальянской комедии, где в свое время он проводил расследование. Квартал к югу от Монмартрского холма, где расположился замок Поршерон, до сих пор не обрел городской облик. Застройка Шоссе д'Антен шла только на участках, пущенных в продажу религиозными орденами, владельцами значительной части тамошней земли. Вокруг редких домов еще простирались сады и болота, однако все больше состоятельных людей приобретали здесь участки для строительства роскошных особняков.

Он проблуждал довольно долго, прежде чем увидел скопление экипажей и лакеев с факелами. Посреди фруктового сада стоял длинный дощатый павильон, расписанный объемным архитектурным декором, создававшим иллюзию роскошной постройки. К строению вела насыпная дорога. Под портиком, раскрашенным в античном стиле, чернокожие лакеи факелами освещали гостям вход. Молчаливая толпа, удерживаемая слугами на приличном расстоянии, созерцала демонстрацию роскоши. Выйдя из экипажа, Николя подошел поближе. Дворецкий, забиравший у гостей приглашения, перевязанные золотисто-коричневой ленточкой, подозрительно покосился на него. Не желая ссылаться на свою должность, Николя спросил, здесь ли господин де Лаборд. Вопрос, прозвучавший из уст красивого мужчины в элегантном платье, неожиданно стал сезамом: комиссара мгновенно пропустили. Внутри павильон оказался разделенным на несколько помещений, богато обставленных и украшенных цветами. В центре находился просторный зал приемов, двери которого выходили в сад, позволяя гостям насладиться теплом июньской ночи. Столы ломились от изысканных закусок, тут же высились пирамиды из фруктов. Армия слуг, сидя на корточках перед ящиками с прохладительным, открывала бутылки с шампанским и красным бургундским вином и раздавала толпившимся вокруг гостям стаканы и бокалы на тонких ножках. Посреди шумной толпы Николя не сразу заметил группу мужчин, почтительно толпившихся вокруг божества в полупрозрачном шелковом платье, усыпанном звездами. Он узнал Гимар; рядом с ней стоял Лаборд и на правах хозяина дома принимал приветствия. Заметив Николя, он радостно воскликнул:

— Дорогой Николя, я не сплю? Мадлен не предупредила меня о вашем приходе. Какой приятный сюрприз!

— Увы, мой дорогой, меня нет в числе приглашенных, и только моя честная физиономия и ваше имя позволили мне войти. Я разыскиваю человека, которого мне непременно надо допросить. Вы его, разумеется, знаете. Это и писатель, и печатник, и неутомимый странник, и еще много чего другого.

— Это может быть только он! Ретиф де ла Бретон. Его пригласили, чтобы придать перчику сегодняшнему вечеру. Он чрезвычайно красноречив и оригинален, хотя по его виду и не скажешь.

Пытаясь скрыть раздражение под елейной улыбкой, танцовщица приблизилась к Лаборду:

— Друг мой, вы совсем обо мне забыли.

Приветствуя Николя, она произнесла:

— Добрый вечер, сударь. Это из-за вас мною пренебрегли?

— Дорогая, разреши представить тебе Николя Ле Флока, правую руку господина де Сартина. Король от него без ума.

— Можете не продолжать, сударь! Я прекрасно знаю господина Ле Флока, ибо много о нем наслышана. Недавно маршал Субиз…

Лаборд скорчил рожу.

— …знавший его отца, маркиза де Ранрея, отзывался о нем крайне одобрительно. Говорят, покойная маркиза де Помпадур была ему весьма обязана, ибо он оказал ей, поистине, неоценимые услуги.

Николя поклонился,

— Сударыня, вы преувеличиваете.

— Я его пригласил, — заявил Лаборд. — Такими людьми не следует пренебрегать.

— Жаль, что я сама этого не сделала; тем не менее, сударь, я очень рада вас видеть.

— Благодарю вас, мадемуазель. Осмелюсь признаться, что давно уже являюсь восторженным поклонником вашего таланта. Ваше очарование, как на сцене, так и вне ее, а также ваша безупречная игра, совершенно неподражаемы.

Одарив его улыбкой, она протянула ему обе руки, и он почтительно поцеловал их. Взглядом поблагодарив его, Лаборд попросил его извинить и последовал за божеством.

Время летело быстро; Николя переходил от одной группы к другой, слушал свежие сплетни и раскланивался с приглашенными знаменитостями. На нем попыталась повиснуть какая-то девица, младшая товарка Гимар. Без излишней скромности она сообщила ему, что ищет себе покровителя, разумеется, богатого, но хотелось бы еще и молодого, и с приятной внешностью. Николя был вынужден разочаровать ее. Он старался держаться поближе к гостиной, дверь которой выходила в прихожую. Около половины одиннадцатого он заметил субъекта, вполне соответствовавшего образу господина Николя, обрисованному ему ранее. Сгорбившись, субъект бочком проковылял в гостиную, свидетельствуя, что он не принадлежит к завсегдатаям такого рода званых вечеров. Тощий, однако с солидным брюшком, с вытянутым лицом, украшенным крючковатым носом, и живыми глазами, сверкавшими из-под густых бровей, придававших ему неприветливый вид, он являлся обладателем густой седеющей бороды, нисколько не вязавшейся с его яркими алыми губами. Цвет одежды, средний между серым и черным, позволял ему выглядеть если не шикарно, то хотя бы опрятно. Встреть Николя его на улице, он бы решил, что перед ним мастер с мануфактуры Сент-Антуанского предместья. Когда Николя преградил субъекту дорогу, тот испуганно отступил.

— Сударь, не надо скандала, — начал оправдываться он. — Я заплачу, только позже. Всегда можно найти способ договориться….

— Речь не об этом. Вы господин Николя Ретиф де ля Бретон? Я комиссар полиции Шатле, и я прошу вас, сударь, уделить мне внимание, ибо я полагаю необходимым побеседовать с вами.

Вздохнув с облегчением, Ретиф успокоился, услышав, с кем имеет дело. Взяв Николя под руку, он повел его к двум позолоченным креслам-бержер, обитым серым, расшитым золотом шелком.

— Вы же знаете, я ни в чем не могу отказать полиции.

— Нам это известно. Именно поэтому мы ожидаем от вас откровенности. Сегодня утром, когда инспектор Бурдо увидел вас возле лавки меховщика на улице Сент-Оноре, вы

необъяснимым образом испарились. Поведение весьма странное, и потому мы ждем от вас объяснений.

— Могу я быть с вами совершенно откровенным?

— Я вам не только это дозволяю, но и настоятельно рекомендую.

— Замечательно! Итак, начнем. Вы знаете, я всегда питаю особое расположение к женщинам.

Лицо его приняло мечтательное выражение, словно он разговаривал сам с собой.

— Что может быть прекраснее изящной женской ножки в туфельке без задника? Да, да, именно в туфельке без задника! У нее были очень красивые ножки, и вдобавок она легко согласилась пойти со мной. И я стал караулить возле дома, чтобы еще раз увидеть ее ножки. Вот и все, сударь. Больше мне нечего сказать.

— Предположим. Однако о ком вы говорите?

— Ну, разумеется, о жене меховщика, о госпоже Гален. Она не хотела называть свое имя. Но я пошел за ней и сам все выяснил. Впрочем, когда мы встретились, я не стал скрывать, что следил за ней.

— Итак, вы признаете, что поддерживали отношения с этой женщиной?

— Разумеется, сударь. Я не поддерживал, я поддерживаю, продолжаю поддерживать. Во всех смыслах этого слова. По крайней мере, в течение нескольких последних месяцев. Правда, не так давно из-за болезни мне пришлось временно отказаться от посещения театра удовольствий. Впрочем, не я один имею с ней отношения.

— Вы хотите сказать, сударь, что оплачивали… услуги мадам Гален?

— Господин комиссар, не мне учить вас жизни.

— И как вы считаете, она… жертвовала собой ради удовольствия или ради выгоды?

— Ну, разумеется, ради выгоды! Точнее, ради стремления собрать деньги для своей маленькой дочери, ибо супруг, по ее мнению, стремительно катился к банкротству. Когда она рассказывала мне об этом, она заливалась слезами. Я многого не требовал, она прощала мне мои маленькие странности. Впрочем, я был у нее не один, так что она вполне успешно пополняла свою кубышку. Ах, настоящий ангел! Какая преданность! Какая самоотверженность!

Николя не был готов к подобным признаниям.

— Постарайтесь как можно точнее ответить на мой вопрос, это очень важно, — произнес он, помолчав. — Где вы были в вечер катастрофы на площади Людовика XV?

— С ней, в моем убогом жилище в коллегиале Прель. Мы пообедали за общим столом, а потом отправились ко мне. Потом… она заснула и ушла от меня очень поздно. Точнее, очень рано. В общем, на следующее утро.

— Как долго вы пробыли вместе?

— С восемнадцати часов тридцати минут до половины четвертого утра.

— И последний вопрос, сударь. Не похоже, чтобы у вас имелся бездонный кошелек. Каким образом вам удается «помогать» этой женщине?

— Я беден исключительно из-за женщин! Я все трачу на удовольствия, сударь! Вот в чем вопрос!

Внезапно раздались приветственные крики, прервавшие их беседу. Последовав за толпой гостей, они пришли в зал приемов. Там, на столе, сняв фрак и оставшись в одной рубашке, стоял Лаборд, и, держа в руке бокал, читал собственного сочинения стих, посвященный Гимар.

Сказал Эзоп,

Что лук с всегда натянутой стрелою

Сломается, коль ты его заденешь невзначай рукою.

А потому, друзья мои, дадим ему покою.

Не хмурьтесь, о, прелестницы мои,

Ибо не только я, но и все мы

Докажем вам, как с тетивой тугою,

Мы после отдыха резвее во сто крат,

И каждый, цель завидя, несказанно рад,

Ослабив тетиву, стрелу вонзать подряд

Раз сто, и, отдохнувши, вновь разить сто крат.

Раздался гром аплодисментов, и праздник грянул с новой силой, принимая тут и там все более непристойный оборот.

— Смотрите, — произнес Ретиф, указывая на гостей, — смотрите, господин комиссар, вот что правит миром. Могу я теперь поволочиться вон за той красоткой?

— Вы свободны, сударь. Идите и развлекайтесь вволю.

Николя едва ли ни бегом покинул павильон. На улице народ по-прежнему пожирал глазами праздник. Усталость навела его на печальные размышления. Все шло к тому, что потомки станут клеймить его несчастную эпоху, когда любое искреннее чувство встречали с презрением, добродетели попирали ногами, достоинство с легкостью приносили в жертву, а положением торговали ради удовлетворения низменных страстей. Лучшие умы были готовы запятнать репутацию, лишь бы выиграть гонку за развлечениями. Он с тоской подумал, что пример подают сверху, А впрочем, кто он такой, чтобы судить и своих друзей, и других людей? Сам он далеко не безупречен, ибо охотно идет в объятия девицы легкого поведения, вступившей на поприще сводни, где она, без сомнения, скоро займет место Полетты. Так на каком же основании он позволяет себе бросать камень в заблуждающееся человечество?

XI

ЯВКА В СУД

В личности Его Величества заключена вся полнота правосудия, а советники и судьи держат от него свои должности, и власть, кою они имеют над его подданными.

Мопу

Вторник, 6 июня 1770 года

Николя встал рано: он хотел в тишине составить объяснительную записку, дабы один экземпляр отдать начальнику полиции, а другой судье по уголовным делам. Расположившись в библиотеке Ноблекура, он к одиннадцати часам выполнил поставленную задачу, и решил немного подышать воздухом и поразмышлять о решающем заседании, что должно состояться сегодня вечером. При ходьбе мысль его всегда начинала работать быстрее, и хотя решения, принятые им при очередной прогулке, не всегда оказывались применимы сразу, тем не менее, накапливаясь, они, словно резервные боеприпасы, в нужный момент оказывались под рукой, помогая раскрыть очередное преступление. Широким шагом он направился в Тюильри, предоставив разыгравшемуся воображению возможность наслаждаться пестрыми уличными зрелищами.

Солнечным июньским днем сад радовал глаз своей красотой. Вдоль центральной аллеи с обеих сторон чинно выступали молодые женщины в светлых платьях, сопровождавшие детей, резвившихся вокруг или игравших в догонялки. Продажные красотки, арендовав стулья, занимали наиболее выгодные стратегические позиции и бросали на прохожих откровенные взоры, заставлявшие опускать глаза как самых стыдливых, так и самых дерзких. До полудня эти дамы завлекали тех, кто был готов пригласить их пообедать, и, надо сказать, без обеда они оставались очень редко. Квартальный комиссар поведал Николя, что с недавнего времени

полиция нравов установила за ними наблюдение, но тут же уточнил, что сад Тюильри, клином заходящий во вверенный ему квартал, не подчиняется его юрисдикции, ибо королевские сады находятся в ведении советников из Ратуши. А всем известно, что стражи порядка из этого ведомства бесконечно менее строги, нежели люди из полиции. Ходили слухи, что они всегда готовы закрыть глаза на незаконную деятельность служительниц Венеры, ибо их легко подкупить, и они не гнушаются взимать дань натурой.

От этих размышлений Николя плавно перешел к Ретифу де ля Бретон и его неожиданным откровениям. Получалось, госпожа Гален занималась малопочтенным промыслом. Предчувствуя крушение семейного корабля, достойная супруга меховщика не придумала иного способа спасти будущее дочери. Он не мог этому поверить, но Ретиф, несмотря на все свои пороки, был прочными нитями связан с полицией, поэтому не в его интересах обманывать комиссара, а, следовательно, его показаниями нельзя пренебречь. Николя подозревал, что его врожденная чистота, запачкавшись снаружи при общении с неприглядной стороной действительности, решила подшутить над ним, сделав ставку на крохотную частичку его сохранившейся невинности. Но приходилось признать: госпожа Гален, еще не утратившая свежести и былой красоты, вполне могла втайне иметь свою сеть клиентуры и доставлять удовольствие множеству почтенных и добрых буржуа, пугавшихся алчности и натиска ее товарок. Имея постоянных клиентов, она, неделя за неделей, аккуратно пополняла свой шерстяной чулок. Семейная жизнь четы Гален давно разладилась, и супруг не обращал внимания на отсутствие жены. Ибо супруга от него ничего не требовала, и не возлагала на него издержки, связанные с походами в театр или в Оперу, которыми она оправдывала свои вечерние отлучки. Дорсак же, чью роль в событиях еще предстояло прояснить, прекрасно играл неблагодарную роль чичисбея, или — в худшем случае — светского сводника, вербующего за определенную плату, а возможно, и за милости, клиентов для хозяйки. В результате неожиданного открытия госпожа Гален, как одна из подозреваемых, обретала алиби, не означавшее, однако, что лавочница не повинна в преступлениях, совершенных в доме на улице Сент-Оноре. Иногда соучастие становится более тяжким проступком, нежели само преступление.

Мысли Николя продолжали витать высоко, среди маленьких белых облаков, бежавших по направлению к площади Людовика XV, где уже мало что напоминало о случившемся там пожаре. Вытянутое облачко, отличавшееся по форме от своих собратьев, навело его на размышления о покушении на Наганду. Он вспомнил нож, осторожно извлеченный Семакгюсом из спины индейца, — обыкновенный кухонный нож с деревянной ручкой; сотни таких ножей, с единственной заклепкой на рукоятке, продаются в лавках возле рынка: их не спутаешь ни с каким иным оружием. Теперь он упрекал себя, что в суматохе той безумной ночи он даже не сделал попытки расследовать это происшествие, которое, хотя и обошлось без последствий для жизни Наганды, заслуживало наименования преступления и вписывалось в цепочку преступных действий, совершенных в доме Галенов после исчезновения Элоди.

Поразмышляв еще немного, он решил уточнить кое-какие детали, а затем стал убеждать себя, что попытка убийства каким-то образом соотносится с прекращением барабанного боя, которым сопровождались загадочные обряды индейца микмак. Но определить последовательность событий он пока затруднялся. После первой части обряда экзорцизма отец Ракар велел всем «расползтись по своим норам»: Николя запомнил необычное выражение экзорциста. Следовательно, все члены семьи Гален снова попадали под подозрение, ведь пока он сам, Семакгюс и экзорцист пребывали возле одержимой, каждый из обитателей дома мог подняться на чердак и нанести удар Наганде. Оружие явно взяли на кухне, поэтому для проверки этой версии надо бы расспросить Мари Шафуро.

Готовясь к дознанию в Большом Шатле, следовало не только доставить всех подозреваемых, но и собрать все улики и проследить, чтобы их разложили в надлежащем порядке. В этом хлопотном деле ему придется обратиться за помощью к привратнику, папаше

Мари, и, разумеется, к Бурдо. Он мысленно перебрал предметы, необходимые выставить на всеобщее обозрение, дабы они помогли ему в проведении дознания; он надеялся, что хотя бы часть улик окажет необходимое воздействие на подозреваемых. Прежде всего, следует разложить вещи Элоди Гален: желтое шелковое платье со свободной спиной, корсаж цвета спелой соломы, корсет из белого шелка, две юбки, серые нитяные чулки, черную бусину, найденную у нее в руке, и непременно соломинки. К ним добавить два выходных костюма Наганды, аптекарский флакон, бинты, вытащенные из-под кровати сестер Гален, платок с инициалами «C.G.», найденный в амбаре монастыря Зачатия, письмо Клода Галена брату, завещание, заново нанизанные обсидиановые бусы, и, наконец, кухонный нож, которым ранили Наганду. Он подумал, что если взять парочку портновских манекенов и облачить в одежды Элоди и индейца, то неожиданное зрелище наверняка заставит содрогнуться даже самые закаленные натуры.

В первый раз после процедуры изгнания дьявола в памяти Николя вновь всплыли картины безумств Мьетты, свидетелем которых он стал. До сих пор ему удавалось прогонять их, убеждая себя, что к расследованию они не имеют никакого отношения. Его разум отказывался признавать реальность припадков служанки, а напоминание о них грозило превратить их в навязчивую идею. Но существовал риск, что Мьетта вновь впадет в прежнее состояние. Так все же, с какой силой, с каким влиянием пришлось ему столкнуться? Таинственные явления, воздействие которых он испытал в своей комнате на улице Сент-Оноре, показались ему своеобразным предупреждением, побуждавшим его продолжать расследование, в то время как выходки одержимой Мьетты свидетельствовали о присутствии злого начала и нисколько не способствовали раскрытию загадки. Но как только ритуал завершился, Мьетта, умиротворенная и свободная от недуга, впала в сомнамбулическое, необычное, но естественное состояние, и привела их в подвал, на место, где закопали убитого новорожденного младенца.

Июньское солнце постепенно согрело Николя, и он, желая отвлечься от мрачных мыслей, устроился на террасе Фельянов. Тотчас явилась толсторожая кумушка и потребовала с него два су за стул. Он заплатил, а потом закрыл глаза и тотчас невольно задремал, невзирая на громкое воркование голубей в листве больших каштанов и пронзительные крики детей, перекрывавшие далекий шум экипажей, пересекавших площадь Людовика XV. Усталость, накопившаяся за многие, без отдыха, дни и бессонные ночи, взяла свое: он очнулся далеко за полдень. Времени оставалось в обрез, и он почти бегом пересек сад и, выскочив на набережную, поспешил в Большой Шатле.

Папаша Мари сидел у себя в привратницкой и в одиночестве поглощал кусок телятины, положенный на тарелку и обложенный дымящейся яичницей с салом, которую привратник с чувством выкладывал на широкие ломти свежего хлеба. Пригласив комиссара разделить с ним трапезу, он, желая окончательно лишить гостя повода для отказа, прибавил, что к трапезе кабатчик из ближайшего заведения обещал доставить свежего пива. Николя не заставил себя упрашивать, и пока они ели, папаша Мари жаловался, что телячья вырезка, которую он сегодня утром отнес в печь к соседнему булочнику, за время приготовления потеряла и в весе, и в количестве, и он подозревает булочника в мошенничестве. Николя успокоил его, напомнив, что в Геранде его кормилица Фина говорила то же самое каждый раз, когда относила жарить в печь к булочнику свою знаменитую утку в яблоках. Утешая старика, он заметил, что жаркий, но равномерный огонь, образующийся в печи для выпечки хлеба, исключительно хорош для мясных блюд, и ради результата можно поступиться некоторыми неудобствами, по большей части выдуманными. Они вспомнили свою родную Бретань, и папаша Мари решил, что им непременно надо выпить его знаменитой настойки, той, что забирает душу, воспламеняет внутренности и оживляет мертвых. Боясь обидеть старика, Николя согласился, но украдкой опрокинул половину стакана на ломоть хлеба. Затем он дал указания, в каком порядке разложить улики, хранящиеся в шкафу дежурной части. Папаша Мари сказал, что неподалеку

живет одна швея, и она за приличное вознаграждение могла бы предоставить им два манекена из своей мастерской.

Тем временем появился Бурдо. Николя сообщил ему все, что узнал накануне, и попросил привести на заседание старьевщика, принявшего в залог темные плащи и флакон. Затем, вынув из кармана черную записную книжечку, он отправился медитировать в приемную начальника полиции. Ему хотелось обдумать начало заседания, а также его ход, в результате которого он обязан выявить преступника. Вера в разум давала ему уверенность, что ключ к разгадке дела отыщется после того, как будут представлены все улики, собранные во время расследования. Вместе с тем он сознавал, что в узких рамках процедуры дознания нет места намекам и полутонам, из коих в основном состоит человеческая жизнь. И точно знал, что только интуиция — это особое, присущее ему одному, понимание поведения подозреваемых, не исключающее личной симпатии к ним, — могла сегодня привести его к истине.

Около половины четвертого служители зажгли факелы в большом зале с готическими сводами, куда свет проникал только через узкие окошки. Два кресла, водруженные на возвышение, на фоне потертого гобелена с гербом Франции ожидали высокопоставленных служителей правосудия. Подозреваемым предстояло занять места по левую сторону от входа. В черном облачении и в парике, Николя расположился напротив них, за столом с разложенными на нем уликами. Два манекена в одежде Наганды и Элоди стояли по обе стороны стола, отбрасывая неверные тени, трепетавшие в мерцающем свете факелов, и повергая присутствующих в необъяснимую тревогу.

Под охраной приставов прибыли мрачные и молчаливые подозреваемые. Обе сестры чувствовали себя неправедно обиженными, и их скорбные лица выражали молчаливое презрение к окружающим. Заняв свои места, они, не переставая перешептываться, принялись буравить Николя ненавидящими взглядами, словно задавшись целью вывести его из себя. Госпожа Гален, как обычно, равнодушно смотрела на окружающих, а лицо ее выражало самоотверженность верующей, готовой смиренно выслушать нудную проповедь, как бы долго ее ни читали. Отец и сын Гален удрученно смотрели в пол. Мьетта, передвигавшаяся почти самостоятельно, улыбалась подобно серафиму; отпечаток зла исчез с ее лица, оно снова стало привлекательным и обрело выражение простодушия, Наганда также в основном оправился от раны: о ней напоминала только некоторая неловкость его движений. Наблюдая за происходящим вокруг, он испытывал любопытство путешественника, открывающего для себя загадочные обычаи чужих народов. Мари Шафуро взволнованно сжимала руки, а ее маленькие глазки обшаривали каждый уголок зала, однако взгляд ее ни на ком не останавливался. Дорсак старался держаться отдельно, всем своим видом показывая, что не имеет ничего общего с семейством. Бурдо и Семакгюс стояли в глубине зала; вскоре к ним присоединился отец Ракар.

Незадолго до пяти часов дверь в зал закрыли. В черном платье привратника, папаша Мари объявил о прибытии высокопоставленных магистратов; Сартин и Тестар дю Ли заняли свои места. Оба были в судейских мантиях с горностаевой отделкой, напоминавших королевскую мантию; сходство это означало, что власть свою они держат от короля. Бросив взгляд на Николя, Сартин открыл заседание..

— От имени короля я объявляю сегодняшнее заседание открытым. Настоящее дознание проводится в присутствии королевского судьи по уголовным делам. Расследование, крайне деликатное, ибо обстоятельства, ему сопутствовавшие, определяются как чрезвычайные, было назначено и проведено по приказу и повелению Его Величества. Напомню, совершено одно убийство и одна попытка убийства. Господин комиссар Шатле, советник в королевских советах, предоставляю вам слово.

Сартин избежал упоминания о детоубийстве: известие о нем пока следовало хранить в тайне. Николя, ощущая на себе взоры собравшихся, начал речь, как неожиданно раздался резкий и скрипучий голос Шарля Галена.

— Господин начальник полиции, в присутствии суда от своего имени и от имени членов моей семьи я имею заявить официальный протест. Настоящая процедура проводится с нарушением надлежащих правил судопроизводства; нарушения допущены были в самом начале следствия, когда мою семью без всяких на то оснований заключили в тюрьму, не объяснив, в чем заключается наша вина, и не предоставив нам возможности прибегнуть к чьей-либо помощи и совету. Я требую королевского правосудия!

Выступления его выдавали опытного крючкотвора, наторевшего в тяжбах гильдий парижских купцов, завсегдатая диспутов купеческих старшин Большой корпорации, всегда поддерживавших парламентскую оппозицию, постоянно недовольную вмешательством короля в дела парламента. Следом за ним вскочили обе сестры, и, размахивая руками и заглушая одна другую, стали возмущенно выкрикивать угрозы в адрес присутствующих магистратов. Обычно бледное лицо Сартина приобрело пурпурный цвет; стукнув ладонью по подлокотнику своего кресла, он отрывисто произнес:

— Сударь, ваш протест отклонен. У короля одно правосудие, и мы являемся его единственными держателями и исполнителями. Когда виновник совершенного преступления будет назван, процедура дознания пойдет своим чередом, и ваши права, равно как и права обвиняемого будут соблюдены целиком и полностью, чему я и королевский судья по уголовным делам являемся гарантами. Сейчас же мы проводим предварительное заседание с целью выявления виновника совершенного преступления, а посему я требую вас соблюдать спокойствие и не вставлять правосудию палки в колеса.

Не слушая никого, сестры Гален перешли на визг.

— Прошу вас, сударь, — ледяным тоном обратился Сартин к Шарлю Галену, — извольте успокоить ваших сестер, иначе мне придется принять жесткие меры, дабы придать заседанию достойный характер, как тому и подобает.

— Однако…

— Довольно, господин Гален. Слово комиссару Ле Флоку. Сегодняшнее разбирательство должно пролить свет на наше запутанное дело.

Скрестив руки на груди, Николя повернулся к обоим судейским чиновникам.

— Сегодня нам предстоит написать последний акт семейной трагедии, кульминация которого совпала с горестным событием на площади Людовика XV, — уверенно начал он. — Среди трупов невинных жертв некомпетентности и рока было найдено и тело Элоди Гален: его обнаружили среди останков парижан, погибших в ночь с 30 на 31 мая 1770 года. Совершенно очевидно, кто-то решил замаскировать преступление. Опознанный Шарлем Галеном, дядей девушки, и Жаном Галеном, ее двоюродным братом, труп по моему приказу доставили в Мертвецкую, где опытные хирурги констатировали смерть от удушения, а также определили, что убитая недавно родила. По приказу начальника полиции на улице Сент-Оноре, в доме, где Элоди Гален проживала у своего дяди-меховщика, владельца меховой лавки, немедленно началось расследование. С самых первых шагов следствие установило, что никто из обитателей дома, будь то близкие или дальние родственники жертвы, не может подтвердить свое алиби на тот час, когда было совершено убийство. Отсюда вывод, что все они в той или иной мере могут оказаться причастными к убийству девушки.

Опять вскочил Шарль Гален.

— Я снова заявляю протест. Из слов комиссара Ле Флока явствует, что он не способен точно определить час предполагаемого убийства моей покойной племянницы. Тогда каким образом вы надеетесь выявить истину и защитить права моей семьи? Я требую открытого судебного заседания!

— Сударь, — повысил голос Сартин, — вам дадут возможность выступить, задать свои вопросы и ответить на наши вопросы, привести свои доказательства и отвергнуть наши резоны, выдвинуть свои обвинения и доказать собственную невиновность. Сейчас же я

приказываю вам не мешать комиссару Ле Флоку излагать суть сего деликатного дела и подробности проведенного расследования.

Следуя велению Сартина, Николя один за другим перечислил факты, собранные им за истекшие дни. Ровным голосом, словно зачитывая печальный список человеческих мерзостей, он, не вынося никаких оценок, перечислял поступки, совершенные вольными или невольными виновниками трагической гибели Элоди Гален. Известие о материнстве девушки, равно как и о беременности Мьетты, было встречено ледяным молчанием. Сестры равнодушно взирали куда-то в сторону, а их брат, видимо, истративший все силы на протесты, вновь уставился в пол. Тем не менее, продолжительную речь Николя все слушали самым внимательнейшим образом, а когда оратор делал паузу, в воцарившейся тишине слышалось потрескивание жира в светильниках. Черный дым от горящих факелов завитками поднимался к сводам зала. Дабы не отвратить присутствующих от стези разума и логики, Николя не стал рассказывать об одержимости Мьетты.

— Господа, — наконец, заключил он, повышая голос, — с вашего дозволения, я приступаю к последнему допросу свидетелей и подозреваемых.

— Приступайте, господин комиссар, приступайте, — ответил Сартин, обменявшись куртуазным взором с судьей по уголовным делам.

— Естественно, я начну с Шарля Галена, главы семьи и опекуна Элоди, дочери его старшего брата Клода, погибшего в Новой Франции. Сударь, не хотите ли вы сделать дополнительное заявление о том, что вы делали в ночь с 30 на 31 мая 1770 года?

Шарль Гален тяжело поднялся с места.

— Я уже давал показания, и мне нечего ни добавить, ни убавить. Но я по-прежнему протестую против процедурных нарушений и бесчеловечного обращения, которому подвергли меня и мою семью.

— Как вам будет угодно. Признаете ли вы, что знали о намерениях вашего брата составить письменное распоряжение относительно принадлежавшего ему имущества? Данное распоряжение найдено и приобщено к уликам.

— Это частное письмо.

— Я приму ваше мнение к сведению. Итак, вам известно о завещании вашего брата. Читали ли вы его, а если читали, то когда и кто вам о нем сообщил?

Гален бросил взгляд сначала на жену, а потом на сестер.

— Я ничего не читал и никто мне ничего не сообщал.

— Вы знали, что ваша племянница беременна?

— Я был далек от подобных подозрений.

— Но как это возможно?

— Современные девицы способны на многое. Кругом полно дурных примеров. А одежда, как и прочие дамские ухищрения, вполне способны скрыть то, что нежелательно сделать достоянием гласности.

— А о беременности вашей служанки вы тоже не знали?

— Нет.

— Каким образом вы объясняете их положение?

— Одна жила в полудикой стране, где не получила должного воспитания, а потому следовала дурным примерам и не смогла устоять перед пагубными влияниями.

— Вы в этом уверены? Но ведь в Квебеке она воспитывалась в монастыре!

Негоциант не ответил.

— А что вы скажете о другой юной особе?

— Она не первая служанка, которая, позабыв о добродетели, пустилась во все тяжкие. К несчастью, таких девиц сейчас много.

— Вы говорили, ваши сестры сопровождали Элоди на праздник. Вы по-прежнему это утверждаете?

— Разумеется.

— А вот они это отрицают.

— От волнения. Само собой разумеется. Смерть племянницы их потрясла.

— Итак, сударь, я делаю вывод, что у вас нет алиби. Ночью, когда никто не может подтвердить правдивость ваших слов, ночью, набрасывающей непроницаемый покров на множество тайн, ночью, когда никто вас не видел, вы имели возможность убить вашу племянницу, и, воспользовавшись паникой, бросить ее тело в толпе, а затем преспокойно ожидать, как развернутся события. Сударь, имеется целый ряд причин, заставляющих внести вас в список подозреваемых. Вы были нелюбимым сыном в семье, и от этого страдали. Ваш отец явно оказывал предпочтение старшему сыну, обладавшему более острым умом, большей предприимчивостью, и большим обаянием. Вы робели заявить о себе, а когда вас не замечали, впадали в ярость. Припадки буйства чередовались с апатией, возможно, поэтому, женщины, находившиеся рядом с вами, всегда имели над вами власть: мать, кормилица, обе ваши супруги. Вы скрыли от меня письмо брата — ненавистного вам брата. Вы знали — или подозревали, — что в мешочке, который Наганда носил на шее, лежит важная бумага. Ваша маленькая дочь Женевьева, невинное дитя, невольно способствовавшее дурному делу, подобно бесплотному духу, блуждала по дому, всюду подсматривала и подслушивала, а потом рассказывала вам. Все эти факты, сударь, обвиняют вас!

— Я протестую! Зачем мне убивать собственную племянницу?

— Выгода, разумеется, выгода! Состоятельный негоциант, старшина гильдии, входящей в Большую корпорацию, бросается в рискованные спекуляции с Московией и оказывается на грани разорения, в пучину которого он увлекает за собой и семью, и всех домочадцев.

Шарль Гален сделал попытку вновь заявить протест, но Николя пресек ее.

— Замолчите, сударь! Вы знали, что ваш брат оставил во Франции состояние, приносящее весьма существенный доход, и что между этими деньгами и вами стоит всего одна несчастная девушка. У нее не было никого, кто бы поддержал ее, ей не с кем было посоветоваться. Так неужели вы смогли удержаться от искушения? В сущности, Элоди находилась у вас в руках. Разве можно упустить такую возможность? Тем более, что из завещания мы знаем, что наследником Клода Галена станет ее первенец мужского пола…

— Но если бы я хотел получить это состояние, мне было бы достаточно женить моего сына на Элоди! — едва слышно прошептал Гален.

— Женить сына на Элоди! Фи, сударь, фи! А как же предписания нашей Святой Матери Церкви? Двоюродный брат! И к тому же, девушка скоро станет матерью…

— А кто вам сказал, что это ребенок не от моего сына?

Вскочил побелевший Жан Гален.

— Нет, отец, только не это, только не вы!

— Видите, — произнес Николя, — даже ваш сын, которого я всегда считал влюбленным в вашу племянницу, протестует против такого предположения. И, к тому же, вам не приходило в голову, что ребенок, явившись на свет, может опровергнуть ваши слова?

— На что вы намекаете, господин комиссар? — раздался голос Сартина.

— Всего лишь на то, сударь, что хотя новорожденный, разумеется, не мог назвать своего отца, но он мог подрасти, и тогда всем стало бы ясно, что он никак не может быть ни сыном Жана Галена, ни любого другого уроженца Парижа.

— Откуда у вас такая уверенность?

Николя раскрыл свой первый козырь в сложной игре, именуемой судебным дознанием.

— Все говорит о том, что отцом ребенка Элоди являлся Наганда. Детство, проведенное вместе, испытания, выпавшие на долю им обоим, превратности войны, долгое и опасное плавание через океан, враждебность, постоянно окружавшая обоих в доме Галенов, сблизили их настолько… Ведь ей не было еще и двадцати, а ему только тридцать пять. Так что в чем вы видите непреодолимое препятствие? Даже самые добродетельные не устояли бы.

Только Николя и оба магистрата заметили слезы, покатившиеся по невозмутимому лицу индейца.

— Мы еще затронем этот вопрос, и даже потребуем разъяснения деталей у Наганды. Сейчас же вернемся к семье Гален. Пока мои вопросы к вам, сударь, исчерпаны. Рассматривая алиби вашего сына, мы сталкиваемся с такими же невразумительными ответами и отказом связно изложить события той роковой ночи. В результате мы имеем сумбурный рассказ о непредвиденной встрече с приятелями, о пирушке и нескольких часах забытья, и, наконец, о позднем возвращении домой. Словом, масса неясностей и темных мест, вызывающих и сомнения, и подозрения! Я уже слышу, как вы, господа, мысленно спрашиваете себя: «Что могло побудить этого молодого человека оборвать жизнь своей двоюродной сестры, в чем причина такого поступка?» Причина есть, и достаточно веская, позволяющая обвинить его в убийстве. Но прежде чем изложить сию причину, я хотел бы задать подозреваемому один вопрос. Жан Гален, были ли вы влюблены в вашу кузину Элоди? Не торопитесь с ответом, ибо, в конечном счете, от вашей искренности зависит ваше спасение. Разумеется, если в этом расследовании Господу угодно вести меня правильной дорогой.

Жан Гален встал и тихо, так, что к концу фразы его стало едва слышно, произнес:

— Господин комиссар, я признаю, что с самого первого дня питал к Элоди несказанную любовь, и ничто и никто не могли бы побудить меня причинить ей зло.

— Однако, сударь, — отозвался Николя, — в хорошенькое же положение вы попали! Старший сын от первого брака, вы ненавидите вашу мачеху, и она, под маской безразличия, платит вам тем же. Вы безнадежно влюблены в двоюродную сестру, но эта любовь терзает и разрушает вас. Ваш союз, даже если бы она и приняла ваши ухаживания, потребовал бы специального разрешения, каковое выдается крайне редко, и только знатным и благородным домам, которые припасли себе собственных князей Церкви. Безумная любовь, удел которой — иллюзия и обман. Любовь горькая, ибо вы могли знать или догадываться об узах — а мы уверены в их существовании, — соединявших Элоди и индейца. Страсть может привести к преступлению, а когда к такому весомому мотиву прибавляется еще и выгода, ибо вы, как и ваш отец, имели все основания желать исчезновения Элоди, то основания записать вас в подозреваемые, становятся очевидны. Но я готов выступить в вашу защиту: впервые попав к вам в дом, я увидел, что вы — единственный в семье, кто искренне опечален смертью девушки. И еще тогда, глядя на отца, вы заподозрили его в совершении преступления: я сумел прочитать ваши мысли.

— Господин комиссар, — воскликнул Сартин, — извольте оставаться в рамках собранных вами доказательств, а ваши домыслы, кои вы, разумеется, вправе иметь, оставьте при себе.

— Я строго придерживаюсь фактов, сударь, однако истина открывается только тогда, когда наша интуиция побуждает собранные нами улики обрести голос. Итак, Жан Гален остается под подозрением.

Переведя дух, Николя пересек зал и подошел к госпоже Гален.

— Сударыня, вы усложняете мою неблагодарную задачу! Вам выпала незавидная участь! Кажется, сам дом на улице Сент-Оноре побуждает своих обитателей лгать. И вы являетесь хозяйкой этого дома. Вы помогаете супругу и даже выступаете от его имени в торговых делах. Вы подарили ему дочь. Но в собственном доме вы чувствуете себя чужой. Другие члены семьи

не любят вас и не прощают вам ни малейшей оплошности. Сын вашего супруга от первого брака? Он относится к вам враждебно. Ваши золовки? Они ненавидят вас. Наганда? Для вас он не более, чем мебель, да вы, собственно, и не встречаетесь с ним. Дорсак, приказчик в лавке? Вы кокетничаете с ним, разыгрывая ученую женщину, а он играет роль вашего раба. Сколько тревог приносит вам жизнь в этом доме! Каждый ваш день начинается с мысли о том, что ждет вас подле вялого и бесхарактерного мужа, коего вы не уважаете, ибо он полностью находится под пагубным влиянием сестер. Вы обнаружили, что муж ваш завел дела в тупик и в скором времени неминуемо разорится. Таким образом, создается угроза не только вашему выживанию, но, главное, выживанию вашей дочери Женевьевы, чье будущее вам, разумеется, не безразлично, ибо вы хорошая мать. Единственная надежда поправить положение — это состояние Клода Галена. Однако между ним и вашим мужем стоит одно препятствие: несчастная Элоди. Кстати, сударыня, к чему с таким упорством и без всяких на то оснований и причин скрывать, чем вы занимались интересующей нас ночью? Последний раз заклинаю вас, облегчите вашу совесть.

Госпожа Гален смотрела на него и молчала.

— Сударыня, извольте пробудить вашу память, — настаивал Николя. — Не нужно быть выпускником коллежа Даркур или Прель, чтобы вспомнить столь недалекое прошлое!

— Что это за коллеж де Прель? Мне такой неизвестен, — подал голос судья по уголовным делам.

Покраснев, госпожа Гален встала; уловка Николя возымела действие: она поняла, что скрывалось за загадочными словами комиссара.

— Сударыня, все зависит только от вас, — продолжал следователь. — Если вы желаете что-либо поведать господину судье по уголовным делам, полагаю, ему будет угодно повелеть вам приблизиться, дабы он мог выслушать вас.

Заинтригованный, Сартин переглянулся со своим соседом и знаком велел Николя подойти.

— Что это значит, господин комиссар? Ваша память всегда на удивление точна, и я не ожидал от вас подобной двусмысленности.

Николя приблизился к обоим советникам, и, наклонившись, прошептал:

— Это значит, господа, что алиби этой женщины состоит в том, что она занималась постыдным ремеслом, и не может в этом признаться публично. Именно поэтому я хотел, чтобы вы выслушали ее наедине.

Начальник полиции пригласил мадам Гален подойти к нему, и та, со слезами на глазах, неслышным голосом поведала ему о том, что комиссар узнал из разговора с Ретифом де ля Бретон. Под недоумевающим взором супруга и подозрительными взорами его сестер госпожа Гален вернулась на свое место. Сартин ободряюще кивнул Николя, и тот продолжил.

— Господа, исходя из признаний, сделанных госпожой Гален конфиденциально, с нее снимается обвинение в непосредственном убийстве племянницы своего супруга, хотя основания подозревать ее в пособничестве этому преступлению остаются. После уточнения алиби госпожи Гален, на мой взгляд, уместно рассмотреть алиби господина Дорсака, приказчика из лавки на улице Сент-Оноре. Он открыто претендует на звание рыцаря, пребывающего в услужении у вышеуказанной дамы. Разумеется, он не является членом семьи, однако в силу своего занятия столуется в доме. Совершенно очевидно, он пользуется доверием мэтра Галена, а потому вправе питать большие надежды. Он также близкий друг хозяйки дома. Он сопровождает ее на прогулки, выступает ее телохранителем, посещает с ней театры; их имена упоминаются вместе в придворной и городской хронике. Эти приятные обязанности он исполняет с молчаливого согласия мужа, который, таким образом, избавляется от участия в светских развлечениях, которые — в отличие от супруги — его нисколько не привлекают. Питает ли Дорсак неподобающие ему чувства к хозяйке дома? Не думаю. Даже уверен в обратном. Положение их обоих во многом сходно, а посему они естественным образом

помогают друг другу решать свои дела. Для этого приказчик делает вид, что приударяет за хозяйкой…

— Сударь, — раздался возмущенный голос Шарля Галена, — вы меня оскорбляете. Кто позволяет вам утверждать…

— Я сказал: делает вид, — уточнив, прервал его Николя. — Между видимостью и реальным фактом есть разница, которую вы легко преодолели, но я, в отличие от вас, этого делать не собираюсь. Так вот, как я уже сказал, Дорсак делает вид, что ухаживает за хозяйкой, — чтобы скрыть их истинные отношения, нуждающиеся в огласке еще менее, чем если бы между ними, действительно, имелся роман. Судя по тому, сколько раз он ввязывался в недостойные истории, у меня есть основания для такого предположения. Был ли он влюблен в Элоди, единственную девушку в доме? Знал ли он, какую выгоду может сулить ему это ухаживание? Брак с Элоди позволил бы ему стать членом семьи, занять в ней прочное место. Знал ли он о видах Элоди на наследство? Все возможно, поэтому с него подозрения также не снимаются. Не желая отвечать на наши вопросы, он упорно твердит, что якобы заботится о чести дамы. Будет ли он по-прежнему стоять на своем, когда его обвинят в убийстве, за которое ему грозит казнь на Гревской площади? Пока он не желает представить алиби на интересующую нас ночь. Поэтому позвольте мне, господа, провести короткую очную ставку, позволяющую — надеюсь — взглянуть на дело с иных позиций.

Подозвав Бурдо, Николя дал ему надлежащие инструкции. Подойдя к самому молодому приставу, инспектор велел ему снять парик и мундир и, поставив его на помост перед обоими магистратами, пригласил Жака Галена и Луи Дорсака встать рядом с ним.

— Господа, — продолжил Николя, — пригласите в зал свидетеля.

Двери открылись и папаша Мари, преисполненный сознанием значимости порученного ему дела, торжественно ввел в зал маленького чахлого человека с заметной лысиной. Прищуренные глазки за стеклами очков в стальной оправе, тревожно взирали на официальное собрание. Потрепанный фрак из черного ратина и дырявые башмаки без пряжек, бывшие своему владельцу определенно велики, являли собой жалкое зрелище.

— Подойдите, — обратился к нему Николя. — Ваше имя, сударь?

— Робийяр Жак, сударь, к вашим услугам.

— Назовите ваше занятие.

— Я торгую старьем на улице Фобур-дю-Тампль.

— Господин Робийяр, вы заявили инспектору Бурдо, что рано утром, 31 мая 1770 года, получили в заклад за сумму в восемнадцать ливров пять су и шесть денье одежду и предметы, находящиеся сейчас в этом зале. Вы подтверждаете совершение сделки и узнаете эти предметы?

— Я все признаю, сударь, все истинная правда. Два одинаковых наряда, плащи и шляпы, все отменного качества. Меня удивило, что человек, принесший их, согласился взять за такой солидный залог столь маленькую сумму. Да, и еще аптекарский флакон. Но, вы понимаете, я не стал спорить. Для меня-то дело выгодное, тем более, что я больше этого человека не видел, а, значит, мог распорядиться залогом по своему усмотрению.

— Теперь, господин Робийяр, смотрите: к вам спиной стоят три человека. Сейчас я попрошу их повернуться, а вас — посмотреть на них и сказать, не узнаете ли вы в ком-нибудь вашего клиента, явившегося к вам в то утро.

Николя молил небо, чтобы свидетель не открыл рот и не начал уверять всех, как он уже говорил Бурдо, что он не обратил внимания на внешность клиента, а потому не может опознать его. Не уверенный, сможет ли эта карта стать козырной, комиссар все же решил разыграть ее, надеясь, что в памяти старьевщика всплывет хоть какая-нибудь деталь. Но стоило Робийяру направиться к молодым людям, как Луи Дорсак сам подошел к Николя.

— Господин комиссар, — вполголоса произнес он, — прежде чем этот человек меня опознает, я предпочитаю заявить, что это я отнес ему в заклад вышеуказанные предметы, ибо нуждался в деньгах для погашения карточного долга.

Уловка сработала, но Николя почувствовал, что правосудие снова пытаются ввести в заблуждение.

— Однако, дело принимает интересный оборот! Расскажите нам обо всем подробнее, а, главное, укажите, где вы взяли это старье, чтобы отдать его в заклад, не споря и не торгуясь, всего за восемнадцать ливров. Ибо, как вы догадываетесь, ваше признание влечет за собой новые вопросы. Кому вы были должны эту сумму?

— Приятелям моих друзей.

— О, чрезвычайно точный ответ! Надеюсь, на второй вопрос вы ответите более конкретно: где вы нашли вещи, которые отдали в залог?

Дорсак отчаянно пытался придумать какую-нибудь правдоподобную историю, но обмануть Николя ему не удалось: комиссар точно знал, что по крайней мере один плащ принадлежал Наганде, и знал историю аптекарского флакона.

— На кухне…

— Как на кухне?

— Да, я их нашел утром в кухне. Они валялись на полу…

— Каким утром?

— Утром после несчастья, случившегося на площади Людовика XV. Я подумал, что эти вещи решили выкинуть, и взял их, но теперь глубоко об этом сожалею.

— А флакон?

— Он тоже там валялся.

— Значит, если вещи ваших хозяев валяются на полу, вы считаете позволительным присвоить их. Что ж, вполне правдоподобно и звучит убедительно, хотя в глазах правосудия вы сами выставили себя вором. Но сейчас речь идет об убийстве. Скажите, что вы делали в лавке так рано? Вы же проживаете в другом доме.

— Я пришел пораньше, чтобы приступить к летней описи мехов.

Николя пока не хотел вынимать из рукава все имевшиеся у него козыри. Ему достаточно констатировать явную ложь Дорсака, бросавшегося из одной крайности в другую. Торопить события до конца допроса всех подозреваемых оснований не было, а потому он сделал вид, что согласился с ответом приказчика. Затем он отпустил старьевщика, и тот, пятясь задом и кланяясь во все стороны, покинул зал. Жак Гален и Дорсак заняли свои места на скамьях, а пристав вновь облачился в мундир. После продолжительного молчания комиссар повернулся к Наганде.

— Сударь, вы ставите меня в тупик. Как и все здесь присутствующие…

Широким жестом он обвел сидевших напротив него членов семьи Гален.

— … вы лгали мне. По опыту знаю, что существует ложь во спасение, благочестивая ложь, однако сейчас речь не об этом: вы обманули меня. Дитя нового света, вас исторгли из родных мест, увезли за океан и высадили на берег древнего королевства, где вы оказались среди людей, взирающих на вас либо с любопытством, либо с враждебностью, людей, для которых существуют только парижане, а всех остальных они считают дикарями. Вас предоставили самому себе, вы остались один, без родных и друзей. А потом, если судить по вашему рассказу, вас, словно преступника, заперли, усыпили, обманули и даже попытались убить. И вы, и ваша печальная участь вызываете самое искреннее сочувствие. И все же вы солгали. Поэтому сейчас я прошу вас хорошенько подумать и спасти не только себя, но и то немногое, что вам дорого. Помните, только истина может смягчить правосудие. Если, как вы утверждаете, память об

Элоди дорога вам, скажите правду ради нее. Если же вы будете упорствовать в ваших заблуждениях, и вновь дадите основания заподозрить вас во лжи, вы тем самым подтвердите имеющиеся против вас подозрения, и — предупреждаю вас! — в конце концов неумолимая поступь закона вас раздавит. Не думаете же вы, в самом деле, что мы не видим, вашего мотива убить Элоди.

Индеец отрицательно покачал головой, и Николя, словно отвечая ему, продолжил.

— Поразмыслим немного. Юную Элоди все считали легкомысленной, непостоянной и кокетливой, иначе говоря, она поощряла ухаживания за ней молодых людей. Если вы действительно любили ее, разве ее поведение не стало для вас испытанием? Не исключено, что жертва в самом деле была неблагоразумна. И тому есть свидетели. Вы по-прежнему молчите, Наганда? Как вам угодно. Я продолжаю, и готов оказать вам честь, исключив все имевшиеся у вас корыстные мотивы. Глядя, как за Элоди вьется целый хвост поклонников, вы стали ревновать ее. А вы способны на сильные чувства. Вы родом из племени воинов, где, судя по рассказам путешественников, оскорбления и измену можно искупить только кровью. Поэтому я не могу исключить вас из списка подозреваемых.

— Люди моего племени, — воскликнул Наганда, горделиво вскинув голову, — не убивают молоденьких девушек!

— Замечание, сделанное как раз вовремя. Особенно если оно, наконец, соответствует истине, которую я вот уже столько дней тщетно пытаюсь от вас услышать.

— Господин комиссар, — произнес Наганда, — я буду отвечать со всей ясностью, ибо я передаю свою участь в ваши руки. Вы всегда оказывали мне уважение, коего я ожидал от жителей страны, управляемой великим королем, страны, увидеть которую я мечтал с самого детства. Спрашивайте меня.

— Что ж, начнем, — улыбнулся Николя. — Вы сказали мне, что вас опоили наркотическим средством, и вы пролежали без сознания до полудня следующего дня, иначе говоря, с полудня 30 мая до полудня 31 мая. Вы подтверждаете свои показания?

— Нет. Мне самым гнусным образом подмешали наркотическое зелье в напиток, который кухарка подавала 30 после полудня. Я крепко заснул, однако проспал всего несколько часов. Когда я проснулся, на улице стояла ночь, а у меня больше не было ни талисмана, ни бус, которые я носил, и вдобавок сильно болела голова. Потом оказалось, что у меня украли одежду, а меня самого заперли на замок. Тогда я первый раз сбежал через крышу. Несколько часов я бродил в темноте вокруг дома. Люди на улице, казалось, обезумели, и не обращали на меня никакого внимания. Они бежали и кричали, а экипажи мчались галопом. Я решил, что произошло нечто очень важное, и забеспокоился. Я знал, что Элоди собиралась пойти на праздник, ибо она несколько раз говорила об этом. Еще я знал, что она скоро должна произвести на свет младенца. Но так как я не имел возможности ничего сделать, мне оставалось только вернуться домой. Я серьезно опасался за свою жизнь.

— Я вам верю. Таким образом, вы признаете узы, связывавшие вас с Элоди Гален, и подтверждаете, что она была от вас беременна. Вы знали, что она родила?

— Нет. Несколько дней подряд меня не подпускали к ней: твердили, что она больна. Я терзался, не зная, что и думать. Я не знал, что у нее родился ребенок. Я любил Элоди. Мы поклялись принадлежать друг другу на корабле, который вез нас во Францию. Все эти месяцы она старательно, как могла, скрывала свое состояние. Жизнь в семье оказалась невыносимой, и мы решили, как только ребенок родится, мы вернемся в Новую Францию. Она заложила несколько драгоценностей и ценных вещиц, доставшихся ей от родителей…

Николя понял, почему он не нашел личных вещей молодой женщины.

— Она, как и я, не знала, что является наследницей огромного состояния, — продолжал индеец. — Я говорю вам правду, как если бы отвечал самому апостолу справедливости —

господину Вольтеру. Я больше ничего не знаю. У себя в комнате я совершал обряды моего народа, просил духов успокоить душу Элоди и поразить ее убийцу. Я сказал.

Начальник полиции незаметно сделал знак комиссару, дабы тот продолжал дознание, не останавливаясь на вопросе вызывания духов и верованиях индейца, чтобы ненароком не коснуться одержимости Мьетты, и не спровоцировать спор о природе ее припадков.

— Какие чувства испытывали вы, зная, что Элоди считают ветреницей?

— Мы вместе решили ввести всех в заблуждение. Она разыгрывала комедию, а чтобы лучше получалось, она читала пьесы господина де Мариво[62] и разучивала оттуда целые сцены. Мы вместе смеялись над тщетными попытками Жана Галена и Луи Дорсака соблазнить ее. Подтверждая свою репутацию легкомысленной особы и приводя в негодование теток, Элоди вела вольные, а порой и двусмысленные речи. Мы имели слабость поверить, что возведенная нами стена из вранья спрячет нас и защитит.

— Это все? Вам больше нечего сказать суду?

— Я все скажу тому, кто спас мне жизнь!

— Вы преувеличиваете, ваша рана не была смертельной.

— Если бы вы не поднялись ко мне, жизнь бы вытекла из меня вместе с кровью.

Семакгюс, поймав вопросительный взгляд Николя, кивнул, подтверждая слова индейца.

— Что ж, я вас слушаю.

— Человек камня спас меня, и я скажу ему, что духи позволили мне увидеть, как убили Элоди…

Сартин заерзал в кресле и к величайшему разочарованию Николя прервал речь индейца.

— Господин комиссар, извольте не отклоняться от основной цели нашего заседания. Продолжайте.

Наганда сел. Николя взял флакон двумя пальцами и показал его всем собравшимся, наблюдая за тем, как изменялись лица подозреваемых: не мигая, они следили за его рукой.

— Кому из вас знаком этот флакон?

Жан Гален и Шарлотта, старшая сестра, подняли руки. Кого спрашивать в первую очередь? Догадываясь, что сын Галена, пожелавший высказаться первым, станет рассказывать о своем визите к аптекарю, Николя решил начать с Шарлотты.

— Мадемуазель, что вы хотите нам сказать?

— Если говорить откровенно, господин комиссар, во всем виновата моя сестра Камилла. У нее часто болит голова, и она очень плохо спит. Она заказывает свои настойки у аптекаря, который разливает их в одинаковые флаконы.

— Совершенно верно, господин комиссар, — подала голос младшая сестра. — Я сплю плохо, и употребляю флердоранжевую воду, чтобы поскорей заснуть.

— Могу я вам напомнить, что эту воду можно приобрести в любой бакалейной лавке. Почему вы обращались именно к аптекарю?

— По привычке; к тому же его лекарство более действенное, а бакалейщики жульничают и все разбавляют. Так, однажды…

Николя перебил ее:

— Давно вы приобрели эту настойку?

— Примерно три недели назад, а, может, и больше. Я даю молоко кошке и одновременно наливаю ложечку себе в чашку… ну, и еще ложку… но не каждый вечер.

— В последние дни вы не заказывали себе новый пузырек настойки?

Младшая сестра задумалась, и в бой вновь ринулась Шарлотта.

— Разумеется, да, Камилла! Решительно, из-за всех этих потрясений ты просто голову потеряла! Жан отправился за флаконом к нашему соседу, мэтру Клерамбуру. У настойки оказался превосходный вкус, и ты захотела, чтобы я тоже ее принимала.

Оторопевшая Камилла смотрела на сестру, не зная, что сказать.

— Ну, если ты утверждаешь… Но право, я не знаю… а впрочем, какое это имеет значение?

Николя повернулся к Жану Галену.

— Сударь, вы подтверждаете слова вашей тетки?

— Полностью. По просьбе теток я отправился к аптекарю и купил флакон лауданума.

— Вы говорите, ваших теток? Но которой из них?

— Не знаю.

— Как вы можете этого не знать?

— Просьбу мне передала кухарка; впрочем, флакон я тоже отдал ей.

Наконец-то, подумал Николя, вот он, новый недостающий факт, сообщенный подозреваемым совершенно добровольно. Мари Шафуро, почтенная матрона, из тех, о ком говорят, что она живой в рай попадет, скрыла свою роль в деле.

Николя повернулся к кухарке.

— Он ничего не перепутал, Мари? Почему ты мне об этом не сказала? Помнится, мы долго обсуждали, откуда взялся флакон. Кто поручил вам купить опасное лекарство, именуемое лауданум?

— Ежели тут кто хочет, чтобы я обманула доверие моих хозяев, пусть на меня не рассчитывают, — проворчала кухарка.

— Дурной ответ, Мари Шафуро. Так кто же, Камилла или Шарлотта Гален?

— В кухне лежала записка.

— А где сейчас находится эта записка?

— Я бросила ее в очаг, и от нее остался только пепел.

Дознание затягивалось, опутывая его участников хитросплетениями свидетельских показаний; подозрение в убийстве висело над каждым свидетелем, и все они изо всех сил старались замедлить ход правосудия. Отойдя от скамей свидетелей, Николя воззрился на манекены и улики: исписанные листочки бумаги, мелкие предметы, одежда, платье, корсаж и корсет. Внезапно ему показалось странным, что нет туфель Элоди Гален. В это время он заметил, как парик Сартина начал угрожающе крениться то вправо, то влево, что у владельца сего украшения являлось признаком величайшего раздражения. Николя отвел взгляд от парика и вновь сосредоточился на уликах.

И тут все встало на свои места. Он ясно увидел путь, ведущий к истине — если только не произошло невероятного совпадения и речь не идет о двух сходных случаях. В памяти вовремя всплыли слова, некогда услышанные из уст свидетеля, и все сомнения развеялись окончательно. Он понял: ему предстоит совершить рискованный шаг, но именно этот шаг поставит точку в расследовании. Разумеется, он поступает как игрок, но отступать ему некуда. Обернувшись, Николя отыскал взглядом Бурдо и, подозвав его к себе, что-то прошептал ему на ухо; инспектор кивнул в знак согласия и вышел из зала заседания. Теперь, пока он не вернется, ему придется занимать публику, иначе говоря, продолжать допрос свидетелей, постепенно сужая круг вопросов, чтобы не вызвать у них ненужных подозрений. Размышления Николя прервал начальник полиции.

— Господин комиссар, доколе вы будете испытывать наше терпение столь долгими паузами? Не кажется ли вам, что наше сегодняшнее дознание продвигается на удивление вяло, а вы слишком часто отвлекаетесь? Я прерываю допрос на несколько минут, ибо мы с судьей по уголовным делам желаем немедленно говорить с вами в моем кабинете.

И оба магистрата направились к двери, расположенной в глубине зала, откуда крошечный коридор вел в кабинет Сартина; Николя последовал за ними. Едва ступив в кабинет, генерал-лейтенант принялся лихорадочно шагать взад и вперед; находившись вволю, он остановился и, с трудом сдерживая гнев, резким холодным тоном обратился к Николя.

— Вам мало, господин комиссар, что вы заставляете нас выслушивать бесплодные рассуждения и прочие несуразные речи, вы еще вытащили какой-то флакон, какого-то индейца, который, похоже, сам не понимает, что говорит… Каждый подозреваемый должен быть либо виновен, либо не виновен. А у вас дело распадается на множество разрозненных фактов, а ясности нет до сих пор. К чему вы нас подводите?

— Да, — подхватил судья по уголовным делам, — куда вы нас ведете? Я считал вас, сударь, более находчивым. Вы меня разочаровываете. Отступив от заведенного порядка, мы всегда рискуем провалить дело, И мне весьма жаль, что обстоятельства и оказанное на меня давление побудили меня…

Сартин раздраженно прервал его.

— Господин Тестар дю Ли хочет сказать, что либо вы в ближайший час завершаете расследование, либо мы отправляем всех ваших подозреваемых за решетку и проводим дознание обычным путем, согласно установленной и, возможно, более действенной процедуре.

— Господа, — ответил Николя, — сейчас я уверен, что доведу дело до конца.

Сартин взглянул на него немного мягче.

— Принимая во внимание ваши прошлые заслуги, хотелось бы вам верить. Вернемся в зал.

XII
РАЗВЯЗКА

Даже боги уступают дорогу неожиданности.

Еврипид

Чрезвычайное заседание продолжилось. Николя направился к скамьям подозреваемых, отметив по ходу, что Бурдо еще не явился.

— Мне хотелось бы еще раз уточнить, чем занимались в ту ночь некоторые из членов семьи Гален, — заявил он, остановившись напротив Камиллы и Шарлотты.

— Итак, вы подтверждаете, — начал он, обращаясь к Камилле, — что в ночь с 30 мая на 31 вы не выходили из дома?

— Ну, конечно, господин комиссар, только вот кошка…

— Кошка меня не интересует. Меня интересуете вы, а также совершенные два убийства.

От волнения маленькое бледное личико, казалось, сморщилось еще больше. Камилла поискала взором старшую сестру; Шарлотта со своего места сверлила ее взглядом. Николя заглянул в черную записную книжечку.

— Вы обе заявили мне, что когда ваша племянница собралась на праздник, вы помогли ей одеться, хотя и…

Обе сестры закивали с поразительным единодушием.

— …хотя считали, что она выбрала слишком светлое платье!

— Нам так показалось, — произнесла Камилла.

— Но почему в результате вы отпустили ее одну?

— Нет, не одну, — заявила Шарлотта. — Ее сопровождала бедняжка Мьетта.

— Весьма печально, — заметил Николя, — ибо состояние несчастной девушки не позволяет ей подтвердить ваши слова.

Он шагнул в сторону приказчика.

— Господин Дорсак, мне требуется ваша помощь. Пресловутый карточный долг, из-за которого вам пришлось отдать в заклад вещи… Полагаю, вы получили расписку? Таково правило.

— Я не знаю… да… конечно…

— Хорошо. Кому вы ее вручили?

— Я не помню…

— Нет, помните, прекрасно помните. Волею обстоятельств эта расписка попала ко мне в руки. Ее передали лицу, кое, опровергая ваши заявления, поручило вам отнести эти вещи на улицу Фобур-дю-Тампль и отдать их старьевщику. Скажите ли вы мне, наконец, имя этого лица, или вы хотите, чтобы палач получил от вас ответ во время обычной процедуры допроса, которому подвергают лиц, обвиняемых в убийстве?

— Господин комиссар, я в отчаянии…

— Ну же, давайте, соберитесь, совершите последнее усилие, и скажите, наконец, правду.

— Меня заставили.

— Когда говорят «заставили», это означает, что кто-то оказал на вас давление. Кто вам угрожал и почему?

Казалось, молодой человек сейчас расплачется.

— Я позволил себе несколько раз развлечься с Мьеттой, — наконец, выдавил он.

— И что из этого следует, сударь?

— Увы, боюсь, она беременна от меня.

— Вы любили ее? Каковы были ваши намерения?

— Конечно, я не любил ее. Я просто развлекался.

— Значит, вы любили другую?

— Тоже нет.

— Не лгите, любили. Не знаю, что вами двигало более — желание или жажда наживы, но как бы там ни было, вы надеялись соблазнить Элоди Гален. Ну же, признайтесь. Никто не сомневается, что она презрела вас, а вы из ревности или от злости, что шанс войти в семью от вас ускользнул, пришли к мысли убить ее.

Дорсак обхватил голову руками и исступленно замотал ею.

— Нет, нет! Никогда!

— Итак, кто вас шантажировал? Кто? Кто?

— Мадемуазель Шарлотта.

— Мадемуазель Шарлотта? И какой вы дали повод? Объясните.

— Утром в четверг она застала меня в лавке. Я бродил всю ночь. Я хотел поговорить с Элоди, но не нашел ее. Почувствовав себя униженным, я сильно разозлился. Мадемуазель Шарлотта велела мне отнести плащи, шляпы и флакон к старьевщику, отдать их в залог и принести ей расписку.

— Понятно. Таким образом, эти вещи изымались из расследования, а в случае необходимости их всегда можно было предъявить. Но как она сумела заставить вас совершить этот поступок?

— Она знала о моих играх с Мьеттой и пригрозила рассказать обо всем господину Галену; она сказала, что велит ему выгнать меня, если я не буду повиноваться. А если я соглашусь, она использует все свое влияние, чтобы я мог занять место официального претендента на руку ее племянницы Элоди. Не знаю, как она сумела догадаться о моих чувствах и желаниях.

— Я знаю, — сказал Николя. — Есть свидетельница, но она слишком юна, чтобы предстать перед судом. Это вездесущий дух дома Галенов; она повсюду сует свой нос, беспрестанно

подслушивает под дверями, роется в ящиках и под кроватями. Имя этой юной особы Женевьева Гален. Все, что она слышит и видит, она иногда рассказывает отцу, и всегда — теткам; им она даже показывает свои находки. Из-за нее в доме всем все известно, ни у кого нет никаких тайн, и хотя рассказы ее наивны и по-детски приукрашены, они порождают преступления. Однако продолжим. Шарлотта Гален, вы признаете, что шантажировали приказчика, работавшего в лавке Шарля Галена?

Ответила Камилла.

— Нет, — быстро проговорила она, — это был не шантаж. Сейчас я вам все расскажу. Я хотела рассказать вам еще в то утро, но вы не стали меня слушать, вы меня прервали. Кошки…

— О, нет! Никаких кошек.

— Да вы дослушайте: ночью все кошки серы,

— И что же?

— В вечер праздника мы с сестрой испугались, что на улице слишком много молодых людей, и они станут виться вокруг нашей племянницы. И тогда…

Она расхохоталась; смех ее напоминал сухие звуки, издаваемые трещоткой.

— Мы сочинили настоящий роман, что-то вроде карнавала, игру с переодеваниями. О, ничего плохого! Невинный фарс. Мы решили переодеть Элоди в платье Мьетты, а Мьетту — в платье Элоди. Как я вам уже говорила, мы не хотели, чтобы дикарь отправился вместе с ней. После того, что мы тут сейчас узнали, мы с полным правом можем утверждать, что были правы. С помощью преданной кухарки нам удалось усыпить индейца, и мы взяли его одежду. Он заснул, потому что мы его усыпили. А так как мы сумели раздобыть второй такой же костюм, то первыми отправились Мьетта с кухаркой, переодетой Нагандой, и поклонники последовали за ними, а потом настал черед Элоди и Шарлотты, которая тоже переоделась Нагандой. Два дикаря, две Элоди. Прелестная шутка!

— Но кто же были эти два дикаря?

— Я же вам только что сказала: моя сестра Шарлотта и кухарка, Мари Шафуро.

— Значит, ваша сестра солгала, утверждая, что не покидала дома, хотя на самом деле она вышла вместе с Элоди?

— Ну, конечно, я уже устала вам это повторять!

Шарлотта встала.

— Господин комиссар, не слушайте ее. Это она выходила из дома. Ее бедная голова часто ее подводит; она увлекается, и ей чудится то, чего нет на самом деле. Она словно поврежденный автомат. Бедная моя девочка!

— А что скажет на это Мари Шафуро? — неожиданно задал вопрос Сартин. — Господин комиссар, вы позаботились проверить ее алиби?

— Разумеется, сударь, но только на тот час, когда, предположительно, было совершено убийство, не касаясь остального времени того вечера. Мари Шафуро, что вы можете на это сказать?

— Надо было защитить малютку! — всхлипнула кухарка. — Да, защитить малютку!

Пришлось потрясти ее, ибо она беспрерывно повторяла одну и ту же фразу. Наконец она умолкла, но продолжала всхлипывать, и Николя понял, что сейчас от нее ничего не добьешься. Как заставить ее разозлиться, пойти в наступление и совершить ошибку? Хорошо бы, оглушив противника доводами, привести его в смятение и окончательно подавить его. Что ж, дабы выиграть партию, ему придется поставить на карту все свои козыри. Он вернулся на прежнее, освещенное место, куда из узких окошек на него падали лучи заходящего солнца.

— Господа, — произнес он, — вы велели мне довести расследование до конца. Сейчас я расскажу вам одну историю, настоящую семейную трагедию, разыгравшуюся в стенах

купеческого дома. В охваченной войной стране, где вытеснившие нас англичане преследовали побежденных французов и их индейских союзников, несчастье соединило двух детей, насильственно оторванных от своих семей. Утратив родных и близких, они всю свою любовь перенесли друг на друга. Кто первый бросит в них камень? И вот, после тяжелого перехода по морю, когда разразилась эпидемия, нанесшая огромный ущерб флоту Его Величества, они высадились на чужой для них берег и явились к родственникам девушки, которые, без сомнения, давно привыкли к мысли, что старший брат и его семья погибли при разгроме Новой Франции. Холодный прием, лицемерие, непонимание и презрение по отношению к «дикарю», словом, родственники невольно способствуют сближению молодых людей. В результате: ожидание ребенка, стремление сбежать из враждебно настроенной к ним семьи, пожениться, и, наконец, ознакомиться с содержимым пресловутого талисмана, который Наганда носит на шее, и узнать тайну, касающуюся дальнейшей судьбы Элоди. Обо всем этом они разговаривают совершенно открыто, не подозревая, что невинное дитя слушает их и шпионит за ними, передавая и продавая их слова, поступки и чаяния.

— Но кто знал о положения Элоди? — спросил Сартин.

— Сейчас я до этого доберусь. Прежде всего, Шарль Гален, отец. Рассказал ли он об этом своей супруге? Не знаю. Камилла и Шарлотта, разумеется. Ну, и, конечно же, кухарка. Таким образом, тайна известна многим. Вокруг Элоди увиваются молодые люди — Дорсак и сын Шарля Галена. Следуя избранной ею тактике, девушка кокетничает с ними. Тетки, усиленно выказывающие ей свою любовь, намеренно вводят ее в заблуждение. Что она говорила о них, Наганда?

— Они ей казались странными, однако она считала, что только они относятся к ней приветливо.

— Итак, Элоди доверяла им. После тяжелой беременности, которую все время приходилось скрывать, наступило время родов. Кто помогал ей при родах? Мьетта? Увы, она не может нам ответить. Сестры ее дяди? Я адресую вопрос им.

— Мы слышали об этом краем уха, — ответила Камилла, изобразив на лице задумчивую гримасу, — но все прошло без нас, нас никто ни о чем не предупредил.

— Моя сестра, как всегда, права, — добавила Шарлотта.

Николя решил спровоцировать сестер.

— Значит, — продолжил он, — ни Элоди, ни Мьетта ничего вам не сказали. Из этого следует, что событие окружили глубочайшей тайной, и вы не знаете, ни как оно произошло, ни кто в результате появился на свет, равно как и не знаете, что родившуюся несколько дней назад девочку Мьетта отвезла в Сюрен и отдала кормилице. Ребенок чувствует себя хорошо, и теперь, когда его мать скончалась без завещания, нет сомнений, что суд признает ее наследницей состояния вашего брата Клода.

Оба магистрата не сумели скрыть своего удивления речью Николя. Внезапно со своего места с воплем вскочила Шарлотта.

— Это ложь! Ложь! Все, что вы тут сказали, ложь. Это был бастард, не рассказывайте нам сказки!

— Кого вы называете бастардом? Девочку, родившуюся вне брака?

— Нет, нет! — завопила Шарлотта, — мальчика, мальчика! Это обман, она не может быть наследницей! Она не дочь Элоди. Наша племянница произвела на свет сына. Я его видела собственными глазами.

— Вы его видели? Мы очень рады этому, более того, мы склонны услышать от вас подробный рассказ. При каких обстоятельствах вы его видели? Когда его отдали кормилице?

— Если говорить честно, его отдали в приют для брошенных младенцев.

— После всего, что я рассказал о Наганде и Элоди, вы считаете, что вам поверят, если вы станете утверждать, что Элоди решила бросить своего ребенка?

— Элоди так захотела, — произнесла Шарлотта. — К пеленке прикрепили ленточку с половинкой медальона, и записку, где указали, что «ребенка рассчитывают забрать в скором времени».

— Сколько подробностей! Да еще каких! Не слишком ли много для особы, не присутствовавшей на месте событий? Где находится ваш приют для подкинутых младенцев?

— Элоди держала его в секрете, о нем знала она одна, да еще Мьетта; она могла бы точно вам его указать.

— Жаль, ибо снова приходится признать, что служанка не в состоянии давать показания. Хотя на самом деле это очень удобно. Господа, Элоди рожает ребенка и подкидывает его. Очень правдоподобно!

Заметив, как в зал вошел Бурдо, держа под мышкой сверток, обернутый хрустящей бумагой, Николя снова встал напротив обеих сестер и продолжил:

— Тогда почему мы нашли у вас в комнате, а точнее, под кроватью, вот эти холщовые бинты, состояние которых позволяет утверждать, что ими перевязывали грудь Элоди, чтобы остановить молоко.

— Эти бинты мы сняли, когда помогали Элоди наряжаться на праздник.

— Согласен. Однако продолжим. Ребенок — мальчик, чтобы быть точным — является наследником и благородным сыном племени алгонкинов. И мы нашли его.

Зал затаил дыхание; все взоры устремились на Николя.

— Да, нашли. Его зарыли в подвале «У двух бобров», мертвым, убитым самым варварским способом: пуповину перерезали, но не перевязали. И кровь вытекла из тела…

Госпожа Гален залилась слезами.

— Полагаю, — произнес Николя, — любая мать, услышав о таком ужасе, не смогла бы сдержать слез. Господа, теперь я должен вынести обвинительное заключение.

И он отошел от скамей, где размещалось семейство Гален.

— Я обвиняю Шарлотту и Камиллу, одну или другую, или же обеих, в том, что они знали о беременности Элоди. Я обвиняю одну или же другую, или обеих вместе, в том, что они с помощью Мьетты и кухарки Мари Шафуро уничтожили живое доказательство любви Элоди и Наганды, уничтожили самым варварским способом, позволив крови вытечь из тела младенца, что, по словам опытных хирургов, безошибочно приводит к смерти. Чтобы от младенца не осталось и следа, его закопали в подвале, скрыв могилу под тюками со шкурами. Но, скажете вы, зачем убивать новорожденного? Затем, что это был мальчик, и сестры, или одна из них, зная о содержании завещания, опасались, что этот мальчик станет наследником большого состояния. Без сомнения, они убедили несчастную мать в том, что ребенок родился мертвым, или же умер от болезни. Поэтому, чтобы ввести всех в заблуждение, через несколько дней после родов они уговорили ее пойти на праздник.

— На чем основано ваше тяжкое обвинение? — задал вопрос Тестар дю Ли.

— На свидетельстве маленькой Женевьевы: она видела странную фигуру, спускавшуюся в подвал с лопатой в руках.

— Свидетельство ребенка!

— Да, но ребенка очень наблюдательного и очень точного в своих описаниях.

— А каким образом заставили Мьетту стать соучастницей преступления?

— Ее тоже шантажировали. Бедная беременная простушка побоялась остаться без места, испугалась, что ее выгонят на улицу. Мне кажется, вполне веский довод. Поэтому продолжим. За несколько дней до интересующей нас даты, то есть до 30 мая, сестры, или сестра,

раздобывают плащ, точь-в-точь как у Наганды, для того, чтобы позднее обвинить индейца в смерти Элоди. Наступает время заняться Нагандой. Надо забрать у него талисман, в котором заключена какая-то тайна. Для кухарки ничего не стоит опоить индейца наркотиком. Едва он засыпает, как его немедленно обыскивают, обкрадывают, срывают с шеи бусы и, открыв мешочек, находят завещание Клода Галена, которое затем перекочевывает в яйцо для штопки, принадлежащее Камилле. В завещании недвусмысленно сказано, что состояние переходит к первенцу Элоди мужского пола. Без сомнения, сестры радуются своей предусмотрительности и принятым мерам.

— К чему вы нас подводите, господин комиссар? — раздался голос Сартина. — Сейчас мы услышали настоящий роман!

— К празднику, сударь, к празднику. Чтобы детально разобраться в деле, не хватает еще нескольких актеров. Мьетту облачают в желтое шелковое платье, с корсажем и корсетом. Элоди надевает платье Мьетты. Камилла — или Шарлотта — завлекают бедняжку в амбар монастыря Зачатия. Там их видели свидетели: французские гвардейцы. В амбаре девушку задушили. В назначенный час Мьетта, отпущенная Мари Шафуро, приходит в условленное место, то есть в амбар, что, замечу, указывает на предумышленный сговор. Теперь представьте себе жуткую сцену. Мьетта раздевает труп, затем снимает с себя одежду Элоди, и надевает свое прежнее платье, а одна из сестер Гален одевает безжизненное тело. Женщины кладут в руку жертвы обсидиановую бусину и отправляются домой. В тот вечер свидетель видит сразу двух Наганд, и его сообщение, с одной стороны, сбивает следствие с толку, а с другой подтверждает подозрения. А потом случилось непредвиденное.

— Я опять обращаюсь к вам, господин комиссар, — раздался голос судьи по уголовным делам. — Из вашей записки я знаю, как провела день кухарка, и могу сказать…

— Совершенно верно. Выйдя вместе с Мьеттой, она вскоре рассталась с ней и вернулась домой, откуда побежала пить чай с кумушками, но тоже ненадолго.

— Допустим.

— Непредвиденным обстоятельством стала трагедия на площади Людовика XV. Монастырь Зачатия находится неподалеку от улицы Руаяль. Мьетта рассталась с одной из сестер, той, которая, узнав о случившимся, решила сама во всем убедиться. Она увидела безжизненные тела, сложенные внизу возле Мебельных складов, однако мысль воспользоваться печальным событием пришла к ней в голову не сразу, и она вернулась домой. К этому времени Наганда проснулся и, как считает кухарка, скорее всего, выбрался из дома. Идея свалить на него убийство, совершенное якобы из-за ревности, показалась уже менее удачной, чем прежде, ибо они не знают, ни куда он делся, ни что намеревается делать. И они изменяют план. Рано утром убийца и Мари Шафуро затемно выходят из дома и идут забрать труп Элоди. На их счастье, окрестности монастыря безлюдны. Они несут тело по улице Сент-Оноре до Мебельных складов. Вокруг никто ничему не удивляется, ибо в квартале царит паника и страх, и никому нет дела до двух женщин, несущих труп. Они кладут тело Элоди вместе с телами жертв, тех, которых позднее перенесут на кладбище Мадлен, куда Шарль и Жан Гален отправляются утром на поиски Элоди. Однако для вас, Камилла, или же для вас, Шарлотта, история еще не завершена. Надо избавиться от одежды Наганды, ибо подбросить ее к нему в мансарду уже не получится. Какой ужас! Что же делать? Выбросить — значит, поставить под угрозу весь замысел. Появляется Луи Дорсак; причину своего раннего появления в лавке он нам уже объяснил. Убийцы или убийца, знающий его тайну, этим пользуется и, прибегнув к шантажу, отправляет костюмы к старьевщику на улицу Фобур-дю-Тампль.

— Доказательства, доказательства! — нетерпеливо воскликнул Сартин.

— Я к ним подхожу, сударь; не беспокойтесь, у меня есть оружие, чтобы поразить преступника. В роковом амбаре, помимо сена, обнаруженного на теле Элоди, я нашел в грязи платок.

Отыскав платок среди разложенных на столе улик, Николя помахал им перед собравшимися.

— Искусно вышитые инициалы C и G могут указывать на многих. Если это Клод Гален, отец Элоди, значит, платок принадлежал его дочери; также его владельцами могут быть Шарль Гален, Шарлотта или же Камилла Гален. Кто из присутствующих узнает свой платок?

И он вновь помахал маленьким кусочком ткани. Меховщик тотчас заявил, что он вообще не носит носовых платков; по знаку Николя пристав проверил его слова. Шарлотта вытащила из кармана платок — кружевной и без инициалов. Камилла Гален тоже протянула свой платок — близнец платка, найденного на земле в амбаре: тот же фасон, те же инициалы.

— Мадемуазель, — произнес Николя, — как вы объясните присутствие вашего платка в амбаре, где произошло убийство?

— Никак.

Сартин сделал знак Николя, и тот поспешил подойти к нему.

— Прекратите морочить нам голову, Николя! Только что вы вытащили из-под кровати какие-то бинты, теперь вот платок… Улики растут у вас под ногами, словно грибы после осеннего дождя! Вы, случаем, не усматриваете в этом ничьих козней?

— Вы правы, сударь, именно козней. Эту улику оставили умышленно, чтобы ее нашли, но это станет ясно после завершения дознания.

И, вернувшись на свое место, он продолжил.

— Камилла Гален, извольте подойти ко мне.

Камилла встала и бросила испуганный взгляд на сестру, взиравшую на нее невидящим взором. Бурдо подошел к манекенам, снял с них одежду, и, осторожно развернув оберточную бумагу, извлек из принесенного им свертка два корсета из китового уса и надел их на манекены.

— Перед вами два корсета, — произнес Николя, — две детали женского туалета, которые надевают непосредственно на рубашку, а затем шнуруют по всей длине, от шеи до бедер. Корсеты почти такие же, как тот, что был надет на теле Элоди. Господа, я хотел бы попросить Камиллу и Шарлотту Гален зашнуровать эти корсеты.

Взяв концы обоих шнурков, Камилла без особого труда зашнуровала один корсет и вернулась на свое место. Но ее старшая сестра подчиняться не собиралась.

— Я протестую против этой комедии, недостойной памяти нашей бедной племянницы! — воскликнула она.

— Протестуйте сколько угодно, — проговорил Сартин, — только я настоятельно советую вам исполнить приказ.

Казалось, спектакль, разыгрываемый перед его глазами, полностью заворожил его.

Шарлотта Гален подошла ко второму манекену и принялась затягивать шнурки, неуклюже завязывая их узлами. С трудом выполнив задание, она торопливо вернулась на свое место. Николя бережно взял корсет Элоди.

— Когда производили вскрытие, обнаружилось, что корсет очень туго зашнурован, и я решил, что его затянули, чтобы сдавить груди и прекратить отделение молока. Нам пришлось разрезать шнурки скальпелем. Теперь все встало на свои места: корсет, снятый с трупа Элоди, смогли зашнуровать так сильно, потому что дыхание не мешало затягивать шнурки.

По залу прошелестел испуганный вздох: представив себе нарисованную им картину, присутствующие ужаснулись. По приглашению Николя оба советника сошли с помоста и подошли к манекенам.

— Господа, прошу вас, убедитесь сами, имеют ли эти узлы сходство со шнуровкой на корсете Элоди. Шнуровка Камиллы нисколько ее не напоминает, а вот шнуровка Шарлотты, напротив, полностью с ней совпадает.

— Я не понимаю, куда ведут ваши рассуждения, господин комиссар, — произнес Сартин. — Чем столь важен сей факт для нашего дела?

— Понимаю ваше недоумение, — ответил Николя, — и готов вам ответить. Это означает, что свидетель, являющийся также виновным в совершении преступления, а именно Мари Шафуро, уверенная в своей безнаказанности, многое мне рассказала. В частности, из ее болтовни я узнал, что Шарлотта Гален долгое время не умела даже узел завязать.

— И что из этого следует?

— Она так и не научилась справляться со шнурками и до сих пор кое-как шнурует корсет. Из этого я делаю соответствующий вывод. Шарлотта Гален, я вынужден обвинить вас в убийстве посредством удушения вашей племянницы, Элоди Гален.

Разъяренная старая дева вскочила с места:

— Пособник Дьявола, которого ты навлек на наш дом, разве ты не видишь, что это Камилла, моя сестра, во всем виновата?

Николя улыбнулся.

— Ваши слова, — произнес он, — лишь подтверждают мои обвинения. Когда доказательств слишком много, они начинают доказывать обратное. Аптекарь — это Камилла. Расписка старьевщика — ее нашли под кроватью Камиллы. Носовой платок — тоже Камилла. Когда что-то мешает Шарлотте, это вина Камиллы. И мне пришла на память одна незначительная деталь. Во время первого допроса, вы, Шарлотта Гален, упомянули о белых венецианских масках. К несчастью для вас, ваша сестра Камилла о них не вспомнила, и сразу стала любопытствовать. Если бы между вами существовал сговор, вы бы никогда не стали ей возражать. Я не утверждаю, что Камилла Гален не несет ответственности за случившееся, однако ничто не указывает на ее соучастие в преступлении.

Камилла заплакала.

— Зачем сестра клевещет на меня? — жалобно проговорила она сквозь слезы. — Она же заверила меня, что несчастный младенец родился мертвым, и нам надо похоронить его, чтобы избежать скандала. Только и всего.

— Мы отклоняемся от основной темы, — напомнил Сартин. — Завершайте, господин комиссар.

— Господа, — продолжил Николя, — дабы подкрепить выдвинутое мною обвинение, напомню, что утром после трагедии на площади Людовика XV, когда я впервые явился в дом Галенов, Камилла встретила полицейских одетой для выхода, при полном параде, в то время как сестра ее, совершенно очевидно, не нашла времени привести себя в порядок. В самом деле, ночь выдалась беспокойной и трудной: пришлось обряжать труп, относить тело… Но где мотив, спросите вы? Мотив имеется: выгода. Шарлотта любит брата и готова на все, чтобы помочь ему выпутаться. В лице Элоди Гален она устраняет препятствие, стоящее на пути к богатству. Но есть и второй мотив: убийца жаждет, наконец, утолить застарелую ревность и долго вынашиваемую месть. Та же самая свидетельница, чей неосторожный язык позволил себе пуститься в компрометирующие ее хозяек рассуждения, сообщила мне, что в молодости сестер разделило любовное соперничество. Соперничество оказалось столь бурным, что предполагаемый претендент в ужасе сбежал, не пожелав сделать своей избранницей ни одну, ни другую. Но если Камилла сумела найти удовольствие в своей одинокой жизни, то другая сестра так и не оправилась от этого потрясения. Убийца Элоди и ее ребенка, Шарлотта сделала своими пособницами Мьетту и Мари Шафуро; она же явилась творцом продуманного в малейших деталях домашнего заговора. Добавлю: кухарка, хранительница очага, не только

встала на сторону Шарлотты и помогла ей убить Элоди, то есть совершить преступление, о котором идет речь, она также покушалась на жизнь Наганды. Если подумать, то она единственная, кто мог войти в мансарду индейца, расположенную рядом с ее комнатой, куда она удалилась на время всем известной процедуры… Убийство Наганды, являвшегося для нее злым гением, опозорившим и унизившим дом Галенов, должно было заставить нас выдвинуть гипотезу о ревности, которая, естественно, навлекала подозрения на молодых людей, ухаживавших за Элоди. Теперь, по логике вещей, остается спросить: а какова же роль господина меховщика, Шарля Галена? Разве он, невиновный с точки зрения закона, не является подлинным виновником случившегося и сообщником убийцы? Разве не он несет ответственность за ужасную судьбу своей племянницы? Впрочем, это решать правосудию. Господа, я все сказал.

Нависшую над залом тишину нарушали только всхлипывания Камиллы Гален и беспрерывное бормотание Шарлотты. Мари Шафуро блаженно улыбалась; похоже, она не осознавала того, что произошло. После утвердительного кивка Сартина, судья по уголовным делам встал.

— Я благодарю комиссара Ле Флока за его мастерски проведенное расследование, подкрепленное как прямыми, так и косвенными уликами, достаточными и необходимыми, и полагаю чрезвычайное заседание закрытым. На основании вышепроведенного дознания именем короля я приказываю заключить в королевскую тюрьму Шатле виновных в убийстве Шарлотту Гален и Мари Шафуро, а также знавшего о готовящемся преступлении Шарля Галена. Обычная процедура следствия будет произведена своим чередом. Я приказываю поместить в исправительный дом девицу Эрмелину Годо по прозвищу Мьетта, где, в случае, если к ней вернется разум, она ответит за свои проступки. Остальные свидетели свободны, но предупреждаю: в любую минуту они обязаны быть готовыми явиться в суд для дачи показаний.

Наганда оказался единственным, кто захотел поблагодарить Николя. Госпожа Гален хотела что-то сказать, но передумала и лишь поклонилась ему с вымученной жалкой улыбкой. Отец Ракар подошел к Николя и положил ему руку на плечо.

— Господин Ле Флок, вы второй раз поразили его.

— Кого, святой отец?

— Того, имя которому легион[63].

Среда, 7 июня 1770 года

Задержание Ланглюме, продуманное накануне вечером во время обильно орошаемого отменным вином ужина, устроенного Бурдо у Рампонно, прошло без происшествий. С первыми лучами предрассветного солнца полицейский фиакр и четыре всадника въехали на улицу Сен-Жерве и остановились перед высоким богатым домом, каких в квартале Ратуши насчитывалось немало. Разносчик воды и мальчишка-лимонадник с подносом баваруаза, к коему предлагались свежие вафли, с изумлением смотрели, как Николя в полном облачении комиссара полиции в сопровождении Бурдо ступил на порог дома. Поднявшись на второй этаж, они постучали молотком в дверь из цельного дуба, укрепленную медными гвоздями. Им открыла старая женщина в мантилье и шерстяной шали. Представившись матерью майора, она поинтересовалась о причине их вторжения, и сказала, что сын ее еще спит, но она готова разбудить его. Являясь, скорее, сыщиком, нежели магистратом, Николя редко надевал судейскую мантию королевского советника, и теперь он то и дело откидывал мешавшие ему широкие рукава. Послышались шаркающие шаги, и появился майор, с заспанной физиономией

и в ночной рубашке, торчавшей из-под домашнего халата из белого пике. Узнав Николя, он буквально подпрыгнул от возмущения.

— Как, это опять вы! Вы посмели побеспокоить меня в столь ранний час! Что вы здесь вынюхиваете?

Николя извлек на свет королевскую грамоту.

— Это вы майор Ланглюме, командующий городской стражей?

— Да, и вы скоро узнаете, что это значит!

— Вы зря так гневаетесь, сударь. По приказу короля мы обязаны препроводить вас в Бастилию. Если вам угодно, вы можете ознакомиться с содержанием настоящего «письма с печатью».

— Месть труса! — возопил Ланглюме. — В чем меня обвиняют?

Николя вытащил железный наконечник.

— Эта вещица вам ни о чем не напоминает?

— Еще как, сударь. Невинная шутка, адресованная зарвавшемуся бастарду, занявшему должность комиссара.

— Отметьте, — бесстрастно произнес Николя, обращаясь к Бурдо, — обвиняемый упорствует и оскорбляет комиссара Шатле при исполнении служебных обязанностей.

— Это всего лишь шутка.

— Отнюдь, сударь, и вы ответите за ваши слова. А пока мы еще здесь, что вы мне скажете о втором таком же наконечнике?

— А ничего. В Париже их сотни.

— Но только некоторые изготовлены специально для мэтра Вашона, портного, обшивающего господина Ланглюме. Сударь, извольте показать нам свой мундир. Не сопротивляйтесь, это улика, и мы обязаны изъять ее.

Николя и Бурдо последовали за майором в спальню. Едва Ланглюме открыл сундук, как Бурдо ринулся к нему; после коротенькой потасовки трофей достался инспектору, и тот поднял его высоко над головой. Николя подошел проверить состояние аксельбантов: два наконечника, точно такие, какие он держал в руках, отсутствовали.

— Майор, по приказу уголовного судьи уведомляю вас, что против вас выдвинуто обвинение в покушении на жизнь сьера Эме де Ноблекура, бывшего королевского прокурора, и на основании этого обвинения начато расследование.

— Полагаю, вы шутите? — воскликнул майор. — Что еще за Ноблекур, я такого не знаю!

— Полагаю, сударь, вы не станете отрицать, что на вашем мундире не хватает двух железных наконечников. С помощью первого вы блокировали дверь, ведущую на крышу Посольского дворца. Этот недостойный поступок помешал королевскому советнику организовать первую помощь во время катастрофы, случившейся на площади Людовика XV. Второй нашли два дня назад, при входе во двор дома Ноблекура на улице Монмартр. Согласно показаниям свидетелей, он был оторван от костюма одного из нападавших, когда те набросились на свою жертву.

— Трусов всегда наказывают палками, сударь!

— То есть вы хотите сказать, что намеревались совершить нападение на меня? Но в результате вашей жертвой стал ни в чем не повинный старик.

Майор презрительно вскинул голову.

— Жером Биньон, купеческий прево, не оставит от вашего обвинения камня на камне, — произнес он, — а я с удовольствием посмотрю, как вы лишитесь милости ваших начальников.

— Ну, это мы еще посмотрим. А пока сударь, инспектор Бурдо препроводит вас в Бастилию.

Сам Николя отправился на улицу Монмартр, чтобы рассказать Ноблекуру об аресте майора; с восхищением слушая рассказчика, почтенный магистрат время от времени позволял себе пошутить. Около полудня комиссару принесли конверт, запечатанный гербом Сартина. Начальник полиции извещал его, что сегодня вечером он зван на ужин в малые апартаменты короля. Его Величеству угодно выслушать устный рассказ о проведенном расследовании, а особенно о процедуре изгнания дьявола. Остаток дня Николя посвятил выбору костюма и приведению себя в порядок. В час дня его карета проехала перед церковью Сент-Эсташ и покатила на левый берег…

Завершив рассказ, Николя умолк. Каждый из присутствующих смотрел на короля, а тот, задумавшись, улыбался. Николя постарался изложить события как можно короче, чередуя шутливые замечания с серьезными рассуждениями, и избегая излишне драматизировать дьявольские происки в доме Галенов. Он описывал их так, как стал бы описывать натуралист, открывший новый вид насекомого. Дамы трепетали, а мужчины хмурились или же усмехались вымученным смехом. Внимательный и благожелательный, монарх неоднократно прерывал его просьбами уточнить ту или иную деталь, и в этих просьбах явно проглядывала его склонность к самым мрачным подробностям. Но живое и взволнованное повествование Николя не опечалило его; собирая каждый вечер круг близких друзей, король сбрасывал оковы этикета и вел себя как частное лицо. Таким образом он несколько часов вкушал блаженный покой, поддерживая оживленные и весьма вольные беседы, иногда даже провоцируя своих гостей, дабы послушать ученый спор об интересующих его вопросах; однако когда спорщики, по его мнению, переходили границы дозволенного, он оставлял за собой право прекращать словесные баталии.

В малых апартаментах, удалившись, наконец, от придирчивых взоров придворных, король свободно являл свою подлинную натуру, проявлял свой характер, представлявший собой смесь жизнерадостности и меланхолии, но без жеманства и внушенного ему придворными наставниками стремления нравиться всем без исключения. Очарование вечеров в малых апартаментах заключалось в тщательном отборе гостей, благодаря которому на них царила изысканная вежливость. И хотя повествование о расследовании изобиловало жестокостями и ужасами, изяществом слога, деликатностью интонаций и отточенностью уместной иронии Николя не только не нарушил утонченную атмосферу вечера, но побудил приглашенных еще больше оценить ее.

— Господин де Ранрей великолепный рассказчик, — произнес король. — Первое впечатление о нем, полученное мною в 1761 году, не обмануло меня. Помнится, было очень холодно, и…

Восхищаясь памятью монарха, Николя решил, что сейчас он заговорит о маркизе де Помпадур, однако ожидания его не оправдались. Присутствовавшие женщины — госпожи де Флавакур, де Валантинуа и маршальша де Мирпуа, и мужчины — маршал де Ришелье, маркиз де Шовлен, Сартин и Лаборд с почтением и любовью внимали королю.

— Если король позволит мне задать ему вопрос, — начал маршал Ришелье, и, не дождавшись ответа, спросил: — А Ваше Величество видели дьявола?

Король рассмеялся.

— С меня довольно, что я тебя вижу каждый день! Впрочем, будучи еще ребенком и блуждая по коридорам Тюильри, я несколько раз замечал какую-то черную тень, и мне тотчас становилось не по себе. Однажды я поделился своими тревогами с наставником, маршалом де Вильруа. Обрадовавшись, что теперь он знает о моей слабости и сможет играть на ней, он не стал меня успокаивать, а, напротив, напугал еще больше, так что я даже потерял сон. Тогда я рассказал о своих страхах кузену Орлеану, исполнявшему в то время обязанности Регента. Он страшно разгневался…

Тут дверь отворилась, и король, мгновенно приняв свой обычный надменный вид, недовольно обернулся. Кто осмелился войти без предупреждения, без доклада секретаря, оберегающего покой избранного общества? Однако при виде возникшей на пороге молодой женщины ослепительной красоты выражение лица Его Величества немедленно смягчилось, и Николя понял, что это ни кто иная, как новая наложница короля, графиня дю Барри.

Какой блеск — и какой контраст с дамой из Шуази, бледной и осунувшейся из-за терзавшей ее перед кончиной тяжелой болезни! На дю Барри было надето платье с юбкой-панье из белого узорчатого шелка, сверху покрытого блестящей сетью из крупных зеленых и розовых блесток. Маленькие, вышитые гладью розочки усеивали корсаж платья. Из-за обилия алмазных украшений казалось, что графиня движется в потоках искристого дождя. При каждом ее шаге из-под юбки выплескивалась пенная волна дорогих кружев.

— О, сударыня, — произнес король, отвешивая ей поклон, — глядя на вас, я готов поверить, что бывают розы без шипов!

Хрупкая фигура склонилась в реверансе, а затем проследовала к креслу-бержер. Обладательница прекрасных светлых волос, дю Барри была без парика; ее лицо с правильными чертами, изящным овалом и лукавым выражением, дышало свежестью, равно как и маленький рот с алыми губками. Из-под полуприкрытых век, придававших ее взгляду очаровательную томность, голубые миндалевидные глаза беззастенчиво взирали на окружающих, намекая на готовность их обладательницы отдать себя целиком. Прелестное воплощение юности и соблазна. Говорили, что она добра и предупредительна. Однако у Сартина всегда оставался горький осадок после общения с означенной особой: пренебрежительно отзываясь о сочинителях пасквилей, она не забывала выразить свою неприязнь тому, кто по долгу службы обязан был конфисковывать листовки с куплетами и памфлетами у книгонош и перехватывать тиражи в типографиях…

— Сударыня, — произнес король, — вы пропустили такой рассказ, на фоне которого бледнеют сочинения многих авторов. Наш дорогой Ранрей, о котором я вам говорил, прекрасно нас развлек… или напугал, кому как будет угодно.

— Если он развлек Ваше Величество, — произнесла графиня, — он заслужил право на мою благодарность.

Король встал и пригласил мадам де Флавакур, маршальшу де Мирпуа и господина де Шовлена составить партию в вист. Герцог де Ришелье взял Николя под руку и подвел к фаворитке.

— Сударыня, советую вам завоевать это сердце. Он достоин имени своего отца, хотя постоянно утверждает свое право оставаться Ле Флоком.

— Ради службы Его Величеству, монсеньор. Подумайте сами, какой толк будет в полиции от маркиза де Ранрея?

— О-о, — многозначительно протянул старый маршал, — пожалуй, я повторю вашу фразу Сартину, она ему понравится. Итак, сударыня, как обстоят дела с вашим жилищем?

— Я перебралась из Фонтанного дворика в апартаменты возле часовни, оставленные покойным Лебелем[64], и теперь жду, когда освободятся малые кабинеты. Я преумножаю принадлежащие мне сокровища, чем привожу в ярость конкурентов. Лаковые миниатюры, слоновая кость, минералы и фарфор — я начинаю собирать все, что мне понравится, а потом увлекаюсь и продолжаю расширять коллекцию.

— Минералы? И прежде всего алмазы, я полагаю?

— Природа создала эти камни, чтобы они сверкали и струились, подобно водопаду.

— Однако, нелегкая задача! А что говорит по этому поводу Шуазель?

— Морщит свой отвратительный нос!

— Знаете ли вы, — продолжил Ришелье, — что добрейший Шовлен покинул свое жилище в замке, а Его Величество по доброте своей передал его квартиру маршалу д'Эстре. Шовлен ничего не потерял при обмене, получив бывшую квартиру маркизы де Дюрфор. Надо признать, он возместил затраты, понесенные маркизой при наведении там порядка: теперь эти апартаменты буквально сияют всей своей красой.

Графиня повернулась к Николя, и он вздрогнул, ощутив на себе ее обжигающий взор. Где-то рядом звучал хрипловатый голос короля: Его Величество комментировал удачные ходы и подшучивал над Шовленом.

— Сударь, — произнесла она, — мне говорили, что на вашу преданность можно положиться, и что вам нет равных в служении королю и тем… тем, кто ему дорог.

— Вы слишком снисходительны, сударыня.

— Мне говорили, что некоторая дама ценила вас очень высоко, и что вы оказали ей услуги, кои можно измерить только мерой вашей верности.

— Сударыня, служба короля являет собой единое целое.

— Я убеждена, господин маркиз, что при возможности вы с удовольствием окажете мне услугу, и уверена, мне это будет весьма приятно.

— Сударыня, своим положением я обязан Его Величеству, поэтому все, кто ему дорог, могут рассчитывать на мое рвение и мою преданность.

Он подумал, что обе фаворитки, полагая, что оказывают ему особое отличие, именовали его титулом, от которого он давно отказался, ибо любой титул являлся для него пустым звуком. Вечер пролетел как чудесный сон, став ему наградой за его труды. Король несколько раз заговаривал с ним, и каждый раз в речах его звучала искренность и доброжелательность, качества, за которые его так любили близкие ему люди. Николя чувствовал, что готов поделиться охватившей его радостью со всей Францией. Когда же он сел в экипаж Сартина, ему показалось, что он вернулся на десять лет назад. Генерал-лейтенант, скрывавший под ледяной вежливостью весьма чувствительное сердце, улыбнулся и шепнул ему на ухо:

— Возблагодарим судьбу, чтобы она и дальше даровала нам такие прелестные вечера в Версале!

Нант, 18 августа 1770 года

Спускаясь по трапу на палубу «Ориона», Николя вслушивался в пронзительные ноты корабельного свистка. Остановившись, он поискал глазами ялик: утлое суденышко, которое должно было доставить его на берег. Выбрав момент, когда фальшборт и планшир оказались на одном уровне, он спрыгнул в качавшуюся на волнах лодку. Откинув назад свои длинные, развевавшиеся на ветру волосы, Наганда стоял возле бортового ящика для хранения коек и махал ему рукой. Ялик отчалил, и вскоре покрытый деревьями островок, каких немало в устье Луары, скрыл корабль от Николя.

После завершения расследования по делу улицы Сент-Оноре, события разворачивались на удивление стремительно. Шарлотту Гален и Мари Шафуро, изобличенных во вмененных им преступлениях, в соответствии с установленной процедурой отправили на «позорную скамью», дабы в последний раз допросить их перед вынесением приговора. Их судили по всей строгости закона и — после публичного покаяния — приговорили к виселице. Остальных участников драмы из числа обвиняемых исключили. Шарль Гален, обвиненный на основании косвенных улик в пассивном и активном сообщничестве, выдержал допрос с пристрастием, не разжимая зубов. Впрочем, стоило палачу приблизиться к нему и начать свою работу, он тотчас потерял сознание. Гильдия меховщиков встала на защиту своего старшины, и за неимением прямых

доказательств его отпустили на свободу. Он немедленно сел на корабль и отплыл в Швецию, где он намеревался поправить свои дела и вновь начать торговать мехами.

Опозоренная госпожа Гален порвала отношения с супругом и удалилась в Компьень, в монастырь. Сбережения, сделанные ею посредством бесчестного промысла, открыли ей двери тихого пристанища, где, вдалеке от мирской суеты, она наблюдала за воспитанием дочери. На допросах и при допросе с пристрастием Камилла Гален отвечала бессвязно и противоречиво, и ее тоже отпустили, и теперь она прозябала в доме на улице Сент-Оноре. В характере ее прибавилось странностей, она десятками подбирала бродячих кошек, заполонивших дом, наполнившийся зловонием от кошачьего дерьма, и окончательно утратив разум, начала разговаривать с демонами. К Мьетте рассудок не вернулся, а потому ее ожидало пожизненное заключение. Дорсак пообещал признать своего ребенка. Загадочные события, случившиеся в доме Галенов, ввергли его в суеверный ужас, и, по его собственным словам, на него снизошла действенная благодать, и теперь он хотел исправить свое легкомысленное поведение.

Получив свободу, Наганда решил вернуться в Новый Свет, чтобы унаследовать отцу и встать во главе союза племен микмак. Узнав, что Николя не оказал давление на индейца, дабы тот немедленно выложил ему все, что знал, Сартин выразил свое удивление и упрекнул комиссара в неумении использовать свое превосходство; по мнению генерал-лейтенанта, признания микмака могли значительно сократить время расследования. «Как, — воскликнул он, — главный свидетель был у вас под рукой, а вы предоставили ему полную свободу действий, оставили его на чердаке, откуда он в любой момент мог сбежать на крышу, словно домашняя кошка!» Не вдаваясь в подробности, Николя лишь заметил, что чрезвычайные обстоятельства, сопутствовавшие этому делу, где переплелись неподдающееся объяснению и иррациональное, не являются поводом для оказания давления на свидетелей, ибо любой свидетель, если его слишком резко подгонять, может отказаться дать показания. А в сложной алхимии причин и следствий семейной драмы Галенов главным катализатором явилось его присутствие в доме Галенов. Издав недовольное бурчание, начальник вынужден был согласиться с Николя. Однако, оставляя за собой последнее слово, он, иронически улыбаясь, завершил свою речь туманной тирадой, из которой Николя уяснил для себя только то, что «каждый по-своему с ума сходит».

К удивлению комиссара, его рассказ пробудил любопытство короля, и, не страдая забывчивостью, Его Величество приказал представить ему индейца. Николя навсегда запомнился удивительный диалог между монархом и индейцем из племени микмак, который по-прежнему, невзирая ни на какие соглашения, считал себя подданным французской короны. При беседе присутствовал юный дофин. К великому удивлению деда, он нарушил свое обычное молчание и, отбросив робость, засыпал Наганду вопросами, явив обширные познания в географических науках и картографии.

А еще дофин милостиво поблагодарил Николя за расследование, проведенное им по делу о трагедии 30 мая.

Вторая аудиенция состоялась в потайном кабинете короля, в присутствии одного Николя. А спустя немного время Сартин сообщил комиссару решение монарха, принятое, без сомнения, в результате этих двух бесед. Очарованный умом и манерами индейца, король решил использовать его таланты. Наганде предстояло сесть на корабль в качестве корабельного писаря и тайно высадиться на побережье залива Святого Лаврентия. Людовик XV хотел быть в курсе событий, происходящих в его бывших владениях, и поддерживать связи с по-прежнему верными ему племенами, некоторые из которых, подобно племени микмак, продолжали сражаться с англичанами. Служащий из министерства Иностранных дел обучил Наганду хитроумным арканам шифрования; индейцу присвоили личный код и определили приблизительные даты встреч, чтобы облегчить регулярное взаимодействие с рыболовным судном, промышлявшим на отмели возле Новой Земли. В завершение аудиенции король подарил Наганде придворный костюм и табакерку со своим портретом. Обрадованный

возможностью послужить стране, которую он считал своей, индеец принялся активно готовиться к отъезду.

10 августа Наганда в сопровождении Николя покинул столицу. Сартин снабдил своего помощника письмами и приказами министра морского флота герцога де Пралена: герцог повелевал капитану корабля взять индейца на борт полноправным членом команды. По пути к Нанту наемная карета, двигавшаяся вдоль Луары, часто останавливалась, и всюду Наганда восхищался красотой и процветанием увиденных им городов и селений. За время долгих бесед Николя сблизился с индейцем и не уставал удивляться образованности и любознательности своего спутника. Однако когда он спросил, что тот думает об убийстве Элоди, Наганда не ответил. Почувствовав, что ответ его был бы сродни словам отца Ракара, произнесенным им после завершения дознания, Николя не стал настаивать.

В Нанте Наганду поразили старейшие кварталы города, где высокие, обветшавшие дома с окнами в частых переплетах лепились друг к другу, нависая над мостовой, а улицы были такие узкие, что их карета часто давала задний ход, и кучеру приходилось искать более просторный проезд. Путешественники остановились в гостинице Сен-Жюльен, на площади Сен-Николя. Гостиница оказалась старой, грязной и полной паразитов, как, впрочем, большинство гостиниц, где им довелось ночевать по пути из Парижа в Нант. В трактире на берегу Эрдра они подкрепили силы нежным жарким из местной утки, сдобрив его бутылкой вина из Ансени. На следующий день они отправились на борт двухпалубного корабля, замаскированного под судно работорговцев, какие обычно отправляются к Африканскому побережью: таким образом французы намеревались обмануть английские корабли. Пятьдесят пушек, размещенных в трюме, были тайно погружены на борт в Ла Рошели. Капитан встретил посланцев короля вежливо. После короткого прощания индеец поблагодарил Николя за поддержку и выразил желание принять его у себя, среди своего народа.

Стоя в саду Капуцинов, разбитом на высокой скале, нависавшей над городом и его окрестностями, Николя любовался раскинувшимися внизу пейзажами. Река разлилась и, разделившись на несколько рукавов, образовала маленькие островки, одни совершенно пустынные, другие уже обжитые. Между островками, то тут, то там, виднелись мачты скучившихся кораблей. Перед ним, вдалеке, простиралась унылая равнина, покрытая полями, стадами, мельницами, болотами и темными массивами лесов. Слева от него раскинулся город, являя свои многочисленные колокольни, богатые кварталы негоциантов и величественный замок герцогов Бретани, над которым возвышались готические башни собора. Где-то неподалеку лежал Геранд, где прошло его детство, и эта мысль вновь пробудила его воспоминания о былом. С особой остротой он вдруг почувствовал, что друзья, покидавшие его один за другим, отправлялись за море. Пиньо уже давно исполнял миссию в Сиаме, Наганда сегодня отплывал к своему племени. Он отыскал глазами «Орион»: издалека он казался игрушечным корабликом. Вдохнув полной грудью свежесть моря, донесенную ветром до вершины скалы, Николя представил себе, что однажды он тоже выйдет в море, и медленно стал спускаться в город. Его ждал Париж с его многолюдьем и преступлениями.

1

Miette *(фр.)* — крошка *(Примеч. пер.).*

2

Гасснер Иоганн Иосиф (1726–1779), исцелял наложением рук; предсказал печальную участь Марии-Антуанетты *(Примеч. пер.).*

3

Когда Ясон оставил свою жену Медею и решил жениться на Креузе, Медея, желая отомстить Ясону, прислала новобрачной отравленное одеяние, и Креуза скончалась в страшных муках; также Медея убила на глазах Ясона его сыновей *(Примеч. пер.).*

4

«Здесь нет ничего» *(лат.) (Примеч. автора.).*

5

Старшая дочь Людовика XV (см. «Человек со свинцовым чревом»).

6

Расин, «Гофолия», пер. Ю.Б. Корнеева *(Примеч. пер.).*

7

Сеть, перегораживавшая Сену на выходе из Парижа в районе Сен-Клу, куда течение приносило все, что попадало в воду.

8

Перевод Г.С.Кнабе *(Примеч. пер.).*

9

«Лови момент!» *(лат.) (Примеч. пер.).*

10

Жан Жувене (1644–1617) — художник французского барокко.

11

Трагедия В. Шекспира, перевод Ю. Корнеева.

12

См. «Загадка улицы Блан-Манто» и «Человек со свинцовым чревом».

13

Так иногда именовали маркизу де Помпадур, владелицу замка Шуази близ Парижа.

14

Так иногда именовали парижского палача.

15

«Дурной запах после родов» *(лат.) (примеч. переводчика).*

16

Автор «Paradoxum medico-legal», 1704.

17

Автор «Vernunftiges Urtheil Von Todtlichen Wunden», 1717.

18

… желая скрыть те чувства, кои действительно обуревают его душу, он, надев маску простоты и скромности, делает вид, что интересуется литературой и питает любовь к поэзии: так ему удастся оставаться непроницаемым… *(лат.).*

19

Хорошо *(лат.).*

20

Торговцы меховым товаром объединялись в гильдию, которая, в свою очередь, входила в состав «Большой корпорации», число участников которой со временем менялось.

21

Эпидемия тифа, нанесшая огромный ущерб французскому морскому флоту.

22

Самое многочисленное и самое влиятельное индейское племя в приморских провинциях Канады. Индейцы этого племени всегда оставались союзниками Франции в борьбе против англичан. Они разговаривали на одном из диалектов языка алгонкинов.

23

Приют — тюрьма, куда помещали женщин легкого поведения.

24

Янсенисты — приверженцы ортодоксального течения в католической церкви; проповедовали религиозно-этическое самоусовершенствование *(Примеч. пер.).*

25

Голконда — древняя индийская крепость, знаменитая расположенными по соседству алмазными копями. О несметных сокровищах Голконды европейцам поведал французский купец Жан-Батист Тавернье в XVII веке.

26

См. вышеуказанные сочинения автора.

27

Герцог, маршал де Ришелье.

28

Согласно Парижскому договору, заключенному в результате англо-французской войны, Франция окончательно утратила Новую Францию (как именовали французские владения в Северной Америке).

29

Лк., 8, 52.

30

Расин, «Андромаха», перевод И.Я. Шафаренко и В.Е. Шора.

31

Расин, «Британник», перевод Э.Л. Линецкой.

32

Читатель помнит, что найденыш Николя в конце концов узнает о том, что он — внебрачный сын маркиза де Ранрея (см. «Загадка улицы Блан-Манто»).

33

Графине дю Барри.

34

Герцог де Ришелье умер в ноябре.

35

Имеется в виду Семилетняя война (1756–1763) *(Примеч. пер.).*

36

Модный в то время напиток, изготовлявшийся на основе чая и оршада.

37

В 1729 г. в Париже прошел слух, что возле могилы янсенистского священника на кладбище Сен-Медар стали твориться чудеса, и многие, приходившие на его могилу, впадали в божественный экстаз.

38

Четвертой дочери короля.

39

Отметим, что Мария-Антуанетта была не первой, кто ввел гигиенические процедуры в Версале, скорее, наоборот…

40

См. «Загадка улицы Блан-Манто», гл. XI.

41

См. там же, гл. IX.

42

См. там же.

43

Маркиза де Помпадур.

44

В районе нынешней площади Альма.

45

См. «Человек со свинцовым чревом».

46

Смесь змеиного яда и лекарственных трав, являвшая собой противоядие и универсальное лекарство.

47

Кристоф де Бомон дю Репер (1703–1781), архиепископ Парижа, прославившийся своей щедростью по отношению к бедным и яростной борьбой с янсенистами и философами. Его приказ об отказе в причастии тем, кто не представит «исповедальной записки», иначе говоря, записки об исповеди, подписанной проверенным священником, не янсенистом, рассорил его с Парижским парламентом, и в результате король вынужден был отправить его в ссылку. Борьба Парламента с церковниками, исполнявшими распоряжение Бомона, в результате которого многие умирали, отказавшись от причастия, раздражала короля, которому приходилось лавировать между властью парламента и архиепископа *(Примеч. пер.).*

48

Король трижды отправлял Бомона в ссылку.

49

В 1763–1764 г иезуиты были изгнаны из Франции *(Примем. пер.).*

50

См. вышеуказанные сочинения.

51

Кондитерская Сторера до сих пор существует.

52

См. «Загадка улицы Блан-Манто».

53

Маркиз де Бьевр (1747–1789), король каламбура конца XVIII века.

54

Газета янсенистского толка *(Примеч. пер.).*

55

Иезуитов.

56

Кузенами король называл маршалов Франции.

57

См. «Загадка улицы Блан-Манто».

58

Вымышленный титул, коего удостоился г-н Журден из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» *(Примеч. пер.).*

59

В Лондоне и Гааге печаталась подавляющая часть запрещенной литературы.

60

Французское написание фамилии и имени меховщика — Charles Galaine, имен его брата и сестер — Claude, Camille и Charlotte *(Примеч. пер.).*

61

Дабы смягчить горечь лекарства, пилюли покрывали сладкой оболочкой.

62

Мариво Пьер Карле де Шамблен де (1686–1763), писатель, автор пользовавшихся успехом любовных комедий *(Примеч. пер.).*

63

Так называли демона, подразумевая, что у него множество обличий.

64

Лебель Доминик Гильом (1696–1768), первый лакей королевской опочивальни *(Примеч. пер.).*
